

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
ИНСТИТУТ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ
И ВИРТУАЛЬНЫЕ
СЕТЕВЫЕ СООБЩЕСТВА

СБОРНИК
НАУЧНЫХ ТРУДОВ

МОСКВА
2 0 1 3

ББК 73
С 69

Серия
«Информация. Наука. Общество»

Центр социальных научно-информационных исследований

Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отв. ред. Верченков Л.Н., Ефременко Д.В., Тищенко В.И. – М., 2013. – 360 с. – (Сер.: Информация. Наука. Общество).
ISBN 978-5-248-00644-1

Рассматриваются тенденции и перспективы развития информационного общества, связанные с возникновением и широким распространением виртуальных сообществ и социальных сетей. Анализируются социальные, политические, правовые, экономические и этические аспекты сетевой коммуникации.

Для социологов, политологов, правоведов, философов, специалистов по проблемам Интернета и сетевых коммуникаций, преподавателей вузов, студентов и аспирантов.

Social networks and online communities: Collected articles / Ed. by L. Verchenov, D. Efremenko, V. Tishchenko. – Moscow: ISSS RAS, 2012.

The authors discuss tendencies and perspectives of the development of the information society related to the emergence and expansion of online communities and social networks. Social, political, legal, economic and ethical aspects of Internet communication are analyzed.

Intended for sociologists, political and legal scientists, experts in Internet and online communication, university professors, graduate and postgraduate students.

ББК 73

СОДЕРЖАНИЕ

Д.В. Ефременко. Сетевое общество: От метафоры к реальности. Предисловие	6
--	---

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕТЕЙ И ВИРТУАЛЬНЫХ СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВ

Статьи

В.И. Тищенко. Информатика сообществ: Противоречия становления	11
Д.С. Барина. Методологические аспекты исследования виртуального пространства Интернета	19
Г.Б. Прончев, В.И. Муравьев. Эволюция WEB-технологий Интернета в контексте перехода России к инновационному развитию	35

Интервью

Кастельс М., Алексеева А. Кастельс: Наша жизнь – гибрид виртуального и физического пространства: Из интервью М. Кастельса корреспонденту РИА Новости А. Алексеевой 22.06.2012.	43
---	----

Рефераты

Мануэль Кастельс о власти и коммуникации в сетевом обществе. (Сводный реферат)	56
Латур Б. Сети, общества, сферы: Размышления одного из создателей акторно-сетевой теории	70

Мачледер Дж., Асмолов Г. Социальные перемены и российское сетевое общество	76
Данилевич М. Википедия: Социологический репортаж с места событий	83
Байтгиев Х., Пфаффман Дж. Добровольцы в Википедии: Почему так важно сообщество	88
Утц С. «Еговоо» против альтруизма: Роль репутации в онлайн-вых консумеристских сообществах	94

ПОЛИТИКА В СЕТЯХ

Ю.Г. Мисников. Интернет-дискуссии в демократической теории и практике	100
В.Л. Римский. Коммуникация в социальных сетях как рациональный ответ граждан на условия ограничения их гражданской и политической активности	132
В.И. Тищенко, А.М. Дружинин. Когнитивный анализ системы коммуникаций в виртуальных сообществах несистемной политической оппозиции	147
О.Ч. Реут. Блогосферный дискурс легитимности в российском электоральном цикле 2011–2012 гг.	161
А.В. Соколов, А.А. Дементьев. Киберактивизм: Проект «РосПил» как новая форма политической активности	174

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЕТЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Е.Л. Омельченко. Поведенческие практики и социально-сетевые предпочтения нового поколения российской молодежи в начале XXI века	191
А.М. Дружинин. Протестные сообщества в современном Рунете .	201
О.А. Усачева. Интернет как новая площадка для гражданской самоорганизации	214
Е.Л. Виханская. «Черкесский» дискурс в Интернете: Поиски пути из прошлого в будущее. (Аналитический обзор)	228

НАУКА В СЕТЯХ

Т.И. Жукова, В.И. Тищенко. Сетевые научные сообщества в Рунете: Типология и практика	248
--	-----

В.И. Тищенко, Т.И. Жукова, Н.С. Смирнова. Исследование процессов коммуникации в академическом научном сообществе	272
М.Е. Соколова. Мобильные ландшафты научно-сетевого Рунета: Ближе к концу «конца света»	290
А.Л. Прочко. Принципы формирования научных интернет-сообществ	311
А.В. Строганов, Г.С. Епифанова, Е.А. Никитина. Добровольные распределенные вычисления: Проблемы и перспективы	328
М.В. Демин. Формирование виртуального сообщества в корпорации при создании систем управления знанием	336
Аннотации статей и ключевые слова	350
Сведения об авторах	357

Д.В. Ефременко
СЕТЕВОЕ ОБЩЕСТВО:
ОТ МЕТАФОРЫ К РЕАЛЬНОСТИ
Предисловие

В начале второго десятилетия XXI в. уже мало кого можно удивить радикализмом отождествления Интернета и социума [1]. Ведь в сущности декларации о переходе к сетевому обществу, подкрепляемые ежедневно и даже ежеминутно новыми фактами, указывают на все более решительное стирание граней между реальным и виртуальным. Разумеется, сетевое структурирование не является исключительным следствием появления и развития информационно-коммуникационных технологий. Даже в научно-техническом контексте эффекты сетевизации нельзя связать только с одним типом технологий. Например, развитие технических систем передачи электрической энергии на расстояние – это не что иное, как процесс экспансии социотехнических сетей, отражающий своеобразие социальных институтов, оказывающих на этот процесс существенное влияние [см.: 8]. Однако появление и победоносное шествие Интернета стало в полном смысле переломным моментом, поскольку создана была не просто новая сеть – возникла «сеть сетей», которая в своем развитии обрела новое качество: будучи первоначально сетью связанных друг с другом гипертекстовых документов и данных, Интернет в дальнейшем превратился в систему, облегчающую и даже инициирующую социальное сетевое структурирование [см.: 7]. И поскольку Интернет и в особенности Web 2.0 способствуют кардинальным социальным и политическим трансформациям, то на самом деле появляется все больше оснований говорить о сетевом социуме, который одновременно существует и в физической, и в виртуальной реальности.

Сейчас на волне своеобразного бума социальных сетей и виртуальных сетевых сообществ происходит существенное расширение и переформатирование проблемного поля междисциплинарных исследований сетевых феноменов. Причем новые возможности открываются практически на всех направлениях и уровнях исследования – от case studies до теоретической рефлексии социальных изменений. На уровне социальной теории наибольшее внимание привлекает конкуренция между концепцией сетевого общества Мануэля Кастельса и акторно-сетевой теорией Бруно Латура. В последние годы эти мыслители ведут активный диалог, в частности в рамках семинара, который организован М. Кастельсом и П. Монге в Школе коммуникаций и журналистики (Университет Южной Калифорнии, Лос-Анджелес, США). С точки зрения Кастельса, сетевая коммуникация играет ключевую роль в структурировании современного общества. Латур идет еще дальше по пути генерализации акторно-сетевой теории, претендуя на описание практически любого социального феномена при помощи метафоры сетей и потоков, позволяющей сопрягать социальное с материальным, смысловое – с протяженным, темпоральное – с пространственным [2, с. 101]. Диалог создателей этих двух амбициозных теорий, возможно, окажется весьма плодотворным, позволив, например, приблизиться к решению спорных проблем онтологии сетей или по крайней мере к выработке дефиниции сети, которая получит широкое признание.

Однако фактическая динамика информационно-коммуникационных технологий и социально-политических процессов явно опережает ход теоретической мысли. Это, кстати, признает и Кастельс, заявляющий, что расхождение с фактами побуждает его «переписывать теорию». В самом деле, Facebook- или Twitter-революции относятся к числу событий, которые должны заставить пересмотреть не один теоретический постулат. Россия, как известно, не только не осталась в стороне от этих турбулентных процессов, но стала одной из основных арен, где оказалось возможным реализовать сценарий политической мобилизации при помощи сетевых технологий. Очевидная взаимосвязь между сетевой коммуникацией и подъемом протестных настроений в России зимой 2011–2012 гг., безусловно, стимулировала исследовательский интерес к социальным сетям и виртуальным сетевым сообществам. Следует признать, что этот мотив был значимым и для составителей настоящего сборника. Вместе с тем основная задача данной работы все же является более широкой, поскольку речь идет о

действительно комплексных процессах социальных изменений. В связи с этим необходимы, наряду с политологическим анализом, социально-теоретическая рефлексия и апробация новых методических подходов к изучению сетевых феноменов (в частности имеются в виду такие подходы, как информатика сообществ и интернет-география).

Отдельной и чрезвычайно важной темой, которой в данном сборнике посвящен большой раздел, является постоянно усиливающееся влияние сетевой коммуникации на процессы производства научного знания. Необходимо реалистично оценить масштабы этого влияния, чтобы понять, стоим ли мы на пороге эпохи кибернауки или же речь идет лишь об использовании потенциала сетевого взаимодействия для более эффективного решения традиционных проблем научного познания. Но в любом случае отслеживание, картирование и изучение научных сетевых сообществ является исключительно важной задачей современных социологии науки, науковедения и научно-информационной деятельности.

Настоящий сборник продолжает инионовскую традицию комплексного рассмотрения феноменов информационного общества и массовой коммуникации¹. В то же время наиболее эффективным путем решения этой задачи в современных условиях является соединение усилий нескольких научных коллективов, занимающихся разработкой актуальных проблем информации и коммуникации. Подготовка этого сборника стала совместным проектом Центра социальных научно-информационных исследований Института научной информации по общественным наукам РАН и Лаборатории «Информатика сообществ» Института системного анализа РАН. Сотрудники Лаборатории «Информатика сообществ» подготовили целый ряд материалов, объединенных общим методологическим подходом, а ее руководитель, кандидат философских наук В.И. Тищенко, является одним из редакторов-составителей настоящего сборника.

Большинство материалов раздела «Политика в сетях» подготовлены при содействии Исследовательского комитета «Информационные технологии в политике» Российской ассоциации политической науки. Ответственные редакторы сборника благодарят координатора Исследовательского комитета РАПН, кандидата

¹ См., напр.: 3; 4; 5.

технических наук, старшего научного сотрудника ИНИОН РАН А.Н. Кулика за помощь в подготовке этих материалов.

Хотелось бы отметить, что среди авторов сборника наряду с известными специалистами немало молодых исследователей, аспирантов и студентов. Это неудивительно, поскольку для научной молодежи Web 2.0 – естественная среда, в которую они погружены, которую стремятся изучать и изменять. Приходящее в науку поколение молодых людей формирует, таким образом, запрос на новые информационные стандарты исследовательской работы.

Материалы сборника, разумеется, не претендуют на полноту охвата всех актуальных направлений изучения социальных сетей и виртуальных сетевых сообществ. В известном смысле они представляют собой срез нынешнего, быть может, излишне оптимистического восприятия новых возможностей сетевого общества. Однако любая трансформация представляет собой некоторый баланс приобретений и потерь. Едва ли и в этом случае обойдется без утрат, значимых в социальном, культурном и иных отношениях. Очарование «силой слабых связей» [6] рано или поздно пройдет, и тогда встанет вопрос о действенности механизмов социального сплочения в сетевом обществе. Причем необходимость отвечать на этот вопрос может быть ускорена кризисом современного капитализма, который ставит под сомнение устойчивость и долгосрочную работоспособность привычных институтов и ценностей. Хотелось бы надеяться, что представленные вниманию читателей статьи и другие материалы сборника будут способствовать поиску ответов не только на «простые», но и на «неудобные» вопросы о сетях и сетевых сообществах.

Список литературы

1. Бехманн Г. Концепции информационного общества и социальная роль информации // Политическая наука. – М., 2008. – № 2. – С. 10–28.
2. Вахштайн В.С. Возвращение материального: «Пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. – М., 2005. – Т. 4, № 1. – С. 94–115.
3. Демократия в условиях информационного общества: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Д.В. Ефременко // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2008. 245 с.
4. Концепция «общества знания» в современной социальной теории: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; Отв. ред. Д.В. Ефременко. – М., 2010. – 234 с.

5. Массовая информация и коммуникация в современном мире: Реф. сб. / АН СССР. ИНИОН, МГУ им. М.В. Ломоносова. Фак-т журналистики; Отв. ред. И.А. Федякин и др. – М., 1989–1999. – Ч. 1. – 1989. – 183 с.; Ч. 2. – 1991. – 214 с.; Ч. 3. – 1999. – 230 с.
6. Granovetter M.S. The strength of weak ties // American j. of sociology. – Chicago (IL), 1973. – Vol. 78, N 6. – P. 1360–1380.
7. Hall W. The ever evolving Web: The power of networks // International j. of communication. – Los Angeles (CA), 2011. – Vol. 5. – P. 651–664.
8. Hughes T.P. Networks of power: Electrification in Western society, 1880–1930. – Baltimore (MD): Johns Hopkins univ. press, 1983. – 474 p.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕТЕЙ И ВИРТУАЛЬНЫХ СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВ

СТАТЬИ

В.И. Тищенко

ИНФОРМАТИКА СООБЩЕСТВ: ПРОТИВОРЕЧИЯ СТАНОВЛЕНИЯ¹

Представление о необходимости развития нового междисциплинарного подхода к анализу проблем становления информационного общества, получившего позднее название *информатики сообществ* (community informatics), начало формироваться в среде исследователей в середине 90-х годов прошлого столетия. Во многом это было связано с интенсивным развитием информационных технологий, нарастающим использованием аппаратно-программных средств и телекоммуникационных сетей при обеспечении самых различных потребностей развития территориальных сообществ. Одновременно с этим необходимость осмыслить процессы возникновения и развития виртуальных групп и сообществ в Интернете потребовала от исследователей заняться разработкой новых подходов к изучению феномена виртуализации социальных коммуникаций.

Возникновение и развитие нового направления системных исследований формирования особой коммуникативной среды как этапа и формы становления информационного общества, безусловно, связано с пионерными работами канадского исследователя М. Гурстейна [10]. В то же время в некоторых исследованиях отмечается, что этот термин использовали Б. Лодер и его коллеги из Университета Тиссайд (г. Мидлсбро, Великобритания) для описания процессов коммуникации в Интернете уже начиная с середины

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ по гранту № 11-06-00 275-а «Становление сетевых научных сообществ в виртуальном пространстве: Факторы, механизмы, модели».

1990-х годов [12]. Полагаю, что в конечном счете история науки расставит все точки над *i* в вопросе о приоритетах в становлении этой исследовательской области. Для нас существенно, что именно в конце 1990-х годов происходит формирование новой парадигмы коммуникативного взаимодействия в обществе. Распространение информационных технологий способствовало эволюции коммуникативной практики, появлению новых форм коммуникаций и, как следствие, возникновению виртуального пространства социальных взаимодействий.

Процессы радикальных изменений социальной коммуникации были подробно, хотя подчас и метафорически, описаны в работах М. Маклюэна [13], который соотносил трансформацию во времени и пространстве с последовательным появлением соответствующих телекоммуникационных устройств. Введенный М. Маклюэном термин «глобальная деревня» многократно использовался для описания появившегося позднее Интернета.

Распространение информационно-коммуникационных технологий преобразует сам характер общественных отношений, способствуя появлению не только новых виртуальных форм коммуникаций различных групп, отдельных лиц и социальных институтов, но и новых виртуальных общностей. Анализ подобного виртуального взаимодействия и виртуальных формирований становится возможным в результате проведения междисциплинарных исследований на основе особого концептуального подхода, задаваемого адекватными теоретическими, методологическими и программно-аппаратными средствами.

Информатика сообществ как новая междисциплинарная область исследований различных форм и технологий виртуальных коммуникаций рождается в дискуссии. Сам этот термин не всеми воспринимается как правомерный, а направление – как самостоятельное. В последнее время появилось немало публикаций, посвященных обоснованию тезиса о том, что информатика сообществ является не только составной частью социальной информатики, но, по сути, посягает на ту же самую предметную область исследований [16].

Между тем, хотя круг задач современной информатики сообществ весьма широк и разнообразен, он все же отличается от круга задач социальной информатики. Предметом изучения социальной информатики как науки являются процессы информатизации общества, а также их воздействие на социальные процессы, в том числе – на развитие и положение человека в обществе, на из-

менение социальных структур под влиянием информатизации. Социальная информатика – это наука, изучающая комплекс проблем, связанных с распространением информационных технологий и развитием информационных процессов в обществе [8].

В то же время информатика сообществ, в отличие от социальной информатики, исследует далеко не все многообразие социальных процессов, формирующихся в результате освоения и распространения информационно-коммуникативных технологий [11; 15]. Ее основным предметом изучения становятся непосредственные виртуальные коммуникации различных сообществ – территориальных (local communities), а также сообществ, возникающих как в открытой информационной среде – Интернете, так и закрытых информационных сетях. Таким образом, информатика сообществ анализирует качественно новые информационные структуры или системы, образующиеся в результате развития и распространения новых коммуникативных практик в социальном пространстве. В то же время информатика сообществ не может обойти своим вниманием программные и аппаратные средства, возникающие под влиянием коммуникативных «запросов» социальных групп и сообществ.

Неоднозначное истолкование предмета и разнообразие его характеристик – явление совершенно нормальное для новой, быстро развивающейся области знания (не «к сожалению», как нередко пишут соискатели в своих диссертациях, а «к удовлетворению»). Сама эта ситуация формирует благодатную почву для уточнения оснований, по которым происходит «выделение» характеристик предмета исследования. Следует также учитывать, что социальная информатика не исключает ни одного из перечисленных выше пониманий информатики сообществ, поскольку, как уже отмечалось, она сама представляет собой сложный комплекс теоретико-методологических и прикладных проблем. В этом смысле для нее продуктивно и интегрированное, и дифференцированное понимание информатики [8].

Фундаментальной методологической проблемой информатики сообществ на нынешнем этапе ее становления является противоречие между интенсивным развитием информационных процессов и технологий в различных областях социальной коммуникации и явно недостаточным осмыслением теоретических оснований и специфических методов их исследования. Поэтому одной из важных задач развития информатики сообществ оказывается задача выявления этих оснований, определения и разработки соот-

ветствующих методов, четкого представления о границах и возможностях исследования и о перспективах развития.

Одна из центральных проблем анализа современного изменяющегося общества – выявление и описание возможных механизмов преодоления дезинтеграции социального пространства. Значимым аспектом этой проблемы выступает взаимосвязь социальной организации и информационных технологий, которые играют чрезвычайно важную роль с точки зрения разработки современных моделей модернизации общества. Овладение информационными технологиями, наряду с другими социальными инфраструктурами, преобразует сам характер общественных отношений, способствуя появлению новых форм коммуникации между отдельными лицами, различными группами и социальными институтами.

Появление такого рода социальных взаимодействий стало возможным в результате использования распределенной аппаратно-программной системы, предоставляющей доступ к связанным между собой документам, которые располагаются на различных компьютерах, подключенных к глобальной телекоммуникационной сети – Интернету. Именно это способствовало возникновению так называемых виртуальных (сетевых) сообществ, в которых, как утверждал Х. Рейнгольд, «...люди делают все то же самое, что делают люди в реальной жизни. Но при этом их тела не взаимодействуют. В виртуальной комнате некого поцеловать и некому ударить вас кулаком в нос» [14, с. 14].

Однако утверждения исследователей 80–90-х годов прошлого века о пространстве Интернета как среде реконструкции наших идентичностей и возникновения виртуальных сообществ [17; 18] оказались несколько преждевременными. Электронная почта, электронные конференции или дискуссионные форумы пользователей были всего лишь подручными средствами, или, другими словами, «обычной» социальной коммуникацией при поддержке компьютером – компьютерно-опосредованной коммуникацией [19; 9]. А формируемые на основе подобных сервисов сообщества можно было только с известной степенью допущения назвать виртуальными сообществами. Более уместно в данном случае говорить о социальном сообществе пользователей Интернета [3].

И хотя участников этих сообществ сплавивала атмосфера обмена эмоциями, мнениями, взглядами, идеями, возникающее единение было выражением того, что происходило вне Интернета, так сказать в «offline» режиме. Используя интернет-пространство

как инструмент общения, пользователи Сети, безусловно, расширяют свои коммуникативные возможности. Однако то или иное сообщество социального взаимодействия, – то, что, собственно, и можно считать социальным сообществом, – существует и изменяется вследствие использования Сети вне самой этой Сети.

И даже история виртуальной любви, описанная в романе Януша Вишневского «Одиночество в Сети» [1], превращается в реальность за пределами Интернета. Писатель «верхним чутьем» улавливает эту особенность виртуального общения и в новом своем бестселлере «188 дней и ночей» [2], в котором воспроизводится происходившая в реальности электронная переписка переписка Януша Вишневского с главным редактором женского журнала «Госпожа» Малгожатой Домагалик. Очевидно, что обмен мнениями по самым разным вопросам бытия превращается в роман за пределами Сети. По сути этот эпистолярный роман ничем не отличается от того множества изданий бумажной переписки, которые знала литература, да и культура человечества в целом до появления Интернета.

Принципиальное изменение во Всемирной паутине произошло на рубеже веков, когда повсеместно распространились методы создания информационных систем, принимающие за основу коммуникативную идеологию сетевого (виртуального) взаимодействия. Благодаря разработке новых видов информационно-коммуникационных технологий для пользователей Интернета появляется возможность непосредственного создания и многократного «редактирования» информационных ресурсов, их контента.

В основе возникающей новой методологии сетевого взаимодействия лежат технологии, обеспечивающие активное формирование виртуальных сообществ (*virtual communities*), в том числе в результате организации совместной работы в сети (*collaboration*). К ним прежде всего относятся одноранговые сети, сообщества (P2P) и социальные сети, обеспечивающие синхронизацию процессов доставки информации. Данная технология охватывает совокупность средств и процессов, поддерживающих компьютерные сети, основанные на равноправии участников. В эту категорию изначально входили разного рода пиринговые сети, сети файлообмена; в нее также уместно включить социальные сети, выстраиваемые с использованием информационных технологий, – сети профессионалов, сети знакомств, некоторые виды блогосфер.

Одноранговые сети и сообщества представляют собой пример технологий Web 2.0 [6].

Технологическая революция в коммуникативных технологиях способствовала не только распространению новых форм коммуникативных практик. Одновременно с этим произошло расширение исследований проблем информатики сообществ. В 2004 г. была учреждена Международная сеть исследований информатики сообщества (CIRN)¹. В настоящее время в ней участвуют более трехсот исследователей из пятидесяти стран. В число участников входят как отдельные специалисты, исследователи и эксперты в областях информатики, социологии, управления, социальной работы, так и различные университеты, неправительственные организации и т.д. Национальные отделения CIRN существуют в Австралии, Великобритании и Соединенных Штатах, Канаде, Южной Африке.

С 2004 г. существует цифровой журнал по проблемам информатики сообществ «Journal of community informatics» (главный редактор – М. Гурстейн)² в виде информационного ресурса. Начиная с 2006 г. на базе исследовательского центра г. Прато (Италия) Университета Монаш проводится ежегодная конференция, посвященная различным проблемам информатики сообществ. Все это свидетельствует, что информатика сообществ как исследовательское направление достигла признания. Очевидно, что информатика сообществ дает адекватный ответ на социальные, экономические, культурные и технологические вызовы, затрагивающие глубинные процессы в современном обществе.

В России начало исследований проблем информатики сообществ было положено международной конференцией «Строим информационное содружество: Информационные технологии и перспективы развития гражданского общества в странах СНГ» (30 июня – 2 июля 2003 г., Санкт-Петербург) [7]. Год спустя в Москве, в Институте системного анализа Российской академии наук прошла Международная конференция «Информатика сообществ: Теория, методология, практика» (23–25 июня 2004 г.), в которой приняли участие специалисты из России, стран СНГ, Канады, Австралии, ЮАР [4]. Одним из самых важных результатов этой

¹ CIRN commons: Community informatics research networks. – Mode of access: <http://cirn.wikispaces.com/>

² Ci: Journal of community informatics. – Mode of access: <http://ci-journal.net/index.php/ciej>

встречи было учреждение Российской исследовательской группы по проекту «Информатика сообществ».

В дальнейшем участниками исследовательской группы при поддержке РГНФ и РФФИ были проведены исследования современных моделей модернизации общества, основанные на концептуальной модели информатики сообществ. Как показали результаты этих исследований, одной из центральных проблем современной трансформации социального взаимодействия оказывается разработка способов и механизмов интеграции накопленных знаний и данных на базе системного анализа. Значимость этой проблемы обусловлена стремительной эволюцией и распространением Интернета во всех сферах человеческой деятельности, которые, в частности, радикально изменяют процессы формирования профессиональной общности в научной среде, создавая новые модели коммуникативного пространства.

Список литературы

1. Вишневский Я. Одиночество в сети. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 448 с.
2. Вишневский Я., Домагалик М. 188 дней и ночей. – СПб.: Азбука-классика, 2009. – 352 с.
3. Войскунский А.Е. Гуманитарный Интернет // Гуманитарные исследования в Интернете / Под ред. А.Е. Войскунского. – М.: Терра-Можайск, 2000. – С. 3–10.
4. Информатика сообществ и формирование сетей: Перспективы. Подходы. Инструменты / Под ред. М. Гурстейна, Ю.С. Попкова, С.Д. Стафеева, В.И. Тищенко. – М.: УРСС, 2004. – 264 с. – Ч. 2: Современное состояние и параллели развития в СНГ.
5. О’Рейли Т. Движение в новую реальность. – Режим доступа: <http://habrahabr.ru/blogs/htranslations/30877>
6. О’Рейли Т. Что такое Веб 2.0 // Компьютерра. – М., 2005. – 18 октября. – Режим доступа: <http://www.computerra.ru/think/234100>
7. Сети местных сообществ и информатика местных сообществ: Перспективы. Подходы. Инструменты: Материалы конференции, 30 июня – 2 июля 2003 г., Санкт-Петербург. – [СПб., 2003].
8. Социальная информатика: Основания, методы, перспективы / Под ред. Н.И. Лапина. – М.: УРСС, 2003. – 216 с.
9. Barnes S.B. Computer-mediated communication: Human to human communication across the Internet. – Boston (MA): Allyn & Bacon, 2002. – xv, 347 p.
10. Gurstein M. Community informatics: Enabling communities with information and communications technologies. – Hershey (PA): Idea group, 2000. – iii, 596 p.
11. Gurstein M. What is community informatics (and why does it matter)? – Monza: Polimetrica, 2007. – 105 p.

12. Loader B., Keeble L. Community informatics: Shaping computer-mediated social relations. – N.Y.: Routledge, 2001. – xxiv, 388 p.
13. McLuhan M. The Gutenberg galaxy. – N.Y.: Mentor, 1962. – 293 p.
14. Rheingold H. The virtual community: Homesteading on the electronic frontier. – N.Y.: Perennial, 1994. – 335 p.
15. Stillman L., Linger H. Community informatics and information systems: How can they be better connected? // Information society. – Philadelphia (PA), 2009. – Vol. 25, N 4. – P. 255–264.
16. Stoecker R. Is community informatics good for communities? Questions confronting an emerging field // J. of community informatics. – Vancouver, 2005. – Vol. 1, N 3. – Mode of access: <http://www.ci-journal.net/index.php/ciej/article/view/183/129>
17. Turkle S. Life on the screen: Identity in the age of the Internet. – N.Y.: Simon & Schuster, 1995. – 347 p.
18. Turkle S. The second self: Computers and the human spirit. – Cambridge (MA): MIT press, 2005. – xi, 372 p.
19. Walther J.B. Computer-mediated communication: Impersonal, interpersonal and hyperpersonal interaction // Communication research. – L., 1996. – Vol. 23, N 1. – P. 3–43.

Д.С. Баринава

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ИНТЕРНЕТА

Интернет не просто накладывается на существующие системы и институты, и он не приведет к концу географии...Скорее, он предлагает новые возможности для географий соединения и исключения... Нет единой географии Интернета – есть огромное количество географий Интернета... как продолжения среды обитания человека на Земле¹

Виртуальность пространства Интернета в популярных изданиях и даже в научной литературе зачастую трактуется как его субъективность, воображаемость, как бы не реальность вообще. Едва ли это даже и пространство, настолько оно кажущееся и зыбкое.

Такое понимание проистекает из содержательного упрощения смысла прилагательного *виртуальный* в современном обыденном словоупотреблении, когда ему приписывается значение «мнимый, несуществующий»². На деле исходные смыслы слова куда богаче. В своем латинском истоке слово *virtus* означало «мужественность, доблесть, достоинство, талант, дарования, добродетель, нравственное совершенство». Его первоначальный смысл связан с идеей чистоты и совершенства. Подобное совершенство было трудно, а то и невозможно найти в повседневности, однако все действия настоящих мужей (*vir*) отличались доблестью и благо-

¹ Zook M. The geographies of the Internet // Annual rev. of information science a. technology (ARIST). – Medford (NJ), 2006. – Vol. 40, N 1. – P. 53–78.

² Я благодарю за прояснение семантики слова «виртуальный» своего научного руководителя М.В. Ильина.

родством. Как известно, ренессансный герой в трактовке Макиавелли всю свою жизнь подчинял доблести (*virtu*).

Помимо русского в других новоевропейских языках также произошла редукция, однако во многих из них – слова «виртуального семейства» сохраняют исходные смыслы. Так, английское наречие *virtually прежде всего* значит «в конечном счете, окончательно, предельно», а выражение – “it is *virtually true*” – переводится «это *действительно* верно».

Виртуальность одновременно действительна и нереальна. Этот парадокс можно объяснить в свете фундаментальной оппозиции вещной реальности и деятельностно-информационной действительности. Следует согласиться, что «антитеза действительности и реальности является фундаментальной пресуппозицией современного научного знания и лежит в основе информационно-энергетической онтологии человеческого мира, представленной, например Т. Парсонсом, в виде модели *социальной системы*» [2, с. 187]. Эта модель сформирована двумя взаимодополняющими, но при этом противоположными параметрами. Один – это материально-энергетическое нарастание контролирующих факторов (*hierarchy of controlling factors*) в сторону физико-органической среды, другой – информационное нарастание обуславливающих факторов (*hierarchy of conditioning factors*) в сторону так называемой «конечной реальности», можно сказать предельной (виртуальной) информативности или информационной виртуальности (предельности) [24, схема на с. 28].

Подобный подход позволяет рассматривать виртуальное пространство Интернета отнюдь не как некую диковинку. Скорее, это не что иное, как новое измерение или даже новые измерения человеческого существования. Данное измерение (сфера, область, поле – различные методологические подходы найдут свои термины описания) пронизано материально-энергетическими и информационными параметрами. В нем есть и «железо» (*hard-ware*), и «виртуальность» (*soft-ware*). Однако виртуальность доминирует, что и делает возможным говорить о виртуальном пространстве Интернета.

В этом своем качестве пространство Интернета становится предметом изучения социальных наук. Разумеется, что исследовать его с помощью научного аппарата, созданного для решения иных научных задач и иных предметов изучения затруднительно, а то и просто бессмысленно. Встает вопрос о выработке

новых методологических подходов для изучения новых измерений действительности.

В последние годы среди многочисленной литературы об Интернете, носящей по преимуществу описательный характер, стали появляться работы о методологических аспектах изучения новых измерений «виртуального» взаимодействия людей. Одним из наиболее активных сторонников методологического поворота в исследовании киберпространства является американский ученый Мэтью Зук (Matthew Zook). Профессор Университета Кентукки, приглашенный профессор Института Беркли и Института Интернета Оксфорда, доктор географических наук Мэтью Зук ведет активную исследовательскую деятельность в Соединенных Штатах, Европе, Африке и Азии и одновременно выступает независимым экспертом как основатель «Zooknic», международной компании интернет-консалтинга¹. Нам он интересен как представитель нового направления в современной науке, которое называется *интернет-география*.

Несмотря на видимость безграничности и однородности виртуального пространства, создаваемую техническими возможностями Интернета, его географии, как показывает Зук, оказываются значительно сложнее. На них влияют социокультурное, историческое и территориальное разнообразие реального мира, под воздействием которых внутри Сети формируются множественные, национально обусловленные, цифровые географические пространства. В свою очередь, эти пространства порождают новые социально-экономические и политические явления. При этом сама технология Интернета постоянно меняется как по устройству, так и способам применения, в результате чего трансформируются и создаваемые ею цифровые географии.

Фактически и М. Зук, и другие исследователи интернет-географий выходят на совершенно новую научную проблематику взаимосвязи виртуального (цифрового) и реального (вещного или кажущегося нам в основном вещным) пространств. Многие методологические подходы склонны трактовать политику как нечто вполне «реальное». Это касается не только реалистической школы международных исследований или самой идеи Realpolitik.

¹ Подробное резюме Мэтью Зюка: <http://zook.info/MatthewZook-cv.pdf> Познакомиться с работами профессора Зюка и заказать их по электронной почте можно на сайте автора: [Matthew Zook's current work]. – Mode of access: <http://zook.info/#Internet%20Geographies>

Подобные особенности мышления заставляют, например политологов, рассматривать политику или ее аспекты как «реальные» только в той мере, в какой она «подкреплена» материальными ресурсами [3].

Возвращаясь к работам М. Зук, следует признать, что предлагаемые им методы интернет-анализа, например геолокализация или визуализация интернет-данных, важны для гуманитарных наук и для обновления их методологического аппарата. Во-первых, эти методы помогают разобраться в структурной организации Сети и тех явлениях, которые она порождает. Во-вторых, они позволяют самостоятельно исследовать и анализировать Интернет, не требуя дополнительных затрат. В-третьих, приобретенное умение собирать и интерпретировать данные, разбросанные по многочисленным сайтам, помогает исследователям в анализе проблем «реального» мира.

Представляется, что заимствование инструментов и наработок в области кибергеографии может быть эффективно использовано и в политологии, особенно в исследованиях по геополитике.

Введение в интернет-географию: История, концепции и теории

В статье «Географии Интернета» [29] Зук рассказывает о формирующемся в рамках науки географии самостоятельном направлении – *интернет-география*. Исследования по данной проблематике начали появляться примерно с начала нашего века. Их авторов интересуют изменения, которые происходят в отношениях «место–время» в результате использования новых информационных технологий. Зук отмечает скептическое отношение географов к теориям технологического детерминизма, так как прямолинейная зависимость общества от технологии не вписывается в представления географов о сложной природе разнообразия между местами. С точки зрения географа, любая инновация (будь то глиняные дощечки или Интернет) настолько же изменяет место, к которому она привязана, насколько это место изменяет природу самой инновации.

Кибергеография утверждает, что Интернет – это продолжение существующего пространства обитания человека, а потому его пространство так же неоднородно, как социальные, культурные, экономические и политические структуры реального мира. «Среди географов растет понимание того, что использование технологии

Интернета – это часть непрекращающейся социально-политической борьбы внутри сложных властных и социальных сетей» [29, с. 55]. В данном контексте возникает исследовательский вопрос о соотношении сетевых пространств глобального суверенитета [6]¹ и доменных имен Интернета. Изучение данной проблематики требует решения ряда методологически неразработанных вопросов, в частности связанных с соотношением взаимосвязанных, но различных измерений (пространств, сфер) политики, а также с эффектами взаимодействия между ними.

Преобладавшие в популярном и научном дискурсах 1990-х годов идеи технологического детерминизма, а также идеи неоклассической экономики (равномерное распространение информации, снижение барьеров, идеальная конкуренция), сформировали концепцию *однородного глобального цифрового пространства*, которое создаст новую информационную экономику и сетевую реальность². Однако альтернативные воззрения, в частности теория общественного выбора, трактовали экономическое, политическое и прочие пространства существования людей как принципиально неоднородные. Справедливость данного подхода подтвердила жизнь. Последовавший в конце 1990-х гг. крах компаний «дот-комов³» отрезвил и бизнес, и ученых, доказав, что виртуальное пространство нужно осваивать с учетом географии и национальных особенностей. Не отрицая возможностей Интернета преодолевать физическое пространство, Зук отмечает, что в последнее десятилетие ученые (в частности географы) уже не говорят о замещении институтов и явлений реального мира, а в своих иссле-

¹ Суверенитет трактуется политологической школой компаративистов МГИМО как глобальная сетевая структура, образованная асимметричным взаимодействием между суверенными государствами. Подробнее см.: Суверенитет: Трансформация понятий и практик / Под ред. М.В. Ильина, И.В. Кудряшовой. – М.: МГИМО, 2007; Мировая политика: Взгляд из будущего: Материалы V Конвента Российской ассоциации международных исследований. – М.: МГИМО, 2009. – Т. 18: Асимметрия мирового суверенитета: Зоны проблемной государственности / Под ред. М.В. Ильина, И.В. Кудряшовой.

² В качестве еще одного фактора, повлиявшего на восприятие Интернета как нематериальной и независимой от географии технологии, Зук с соавторами назвал невидимость его инфраструктуры [см.: 23, с. 155–176].

³ «Дот-ком» – ставшее нарицательным название компании, чья бизнес-модель целиком основывается на работе в Интернете. Название произошло от английского «dot-com» (точка-com) – домена верхнего уровня.com, предназначенного для обозначения коммерческой деятельности.

дованиях все чаще фокусируются на тех «сложностях» и том разнообразии, которое создает Интернет.

Эти работы сформировали теоретическую основу новой концепции киберпространства¹ – *множественности географических пространств Интернета*. В географии принято считать, что «пространство» абстрактно и геометрично, в то время как «место» связано с человеческой деятельностью, поэтому, по мнению Зюка, *место* – это важный концепт для понимания географий Интернета. В то же время концепт «места» претерпевает сегодня значительные изменения: хотя ученые продолжают его использовать в классическом Евклидовом понимании (как физически ограниченного участка), вместе с тем все чаще *место* рассматривается как «совокупность моментов в сетях социальных отношений и пониманий» [29, с. 56]. О ключевой роли *места* в исследованиях Интернета Зук с соавторами пишет и в статье «Новые цифровые географии» [23, с. 155–176], сравнивая модели электронной коммерции в Японии и Германии. Там же он описывает изменения в связке «место–время» при переходе от фиксированного к нефиксированному Интернету.

Самая известная теория, объясняющая отношения между пространством, местом и Интернетом, *теория сетевого общества*, была предложена в 1990-х годах испанским социологом Мануэлем Кастельсом и описана в знаменитой трилогии «Информационная эпоха» [11; 13; 14], а также в книге «Галактика Интернет» [12]. Виртуальное пространство Кастельс определяет как единство «пространства потоков» и «пространства мест». Это пространство «не без места, хотя его структурная логика и не имеет места. Оно основано на электронной сети, но эта сеть соединяет конкретные места, с хорошо определенными социальными, культурными, физическими и функциональными характеристиками... И узлы, и центры сети организованы иерархически, в соответствии с их значимостью для сети. Эта иерархия может изменяться, в зависимости от изменения деятельности, осуществляемой через сеть» [14, с. 413].

¹ Термин «киберпространство» популяризировал в 1980-х годах американский писатель-фантаст Уильям Гибсон (William Gibson).

Методы анализа «нового пространства обитания людей»

По мере своего развития наука об интернет-географии (*кибергеография*) разделилась на два направления: *географии инфраструктуры Интернета* (technical geographies of the Internet) и *социальноэкономические географии Интернета* (human geographies of the Internet) [29]. Так же, как географическая наука признает связь природы и общества, но разделяет географии природы и географии общества, так и кибергеография разделяет пространство инфраструктуры технологии Интернета (ее пропускную способность, кабельные сети, протоколы, домены и т.п.) и сферу использования технологии, смешивающуюся с существующими культурными, политическими и экономическими структурами и проявляющуюся в физических местах (виртуальные сообщества, электронная коммерция).

Географии инфраструктуры Интернета исследуются преимущественно методами **статистического анализа**: например, учет количества хостов, пропускной способности каналов подключения к Сети, количества пользователей или доменов дает представление о том, *где* и *как* распределяется Интернет¹. Основным недостатком статистических измерений, на который Зук обращает внимание будущих исследователей, состоит в том, что данный метод позволяет только количественно описывать Интернет, но не дает возможности измерить динамику и природу информационных потоков между «пространствами мест» в Сети, не объясняет *причину* неравномерного распределения и освоения Интернета.

В рамках направления *социально-экономических географий Интернета* ученые изучают, как технология взаимодействует с существующими политиями, культурами, экономиками и индивидами. М. Зук выделяет четыре уровня географий: политические и культурные, экономические, урбанистические, а также географию электронной коммерции [29].

На первый взгляд кажется, что влияние физической географии на уровне политических и культурных географий Интернета ослабевает, так как возникают *виртуальные сообщества* (virtual communities)², создаваемые не по принципу физической близости

¹ О возможностях и ограничениях метода сбора, анализа и использования количественных данных по хостам и доменным именам [28, с. 613–620].

² Термин популяризировал американский писатель Говард Рейнголд в одноименной книге «Виртуальное сообщество» [25].

людей, а вокруг общих интересов, через общение посредством новых коммуникационных технологий. Однако Зук утверждает: «Возможно, мы и живем в глобальной деревне, но даже самое маленькое сообщество (виртуальное или нет) имеет свои безошибочные пространственные границы, которые переносятся (хоть полностью и не совпадают) в технические, социо-экономические и визуализированные географии Интернета» [29, с. 59].

Как уже было сказано, ожидания относительно того, что Интернет создаст безграничный и однородный мир, не оправдались, а исследователи начала нашего века обратили внимание на то, что использование некоторых базовых составляющих Сети может воспроизводить такие институты и практики привычного для нас мира, как суверенитет¹. Среди ряда подтверждающих это примеров [29] Зук выделяет исследование Ф. Штайнберга и С. МакДауэлла [26, с. 47–67], которые на основе семиотического анализа доказывают, что система доменных имен Интернета воспроизводит сложившуюся в мировой политике координатную сетку государств².

Виртуальное пространство как вызов государству: Подходы к проблеме

Основной подход к изучению политических и культурных географий Интернета состоит в *изучении властных отношений*, т.е. представлении этих географий в виде нового *властного пространства*, где продолжается извечная борьба старых и новых участников.

Зук отмечает, что свойством Интернета оспаривать существующие властные институты активно пользуются преступные группировки и террористы. Исследуя такое распространенное в Интернете явление, как «спам 419»³, Зук показывает, как усилива-

¹ В данном случае используется трактовка суверенитета как сетевой характеристики мировой политики, развиваемая политологической школой компаративистов МГИМО.

² Подробнее о координатной сети мировой политики, образованной «ячейками» суверенных государств см.: Политический атлас современности / А.Ю. Мельвиль, М.В. Ильин, Е.Ю. Мелешкина и др. – М.: МГИМО, 2007.

³ «Спам 419» – разновидность мошенничества посредством электронной рассылки, также известная как «нигерийские письма», поскольку Нигерия остается основным источником их рассылки. Название «спам 419» происходит от номе-

ется роль индивидов и социальных движений в цифровую эпоху [30, с. 65–87]. Интернет позволяет индивидам легко транслировать по всему миру свои – подчас довольно узкие – экономические и политические требования. Это свойство Сети стимулирует людей искать и находить единомышленников и служит инструментом, усиливающим власть маргинальных групп. Подобная тенденция представляет угрозу не только устоявшимся центральным позициям государства в политике, но и приводит к более глубинным изменениям – к снижению лояльности граждан по отношению к своему государству. Ведь до эпохи Интернета государства оставались основными, фактически базовыми рамками идентичности для людей, позволяя ориентировать и организовывать свои действия в конкретном пространстве и времени. Именно таким образом люди определяли свои координаты в мировой системе, свое местонахождение здесь и сейчас. Интернет же добавил новые пространства и, главное, новые, альтернативные рамки – доменные имена. Тем самым он позволил автономным индивидам самостоятельно выбирать, с каким пространством себя ассоциировать, и экспериментировать со своими идентичностями, нарушив до известной степени монополию государства.

Зук также предлагает методы геолокализации «спама 419» и обращает внимание на последствия (реальные и виртуальные) интернет-мошенничества для государства Нигерия и его граждан. Оказывается, что в результате действий небольшой группы киберпреступников страдают пользователи по всему миру (общий ущерб оценивается в миллионы долларов), падает деловой и дипломатический рейтинг Нигерии, государства и бизнес усиливают цензуру в Интернете (пользователям Интернета в Нигерии блокируют доступ на сайты других стран, а некоторые ИТ-компании просто выключают доступ к своим услугам для всей интернет-зоны Нигерии).

И хотя виртуальное пространство может служить продолжением государственной власти, тем не менее анализ ситуации со «спамом 419» доказывает, что Интернет одновременно наделяет властью индивидов и группы, позволяя оспаривать монополию государства на власть в процессе межграницных коммуникаций, изменяя пространственную природу власти.

ра статьи Уголовного кодекса Нигерии, в котором прописано наказание за совершение финансового мошенничества.

О дилемме, которая встает перед территориальным государством в глобализирующемся информационном мире, Кастельс написал в одной из книг своей трилогии – «Власть идентичности» [13]. Стоит упомянуть и некоторые современные исследования по взаимодействию государства и киберпространства, на которые ссылается Зук [30, с. 74]:

- борьба за онлайн-обозначение государств [10; 20];
- как суверенитет и территориальность воссоздаются и пересматриваются в Интернете [9; 17; 26];
- рождение новых национальных идентичностей и движений [19; 7; 15];
- насколько, с одной стороны, Интернет усиливает национальные / глобальные элиты, а с другой – предоставляет новые возможности участия лишенным гражданских прав [8; 27; 16].

И хотя ученые признают, что Интернет дает возможность маргинализированным группам подключаться к борьбе за власть и даже влиять на нации-государства, все же сохраняющийся «цифровой разрыв» (неравномерное распределение Сети по планете и возможностей ее использования) приводит к тому, что Интернет осваивается в первую очередь развитыми странами и тем самым усиливает власть действующей международной элиты, а также стран Запада.

Воображаемые сети и воображаемые государства: Сравнительный анализ процессов становления национализма в XVII в. и сетевого общества в XXI в.

Зук сравнивает усиление власти индивидов в эпоху Интернета с процессом становления в XIX в. национализма в Европе [30, с. 76–78]. Создание книгопечатания привело к разрушению основ средневекового миропорядка (священная роль текста, божественная природа власти суверена и цикличность времени) и к становлению современного устройства (индивидуальное прочтение текстов, нация-государство и линейное восприятие времени). Сегодня технология Интернета изменяет устройство общества и власти по следующим направлениям: возникновение разрозненных сетей индивидов, динамическое восприятие власти как «поточковой власти в пространстве», переход от линейного восприятия времени к «безвременью», компрессия времени.

Подобно тому как национализм с XVII в. создавал воображаемые сообщества людей, объединенных идеей принадлежности

к одной территории, так сегодня Интернет создает новые воображаемые сетевые сообщества людей, не связанных ни с территорией, ни с государством, ни с языком и культурой¹. И хотя Зук делает оговорку о том, что пока еще рано утверждать, что новые воображаемые сетевые сообщества смогут также радикально преобразовать современную социальную и политическую систему (нации и государства), но все же призывает внимательно следить за явлениями, создаваемыми в процессе использования Интернета.

Как уже было сказано выше, следствием роста преступной активности в Сети, таких как «спам 419», становится усиление контроля в Интернете со стороны государства и бизнеса. В результате в виртуальном пространстве возникают зоны повышенного слежения и цензуры, такие как интернет-зоны Китая и Бирмы; не только государственные, но и частные компании ограничивают доступ к ранее открытым данным, что усложняет работу ученых, занимающихся вопросами Интернета, о чем Зук и его соавтор подробно пишут в статье «Методы анализа интернет-данных» [18].

Методы анализа интернет-данных представляют собой набор инструментов, которые используются для количественного описания структуры, загрузки и использования Интернета. Эти инструменты позволяют исследователям самостоятельно вести виртуальные «полевые работы» в Интернете при помощи онлайн-средств и техник мониторинга Сети и получать высококачественные первичные данные, а не полагаться на сторонние источники, как, например, государственные статистические отчеты. Измеряя то, где и как информация производится и потребляется, кто ее владеет и как данные путешествуют по Сети, исследователи учатся критически анализировать ключевую технологию современного мира. Зук отмечает и педагогическую полезность данного метода: техники, их доступность превращает пользователей – пассивных потребителей информации в Интернете – в исследователей Сети.

Локализация «узлов» Сети – это первый шаг к ее измерению. Важно понимать, что Сеть только «знает» о топологии (в ее осно-

¹ Нельзя не признать, однако, что при всей свободе интернет-пользователей от традиционных политических и культурных ограничений фактическая принадлежность автономных индивидов к политическим, культурным, религиозным и языковым сферам общения влияет на образование и функционирование интернет-сетей.

ве – система уникальных адресов, но они не привязаны к физическим координатам ни на земле, ни в Сети, а контроль над этими адресами децентрализован и неоформлен¹).

Осложняет процесс анализа и тот факт, что одна и та же часть Интернета, например сайт, может одновременно находиться в разных местах, в зависимости от того, как вести геолокализацию. Существует 5 способов географической локализации для анализа интернет-сайта [18]:

- а) *лексический* – где находится контент сайта;
- б) *аппаратного обеспечения* – где находится компьютер-сервер, поддерживающий работу сайта;
- в) *производства* – где находится автор / администратор сайта;
- г) *собственности* – где находится юридический хозяин сайта;
- д) *пользователей* – где находятся пользователи сайта.

Каждый источник следует измерять при помощи соответствующих инструментов и техник, таких как распознавание местонахождения по геокодам IP-адресов, через услуги whois – для доменных имен, по рейтингам сайтов, с использованием диагностики загруженности каналов Интернета по запросам ping или на основе определения маршрутов передачи данных в Сети через программу traceroute.

Способы визуализации географий Интернета

Какой бы уровень виртуального пространства ученые ни исследовали, они неизменно прибегают к методу *картирования*. Картография киберпространства – это поле для экспериментов и творчества вследствие отсутствия канонических карт Интернета и разнообразия способов визуализации, источников данных и методов измерения Интернета [31]. Попытки эти могут быть как простыми (изображение расположения интернет-кабелей в городе), так и более сложными (изображение контента одной национальной зоны Интернета на основе его семантического сходства, например общего домена верхнего уровня, на основе кода страны).

Карта – это один из основных инструментов географической науки. Ее функциональное значение в исследовательской работе, по мнению Зука, заключается в том, что она «позволяет предста-

¹ Об управлении системой доменных имен см.: Баринава Д.С. Национальные домены: Символы государственных границ и безграничных возможностей. – Режим доступа: http://www.mgimo.ru/files2/y06_2010/155740/Barinova_domains.pdf

вить в более простом виде сложные местонахождения, ситуации и явления» [29, с. 65]. При работе с картами (как и с любым другим видом моделей) всегда нужно учитывать, что «тот, кто ее составляет, субъективно выбирает и исключает информацию и тем самым изменяет свое (и читателя) представление о представляемом явлении» [29, с. 65]. Графические изображения Интернета – не исключение.

Парадокс состоит в том, что технология, которая, как казалось, приведет к концу географии, по-прежнему представляется через географические метафоры: супермагистралы, телепорты, кабельные города, фермы серверов, домашние страницы¹. Наше понимание нового виртуального, на первый взгляд безграничного, пространства опосредуется понятными территориальными аналогиями.

Вопрос визуализации выходит за рамки исследований Интернета и затрагивает проблему представления данных, которые могут не иметь (или не имеют) пространственных свойств. Наилучшим способом решения данной проблемы, считает Зук, является способ «спатиализации» (*spatialization*), или «способ визуализации, основанный на использовании пространственных метафор для представления непространственных (или не обязательно пространственных) данных» [29, с. 65]. Зук также отмечает тенденцию к изменению функции самих карт: из инструмента статичного представления данных они превращаются в динамический инструмент для понимания сложных массивов данных.

Картирование виртуального пространства

В статье «Картирование киберпространства» [31] для удобства работы исследователей предлагается использовать три категории картирования:

- 1) карты в киберпространстве;
- 2) карты киберпространства;
- 3) карты для киберпространства.

¹ Подробнее о способах и последствиях визуализации виртуального пространства см.: New digital geographies: Information, communication and place / Zook M., Dodge M., Aoyama Y., Townsend A. // Geography and technology / Ed. by S.D. Brunn, S.L. Cutter, J.W. Harrington. – Dordrecht; Boston (MA): Kluwer, 2004. – P. 155–176.

Карты первой категории переносят существующие формы картоирования в онлайн, делая их доступными для более широкого круга пользователей. Карты второй категории отображают устройство и функционирование Сети. Карты для киберпространства отображают структуру самих потоков информации, а не каналов связи, по которым эти потоки передаются. Общей тенденцией в сфере картоирования является приватизация исконно находившегося в ведении государства, а следовательно, ослабление возможностей централизованного контроля над представлениями людей об устройстве мира, реального и виртуального.

Методы визуализации (в частности картоирование и спатIALIZация) помогают лучше понимать и обрабатывать массивы данных.

Анализируя карты Интернета, исследователи отмечают свойство всех новых географий виртуального пространства (потенциально опасное): в их основе – «желание оккупировать, производить и использовать новые пространства» [31]. Таким образом, территориальная экспансия продолжается и в цифровом мире.

Заключение

По мере того как растет Сеть, растет и потребность в понимании политики ее производства. Изучение топологических структур и географий Интернета через предлагаемые профессором Зуком методы приближает нас к пониманию характера интернет-политики, в частности – к пониманию проблемы «нейтральности Сети».

Использование методов картоирования виртуального пространства Интернета, его визуализации, моделирования воображаемых сетей и воображаемых ячеек этих сетей, например государств, виртуальных сообществ и т.п. открывает новые возможности для обществоведения. Эти методы и методики отнюдь не предназначены только для Интернета, но при соответствующей адаптации могут быть использованы для изучения различных измерений человеческой действительности.

Список литературы и источников

1. Барина Д.С. Национальные домены: Символы государственных границ и безграничных возможностей. – Режим доступа: http://www.mgimo.ru/files/2/y06_2010/155740/Barinova_domains.pdf
2. Ильин М.В. Существуют ли общие принципы эволюции? // Полис. – М., 2009. – № 2. – С. 186–189.
3. Кокошин А.А. Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. – М.: Европа, 2006. – 180 с.
4. Мировая политика: Взгляд из будущего: Материалы V Конвента Российской ассоциации международных исследований. – М.: МГИМО, 2009. – Т. 18: Асимметрия мирового суверенитета: Зоны проблемной государственности / Под ред. М.В. Ильина, И.В. Кудряшовой. – 248 с.
5. Политический атлас современности / Мельвиль А.Ю., Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю., Миронюк М.Г., Полунин Ю.А., Тимофеев И.Н., Ваславский Я.И. – М.: МГИМО, 2007. – 256 с.
6. Суверенитет: Трансформация понятий и практик / Под ред. М.В. Ильина, И.В. Кудряшовой. – М.: МГИМО, 2007. – 272 с.
7. Adams P.C., Ghose R. India.com: The construction of a space between // Progress in human geography. – L., 2003. – Vol. 27, N 4. – P. 414–437.
8. Adams P.C., Warf B. Cyberspace and geographical space: Introduction // Geographical rev. – N.Y., 1997. – Vol. 87, N 2. – P. 139–145.
9. Brunn S.D. Towards an understanding of the geopolitics of cyberspace: Learning, re-learning and un-learning // Geopolitics. – L., 2000. – Vol. 5, N 3. – P. 144–149.
10. Brunn S.D., Jones J.A., Purcell D. Ethnic communities in the evolving «electronic» state: Cyberplaces in cyberspace // Political boundaries and coexistence / Ed. by W.A. Gallusser. – Basel: Peter Lang, 1994. – P. 415–424.
11. Castells M. End of millennium // Castells M. The information age: Economy, society and culture. – Malden (MA): Blackwell, 1999. – Vol. 3. – xiv, 441 p.
12. Castells M. The Internet galaxy: Reflections on the Internet, business and society. – Oxford; N.Y.: Oxford univ. press, 2001. – xi, 292 p.
13. Castells M. The power of identity // Castells M. The information age: Economy, society and culture. – Malden (MA): Blackwell, 1997. – Vol. 2. – xv, 461 p.
14. Castells M. The rise of the network society // Castells M. The information age: Economy, society and culture. – Malden (MA): Blackwell, 1996. – Vol. 1. – xvii, 556 p.
15. Collyer M. Are there national borders in cyberspace? Evidence from the Algerian transnational community // Geography. – Sheffield, 2003. – Vol. 88, N 4. – P. 348–356.
16. Crampton J.W. The political mapping of cyberspace. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 2003. – vii, 214 p.
17. Dodge M., Kitchin R. Atlas of cyberspace. – Harlow; N.Y.: Addison-Wesley, 2001. – xi, 268 p.
18. Dodge M., Zook M. Internet measurement // International encyclopedia of human geography / Ed. by R. Kitchin, N. Thrift. – Oxford: Elsevier, 2009. – P. 569–79.
19. Froehling O. The cyberspace «war of ink and Internet» in Chiapas, Mexico // Geographical rev. – N.Y., 1997. – Vol. 87, N 2. – P. 291–307.

20. Jackson M.H. Politics and media richness in World Wide Web representations of the former Yugoslavia // *Geographical rev.* – N.Y., 1997. – Vol. 87, N 2. – P. 219–239.
21. Matthew Zook's current work. – Mode of access: <http://zook.info/#Internet%20Geographies>
22. Matthew Zook's CV. – Mode of access: <http://zook.info/MatthewZook-cv.pdf>
23. New digital geographies: Information, communication and place / Zook M., Dodge M., Aoyama Y., Townsend A. // *Geography and technology* / Ed. by S.D. Brunn, S.L. Cutter, J.W. Harrington. – Dordrecht, Boston (MA): Kluwer, 2004. – P. 155–176.
24. Parsons T. *Societies: Evolutionary and comparative perspective.* – Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, 1966. – viii, 120 p.
25. Rheingold H. *The virtual community: Homesteading on the electronic frontier.* – Reading (MA): Addison-Wesley, 1993. – viii, 325 p.
26. Steinberg P.E., McDowell S.D. Mutiny on the bandwidth: The semiotics of statehood in the Internet domain name registries of Pitcairn Island and Niue // *New media a. society.* – Thousand Oaks (CA), 2003. – Vol. 5, N 1. – P. 47–67.
27. Warf B. *Segueways into cyberspace: Multiple geographies of the digital divide* // *EPB: Planning a. design.* – L., 2001. – Vol. 28, N 1. – P. 3–19.
28. Zook M. Internet metrics: Using hosts and domain counts to map the Internet globally // *Telecommunications policy.* – Amsterdam, 2000. – Vol. 24, N 6–7. – P. 613–620.
29. Zook M. The geographies of the Internet // *Annual rev. of information science a. technology (ARIST).* – Medford (NJ), 2006. – Vol. 40, N 1. – P. 53–78.
30. Zook M. Your urgent assistance is requested: The intersection of 419 spam and new networks of imagination // *Ethics, place a. environment.* – Abingdon; Cambridge (MA), 2007. – Vol. 10, N 1. – P. 65–87.
31. Zook M., Dodge M. Mapping cyberspace // *International encyclopedia of human geography* / Ed. by R. Kitchin, N. Thrift. – Oxford: Elsevier, 2009. – P. 356–367.

Г.Б. Прончев, В.И. Муравьев

**ЭВОЛЮЦИЯ WEB-ТЕХНОЛОГИЙ ИНТЕРНЕТА
В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕХОДА РОССИИ
К ИННОВАЦИОННОМУ РАЗВИТИЮ¹**

В последние годы в научной и научно-популярной литературе, посвященной развитию глобальной сети Интернет, достаточно часто встречаются рассуждения об эволюции глобальной сети от «Web 1.0» к «Web 2.0», «Web 3.0» и так далее. При этом до сих пор отсутствует единый научный подход к данной проблеме. Согласия между исследователями нет даже на уровне определений понятий, на что указывает исследователь Н.Л. Соколова, замечая, что понятие Web 2.0, одно из ключевых для рассматриваемой нами тематики, «до сих пор не имеет четкого, однозначного определения» [8, с. 30].

Поэтому весьма актуальной представляется задача описания развития глобальной сети Интернет с социологической точки зрения, выявление присущих ему закономерностей и тенденций. Сегодня одним из основных вопросов общественных дискуссий является переход России на путь инновационного развития, которому будет неизбежно сопутствовать активное использование современных информационных технологий, в том числе и новейших интернет-технологий. В этом контексте становится необходимым рассмотрение эволюции Интернета в целом и отдельных ее этапов, а также обсуждение перспектив дальнейшего развития соответствующих технологий.

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект 10-01-00 332-а).

Web-технологии: Прошлое, настоящее, будущее

Web (World Wide Web, W3) – это глобальная гипертекстовая информационная система, предоставляющая доступ к связанным между собой документам, которые расположены на различных компьютерах, подключенных к Интернету. В настоящее время в быту очень часто отождествляются понятия Web и Интернет. Это связано с тем, что многие сервисы Интернета легко интегрируются с Web. Следует помнить, что Web является лишь одним из многочисленных сервисов Интернета.

Термин «Web» ввел в обиход Тим Бернерс-Ли, работая в CERN над первым гипертекстовым проектом в 1989 г. Первый в мире веб-сайт был размещен Бернерсом-Ли 6 августа 1991 г. на первом веб-сервере¹.

Считается, что термины «Web 2.0» и «Web 2.0-технологии» были введены в научный оборот исследователем Т. О’Рейли в 2005 г. [12]. Сразу же они были соотнесены с понятием «Web 1.0» и в известном смысле противопоставлены ему. По устоявшимся представлениям, во времена Web 1.0 интернет-сайты представляли собой результат работы небольших групп профессионалов, а большинству интернет-пользователей оставалось достаточно пассивно потреблять информацию, размещенную на интернет-ресурсах [10, с. 9]. Некоторые современные исследователи выделяют этап «Web 0.0», когда «пользователь знает о наличии Сети и мечтает с ее помощью связаться с кем-либо» [10, с. 74] – период, когда сетевые возможности были доступны только крайне ограниченному кругу специалистов, деятельность которых была, как правило, связана с оборонной промышленностью и обеспечением национальной безопасности. Однако если учесть, что до конца 1980-х годов Интернет не был распространен в мире так широко, как сейчас, можно сказать, что Web 0.0 и Web 1.0 – это две стороны одного и того же процесса. И чем больше пользователей персональных компьютеров в то время впервые подключались к Интернету и начинали использовать его для удовлетворения своих потребностей, тем более известной становилась эта технология и у тем большего числа людей возникало желание подключиться к Интернету.

Основное отличие Web 2.0 от Web 1.0 заключается в том, что создателем (точнее – одним из создателей, соавтором) со-

¹ Доступен по адресу <http://info.cern.ch>

держания интернет-ресурсов становится рядовой интернет-пользователь [10, с. 10], обыкновенно не являющийся профессионалом [8, с. 33]. Во всяком случае, профессионализм перестает быть обязательным условием участия в создании, производстве интернет-ресурса. Начало стремительного развития Web 2.0 следует связать с появлением в Интернете в середине 1990-х годов [11, с. 33] первых социальных сетей и в особенности с развитием блогосферы – социальной сети, образуемой сетевыми дневниками интернет-пользователей. Появление блогосферы также относится к середине 1990-х годов, сам термин «веблог», позже сократившийся до «блог», появился в 1997 г. [1, с. 13]. Современные исследователи не без оснований замечают отдельные свойства Web 2.0-технологий в сервисах, почти столь же давних, как и сам Интернет. Примером может быть переписка по электронной почте. Следует заметить, что развитие Web 1.0 не заканчивается с появлением Web 2.0 (Web 3.0 и т.д.), а продолжается. Примером этого является сам Web 2.0, так как ресурсы социальных сетей и программное обеспечение для них в большинстве случаев создаются профессионалами. Также нельзя оставить без внимания и то, что на этапе Web 2.0 создателем «контента» интернет-ресурса становится пользователь-индивид; даже групповое творчество на этом этапе представляет собой итог сложения, «склеивания» плодов индивидуальных усилий.

Следующий этап развития Интернета, выделяемый исследователями, – это Web 3.0. В Web 3.0 пользователи не только создают контент интернет-сайтов, но и самостоятельно оценивают его, т.е. «отмечают то, что заслуживает внимания их единомышленников, сообществ, в которых они состоят; систематизируют в соответствии со своими вкусовыми пристрастиями» [10, с. 10]. Типичным примером Web 3.0 является «сообщества практики» [9, с. 21]. Таким образом, коллективным соавтором интернет-ресурса на данном этапе выступает группа рядовых пользователей. При этом им приходится становиться профессионалами, экспертами, – для того по крайней мере чтобы их оценки выглядели обоснованными; кроме того, само знакомство с разного рода объектами виртуальной реальности, которые приходится сопоставлять и оценивать, уже определенным образом повышает уровень компетентности пользователей. Web 3.0 начал развиваться в первой половине 2000-х годов; в 2003 г. появился один из характерных ресурсов Web 3.0, музыкальный сервис «Last.fm» [10, с. 68]. Вновь подчеркнем, что с появлением Web 3.0 не прекращается ни развитие

Web 1.0, ни развитие Web 2.0: «Стоит обратить внимание, что каждый последующий этап развития не заменяет предыдущий, а лишь дополняет его новыми возможностями коммуникации. Таким образом, об этапе Web 1.0, например, можно говорить не как об исторически отжившей технологии, а как о явлении вполне современном» [10, с. 10].

Большой интерес вызывает вопрос о перспективах развития Интернета, перехода к «Web 4.0» и «Web 5.0». Недостатка в прогнозах нет. Один из них выглядит так:

«Исследователи предлагают следующую логику развития:

– Web 4.0 – текст думает за пользователя;

– Web 5.0 – текст общается с текстом;

– Web 6.0 – текст удаляет пользователей, поняв, что их наличие не имеет смысла» [10, с. 75].

Более серьезный и научно обоснованный прогноз дают В.А. и С.В. Рыжовы, согласно которому следующее поколение Web 4.0 будет характеризоваться трансформацией «реального социального пространства в такие виртуальные обитаемые миры, в которых пользователи могут перемещаться и действовать подобно реальному миру. Но Web 4.0 имеет фиксированное виртуальное пространство, которое создается разработчиками таких систем, а пользователи приходят и заполняют только те просторы виртуального пространства, которые им предоставлены. Ключевым отличием Web 4.0 является возможность разобщенным пользователям порождать новые группы не формально (посещением заданного ресурса), а реальной социализацией в настоящий групповой социальный организм, подобно тому как это происходит в реальности (свои цели, ценности, идентификация и пр.). Следующий шаг – Web 5.0. Здесь пользователи получают новую дополнительную возможность – порождать свою закрытую территорию группы в виртуальном пространстве». [7, с. 1340].

Нам представляется, что для построения обоснованного прогноза дальнейшего развития глобальной сети Интернет целесообразно изучить внутреннюю логику предыдущего ее развития. Как можно заметить, в самом общем виде она такова: *от сайтов, создаваемых группами профессионалов, – через сайты, создаваемые рядовыми индивидуальными пользователями (совместно с теми же группами профессионалов), – к сайтам, создаваемым группами рядовых пользователей с повышенным профессионализмом (при содействии групп профессионалов и не принадлежащих к этим группам индивидуальных пользователей).*

Если следовать гегелевскому закону отрицания отрицания [2, с. 8], то можно предположить, что на следующем этапе (Web 4.0) основными действующими лицами вновь станут рядовые индивидуальные пользователи (слово «рядовые» означает главным образом то, что они не являются владельцами и создателями используемых ими интернет-ресурсов, таких как социальные сети), у которых (в сравнении с творцами Web 2.0) значительно возрастут профессионализм и, вероятно, влияние в обществе; позже мы выскажем предположения о том, какие именно люди могут стать творцами Web 4.0.

Далее мы можем предположить, что Web 5.0 станет этапом, на котором основным действующим лицом вновь станут группы рядовых пользователей, по степени профессионализма уже мало отличающиеся от тех специалистов, которые создавали первые интернет-сайты (особо отметим, что речь идет именно о степени профессионализма; ясно, что за прошедшие годы развитие техники ушло далеко вперед, и этим пользователям понадобится знать куда больше, чем знали разработчики первых интернет-ресурсов). Иначе говоря, пользователи Интернета сами будут создавать профессиональные интернет-ресурсы для себя и себе подобных, заодно совершенствуя свои знания и используя открывающиеся при этом возможности для преобразования того общества, в котором они будут жить.

Эволюция Интернета и переход России к инновационному развитию

С самого начала перехода России на путь инновационного развития было ясно, что в ходе этого процесса информационные технологии, включая Интернет, будут использоваться чрезвычайно активно. В программной статье «Россия, вперед!» третий президент РФ Д.А. Медведев отмечал: «Распространение современных информационных технологий, которому мы будем всячески содействовать, дает беспрецедентные возможности для реализации таких фундаментальных политических свобод, как свобода слова и собраний. Для выявления и ликвидации очагов коррупции. Для прямого доступа к месту практически любых событий. Для непосредственного обмена мнениями и знаниями людей всего мира. Общество становится открытым и прозрачным как никогда. Даже если это не нравится правящему классу» [4].

Из приведенных выше слов следует, что руководство РФ делало акцент на использовании возможностей Web 2.0 и Web 3.0 в процессе перехода страны к инновационному развитию. По сути, предполагалось, что активность рядовых пользователей Интернета будет означать реализацию гражданских свобод при использовании сетевых технологий, а также применение этих инструментов в борьбе с коррупцией и модернизации государственного управления. При этом еще в рамках работы над приоритетными национальными проектами во время второго президентского срока В.В. Путина в России широко использовались и возможности Web 1.0 (в том числе и возможности обратной связи, присутствующие в Web 1.0): «О контроле надо сказать особо. С самого начала было решено работать максимально открыто. Отчеты министерств и ведомств принципиально должны были носить публичный характер. В этой связи интересен опыт Минсвязи. В подтверждение подключения школы к Интернету министерство требует цифровые фотографии: с номером школы и изображением самого компьютерного класса. Эти фотографии размещаются на общедоступном сайте. Если в школе нет компьютеров, если деньги не дошли до адресата, то попытаться подделать можно почти любые документы. Но добиться, чтобы кто-то из школьников или их родителей не возмутился, увидев несоответствие представленной информации в Интернете, невозможно. Это и называется общественным контролем» [3, с. 42].

Однако наблюдения за фактической динамикой инновационных процессов в России позволяют сделать выводы о потенциале использования Web 4.0 и Web 5.0. В известном смысле шагом в направлении Web 4.0 стало присутствие первых лиц российского государства в социальных сетях, в особенности – в блогосфере. Наиболее значительным из этих проявлений является, несомненно, деятельность в блогосфере Д.А. Медведева, способствовавшая усилению роли Интернета в качестве важного инструмента модернизации [5, с. 1262].

Что же касается проявлений Web 5.0, то, вероятно, к ним можно отнести начавшие возникать буквально в последние два года социальные сети, создаваемые для специалистов в определенных областях для получения конкретных результатов их совместного труда, так или иначе связанных с переходом к инновационному развитию. В качестве примера можно привести запу-

ценную в 2010 г. социальную сеть regionalochka.ru¹, предназначенную для сотрудников органов государственной власти регионов, ответственных за информатизацию, административную реформу и переход на оказание государственных и муниципальных услуг в электронном виде. Выступая 11 марта 2010 г. на Всероссийском совещании по переводу госуслуг на электронную платформу, министр связи и массовых коммуникаций РФ И. Щеголев подчеркивал, что создание такой сети – шаг к реализации идеи электронного правительства: «Сеть хороша тем, что это горизонтальная структура, и поскольку здесь собрались профессионалы, которые заняты одним делом, то полезно было бы иметь инструмент, с помощью которого можно в режиме реального времени делиться наработками и сообщать о принятых решениях, где можно выкладывать документы, собирать комментарии и в конце концов делиться опытом применения тех или иных решений» [цит. по: 10, с. 47].

Заключение

Бурное развитие Интернета и возможностей сетевой коммуникации, наблюдающееся в последние годы, демонстрирует, что в сети идут взаимосвязанные процессы технических и социальных изменений. Причем социальные процессы стимулируют использование все более совершенных информационных технологий. Эти технологии, в свою очередь, способствуют реализации фундаментальных политических и гражданских свобод, включая свободу слова и собраний. Одновременно существуют возможности использования Web-технологии в качестве инструмента перехода России к инновационному развитию.

Список литературы и источников

1. Байрон Д.Л., Брубек С. Блоги и бизнес: Путь к успеху / Пер с англ. – СПб.: Символ-Плюс, 2008. – 208 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Наука логики: В 3-х тт. – М.: Мысль, 1970. – Т. 1. – 501 с.
3. Медведев Д.А. Национальные проекты: От стабилизации – к развитию // Медведев Д.А. Национальные приоритеты: Статьи и выступления. – М.: Европа, 2008. – С. 33–46.

¹ Регионалочка РФ: Сообщество IT профессионалов в государственном и муниципальном управлении. – Режим доступа: <http://www.regionalochka.ru>

4. Медведев Д.А. Россия, вперед! // Российская газета. – М., 2009. – № 171.
5. Прончев Г.Б., Муравьев В.И. Социальные сети как фактор перехода России к инновационному развитию // Стратегия инновационного развития России как особой цивилизации в XXI веке: VI Всеросс. науч. конф. «Сорокинские чтения – 2010»: Сб. тезисов. – М.: МАКС Пресс, 2010. – С. 1260–1263.
6. Регионалочка. рф: Сеть IT профессионалов в государственном и муниципальном управлении. – Режим доступа: <http://www.regionalochka.ru>
7. Рыжов С.В., Рыжов В.А. Эволюция социального пространства как Web-4.0 и 5.0 // Стратегия инновационного развития России как особой цивилизации в XXI веке: VI Всеросс. науч. конф. «Сорокинские чтения – 2010»: Сб. тезисов. – М.: МАКС Пресс, 2010. – С. 1338–1341.
8. Соколова Н.Л. Популярная культура Web 2.0: К картографии современного медиаландшафта: Монография. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2009. – 204 с.
9. Сообщества практики для инновационных компаний / Под ред. Ю.М. Плотицкого. – СПб.: RUSMECO, 2007. – 196 с.
10. Чумиков А., Бочаров М., Тишкова М. PR в Интернете: Web 1.0, Web 2.0, Web 3.0. – М.: Альпина Паблишерз, 2010. – 134 с.
11. Ших К. Эра Facebook: Как использовать возможности социальных сетей для развития вашего бизнеса / Пер. с англ. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2010. – 304 с.
12. O'Reilly T. What is Web 2.0. – Mode of access: <http://oreilly.com/web2/archive/what-is-web-20.html?page=2>

ИНТЕРВЬЮ

КАСТЕЛЬС М., АЛЕКСЕЕВА А. КАСТЕЛЬС: НАША ЖИЗНЬ – ГИБРИД ВИРТУАЛЬНОГО И ФИЗИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА: Из интервью М. Кастельса корреспонденту РИА Новости А. Алексеевой 22.06.2012. – Режим доступа: <http://fmf.rian.ru/news/20120622/368091606.html>

Социально-политические движения в эпоху Интернета

– *Первый вопрос о Вашей новой книге, которая выйдет в сентябре: «Сети гнева и надежды: Социально-политические движения в эпоху Интернета». О чем она будет?*

– Основная тема книги – попытка понять новые социальные движения, которые развиваются во многих странах мира в 2011–2012 гг. Никто не ждал этих движений, но анализ в моей книге «Сила коммуникации» (*Communication power*), опубликованной в 2009 г¹, показал, что благодаря новым коммуникационным технологиям у людей появилась возможность иметь автономные сети связи, автономные – в противовес мейнстримным медиа, правительству, глобальным корпорациям. И поэтому на протяжении всей истории способность людей повышать свои требования, свои запросы – все основано на способности к общению. Именно поэтому в средние века сжигали книги, поэтому свободная пресса всегда была важнейшим принципом функционирования любой демократии.

Так что моя точка зрения такова: в ситуации, когда люди во многих странах мира испытывают разочарование, проблема заключается в том, что политические институты не отвечают требованиям граждан. В некоторых случаях это происходит потому, что

¹ Castells M. *Communication power*. – Oxford: Oxford univ. press, 2009.

это авторитарные режимы, такие как в арабских странах. В других случаях институты демократии, как правило, ограничены двумя партиями. Люди голосуют каждые четыре года на выборах, не имея возможности высказаться по существу политики.

Таким образом, во всем мире накопился дефицит демократии, а это означает, что две трети граждан мира не доверяют своим представителям, не думают, что они управляют на демократических основах. Это то, что говорят данные. И это то, что чувствуют люди. И вдруг за последние два года в некоторых странах развилось стихийное движение, организованное в Интернете, без лидеров, без политических организаций, состоящее из самих людей, которые больше не могут принимать несправедливость в обществе.

Это началось в конце 2008 – начале 2009 г. в Исландии. Она стала первой, где начались такие движения, которые привели к глобальным изменениям в стране, ее политических институтах и во всем устройстве. А потом движения распространились на Тунис, Египет, оттуда перекинулись на все арабские страны, через Испанию и Италию до американского «Оссуры Wall Street». И это движение продолжается.

Итак, моя книга о том, как эти движения развиваются, почему они могут мобилизовать столько людей и получить общественную поддержку, и как это характеризует новый тип социальных движений XXI в. Потому что если очень похожие движения развиваются в самых разных контекстах – от Исландии до Туниса, от США до Испании – и они имеют очень похожие лозунги, очень похожие формы организации, то в этом есть что-то новое и важное, новая форма гражданского общества, которое проявляет себя в этом контексте.

– Вы действительно считаете, что в этих движениях нет лидеров? Я вижу ситуацию в России таким образом: сначала появились гражданские активисты, но впоследствии наша оппозиция, которая никогда не имела достаточного веса в политике, попыталась выйти вперед и заявить: «Мы будем вашими лидерами». Когда люди поверят в их лидерство, они наберут какую-то силу.

– Конечно, все зависит от конкретного движения. Я и моя исследовательская команда наблюдали за подобными ситуациями в разных странах, лично я работал в США и в Испании. Движения, как правило, возникают без лидеров. Как только кто-то пытается стать лидером, движение начинает яростно ему противостоять.

С другой стороны, сами движения (где бы то ни было) не пытались и не хотят создавать политических партий. Они не хотят воссоздавать ту же политическую силу, против которой выступают. На сегодняшний день это протестующие движения, и что касается политических предложений, то их идеи далеко не краткосрочные, они нацелены на долгосрочный результат. Вот сейчас они хотят изменить мышление людей. Они также хотят вдохновить людей на борьбу за свои убеждения.

В-третьих, вы абсолютно правы в том, что касается России. Но в других странах, где политические партии обращаются к общественным движениям за поддержкой – в Испании, Франции, США – ничего не вышло. В Испании оппозиционное движение полностью отвергает все политические партии. Результатом действий испанского движения стал распад социалистической партии, потому что молодежь отказывалась за нее голосовать. Социалистическая партия потерпела поражение на последних выборах и уже, возможно, никогда не оправится, потому что левые силы лишились поддержки. Таким образом, результат таков, что еще многие годы в Испании не будет социалистической партии.

В США ситуация сложилась несколько иначе, потому что многие люди, вступившие в движение, работали с Обамой во время его предыдущей кампании. Но Обама их разочаровал. Тогда они поддержали протестное движение, но не как лидеры, а как его участники. Они не против Обамы, но считают, что Обама не способен выдержать сопротивление республиканского конгресса, бизнеса и Уолл-стрит. Поэтому они надеются на перемены за пределами политики. Но когда придет время голосовать, большинство придет проголосует за Обаму, хотя и без особой надежды на реальные перемены. Движение же готово проголосовать за Обаму, но только если сможет добиться изменений в обществе, и тогда Обама получит поддержку своего курса.

Что касается арабской революции, то возможен такой результат: на выборах победят «Братья-мусульмане». «Братья-мусульмане» не стояли у истоков движения. Но многие члены этой ассоциации по причине своей популярности вышли на площадь Тахрир, пусть и не в качестве лидеров движения. Стоило кому-нибудь попытаться возглавить движение, как протестующие на площади выступали против. И это были самые разные люди: копты, радикальные исламисты, умеренные исламисты, люди не из религиозных организаций. Все они были за то, чтобы движение было единым. Несмотря на различия в идеологии и религии, у них

была одна общая цель – демократия, т.е. сначала устранить Мубарака, а затем милитаристскую власть. И они собирались действовать сообща до тех пор, пока в Египте не наступит реальная демократия.

Что происходит сейчас в Тунисе? Люди по-прежнему мобилизованы. Армия не сдала свои позиции в Египте. В Тунисе все иначе, теперь это более-менее демократичное государство. Поэтому там политическая революция завершилась успехом. Но не в Египте. Египет до сих пор пребывает в революционной ситуации, т.е. в ситуации неопределенности.

Мои знания о России довольно поверхностны, но на самом деле я очень интересуюсь Россией. Я говорил с участниками нынешних движений в Москве, и у меня сложилось впечатление, что движение в России тоже возникло без явных лидеров. Как и в других странах, все началось с призывов в блогах, у Навального к примеру. Но люди пошли не за Навальным. Просто его призыв выйти на улицы показался многим разумным и необходимым решением. Как только они вышли на улицы, там же оказались и политики. Не думаю, что это так уж плохо. Но если политики придут в это движение из искреннего желания поддержать процесс демократического принятия решений, а не предложить своего лидера, то у движения появится больше сторонников, а значит, и больше силы.

Мнимая демократия

– Но когда дело касается выборов в России, как протестное движение может определиться, за кого отдать голос, если оно не принимает лидеров? Что они будут делать в ближайшем будущем?

– Как минимум не будут голосовать за Путина, что уже важно, потому что изначально это движение против Путина. Они не знают, чего хотят, но по крайней мере знают, чего не хотят. Остальное зависит от личных симпатий каждого.

Пожалуй, это самый сложный для понимания момент. Эти политические движения в то же время совсем не политические. Они политические, потому что изначально выступают за демократию. Они утверждают, что существующие формы демократии неэффективны, что люди не ощущают своего прямого влияния. Это какая-то «дежурная» демократия. Но в конечном итоге политики живут в собственном мире. Они связаны с банкирами и силь-

ными мира сего и на самом деле считают людей глупыми, верят, что людьми можно легко манипулировать, например с помощью СМИ. Мы живем в мнимой демократии.

Я работал в сфере избирательного закона в Испании и других странах. Большинство избирательных законов недемократичны в том смысле, что они отражают интересы двух или нескольких крупных партий, а не политического меньшинства. Почему? Потому что две главные партии как раз и участвуют в написании закона.

– Даже в США?

– Тем более в США. Все очень просто: только два кандидата могут выиграть президентские выборы или выборы в конгресс. Нужно быть республиканцем или демократом – точка. В противном случае шансов у вас нет. А еще нужно иметь много денег. Это второй момент. Почему Обаме удалось изменить такой расклад на одних выборах? Ведь существует ограничение на средства, которые корпорации могут вложить, а Обама получил огромную сумму денег, самый большой фонд за всю историю выборов в США. Но у него была огромная армия сторонников. В среднем он получил по двести долларов с человека, а их было три с половиной миллиона. Вырисовывается сумма около 700 млн. долл. – самый большой фонд избирательной кампании. В результате этого пришлось изменить закон. Консерваторы обратились в Верховный суд, и Верховный суд изменил закон. Теперь любой может при желании вложить миллиард долларов. И сделано это было с целью, чтобы у корпораций было больше влияния на избирательный процесс.

Таким образом, эти движения добились хотя бы широкого обсуждения. В США до возникновения движения Оссиру еще существовала «американская мечта»: если много трудиться, то можно стать богатым как все. Теперь, согласно опросам, в американском сознании прочно укоренилось понятие «нас 99%». Во-вторых, по последним данным, большинство американцев не верят, что если много трудиться, то есть шанс далеко продвинуться в жизни наравне с остальными. Теперь большинство считает, что в США – классовое общество. До появления движения такого не было – об этом опять же свидетельствуют опросы. Так что сейчас, как видите, происходят изменения в сознании людей.

– Вы верите, что есть идеальный демократический режим, о котором мы можем сказать: «Да, вот пример того, как должно быть в других странах». Или же его не существует, и протестанты борются за утопию?

– Понятие идеальной страны не так уж и применимо к движениям, потому что идеальная страна зависит от условий в этой стране. Мы не можем сделать вид, что уровень гражданского участия и демократии в странах с длительной традицией угнетения (например, в арабских странах) сопоставим с уровнем стран, например Скандинавских.

Тем не менее вот пример требований движения. Есть одно движение в Испании, которое очень мощно заявило о себе в мае 2011 г. Их лозунг звучал: «Делай, как Исландия». А люди очень мало знали о том, что происходит в Исландии. Сейчас Исландия – это остров, где проживает 330 тыс. людей, сравнивать с Испанией просто бессмысленно. Но что случилось в Исландии? Исландия – это демократическое общество, и движение изучило результаты выборов между двумя партиями начиная с 1927 г. Очень сильное влияние на эти партии оказывали банкиры. Банкиры перешли к очень спекулятивной банковской системе и, как следствие, потерпели крах в 2008 г. Они разрушили страну, разрушили все после периода процветания.

И движение смогло мобилизоваться до объявления новых выборов. Обе партии проиграли, а к власти пришла новая коалиция социал-демократов и «зеленых», у которых раньше не было шансов. Они пришли к власти с конкретной предвыборной программой, которую воплотили в жизнь. Они национализировали банки, разработали новую конституцию, по которой буквально в этом месяце (июнь 2012) состоится референдум. Эту конституцию обсуждала в Интернете вся страна. Такой вот краудсорсинг.

Этот пример вдохновил очень многих людей во всем мире. Конечно, его нельзя просто взять и повторить. Но, между прочим, исландская экономика – наиболее сильная в Западной Европе. Исландская крона после девальвации гораздо сильнее, чем евро. То есть экономическая политика доказала свою надежность.

«Интернет – фундамент этого движения»

– Какова роль Интернета в этих социально-политических движениях? Всегда ли его влияние положительное, или все зависит от того, какие силы используют Интернет как инструмент для разного рода преобразований?

– Интернет – фундамент этого движения. Я хочу особо подчеркнуть, что движения идут в самых разных направлениях. Есть правые, левые, поэтому возникновение мощного движения еще не

обязательно связано с прогрессивными ценностями. Можно говорить о демократических ценностях, а это разные вещи. Скажем, если где-то население имеет нацистские убеждения, демократическое движение станет нацистским. Мы просто должны быть уверены, что люди не превратятся в нацистов. Тем не менее демократия допускает ситуацию, когда люди свободно высказывают свое мнение, и принимает их идеологию и идеи.

Сам Интернет – важное условие этих движений. Их нельзя представить без Интернета, поскольку они зародились там, основаны на свободной дискуссии без постороннего вмешательства, через Интернет они проникают в общество. Все эти движения существуют, как я говорю, в третьем пространстве, которое является киберпространством и городской площадкой одновременно. Оно – постоянное связующее звено между ними. Если движения происходят только в Интернете, то они вполне могут быть очень интересными, очень активными, но не иметь выхода в общество как институт. Если они имеют место только на определенной общественной территории, то их легко подавить, разогнать и остановить. Факт, что они есть в Интернете, зародились в Интернете и организованы тоже в Интернете, означает, что они происходят и локально, и глобально. Они все связаны между собой. И это значит, что они постоянны.

Поэтому можно сказать, что наша жизнь, наше общество – это не просто общество физическое, а гибрид виртуального и физического в их взаимодействии.

– Насколько мне известно из истории протестных движений, в начале XX в. произошла в некотором роде первая волна, которая сконцентрировалась вокруг бумажной прессы, ведь Интернета еще не было. Затем в 1960–1970-е годы протестные движения активизировались благодаря самиздату и субкультурам. А как это происходит сейчас? Чем отличаются движения в Интернете от направляемых через традиционные СМИ?

– Прежде всего, Интернет труднее контролировать. В целом мейнстримные медиа, организованные медиа контролируются или правящими кругами, или корпорациями. Интернет не контролируется. За Интернетом могут вести наблюдение, но это совсем другое, они могут знать, кто что сказал, что не нравится властям, но остановить это невозможно.

Это очень важный момент, потому что создается то, что я называю «коммуникативной автономией». Люди могут общаться

друг с другом, спорить, организовываться, выдвигать лозунги – вот что самое главное. Ведь Интернет в современном обществе равносителен электричеству в индустриальном обществе, все работает через социальные сети, через компьютерные сети. Прервать процесс невозможно. Но это одно.

Другое – факт, что люди могут поддерживать связь с кем хотят. Индивидуумы находятся в сетевом взаимодействии с индивидуумами, поэтому я называю наше общество «сетевым индивидуализмом». Люди автономны. У них есть идеи, они создают проекты, высказывают свое мнение, и им не надо действовать через какие-либо организации. Они просто связываются в сетях с теми, с кем хотят. И это тоже фундаментально важно. Это автономия по отношению к корпорациям и правительствам, автономия по отношению к организациям и руководству. Следовательно, эти движения – движения свободных людей, которые, если не хотят иметь лидеров, то их просто отвергают и точка!

И, наконец, разница заключается в том, что этот тип коммуникации в то же время является локальным и глобальным. Мы всегда связаны глобально, что очень важно, потому что тогда вы можете иметь глобальную солидарность сетей. Еще ни одно социально-политическое движение в истории не было в одно и то же время локальным и глобальным, говоря в терминах теории коммуникации.

Оппозиция между Сетью и индивидуальностью

– В своих книгах Вы пишете, что наше общество все больше структурируется вокруг оппозиции Сеть – Личность. Неужели Вы действительно считаете, что такая оппозиция существует? Сейчас, беседуя с вами, я убеждаюсь, что Вы больше говорите о сотрудничестве между отдельными индивидуумами и сетями, так в чем же состоит оппозиция?

– Здесь два момента. Один – то, что моя теория развивается на фоне меняющейся действительности. Когда теория не соответствует фактам, я отбрасываю теорию, беру факты и переписываю теорию. Потому она несколько изменилась.

Но суть в том, что когда я говорил о Сети, я имел в виду не только Интернет. Сеть связывает мировые силы глобального масштаба. То есть все глобальные силы объединяются через эту Сеть, а их не интересуют человеческие жизни, самобытность, культура и прочие вещи. Можно привести пример книги журналиста Томаса

Фридмана, который говорит, что мы живем в «Плоском мире»¹. Это надо понимать так, что нет больше ярких культур, особенных людей – все это одно игровое поле, которое состоит из рыночных и сетевых связей.

С одной стороны, многие думают, что в обществе глобальных сетей исчезает особая идентичность. В действительности же происходит наоборот. Все больше и больше людей полагаются в своей жизни на свою идентичность и очень часто на национальную идентичность общества, в котором живут, – религиозные, национальные и этнические особенности. Неправда, что большинство людей считают себя гражданами мира. Большинство людей придают особое значение своей национальной принадлежности. Только элиты чувствуют, что они граждане мира.

Я пытался объяснить в моей теории, почему в мире, который превращается в глобальную сеть, люди еще больше, чем раньше, привязываются к своей идентичности. Это происходит потому, что институты общества не могут контролировать реальные силы общества – силу коммуникации, силу финансовых потоков. Все силы имеют глобальный характер. Институты бывают национальными или местного уровня. Людям не подвластно то, что происходит. Поэтому они находят прибежище и строят свою жизнь на принципах идентичности.

То, что я мог бы добавить к своей теории сейчас, – это то, что и сетевые структуры, и Веб присутствуют в Интернете. Вы можете использовать Интернет для создания сетевой организации, построенной вокруг определенной идентичности, или вы можете использовать Интернет для построения глобальных финансовых рынков, или по-особому организовать СМИ.

Таким образом, Интернет становится общим инструментом и общим пространством для всех и вся. И, следовательно, он больше не представляет оппозицию между тем, что происходит в электронных сетях, которые контролируются определенными силами, и тем, что происходит в жизни людей, которая гораздо больше связана с их бытовым опытом.

Можно сказать, что люди набираются опыта в физическом пространстве и в виртуальном пространстве, тогда как власти все более сконцентрированы на контроле виртуальных сетей, где циркулируют деньги и власть.

¹ Фридман Т. Плоский мир / Пер. с англ. – М.: АСТ, 2007.

Интернет изменяет медиа

– Маршалл Маклюэн верил, что эволюция человека связана с изменениями форм медиа. А как Интернет их изменяет? У Вас есть понимание того, как это все будет выглядеть в ближайшем будущем?

– Прежде всего, я никогда не говорю о будущем. Это мой принцип, я говорил о нем много раз. Обычно, когда меня приглашают на конференцию, где обсуждают будущее, я всегда отклоняю такие приглашения. Ваше приглашение я принял потому, что Вы обсуждаете настоящее, хотя Вы и задали несколько другие рамки.

Я очень уважаю футурологию, но я не думаю, что это серьезная наука. Потому что на самом-то деле ни один человек не может предсказать будущее в терминах науки об обществе. В технологических терминах предсказать можно в большей или меньшей степени. Но в социальных или экономических терминах – кто мог предугадать, что в Европе начнется процесс дезинтеграции? Кто мог предположить, что в арабском мире начнутся революции? Это очень забавная вещь в исторических процессах – они непредсказуемы. Если бы все можно было предусмотреть, этого бы просто не произошло, потому что люди изменили бы все.

Самый серьезный вопрос, который Вы поднимаете, касается того, как изменяются медиа под влиянием Интернета. Самое главное тут то, что бизнес-модели, на основе которых мейнстримные медиа функционируют сегодня, изжили себя. Поэтому, возможно, когда ваше поколение придет на смену моему, люди больше не будут смотреть телевидение. Я не совсем понимаю фактическую модель телевидения. Я понимаю, что есть модель контролируемого программирования, когда одно сообщение адресуется многим зрителям под жестким контролем, с жесткой программной сеткой. Эта модель ушла в прошлое.

Фактические ТВ-сети продолжают работать, но все чаще случается так, что молодые смотрят телевизионные программы, которые они записывают и просматривают в Интернете тогда, когда захотят. Есть знаменитое изречение: «Прайм тайм – это мое время». И оно разрушает нечто очень важное: рекламную модель, на которой основывается современное ТВ.

Итак, самое главное – это освобождение от посредников, тот факт, что каждый может построить свою информационную систему. Начнем с самого простого – печатной прессы. Молодое поко-

ление не читает бумажных газет, оно читает газеты в Интернете. И они не читают какую-то одну газету, они читают много разных. Поэтому фактически они конструируют свою собственную газету, просматривая разнообразные издания онлайн. Люди думают, что читатели будут за это платить, но нет, они не будут. И мы это знаем.

Суть в том, что бизнес-модель традиционных медиа основана на рекламе, контроле программирования и фиксированных медиа. В тот момент, когда вы открываете что-то в Интернете – онлайн-ТВ, онлайн-журналистику – все что угодно, рекламная модель перестает работать. А реклама уходит в Сеть. Правда, медленно: пока она занимает только 20% общего рекламного рынка в США. Например, в Европе нет ни одной печатной газеты за исключением «Файненшл таймс», которая была бы прибыльной. И идут разговоры о том, что правительство должно давать субсидии печатной прессе, чтобы она вообще не исчезла. Фактически все бумажные газеты и журналы входят в большие медийные группы, которые представляют собой интегрированную систему, где онлайн, видео, торговля, ТВ и издательская деятельность работают вместе и один сегмент субсидирует другой.

Итак, самое главное – то, что бизнес-модель, лежащая в основе традиционных СМИ, изжила себя. В медиа все с этим согласны. Тогда возникает следующий вопрос, каким образом можно создать другую бизнес-модель, используя Интернет. Вопрос остается открытым. Никто пока не дал ответа.

Во-вторых, мы стали свидетелями роста популярности гражданской журналистики в мире. Это касается не только демонстраций в Иране, когда люди, рискуя жизнью, пытались загрузить что-то на YouTube. Это гораздо больше: когда любой гражданин в любое время может стать репортером, имея при себе только мобильный телефон. И, кроме того, забавно, когда говорят о надзоре в век Интернета: всесильные элиты всегда контролируют население. И сегодня даже чаще, чем когда-либо, это происходит с помощью электронного наблюдения. Разница состоит в том, что люди тоже могут контролировать правящую элиту. Если сделать что-то не так или что-то неподобающее, вас поймут. Можно привести много примеров, когда карьера политических лидеров заканчивалась таким образом. Это вынуждает представителей элиты все больше держаться в тени и дистанцироваться от народа, ведь

они всегда рискуют быть разоблаченными из-за какой-нибудь фотографии. Таковы виражи истории.

Что касается гражданской журналистики, то многие считают ее ненадежной. Довольно часто это именно так. Но было бы важно выяснить, что объединяет профессиональных и гражданских журналистов. Многие медиа не признают гражданскую журналистику и считают ее угрозой для себя. Другие, а их больше, гораздо умнее и умело используют преимущества гражданских журналистов...

Сервисы и аналитика

– Можем ли мы говорить о том, что глобальное общество более не нуждается в СМИ в их традиционной форме? Но если речь идет о финансовой информации, то такие сведения трудно найти в Интернете в свободном доступе.

– Речь не об информации – речь об аналитике. В этом заключается разница. Чтобы разобраться в большом объеме сложных финансовых показателей, вам нужны эксперты. Поэтому-то люди платят за «Уолл стрит джорнэл» и «Файнэншл таймс»: они не рассматривают их как медиа, это профессиональные инструменты и сервисы. Никто не читает «Уолл стрит джорнэл» ради информации или развлечения – это скучнейшая вещь в мире! Если только вы получаете удовольствие от финансовых катастроф. Для читателей это именно профессиональные инструменты.

Единственные разделы в интернет-изданиях общего интереса, за которые люди готовы платить, – это анализ, специальные вкладки и архивы, к которым можно получить доступ только за плату, и это нормально. Иметь под рукой архив за два года по определенной теме гораздо удобнее, и это экономит время по сравнению с тем, если бы вы отправились искать это в Интернете. Так что сервисы – не информация.

– Аналитика и сервисы, но не актуальные новости?

– Очень специфическая аналитика. Но не политическая и не социальная.

– Почему?

– Потому что люди думают, что им не нужна политическая аналитика, они все знают сами. Только определенный уровень, некоторые типы аналитики, раскрытие сути вопроса – это возможно. Это то, что я называю «прикладной социологией»: в этой точке грань между журналистикой и социологией очень тонкая. Если

журналист глубоко объясняет, почему произошел финансовый кризис, свидетелями которого стали все, и почему правительство вовремя не среагировало, то это уже очень сложный анализ – собственно, это то, чем я занимаюсь в социологии.

До известной степени журналисты становятся более специализированными аналитиками и могут поставить информацию в контекст. Гражданские журналисты поставляют информацию, проверка фактов – задача редакции, а специализированный анализ, контекст – это все еще вотчина профессиональных журналистов. Так что фактически это модернизирует роль профессиональных журналистов, а не заставляет ее исчезнуть.

– *Роль стала сложнее, чем когда-либо...*

– Зато еще интереснее и требует лучшей подготовки. Это уже не просто человек, который ищет информацию на улице. Информация приходит к вам сама. Она повсюду и везде в Интернете.

– *Это еще и вопрос журналистского образования, потому что никто точно не знает, как учить молодых людей, которые мечтают стать журналистами лет через пять, потому что ситуация сильно поменяется за эти годы. А обучить этого человека нужно прямо сейчас, но как?*

– Здесь наблюдается огромный разрыв между факультетами журналистики и новой журналистикой. Я бы сказал, что большинство факультетов в эти дни отчаянно пытаются ухватить новую реальность. И некоторым это удается.

Совместно с двумя коллегами (один из них – обладатель премии Пулитцера) я сейчас заканчиваю статью о новых формах журналистики. Мы ее назвали «сетевой журналистикой». Она отсылает нас к процессу, где есть профессиональные журналисты, гражданские журналисты и много других экспертов, с которыми консультируются редакции. Если вы действительно хотите разобраться в причинах финансового кризиса в Европе и его влиянии на политику, вам нужны финансисты, но также и эксперты в сфере политического анализа. И, кроме того, те, кто помогут вам понять психологию человека. Так что это целая команда, сеть разных людей, которые создают информацию. Информация сама по себе приходит из Интернета все время. И это еще один важный момент: непрерывный ньюсрум. Больше нет утреннего выпуска или вечернего. И этому непрерывному процессу нужны умы, которые сумеют интегрировать информацию. Это и есть «сетевая журналистика».

РЕФЕРАТЫ

МАНУЭЛЬ КАСТЕЛЬС О ВЛАСТИ И КОММУНИКАЦИИ В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ (Сводный реферат)

1. CASTELLS M. Communication, power and counter-power in the network society // International j. of communication. – Los Angeles (CA), 2007. – Vol. 1. – P. 238–266.

2. CASTELLS M. A network theory of power // International j. of communication. – Los Angeles (CA), 2011. – Vol. 5. – P. 773–787.

Создатель концепции сетевого общества Мануэль Кастельс в своих исследованиях уделяет большое внимание взаимосвязям между коммуникацией и отношениями власти в новом технологическом контексте. В статье «Коммуникация, власть и контрвласть в сетевом обществе» (2007) Кастельс показывает, что на протяжении веков коммуникация и информация были фундаментальными источниками власти и контрвласти, господства и социальных изменений. Главная из всех битв мировой истории – это битва за мысли людей. От динамики общественного сознания зависит судьба важнейших социальных норм и ценностей. Общества изменяются в процессе деконструкции их институтов под давлением новых отношений власти и формирования новых институтов, позволяющих членам общества мирно сосуществовать друг с другом, несмотря на противоречивые интересы и ценностные ориентации. Формирование сферы публичной политики происходит в процессе согласования частных интересов и проектов, когда удается достичь некоторой нестабильной точки коллективного консенсуса относительно общего блага в рамках исторически существующих социальных границ. В индустриальном обществе публичная сфера

строилась вокруг институтов государства-нации под давлением демократических движений и классовой борьбы. Она была основана на сопряжении между демократической политической системой, независимым правосудием и гражданским обществом, связанным с государством. Двойственный процесс глобализации и роста коммунальных идентичностей бросает вызов национальному государству как релевантной единице, определяющей публичную сферу. Государство-нация не исчезает, но его легитимность сокращается в условиях расширения сферы действия глобального управления. Принцип гражданства вступает в конфликт с принципом самоидентификации, что приводит к кризису политической легитимности государства-нации, который также включает в себя и кризис традиционных форм гражданского общества (в смысле А. Грамши). Но при этом не возникает социального или политического вакуума. Наши общества продолжают функционировать в условиях, когда формирование общественного сознания смещается из сферы политических институтов в область коммуникации, преимущественно связанной со средствами массовой информации. В широком смысле происходит замещение политической легитимности коммуникативной настройкой общественного мнения в сетевом обществе. В обществе, характеризующимся широчайшим распространением сетевых структур, отношения власти во все возрастающей степени формируются под воздействием процессов в сфере коммуникации.

Кастельс рассматривает власть как структурную способность одного социального актора навязать свою волю другим социальным акторам. Все институциональные системы отражают отношения власти, равно как и границы этих отношений, формирующиеся на протяжении истории в противостоянии власти и тех социальных акторов, которые стремятся к ее ограничению. Способность социальных акторов сопротивляться давлению институционализированной власти Кастельс называет контрвластью. Сегодня власть и контрвласть вынуждены оперировать в принципиально новых технологических условиях, которые характеризуются следующими тенденциями:

- доминирование медийной политики и ее взаимосвязь с кризисом политической легитимности в большинстве стран мира;
- ключевая роль в производстве культуры сегментированных, ориентированных на целевую аудиторию средств массовой информации;

– появление новых форм коммуникации, связанных с культурой и технологией сетевого общества и базирующихся на горизонтальных сетях коммуникации (самокоммуникация);

– использование как одноканальной массовой коммуникации, так и массовой самокоммуникации в отношениях власти и контрвласти, распространяющихся на формальную политику, политику протеста и на новые манифестации социальных движений.

Вплоть до последнего времени средства массовой информации представляли собой целостную систему, в которой печатная пресса производила оригинальную информацию, телевидение распространяло ее на массовую аудиторию, а радио выполняло интерактивную роль, учитывающую особенности различных целевых групп. Современная политика является преимущественно медийной политикой. Но основной проблемой является не столько формирование общественного мнения при помощи тех или иных сообщений СМИ, сколько отсутствие соответствующего контента в медиа. То, что не существует в СМИ, не существует и в общественном мнении. Соответственно, политическое сообщение неизбежно должно быть сообщением СМИ, которые таким образом вносят важнейший вклад в конституирование пространства власти.

Медийная политика ведет к персонализации политики, ее привязке к лидерам, чей медийный образ должен быть выгодно продан на политическом рынке. Персонализация существенно влияет на электоральный процесс, побуждая независимых или неопределившихся избирателей переключать свое внимание на тех или иных кандидатов, как правило, в диапазоне от правого до левого центра. Избиратели, как правило, не читают избирательных платформ, но ориентируются на тот образ кандидатов, который формируют СМИ. Подрыв доверия к тому или иному политику при помощи СМИ, целенаправленное разрушение его медийного образа также превращаются в мощнейшее политическое оружие. Медийная политика, таким образом, зачастую превращается в политику скандалов. В долгосрочном плане это ведет к дальнейшему усугублению кризиса политической легитимности, росту недоверия к демократическому процессу. Недоверие к политикам, институтам и механизмам демократии ведет к тому, что избиратели начинают голосовать не «за», а «против», вынужденно выбирая меньшее из зол или отдавая предпочтение кандидатам, олицетворяющим контрвласть.

Протестные политические движения получают сегодня новые возможности для более значимого присутствия в коммуника-

ционном пространстве. В первую очередь эти возможности обусловлены ростом массовой самокоммуникации. Распространение Интернета, мобильной связи, цифровых медиа, многообразных программных продуктов и т.д. стимулируют развитие горизонтальных сетей интерактивной коммуникации, которые осуществляют мультимодальный обмен сообщениями от многих к многим как в синхронном, так и в асинхронном режиме. Благодаря этим новым техническим возможностям, их пользователи начинают выстраивать собственные системы массовой коммуникации на основе блогов, форумов, SMS-сообщений, обмена любой информацией, выраженной в цифровой форме. Сегодня блогосфера является многоязыковым и мультикультурным пространством коммуникации. В настоящее время также усиливается взаимодействие между горизонтальными и вертикальными сетями коммуникации, а корпоративные медиа и основные группы политической элиты начинают уделять все большее внимание ресурсам массовой самокоммуникации. Тем не менее речь идет о принципиально новом виде массовой коммуникации, по сути – о новом коммуникативном медиуме, который оказывает все усиливающееся воздействие на формирование общественного сознания на локальном и глобальном уровнях.

Движения социального протеста и отдельные индивиды, критически настроенные по отношению к политическому режиму, активно используют сети коммуникации (Интернет, мобильные телефоны, а также «пиратские» радиостанции, локальное телевидение) для противостояния существующим социальным институтам, продвижения собственных политических проектов и мобилизации сторонников. По сути дела, новые средства цифровой коммуникации конституируют важнейшие организационные формы протестных движений, принципиально отличающиеся от традиционных форм организации партий, профсоюзов и ассоциаций, характерных для индустриального общества. Впрочем, организационные формы этих социальных акторов также эволюционируют в сторону сетевой коммуникации.

Поскольку отношения власти в современном мире структурированы в глобальные сети, социальные движения также действуют на глобальном уровне и ведут борьбу за умы людей, все более активно участвуя в процессе глобальной коммуникации. Они мыслят локально, укоренены в том или ином социуме, но действуют глобально, противостоя власти в ее средоточии – в глобальных сетях коммуникации. Опираясь на местных активистов, про-

тестные движения организуют свои выступления в тех местах, где в конкретный момент локализована глобальная власть – на встречах «большой восьмерки», заседаниях МВФ или ВТО.

Кастельс показывает, что не только сфера публичной политики во все возрастающей степени попадает в зависимость от процессов коммуникации, но и само коммуникационное пространство становится областью конкурентных отношений. Это является признаком наступления новой исторической эпохи, когда рождаются новые социальные формы, и, как и раньше, обновление общества происходит в борьбе, конфликтах, зачастую – в насилии. Тем не менее еще не все качественно новые черты обновляющегося общества проявились в полной мере. То, что можно выявить уже сейчас – это попытки власть предержащих вновь утвердить свое доминирование в сфере коммуникации в условиях снижения роли традиционных социально-политических институтов. Осознание представителями правящих элит необходимости вступить в борьбу за сети горизонтальной коммуникации делает неизбежным новый раунд противостояния в коммуникационном пространстве. Проявлениями этого противостояния являются усиление контроля за Интернетом и сообщениями электронной почты в США, последние изменения в политике Китая, ведущие к тому, что пользователи Интернета начинают рассматриваться как потенциальные компьютерные пираты, часть законодательных новаций Европейского союза, дающих возможность финансового и иного контроля за интернет-сайтами, обеспечивающими возможность сетевой интеграции для различных сообществ.

Кастельс делает вывод о том, что человечество стоит на пороге исторического сдвига в области публичной политики – сдвига от институциональной сферы к новому коммуникационному пространству. Формирующаяся на основе сетей горизонтальной коммуникации новая сфера публичной политики не предопределена в своих формах некой исторической судьбой или технологической необходимостью. Она является результатом современного этапа многовековой борьбы за освобождение нашего сознания.

В статье «Сетевая теория власти» (2011) Кастельс уточняет и развивает свою концепцию власти в сетевом обществе. Он считает, что к реалиям сетевого общества уже неприменимо традиционное представление о власти; тем не менее это понятие необходимо для описания особенностей новых форм доминирования, определяющих образ жизни людей независимо от их свободной воли. Власть в сетевом обществе представляет собой комплексное явление, она

сконцентрирована вокруг сложных по структуре и организации взаимодействия сетей, запрограммированных для каждой области человеческой деятельности в соответствии с интересами и ценностями социальных акторов, обладающих властью. Таким образом, использование понятия «власть» дает возможность выделить и рассмотреть скрытые властные отношения, продолжающие действовать в новых формах применительно к новым типам акторов.

Среди четырех форм властных отношений Кастельс в первую очередь выделяет власть акторов и организаций, играющих ключевую роль в структуре глобального общества, над теми сообществами и индивидами, которые не включены в эти глобальные сети (networking power). Решающее значение здесь приобретают процедуры включения и исключения из сетей. Хотя, согласно закону Меткалфа¹, ценность принадлежности к сети растет экспоненциально вместе с ростом размера сети, столь же быстро усиливается и девальвация, связанная с исключением из сети. Согласно теории Р. Тонгия и Э.Д. Уилсона², которые описывают процессы включения или исключения сетевых узлов, существуют некие «охранники» (gatekeepers), играющие в этих процессах главную роль. Эти охранники обеспечивают коллективную способность сетей к самосохранению и поддержанию власти над другими сетями, сетевыми фрагментами или над несоединенными социальными подразделениями (disconnected social units)³. Таким образом, социальные акторы осуществляют власть путем создания сетей, в которых аккумулируются ценные ресурсы и где по достижении определенного уровня осуществляется функция «пропускного режима». Иными словами, эти акторы могут запретить доступ к сети тем, кто не увеличивает ее совокупной ценности или ставит под угрозу интересы самой сетевой программы.

Второй формой является власть, возникающая в результате применения стандартов для координации социальных взаимодей-

¹ Закон Меткалфа (1976) гласит, что полезность сети приблизительно равна половине квадрата численности пользователей этой сети. Закон назван по имени Роберта Меткалфа, одного из разработчиков сети Ethernet.

²Tongia R., Wilson E.J. Turning Metcalfe on his head: The multiple costs of network exclusion: Paper presented at the 35th Annual telecommunication policy research conference (TPRC). – Vienna (VA), 29 September 2007. – Mode of access: <http://repository.cmu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1123&context=epp>

³Barzilai-Nahon K. Toward a theory of network gatekeeping: A frame work for exploring information control // J. of the American society for information science a. technology. – Silver Spring (MD), 2008. – Vol. 59, N 9. – P. 1493–1512.

ствий в сетях (правил включения в сеть, встроенных в сетевые программы). После своего утверждения стандарты становятся обязательными для всех узлов сети, поскольку именно благодаря им сеть имеет возможность существовать в качестве коммуникативной структуры. Таким образом, сетевая власть (*network power*) – это власть сетевых стандартов над любыми компонентами сети. Она выражает интересы специфической группы социальных акторов, стоявших у истоков создания этой сети или установления в ней стандартов. В современном мире глобального капитализма координация между различными акторами осуществляется на основе новых глобальных стандартов, что чаще всего происходит путем навязывания одного решения и пренебрежения альтернативными вариантами¹.

Третьей формой выступает власть как результат доминирующего положения нескольких сетевых акторов по отношению к другим акторам (*networked power*). Кастельс выделяет несколько особенностей этой формы властных отношений. Прежде всего, каждая сеть устанавливает присущие лишь ей властные отношения, зависящие от ее программных целей. Так, например, в глобальной капиталистической системе определяющую роль играют интересы глобального финансового рынка: именно эти интересы озвучиваются и последовательно проводятся МВФ и различными рейтинговыми агентствами. Другим примером является военная власть США – точнее, власть их государственного аппарата, который может продвигать технологические инновации и знания в целях усиления военной мощи и располагает материальными ресурсами для крупномасштабных инвестиций в развитие военного потенциала страны (2, с. 775).

Однако неверно было бы говорить о существовании единого источника власти, поскольку властные отношения имеют гораздо более сложную структуру. Так, глобальные финансовые рынки, перераспределяющие через свои сети гигантские потоки капитала, могут выйти из-под контроля любых регулирующих институтов; к тому же надо учитывать зависимость способа оценки состояния рынка от непредсказуемых информационных турбулентностей. Другой пример: считается, что политические решения зависят от медиа, но на самом деле медиаполитические процессы характеризуются крайне высокой степенью сложности. В свою очередь,

¹Grewal D.S. *Network power: The social dynamics of globalization*. – New Haven (CT): Yale univ. press, 2008. – P. 5.

всесильные на первый взгляд финансовые акторы и организации зависят от правительственного регулирования и мало предсказуемой динамики глобальных рынков, правительства же включены во множество комплексных сетей глобального управления, ограничивающих их возможности – сетей, которые создаются под давлением бизнеса и «групп влияния». Правительства также вынуждены договариваться с национальными медиа, распространяющими информацию об их действиях в той или иной стране, о формате подачи новостной продукции. Зачастую под воздействием социальных движений и протестных акций те или иные правительства не могут оптимально разрешить конфликтную ситуацию. В ряде случаев, как, например, в США после террористических атак 11 сентября 2001 г., правительство, защищая свои интересы, может выступить субъектом односторонних действий, которые способны привести к хаосу на международной арене (хотя геополитическая односторонность постепенно уступает место реалиям глобальной мировой взаимозависимости). Таким образом, хотя не существует социального актора, обладающего абсолютной сетевой властью, невидимые на первый взгляд властные отношения продолжают действовать, пусть в новых формах и с новыми акторами.

Последняя, четвертая форма власти (*network-making power*) означает возможность создавать и программировать сети в соответствии с интересам и ценностям «программистов» (тех, кто это осуществляет) и «переключать» (*switch*) связи между ними, т.е. объединять их цели и ресурсы, обеспечивая стратегическое сотрудничество доминирующих в этих сетях акторов и одновременно защиту от конкурирующих сетей. Это два основных механизма осуществления контроля над другими акторами в сетевом мире. И «программисты», и «переключатели» не должны рассматриваться только как конкретные, имеющие определенный состав группы или личности. Поскольку осуществление власти в сетевом обществе требует комплексной общности совместных действий, что выходит за рамки обычных форм сотрудничества, то во многих случаях «обладателями власти» являются сами сети или подсети в составе больших сетей, в которые организовано все общество. Разумеется, имеются в виду не какие-то абстрактные, скрытые от постороннего взгляда сети или автоматические сетевые соединения, а люди, организованные вокруг общих проектов и интересов. Объединенные сетевыми взаимодействиями акторы образуют новую форму субъекта – сетевой субъект.

В соответствии с неизменной для всех типов обществ логикой социального развития в эпоху глобального капитализма наряду с властными отношениями действуют и компенсационные социальные процессы. Речь идет о сопротивлении доминирующим интересам, ценностям и проектам со стороны тех социальных сил, которые либо отсутствуют вовсе, либо недостаточно представлены в программах и составе акторов управляющих сетей. Оба типа отношений – власть и контрвласть – в своем взаимодействии определяют структуру властных отношений и осуществляются при помощи одних и тех же механизмов. Так же, как и власть, контрвласть в сетевом обществе представляет собой борьбу за изменение программ различных сетей, разрушение «переключений» между ними в интересах доминирующих сил и замену этих переключений на альтернативные. В качестве акторов здесь также выступают люди, но люди, организованные в сети. И власть, и контрвласть глубинным образом влияют на самые основы человеческого сознания, используя для этого сети массовой коммуникации и самокоммуникации (так Кастельс называет субсети Интернета, специально предназначенные для общения между людьми).

Любые коллективные акции оппозиционных социальных движений направлены прежде всего на то, чтобы установить новые коды для основной «операционной системы» господствующей властной программы. Примером этого могут считаться новые инструкции для глобальных финансовых сетей, согласно которым некоторым странам, находящимся в состоянии крайней бедности, следует прощать долги. Существуют и более радикальные формы «перепрограммирования», означающие сопротивление фундаментальным принципам сети, например требование движения за глобальную справедливость изменить торговые соглашения, заключенные в соответствии с уставом Всемирной торговой организации, с тем, чтобы были учтены задачи охраны окружающей среды, социальные и культурные права. Таким способом данное протестное движение стремится воздействовать на всю программу мировой экономической сети, а не только на конкретные действия отдельной сетевой организации.

Другим механизмом противостояния власти в сетевом обществе служит сопротивление метапрограмме ценностей, под которой подразумевается исходный программный код, положенный в основу всех сетевых программ, предназначенных для управления социальными институтами. В качестве примеров подобных протестных акций можно рассматривать судебные иски или воздействие

на Конгресс США с целью ослабить связь между олигополистическим медиабизнесом и правительством путем изменения правил Федеральной комиссии по связи, допускающих высокий уровень концентрации медиаресурсов; блокирование сетевых связей между корпорациями и политической системой с помощью регулирования правил финансирования избирательных кампаний; обсуждение несовместимости поста вице-президента страны и статуса бенефициара компании, зарабатывающей на военных контрактах; сопротивление практике интеллектуального подхалимажа в адрес власть предержащих при использовании представителями интеллектуального сообщества своих научных или нравственных позиций для политической пропаганды.

К более радикальным актам вмешательства в сферу связей между сетями относятся также террористические атаки на материальную инфраструктуру сетевого общества либо на материальные «переключатели» между физическими сетями, в которые включен оременный человек. Речь идет о материальных либо психологических атаках (терактах), направленных против воздушного транспорта, компьютерных сетей, информационных систем, т.е. сетевой инфраструктуры, необходимой для жизни в современном обществе. В ответ на вмешательство «групп сопротивления» в пространство стратегических связей между сетями власти стремятся расширить собственные сети безопасности. Необходимой частью сетевого сопротивления власти является также использование информационных и коммуникационных технологий. Среди примеров, приводимых Кастельсом, – антиглобалистское движение и движение за охрану окружающей среды, деятельность «Аль-Каиды» и связанных с ней организаций.

Решающую роль в процессах конструирования власти и властных отношений в современном обществе играют глобальные и локальные мультимедийные сети массовых коммуникаций. Наиболее активной частью этих сетей сегодня выступает сетевая самокоммуникация, осуществляемая через Интернет, а также через другие горизонтальные цифровые коммуникационные сети. Власть в современном обществе не могла бы существовать только за счет прямого принуждения, т.е. если бы она не подкреплялась символическим конструированием смысла отношений власти в человеческом сознании. Процессы создания смыслов в значительной степени зависят от сообщений и фреймов, которые создаются, форматируются и распространяются в мультимедийных коммуникационных сетях. Новая многоканальная и многомодульная систе-

ма самокоммуникаций, основанная на обмене сообщениями между многочисленными отправителями, являющимися одновременно и получателями, значительно потеснила традиционные формы работы профессиональных СМИ. Удобная и открытая, она легко интегрирует сообщения и коды из любых источников. Если раньше СМИ как проводники властных влияний воздействовали на сознание людей, используя стандартные сообщения, которые они формировали и форматировали в рамках своей корпоративной стратегии, то теперь в мире массовой самокоммуникации Интернета и других горизонтальных коммуникационных сетей абсолютным правилом является разнообразие форматов. Следовательно, стандарты все больше теряют свое значение в качестве источника сетевой власти. Вместе с тем новым стандартом становится цифровая форма коммуникаций. «Оцифровка» обеспечивает неограниченные возможности для вирусного распространения сообщений вне зависимости от контроля за их курсированием через глобальные сети коммуникации и их положительных либо негативных последствий. Сетевая власть здесь проявляется не в традиционном виде контроля над формированием сообщений, но принимает новую форму – устранения контроля над распространением сообщений.

Однако мультимедийные коммуникационные сети сами не являются источниками власти, они зависят от решений и инструкций своих «программистов»; возможности же последних радикально изменились с ростом массовой самокоммуникации, поскольку все, что загружается в Интернет, немедленно становится доступным всему миру. Правда, многие традиционные СМИ до сих пор выполняют роль «охранников» в сетевых коммуникациях и не только сохраняют свою власть, но и пытаются включить в сферу своего влияния телекоммуникационные сети.

Такой вид власти как *networked power* в условиях повсеместного распространения новых коммуникационных сетей осуществляется в форме сложной многоступенчатой и многоуровневой сетевой структуры процесса принятия решений и выработки стандартов подачи новостей в мире корпоративных медиа. Сети по принятию решений охватывают социальные элиты и правительства, владельцев коммуникационных сетей и их корпоративных спонсоров, менеджеров, редакторов, журналистов и, наконец, саму интерактивную аудиторию. Все эти «субъекты» могут выполнять роль «программистов» в соответствии со своим положением в сетевой иерархии, но то, каковыми будут сетевые действия, в ко-

нечном итоге решает только полный набор «программистов», взаимодействующих как между собой, так и с «коллегами» из других коммуникационных сетей. Вместе с тем программа такого взаимодействия в рамках мультимедийной сети массовой коммуникации задается извне неким внешним «метапрограммистом». Поскольку речь идет о власти, способной создать и запрограммировать такую сеть (network-making power), то субъектами «метапрограммирования» являются владельцы медиакорпораций и интернет-медиа, а также те, кто осуществляет над ними контроль, будь то представители бизнеса или государства. Только они располагают достаточными финансовыми, законодательными, институциональными и технологическими возможностями для организации и управления сетями массовой коммуникации и становятся той инстанцией, которая решает, каким будет контент и формат коммуникации в соответствии с целью существования сети. В качестве подобной цели могут выступать прибыль, власть, культура или все вышперечисленное вместе.

Однако структура сети социальных акторов, принимающих решения в глобальных сетях коммуникации, является настолько сложной, что даже в том случае, когда основные решения принимает личность (например, Руперт Мэрдок), ее возможности ограничены множеством других сетевых источников власти. По сути дела, в качестве «метапрограммистов», создающих сети, выступают сами корпоративные сети, формирующие и программирующие другие сети ради достижения определенных, изначально в них встроенных целей (увеличение прибыли, наращивание политической власти и т.п.). В любом случае в программе всегда присутствует установка на сохранение влияния на аудиторию с целью дальнейшей конверсии этого влияния в пользу финансового или властного капитала. С этой же целью владельцы глобальных мультимедийных сетей осуществляют инвестиции в развитие интерактивной коммуникации в Интернете и в беспроводных коммуникационных сетях. Ведь Интернет становится прибыльным только в том случае, если люди пользуются им как можно чаще, а они будут пользоваться этой сетью реже, если последняя утратит фундаментальные свойства интерактивности и нефильТРованности коммуникации (несмотря на то что подобная открытость имеет и негативные стороны). Именно это стало причиной возрастания популярности сервисов Web 2.0 и Web 3.0, которые предоставляют самые широкие бизнес-возможности для внедрения стратегии «коммодификации свободы», обеспечивая свободный обмен со-

общениями и доступ в глобальную коммуникационную сеть при условии оплаты этого доступа, отказа от права на приватность информации и открытости личного пространства для рекламодателей. Согласившись на такие условия, пользователи, благодаря доступу в киберпространство, могут распространять любые идеи, будь то планы сопротивления корпоративной власти, разрушения государственной власти или изменения культурных основ находящейся в кризисе западной цивилизации.

Осуществление такой формы власти, как *newtork-making power*, в сфере массовых коммуникаций представляет собой сложный диалектический процесс. В ходе этого процесса мультимедийные корпоративные сети, принадлежащие бизнесу или государству, вступают во взаимодействие с объединенными сетевыми отношениями пользователями медиапродуктов, которые одновременно создают новую интерактивную культуру. По сути дела, происходит взаимодействие одних сетей с другими, в результате чего на основе информационных обменов возникают новые сети; «запускают» же эти процессы «метапрограммисты» – владельцы глобальных мультимедийных деловых сетей, являющиеся частью властной элиты сетевого общества. Это сетевые субъекты власти программируют одну из наиболее важных сетей – метасеть коммуникационных сетей, через которую они, в соответствии со своими корпоративными стратегиями, продают социальным акторам варианты «образов жизни». И хотя в результате бурного развития Интернета значительно уменьшились возможности для корпоративного контроля над сферой коммуникации, перевес в соревновании между профессиональной медиапродукцией и новой информационной блогерской культурой явно на стороне первой.

Анализируя проявления власти в контексте глобальных мультимедийных коммуникационных сетей, Кастельс рассматривает сложную конфигурацию взаимосвязей между мультимедийными корпоративными сетями, государственными системами и финансовыми акторами. В своей совокупности они образуют мегасеть, обладающую огромным властным потенциалом. Правда, даже мегасеть не располагает всей полнотой власти, поскольку каждая из составляющих ее сетей (равно как и их сумма) зависит от других, таких как политическая сеть, военная, сеть производства культуры, глобальная криминальная и глобальная сеть производства и применения науки, технологии и менеджмента знания. Тесно связанные между собой, эти сети не просто объединены в разных областях человеческой деятельности; их отношения

скорее можно описать как стратегическое партнерство или соревнование, одновременно и сотрудничество, и конкуренцию (в зависимости от контекста и конкретного момента). В дальнейшем, считает Кастельс, предпринятый им теоретический анализ сетевых форм власти должен стать основой углубленных эмпирических и прикладных исследований в этой области.

Д.В. Ефременко, М.Е. Соколова

Латур Б.
СЕТИ, ОБЩЕСТВА, СФЕРЫ:
РАЗМЫШЛЕНИЯ ОДНОГО ИЗ СОЗДАТЕЛЕЙ
АКТОРНО-СЕТЕВОЙ ТЕОРИИ

Реф. статьи: LATOUR B. Network, societies, spheres: Reflections of an actor-network theorist // International j. of communication. – Los Angeles (CA), 2011. – Vol. 5. – P. 796–810.

Свое заключительное выступление на Международном семинаре по сетевым исследованиям, проходившем в Школе коммуникаций и журналистики (Университет Южной Калифорнии, Лос-Анджелес, США) под руководством М. Кастельса и П. Монге, профессор парижского Института политических исследований Бруно Латур посвятил влиянию концептуального аппарата акторно-сетевой теории на фундаментальные изменения в социальной теории, эпистемологии и философии.

Как отмечает Латур, понятие сети стало важным эпистемологическим достижением исследований в области науки и техники – независимо от того, о каком объекте и виде деятельности идет речь. В основе этого понятия лежит переход объекта из состояния самозамкнутости (self-contained) и самоограниченности в состояние разрозненного множества его частей, прежде невидимых наблюдателю (с. 797). Так, примером развертывания материальной сети является реконструкция американского космического челнока «Колумбия», предпринятая NASA для выяснения причин катастрофы этого космического корабля в 2003 г. Все уцелевшие фрагменты корабля были собраны и разложены в натуральную величину в огромном ангаре, образовав собой развернутую сеть, которая в совокупности включала и материальные составляющие (в их реальных размерах), и организационно-бюрократические

элементы. Прежде замкнутый и сложный технический объект превратился в сеть – набор, состоящий из множества ставших видимыми для наблюдателя компонентов (с. 796). В качестве примера развертывания эпистемологической сети могут рассматриваться и информационные связи Ньютона, благодаря которым ему удалось написать свой труд «Математические принципы естественной философии» (с. 797).

Сетями (network) Латур называет не только сами вещи или нематериальные системы связей, развернутые в форме сетей (net); сеть может пониматься также как процесс исследования вещи, в котором выявляются необходимые для ее существования элементы. В этом втором значении развертывание сети больше напоминает эффект счетчика Гейгера, который подает сигнал каждый раз при обнаружении нового, ранее невидимого для того, кто его разыскивает, элемента. Переходя на философский уровень, можно сказать, что существование сети проявляет себя в сериях сигналов, с помощью которых исследователь может регистрировать развертывание атрибутов субстанции, будь то какой-либо материальный объект или нематериальная сущность (с. 799). Так, «Колумбия» в терминах такого толкования понятия «сеть» является не объектом, представляющим собой замкнутую субстанцию, а скорее набором самых разных элементов, составляющих необходимые условия существования корабля, отсутствия одного из которых оказалось достаточно для его разрушения.

«Сетевая революция», совершенная в изучении общества акторно-сетевой теорией (АСТ), состоит в возможности рассматривать объект, факт как развернутую в соответствии с интересом исследователя совокупность атрибутов. Развертывание сети осуществляется как движение от субстанции к атрибутам и обратно (с. 800). Латур акцентирует отличие своей трактовки этого феномена от подхода А.-Л. Барабаша. Если Латур имеет в виду сеть как концептуальный термин или способ определить любую сущность (entity) (будь то агент или актор) посредством развертывания его атрибутов, Барабаша под сетью подразумевал конкретную группу людей в Голливуде. Автор сравнивает акторно-сетевую теорию с корпускулярно-волновой теорией 1930-х годов: если обратиться к ее концептуальному аппарату, сущность может рассматриваться исследователем и как актор (частица), и как сеть (волна). В этом и состоит, по Латуру, полная взаимная обратимость сети и акторов – актор есть не что иное, как сеть, а сеть есть не что иное, как акторы (с. 800).

Критикуя большинство визуальных изображений сетей, Латур выделяет в качестве наиболее удачной инсталляцию Т. Сарасено, выставленную на Венецианском биеннале 2009 г., в которой автору из эластичных нитей, закрепленных на стенах выставочного помещения, удалось создать выразительные замкнутые сферические фигуры, воспроизводящие по форме сеть и передающие ее сущность. По мнению Латура, художник сумел лучше многих ученых исследовать возможности использования визуальных средств для передачи развертывания самозамкнутых субстанций в форме множества атрибутов. Именно поэтому его можно причислить к «экологическому» направлению в искусстве (термин «экология» понимается Латуром в рамках АСТ).

«Сетевая революция», помноженная на возможности цифровых технологий, открывает перед современной социологией новые подходы к решению проблемы идентичности. Латур, обращаясь к идеям Г. Тарда, говорит о философской актуальности глагола «иметь» по сравнению с глаголом «быть» применительно к данной проблеме. Появление Web изменило все в пользу именно этого глагола: «иметь друзей, профиль и т.д» становится гораздо более актуальным определением идентичности личности, чем «быть» (с. 802).

Возможности цифровых технологий в корне меняют особенности социологических техник сбора данных, что, в свою очередь, изменяет и само видение общества в социологической теории. Новые способы сбора и представления данных на экране заставляют по-другому взглянуть на решение задачи соединения индивида и общества, уже давно стоящей перед представителями социальных и политических наук. Автор подчеркивает тесную связь между количественными методами традиционной социологической статистики и теоретическим противопоставлением атомизированного индивида и социального коллективного целого, общества *sui generis*. Особенности сбора, представления и работы со статистическими данными разделяли «индивида» и «общество», что неизбежно заставляло затем искать способы соединить их, интегрировав индивида в социальные общности. Решая вопрос: как объединить части и целое, социологи прошлого моделировали понятие общества как коллективного феномена, опираясь на клише «целое выше суммы его частей». Замкнутые в себе индивиды, вступая во взаимодействия, образуют такое же самозамкнутое общество. Латур утверждает, что появление АСТ привело к осознанию того, что идея противопоставления индивида и общества

была просто артефактом рудиментарного способа, который применялся раньше для сбора и аккумуляции статистических данных.

С помощью новой техники навигации, позволяющей беспрепятственно и быстро передвигаться в самых разных направлениях, на экране осуществляется моментальный переход от индивидуальных данных персонального профиля к агрегации сотен и тысяч профилей, что помогает избежать прежнего разрыва между данными об индивиде и о коллективном целом. Вместо неизбежных ранее разделения и прерывности в представлении данных новый способ навигации дает возможность перейти от противопоставления индивида и общества к представлению данных как многообразию взаимно обратимых индивидуальных и коллективных переменных.

Таким образом, утверждает Латур, соединение новых технологий представления данных на цифровом интерфейсе и средств навигации на экране с акторно-сетевой теорией создало основу для фундаментального пересмотра классических представлений об обществе как целом, состоящем из индивидов. Web положил конец искусственному разделению целого и частей, индивида и общества. Предшественником этого альтернативного с точки зрения традиционной социологии подхода Латур считает Тарда, оспаривавшего в дискуссиях с Дюркгеймом разделение уровней индивидуальной психологии и общества *sui generis*.

Вместо представления об индивидах как обособленных и полностью взаимозаменяемых социальных атомах социологи оперируют теперь комплексными индивидуальными профилями, состоящими из длинного перечня качеств, профилями, которыми переполнен Web и которые по воле или против воли своих создателей аккумулируют, визуализируют и сохраняют их личные данные. Поскольку появление персональных профилей существенным образом нивелировало различие количественных и качественных методов исследования, Латур предлагает называть новые методы работы с документами качественно-количественными (с. 806).

Возможность работы с персональными профилями позволила представителям АСТ сформулировать новое понимание классической проблемы социальной теории, касающейся роли интеракции в создании коллективных феноменов, превосходящих уровень индивидуальной деятельности. Концептуальное представление о перечне (наборе) качеств, которое пришло в социологию, дает возможность считать существование каждого индивида суммарным результатом существования всех предшествовавших ему

индивидов. Каждый индивид с этой точки зрения может рассматриваться как часть гигантской исторической матрицы, в чьих столбцах и строках находятся другие индивиды с присущими им качествами. Соответственно качества этого индивида определяются как набор его позиций по отношению к другим индивидам, с которыми он связан вертикальными или горизонтальными отношениями (с. 806). В этой концептуальной конструкции мы можем проследить влияние основного постулата АСТ, который Латур называет соотношением актора и сети, или субстанции и ее атрибутов.

Из АСТ вытекают два следствия, которые можно назвать парадоксальными с точки зрения классического представления о соотношении целого и частей. Во-первых, если рассматривать актора как актора-сеть, то индивидуальное действие носит слишком распределенный характер, чтобы его можно было рассматривать в терминах интеракции. Во-вторых, появление и аккумуляция огромного количества информации об индивидуальных профилях влечет за собой изменение понятия целого, которое парадоксальным способом становится меньше, чем создающие его индивиды. Коллективные феномены здесь не являются чем-то превосходящим Web, формируемой самими пользователями, распространяющими свои профили (с. 808).

На постулате о существовании двух социальных уровней (атомизированных индивидов и коллективных феноменов) базируются три известных в социальных науках метафоры, описывающие соотношение между ними: а) органицистская (общество, превосходящее индивидов); б) экономическая («невидимая рука», управляющая порядком среди «атомов» для достижения оптимума); в) самоорганизационная (эмерджентная структура). Но, спрашивает Латур, как можно опираться на эти метафоры в мире, где есть только один – сетевой – уровень, а части представляют собой нечто большее, чем целое, и где о феноменах можно сказать, что хотя они носят коллективный характер (не социальный!), они в то же время не являются чем-то превосходящим индивида? Возможно, наступило время для новых метафор, полагает автор; одна из них может быть основана на циркуляции стандартов посредством сети, моды, эпидемии и т.д., что в современных условиях легко определить и визуализировать с помощью новых цифровых средств (с. 807).

В то же время положение о том, что феномен может быть коллективным, не будучи социальным, открывает интересные

перспективы для сотрудничества между социологами и биологами, выступающими против модели организма, которая основана на аналогичном социологическому разделению уровней частей и целого. Например, энтомологи, изучая законы жизни в муравейнике, не прибегают к понятию суперорганизма (с. 809).

Таким образом, утверждает Латур, подлинная цифровая революция в социальной теории открывает возможность для изучения индивидов и их агрегированных общностей без редукции к какому-нибудь одному из двух уровней и без их традиционного деления и разъединения, когда индивидуальное действие таинственно исчезает и растворяется в некоей структуре *sui generis*. АСТ и «сетевая революция» позволяют исследовать человеческое общество, не впадая в редукционизм концептуальных моделей биологической или физической науки, основанных на постулировании огромного количества взаимозаменяемых элементов.

В заключение Латур затронул вопрос о перспективах компьютерной обработки данных, наметив такие пути развития в этой области, как улучшение возможностей визуального представления данных на экране, которое, являясь информативным и комплексным, пока остается слишком однообразным и унылым. Вторым его пожеланием к навигации научных данных было обеспечение на экране визуального доступа к различным научным платформам, полемизирующим между собой. Именно этой проблеме посвящен развиваемый им в течение 15 лет курс «Картография научных дискуссий (*controversies*)», а также завершившийся недавно европейский проект MACOSPOL¹, целью которого являлось создание удобной для ученых и пользователей платформы, связывающей гетерогенные и дискуссионные научные данные.

М.Е. Соколова

¹ www.macospol.eu

Мачледер Дж., Асмолов Г.

**СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ
И РОССИЙСКОЕ СЕТЕВОЕ ОБЩЕСТВО**

Реф. статьи: MACHLEDER J., ASMOLOV G. Social change and the Russian network society: Redefining development priorities in new information environments // *Internews: Local voices. Global change.* – Aug. 1, 2011. – Mode of access: <http://www.internews.org/research-publications/social-change-and-russian-network-society>

В статье Григория Асмолова (докторанта факультета медиа и коммуникаций Лондонской школы экономики и политических наук) и Джоша Мачледера (вице-президента Интерньюс Нетворк) предпринята попытка всестороннего анализа влияния информационных технологий на социальное развитие в современной России. Работа в первую очередь адресована организациям, которые занимаются проектами в области социального и медиаразвития, а также осуществляют поддержку инициатив по созданию инновационных платформ, помогающих решать те или иные социальные проблемы.

В качестве примера влияния информационных технологий и сетевого общества на социальное развитие рассматриваются некоторые российские сетевые инициативы и интернет-платформы. Российский опыт привлек пристальное внимание авторов вследствие особой социокультурной и политической роли Рунета. Кроме того, в российском сегменте Интернета можно наблюдать интересное сочетание относительно высокого процента пользования мировой сетью и уровня цифровой грамотности, с одной стороны, и существенной интернет-свободы – с другой. Вместе с тем для России характерен ряд серьезных социальных проблем, остающихся нерешенными, а также относительно высокий уровень не-

доверия к традиционным государственным институтам. Подобный контраст делает роль информационных технологий особенно значимой для развития общества.

Авторы основывают свой анализ на концепциях сетевого общества и сетевой силы Мануэля Кастельса, а также используют идею «пятой власти» (fifth estate) Уильяма Даттона. Среди важнейших понятий, предложенных Кастельсом для осмысления роли информационных технологий, в первую очередь нужно отметить концепцию «массовой самокоммуникации», согласно которой информационные технологии способствуют ликвидации барьеров, препятствующих выходу индивида в публичное пространство, и значительно упрощают передачу той или иной информации для массовой аудитории. Таким образом, перед каждым участником коммуникации открывается потенциальная возможность участвовать в формировании повестки дня или высказывать свое мнение относительно самых разных актуальных тем.

Значение понятия массовой самокоммуникации становится понятным, если рассматривать его в контексте концепции «сетевой силы». Согласно Кастельсу, информационные технологии позволяют формировать новые механизмы влияния, основанные на мобилизации сетевых ресурсов. Исследователь выделяет два элемента сетевой силы

1. Сетевое программирование (programming power), т.е. формирование тех или иных целей для мобилизации сетевых ресурсов.

2. Сетевое переключение (switching power), т.е. объединение различных сетевых структур вокруг конкретной цели.

Таким образом, информационные технологии способствуют появлению новых механизмов мобилизации сетевых структур для осуществления тех или иных социальных целей. В то же время благодаря массовой самокоммуникации каждый может участвовать в формировании этих целей и мобилизации самых разных сетевых структур для их достижения.

Ссылаясь на теорию «пятой власти», Мачледер и Асмолов считают, что потенциал мобилизации сетевых структур для социального развития должен быть развит и увеличен. Согласно Даттону Интернет предоставляет пользователям возможность оспаривать силу влияния традиционных политических институтов, повышая уровень прозрачности и оказывая давление, ведущее к большей подотчетности органов власти и прочих центров авторитета. Даттон вводит два ключевых понятия – *сетевые индивиды*

(*networked individuals*), т.е. пользователи Интернета, которые в контексте «пятой власти» становятся альтернативным источником силы и влияния, и *сетевые институты (networked institutions)* – платформы, позволяющие организовывать коллективные акции и мобилизовать сетевые ресурсы для реализации тех или иных целей.

На основе концепции «пятой власти» и ряде примеров авторы статьи выделяют три основных поля деятельности.

1. Анализ влияния сетевых индивидов на конструирование социальных целей и мобилизацию сетевых ресурсов, в том числе посредством создания сетевых институтов.

2. Анализ механизмов создания и влияние сетевых институтов как платформ для мобилизации сетевых ресурсов с целью достижения тех или иных социальных целей.

3. Анализ механизмов формирования сетевых коалиций между сетевыми индивидами (пятой властью), а также другими институтами, включая СМИ (четвертую власть), бизнес, НКО, экспертные и исследовательские сообщества и государственные структуры. Формирование подобных сетевых коалиций соответствует так называемой «силе переключения» (Кастельс).

Развивая идеи Кастельса и Даттона, Мачледер и Асмолов утверждают, что в ряде случаев (в особенности если традиционные институты власти не выполняют функций, которые они должны выполнять согласно ожиданиям общества) роль «пятой власти» не ограничивается повышением прозрачности и подотчетности. Используя сетевые институты, сетевые индивиды способны мобилизовать ресурсы для выполнения функций, которые не реализуются традиционными институтами, и таким образом предлагать альтернативные механизмы управления и решения социальных проблем.

Исследование поведения сетевых индивидов конкретизируется в статье посредством трех групп примеров. В первую очередь это влияние сетевых индивидов на форму описания событий (*framing*) и повестку дня (*agenda setting*). В частности, для описания динамики влияния массовой самокоммуникации на традиционные СМИ используется термин «блоговолны», предложенный блогером и политтехнологом Мариной Литвинович. Влияние массовой самокоммуникации на повестку дня традиционных СМИ с помощью Интернета особенно важно в России. Согласно «Карте российской блогосферы», являющейся результатом исследования, проведенного Беркмановским центром по изучению Интернета и

общества при Гарвардском университете (Berkman center), в российской медиасфере наблюдается нарастающее расхождение между освещением новостей в Рунете и подачей их в традиционных СМИ, в первую очередь – телевидением. По сути дела, получатели информации в онлайн-пространстве, и те, кому ее доставляют традиционные каналы (в оффлайне), живут в одном и том же физическом пространстве, но в разных информационных мирах. Именно поэтому так интересен анализ влияния новостных тем, возникающих в сетевом Рунете, на повестку дня традиционных СМИ, как печатных, так и электронных: он позволяет проследить возникновение мостов, соединяющих миры оффлайна и онлайн.

В статье обсуждаются также возможные методологии анализа и измерения блогволн, включая проект Гарвардского университета под названием «Медиа-облако» (Media cloud). В контексте социальных перемен блогволны позволяют сетевым индивидам привлекать общественное внимание к тем или иным проблемам, которые игнорируются традиционными СМИ. Сам факт привлечения внимания является необходимым элементом мобилизации сетевых ресурсов как для оказания давления на государственные институты, так и для самоорганизации с целью решить проблему собственными силами.

В контексте анализа процессов массовой самокоммуникации и конструирования целей для сетевой мобилизации авторы затрагивают также проблематику сетевого лидерства и роли индивида. Как индивид может мобилизовать сетевые ресурсы в горизонтальной среде? Речь идет о концепциях сетевых катализаторов и слабых связей и проблеме конструирования сетевой идентичности как фактора доверия.

Второй тип примеров, рассматриваемых в статье, дает возможность проанализировать роль сетевых институтов и интернет-платформ как способов организации коллективных действий вокруг определенных целей. В этой связи рассматриваются краудсорсинговые (от англ. crowd source) платформы, представляющие собой сетевые институты и механизмы мобилизации сетевых ресурсов для решения поставленных задач. Сам факт создания подобной платформы уже является определением и конструированием цели сетевой мобилизации. В качестве иллюстрации Мачледер и Асмолов ссылаются на проекты на базе краудсорсинговой платформы «Ушахида» (в переводе с суахили – «свидетельство»), в частности на российский проект под названием «Карта помощи

пострадавшим от пожаров»¹. Этот проект был разработан в июле 2010 г. группой сетевых активистов для координации помощи пострадавшим от пожаров. В данном случае цель сетевой мобилизации определилась в контексте кризисной ситуации. «Карта помощи» позволяет проанализировать три функции «пятой власти», возникающей как результат действий сетевых индивидов, которые создают и используют сетевые институты. Прежде всего, эта карта сделала происходящее более прозрачным – на фоне заявлений центральных СМИ (в первую очередь телевидения) о том, что ситуация с пожарами полностью контролируется властями. Альтернативный фрейминг, возникший на волне массовой самокоммуникации сетевых индивидов, в определенный момент привел к корректировке фрейминга традиционных СМИ, способствуя активизации сетевых индивидов и конструированию целей для мобилизации сетевых ресурсов. Следующим элементом реализации «пятой власти» является «подотчетность», т.е. мера, в которой информации, собранная на краудсорсинговой платформе, позволяет оказывать давление на государственные институты с целью изменить их действия (в данном случае – активизировать усилия по тушению пожаров). Третьим элементом мобилизации сетевой силы выступает принятие ею на себя функций традиционных институтов. Там, где государство действовало недостаточно эффективно, будь то оказание помощи пострадавшим или непосредственное тушение пожаров, краудсорсинговая платформа предоставляла возможности для координации усилий соответствующих сетевых ресурсов.

Таким образом, краудсорсинговая платформа «Карта помощи» имела три цели: увеличение прозрачности ситуации, давление на государственные институты и (если давление оказывалось малоэффективным) координация самоорганизации как альтернативы государственным структурам.

Авторы статьи анализируют также пример мобилизации сетевых ресурсов в повседневных (некризисных) ситуациях, когда формирование цели и привлечение широкой аудитории для ее реализации протекают значительно сложнее. Еще одним предметом рассмотрения выступают механизмы создания сетевых институтов. Иногда используются уже готовые платформы (типа ushahidi.com или crowdmap.com), в других случаях платформа может не иметь прототипов (например, сайт domoded24.com, соз-

¹ <http://russian-fires.ru/>

данный сразу после теракта в аэропорте «Домодедово» с целью сбора достоверной информации и координации помощи).

Третья категория примеров, рассматриваемых в статье, касается взаимодействия «пятой власти» с другими институтами и организационными структурами. Так, «Карта помощи», о которой шла речь выше, позволила не только собрать информацию и мобилизовать сетевые ресурсы, но и скоординировать работу сообществ блогеров, НКО (например, Greenpeace) и синодального отдела Русской православной церкви. Подобного рода координация соответствует понятию «сетевого переключения» как фактора силы, введенного Каствельсом.

Далее Мачледер и Асмолов рассматривают варианты коалиций между различными сетями и властями, в особенности между «четвертой» (СМИ) и «пятой». Анализируется деятельность некоторых платформ, выступающих посредником между «четвертой» и «пятой» властями (в частности, сайты «Best Today»¹, блогосфера радио «Эхо Москвы» и международная сеть «Global Voices»²). Также приводятся примеры использования традиционными СМИ краудсорсинговых платформ для мобилизации населения с целью более подробного освещения той или другой темы (в качестве такого рассматривается проект под названием «Дайте детям детский сад» газеты «Бердский курьер»).

Одним из примеров сотрудничества «пятой власти» и государственных структур является краудсорсинговая платформа «Где казино»³. Информация о нелегальных казино, собранная здесь интернет-пользователями, не позволила властям проигнорировать проблему. На встрече президента Д. Медведева с генпрокурором Ю. Чайкой эта платформа фигурировала в качестве информационного источника, который позволил оценить масштаб проблемы и должен быть использован для ее решения. Другим примером краудсорсинговых платформ, используемых для сотрудничества сетевых индивидов и традиционных институтов, могут служить городские платформы типа streetjournal.org, позволяющие собирать информацию о проблемах города и передавать ее местной администрации.

В заключение авторы намечают возможные сценарии динамики взаимоотношений между «пятой властью» и государствен-

¹ <http://besttoday.ru/>

² <http://globalvoicesonline.org/>

³ <http://gdecasino.ru/>

ными структурами. Власти могут игнорировать сетевые институты, пытаться ограничить их влияние (если видят в них потенциального соперника) либо формировать новые модели кооперации для решения социальных проблем. Две первые стратегии могут привести к конфликтам между «пятой властью» и традиционными институтами и, как следствие, к нарастанию социальной напряженности и недоверия по отношению к властям. В свою очередь модели и механизмы сотрудничества и синергии между сетевыми ресурсами и государственным структурами являются перспективным направлением работы экспертов по информационным технологиям и управлению. Авторы выражают уверенность в том, что теория сетевого общества может быть использована как для анализа социально-политической роли информационных технологий, так и для формирования стратегии развития потенциала российского общества, благодаря чему сетевые ресурсы будут мобилизованы для решения стоящих перед ним конкретных социальных задач.

Г.А. Асмолов¹

¹ По всем вопросам, связанной с проблематикой реферируемой статьи, читатели могут обращаться к Григорию Асмолову по электронной почте: gregory.asmolov@gmail.com

Данилевич М.

**ВИКИПЕДИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ РЕПОРТАЖ
С МЕСТА СОБЫТИЙ**

Реф. статьи: DANIELEWICZ M. Wikipedia: Socjologiczny reportaż z miejsca zdarzeń // Studia socjologiczne. – W-wa, 2010. – N 2. – S. 127–156.

Статья независимого исследователя-социолога из Польши Михала Данилевича посвящена анализу особенностей добровольного сетевого сотрудничества и отношений между участниками польской версии сетевой энциклопедии «Википедия», которая, по определению автора, представляет собой техно-социальный гибрид, где переплетены и взаимодействуют социальные и технические факторы (с. 128).

Исследование Данилевича проводилось на двух уровнях, с использованием разных методологических средств. На макроуровне изучению подлежали культурные и экономические основы Википедии и ее организационная модель; инструментами анализа сайта Википедии выступали методы виртуальной этнографии, а также ряд теоретических исследований субкультуры хакеров и движения за свободное программное обеспечение. На микроуровне организационная модель сетевого сотрудничества выявлялась через призму индивидуального восприятия своей деятельности участниками Википедии, для чего в текст были включены выдержки из 10 интервью с наиболее активными участниками польского проекта. Автор опирается также на собственные этнографические наблюдения – в качестве инсайдера – за порталом сообщества составителей Википедии. В итоге предложенный подход, связывая институциональный и индивидуальный уровни проекта Википедии, способствует, по мнению Данилевича, созданию

более комплексного и одновременно более детализированного представления о деятельности сетевых сообществ.

Особенностью сетевой формы сотрудничества, реализованного в проекте Википедии и основанного на «слабых» связях, является возникновение новой радикально-децентрализованной формы организации. Сотрудничество и обмен ресурсами и результатами совместной деятельности осуществляется между слабо связанными между собой участниками проекта, где координация происходит без традиционной организационной иерархии. Наиболее важной особенностью этой модели является то, что она позволяет реализовывать сложные распределенные проекты, сохраняя при этом многие черты, характерные для неформальных проектов с низкой степенью институционализации (с. 128). Для социальных групп, участвующих в Википедии, характерен низкий уровень внутригруппового конформизма. Они представляют собой интернет-сообщества индивидуалистов, построенные на основе «слабых» связей и отличающиеся от своих традиционных предшественников¹. С точки зрения автора, подобные сообщества знаменуют собой образование общины нового типа, который является ответом на доминирующий в современной западной культуре индивидуализм (с. 129).

Основываясь на идеях М. Кастельса о «сетевизации» социально-экономического пространства, Данилевич называет Википедию – как первый сетевой проект такого масштаба и сложности – инновационным социальным феноменом. В этом качестве Википедия эффективно реализует свободу и гибкость природных самоорганизующихся систем, способствуя утверждению новой динамичной и эффективной социальной среды.

«Сетевизация» социально-экономического пространства получила новый толчок в связи с повсеместным распространением сервисов Web 2.0. Пользователь Интернета уже не рассматривается как пассивный потребитель контента, его творческий интерактивный потенциал в Интернете реализуется в пространстве так называемых социальных сетей. В этой связи часто говорят о второй революции в Интернете (с. 129).

Одной из причин успеха Википедии является использование методов и элементов организационной модели работы хакерской субкультуры – как феномена добровольного массового сотрудни-

¹ Granovetter M.S. The strength of weak ties // Sociological theory. – Oxford; Malden (MA), 1983. – Vol. 1. – P. 201–233.

чества, построенного по модели открытого исходного кода. Возникшее еще в 1980-е годы движение за свободное программное обеспечение отстаивало право запускать, копировать, распространять, изменять и улучшать программное обеспечение (так называемый принцип «открытых источников»). Хакер – это не просто специалист в области компьютерных технологий, это человек, обладающий передовыми информационными навыками. Заниматься взломом компьютерных программ его заставляет страсть к творчеству, энтузиазм, стремление совершенствовать свое мастерство и навыки программирования. Сами хакеры при этом решительно отмежевываются от «цифровых грабителей» – телефонных кракеров (с. 133).

Занимаясь созданием и совершенствованием компьютерных программ, хакерские сообщества выработали новый тип организационной культуры: самоорганизующееся в рамках отдельных проектов сообщество. Разработка программного обеспечения, вследствие его сложности и солидных временных затрат, всегда была коллективным процессом. Работа в команде позволяет сконцентрировать значительные усилия для улучшения исходного программного кода и, следовательно, для реализации своих собственных идей. Каждый имеет право на изучение и анализ ранее созданного и свободно распространяющегося кода, выявление ошибок и внесение улучшений.

На уровне группового сотрудничества для хакера главной наградой являются репутация и рост авторитета в сообществе, что определяется его заслугами перед группой. Этот организационный принцип играет важную роль и в Википедии, где в роли объекта бескорыстного коллективного приложения усилий выступают создание и редактирование статей энциклопедии. Каждый автор, редактор, обозреватель, комментатор текстов оказывается участником совместной работы, но никто из них не имеет права претендовать на текст. Каждый должен согласиться с тем, что текст может стать объектом добросовестной редакторской обработки и может быть изменен.

Жизнь сетевого сообщества Википедии состоит в непрерывающемся альтруистическом труде по написанию и редактированию энциклопедических статей. Один из участников проекта отметил в своем интервью, что для него, как и для прочих членов виртуального сообщества, Википедия – нечто гораздо большее, чем переписка по текущим вопросам или использование технологических сервисов; это пространство сотрудничества, жизнь в

сообществе, построенная на принципах самоорганизации и стремления к дальнейшему развитию. Суть совместного труда, подчеркивает интервьюируемый, состоит в постоянном ощущении своей связи с другими участниками сообщества, которые никогда не видели друг друга, не знают настоящих имен, но которых связывает причастность к общему делу (с. 129). Репутации участников проекта поддерживаются за счет постоянных взаимных проверок и санкций и определяют степень доверия во взаимном общении. Иными словами, участники проекта находятся в своеобразной ситуации добровольного паноптикона (по Фуко)¹, который служит частью механизма самоорганизации системы, компенсируя ее открытость, а их репутация выступает в качестве функционального измерения социального капитала².

Таким образом, идентичность каждого участника Википедии формируется на основе постоянных связей с другими в процессе обсуждения и правки статей; она неотделима от сознания сообщества в целом. Интеграция здесь осуществляется за счет общения внутри сообщества посредством функций и технических сервисов. Каналами реализации для слабых связей выступают как компьютерные сети (например, различные каналы двустороннего общения и сотрудничества – электронная почта, IRC, мгновенный обмен сообщениями, списки рассылки), так и принятые организационные процедуры (например, внесение поправок к предыдущей записи).

Данилевич отмечает, что слабые связи обладают значительным потенциалом, способствуют мобильности, развитию активности и индивидуализма и открывают самые широкие перспективы; сообщество компенсирует слабую связь между подразделениями высокой степенью способности сети к развитию. Вместе с тем, по утверждению Грановеттера, социальные системы, основанные на слабых связях, имеют фрагментированный характер и постепенно теряют способность к согласованным действиям. Информация с помощью слабых связей передается медленнее, чем посредством сильных, скорость информационного потока здесь значительно ниже (с. 130). Однако Интернет не только увеличивает количество слабых связей, но может также свести к минимуму и те ограниче-

¹ Foucault M. Nadzorować i karać: Narodziny więzienia. – W-wa: Aletheia, 1998.

² Zarycki T. Kapitał społeczny a trzy polskie drogi do nowoczesności // Kultura i społeczeństwo. – W-wa, 2004. – N 2. – S. 45–65.

ния, на которые указывает Грановеттер¹. На примере деятельности самой интегрированной из всех польских групп, участвующих в проекте – силезской – Данилевич демонстрирует возможность достижения внутригруппового консенсуса в редактировании содержания текстов энциклопедии. Меньшая скорость информационного потока компенсируется возможностью непосредственной и «адресной» передачи информации, а доверие к ее достоверности будет определяться неоднократно проверенной репутацией отправителя и получателя (с. 131).

Автор статьи убежден в существовании значимого социального потенциала модели самоорганизации, которая положена в основание проекта Википедии. Индивидуализм, присущий современной культуре, подрывает приверженность идеям социального блага, солидарности и сотрудничества. На этом фоне автор расценивает предпринятый им анализ организационно-управленческой модели сетевой самоорганизации (на примере Википедии) как свидетельство перспективности сетевого механизма достижения консенсуса и принятия решений. Примерами успешного использования подобной модели в настоящий момент могут служить сетевые схемы в менеджменте крупных корпораций, а также организационная схема президентской компании Барака Обамы, пишет в заключение Данилевич (с. 154).

М.Е. Соколова

¹ См.: Granovetter M.S. The strength of weak ties // Sociological theory. – Oxford; Malden (MA), 1983. – Vol. 1. – P. 201–233.

Байтийе Х., Пфаффман Дж.

**ДОБРОВОЛЬЦЫ В ВИКИПЕДИИ:
ПОЧЕМУ ТАК ВАЖНО СООБЩЕСТВО**

Реф. статьи: БАУТИЙЕН Н., PFAFFMAN J. Volunteers in Wikipedia: Why the community matters // Educational technology a. society. – Athabasca, 2010. – Vol. 13, N 2. – P. 128–140.

В настоящее время Википедия является одной из самых известных электронных энциклопедий. В создании этого крупнейшего сетевого интернет-ресурса принимает участие множество добровольцев, бескорыстно отдающих свое время и силы. Авторы статьи Хода Байтийе (Американский университет Бейрута, Ливан) и Джэй Пфаффман (Университет Теннесси-Ноксвилла, США) провели опрос, нацеленный на выявление альтруистической составляющей в поведении участников этого энциклопедического проекта.

Многочисленное сообщество составителей Википедии (Wikipedians) живет в соответствии с кодексом неписанных, но строгих законов. Участники проекта выполняют целый ряд самых разных действий: составляют тексты статей, редактируют их, исправляют ошибки, пресекают попытки вандализма в обращении с размещенными материалами (намеренное уничтожение текстов либо придание им заостренно критической направленности). Особое место в сообществе занимает группа администраторов (админов), которые постоянно следят за изменениями на сайте и имеют доступ к техническим сервисам, что позволяет уберечь тексты от неоправданного редактирования и прочих актов вандализма.

Байтийе и Пфаффман анализируют виртуальное сообщество Википедии, используя концептуальный аппарат теорий, занимающихся «сообществами практики» (communities of practice). В настоящее время это понятие разрабатывает целый ряд исследо-

вателей. В частности, Э. Венгер определяет сообщества практики как группы людей, участвующих в какой-либо деятельности¹. С этой точки зрения, социальное взаимодействие является важнейшим компонентом процесса обучения, который, в свою очередь, тесно связан с деятельностью, культурой и контекстом. Участники таких сообществ совершенствуют свою квалификацию в процессе практической деятельности, а их идентичность развивается по мере продвижения от периферии к центру (с. 129).

Согласно аналогичной модели школьных сообществ (*community of learners*) все его участники являются соисследователями, соучениками и соучителями, уважающими мнения друг друга (с. 130)². Вместе с тем Р. Луппичини выделяет пять типов формальных и неформальных виртуальных обучающихся сообществ (*virtual learning communities*), отличающихся своими целями, которые могут быть сосредоточены на генерировании знания, исследовании, практике, культуре, социализации, консультации³. Каждое из сообществ основано на практическом освоении профессиональной дисциплины, мастерства или темы в процессе обмена, приобретения либо создания знания; деятельность любого из них определяется контекстом и имеет распределенный характер. В ее основе лежит интеграция формального знания и неформальной практики, что способствует высокой степени интереса участников сообщества к своей деятельности. Успехи сетевых технологий в настоящее время создали возможность для повсеместной всемирной коммуникации, в процессе которой осуществляются социальное взаимодействие, сотрудничество и кооперация в целях обучения и построения знания.

Если рассматривать Википедию в качестве «сообщества практики», то все ее создатели независимо от их расовой, этнической и социально-классовой принадлежности имеют равные возможности и перспективы при выборе ролей и позиций: одни из них загружают картинки, переводят страницы на другие языки, исправляют грамматические ошибки, проверяют гиперссылки, другие выполняют административные функции или обеспе-

¹ Wenger E. *Communities of practice: Learning, meaning and identity*. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1998.

² Brown A.L., Campione J.C. *Psychological theory and the design of innovative learning environments: On procedures, principles, and systems // Innovation in learning: New environments for education / Ed. by L. Schauble, R. Glaser*. – Hillsdale (NJ): Erlbaum, 1996. – P. 300.

³ Luppici R. *Online learning communities*. – Greenwich (CT): Information age publishing, 2007.

чивают поддержку сайта. В общей командной работе энциклопедии приветствуется вклад каждого участника. Приобретение и создание знаний в этом проекте становится доступным любому человеку в мире. По сути, здесь имеет место становление нового типа познавательного сообщества (knowledge communities), для которого коллективное знание (знание группы) является гораздо более важным, чем знание индивидуальное. Новое понимание природы обучения уже не основывается на декартовском «я мыслю, следовательно, я существую», теперь оно приобретает отчетливую социальную форму: «мы участвуем, следовательно, мы существуем»¹.

Таким образом, Википедия в ее трактовке в терминах «общества практики» представляет собой огромную экспериментальную площадку, где сотрудничество тысяч «википедийцев» позволяет создать энциклопедический репозиторий. В процессе этого интерактивного сотрудничества осуществляется конструирующее обучение нового типа, исходящее из потребностей учащихся, что обуславливает их увлеченность самим процессом обучения (с. 130). Виртуальное сообщество Википедии существенно отличается от традиционной обучающей среды, поскольку оно связывает своих участников независимо от их реального географического положения; их деятельность строится на обмене информацией и договоренности относительно создания артефактов.

Рассматривая мотивы деятельности участников Википедии, авторы статьи обращаются к ряду современных теорий, различающих внутреннюю и внешнюю мотивацию. Внутренняя мотивация связана со стремлением индивида выполнить задачу, ориентируясь в качестве вознаграждения только на свое личностное удовлетворение. Если же в поведении индивида доминируют мотивы, внешние по отношению к его собственным интересам, следует говорить о внешней мотивации действий. Согласно одной из этих теорий – концепции *самодетерминации* – компетентность и самоопределение индивида тесно связаны с эмоциями и удовольствием. В этом случае речь идет о внутреннем удовлетворении индивида, т.е. о его внутренней мотивации (с. 130). Некоторые исследователи считают, что деятельность, обусловленная внутренней мотивацией, осуществляется с меньшим интересом и успехом,

¹ Brown A.L., Adler R.P. Minds on fire: Open education, the long tail and learning 2.0 // EDUCAUSE rev. – Wash., 2008. – Vol. 43, N 1. – P. 16–32.

если за нее предлагается внешнее вознаграждение¹. Тем не менее, замечают авторы статьи, достаточно сложно однозначно ответить на вопрос, что является внутренней мотивацией, а что – внешней при выполнении той или иной задачи: например, индивиды могут ощущать удовольствие от своей деятельности и в то же время получать за нее плату. Исходя из этого С. Линденберг предлагает новый концептуальный подход к дифференциации типов мотивации, разделяя внутреннюю мотивацию на два компонента: наслаждение деятельностью и обязанность, долг перед сообществом. Его теория предполагает, что любое действие индивида может иметь сразу несколько целей и совершаться под влиянием внутренних и внешних мотивов одновременно².

Байтийе и Пфаффман, в свою очередь, выделяют пять основных мотивационных факторов или типов, к которым они относят обучение, «поток» (flow), творчество, социальные и внешние факторы. Дж. Дьюи в свое время утверждал, что индивидам присуще внутреннее *стремление к обучению*³. В современной ситуации можно утверждать, что им нравится, например, заниматься освоением нового программного обеспечения или играми, поскольку тем самым они овладевают технологическими новинками. В случае с Википедией людей, участвующих в ее формировании, интересует изучение новых вики-технологий, что доставляет им удовольствие, способствующее, в свою очередь, их работе.

Под *мотивацией «потока»* имеется в виду такая степень индивидуальной вовлеченности в работу, когда человек перестает следить за временем, хотя и не теряет ясности цели, обратной связи и контроля за ситуацией⁴. Чувство удовольствия возникает в результате интенсивной погруженности в дело и сопровождается полной концентрацией внимания на выполняемой работе, верой в себя и свои способности, удовлетворенностью достигнутыми результатами (с. 131).

Многие исследователи также относят к основным мотивационным факторам *состояние творчества* при выполнении задачи.

¹ Deci E.L., Koestner R., Ryan M. A meta-analytical review of experiments examining the effects of extrinsic rewards on intrinsic motivation // Psychological bull. – Wash., 1999. – Vol. 125, N 6. – P. 627–688.

² Lindenberg S. Intrinsic motivation in a new light // Kyklos. – Oxford; Malden (MA), 2001. – Vol. 54, N 2–3. – P. 317–342.

³ Dewey J. Schools of tomorrow. – N.Y.: Dutton, 1915.

⁴ Csikszentmihalyi M. Beyond boredom and anxiety: The experience of play in work and game. – San Francisco (CA): Jossey-Bass, 1975.

В творческом процессе происходит поиск нового, адекватного решения задачи, он неразрывно связан с объективной оценкой результатов экспертом-наблюдателем и с субъективной самооценкой индивида¹. С точки зрения конструктивизма, который также акцентирует роль творческой мотивации, обучение является особенно эффективным, когда нечто опытным путем конструируется для других. В случае Википедии участники создают новые страницы и обмениваются новыми идеями для усовершенствования веб-сайта (с. 131).

Под *социальной мотивацией* участников Википедии подразумевается внутреннее ощущение их взаимной связи. С точки зрения теории самодетерминации в этом контексте особенно важно желание индивида принадлежать к группе. Линденберг пишет о значении стремления к социализации в процессе совместного труда и подчинения групповым нормам². Усиление собственной мотивации индивида происходит за счет ожидания взаимности, единства норм и ценностей сообщества, ощущения эффективности групповой принадлежности. Ситуация напоминает узкий круг людей, где каждый тесно связан с другими, где все стремятся к поддержанию действующего, активного сообщества. Большую роль здесь играет желание быть похожим на других и сделать более интенсивным общение внутри сообщества.

К *внешним факторам, влияющим на мотивацию*, относятся непосредственная выгода (использование произведенного продукта), текущие потребности (нужда в продукте), время, затраченное на выполнение задачи, и потенциальные возможности признания и укрепления репутации в будущем. Эти внешние вознаграждения определяют не только готовность выполнять задачи, но и стремление повысить социальный статус. К внешним мотивациям, побуждающим к участию в Википедии, относятся также желание выделиться среди других, стремление к контролю, власти, лидерству и доминированию.

В соответствии с выделенными типами мотивации участникам опроса (в роли которых выступили более 115 администраторов Википедии, скрывающихся под псевдонимами) было предложено выбрать наиболее близкие им мотивы участия в создании Википедии. Мотивы были классифицированы по шести факто-

¹ Amabile T.M. Creativity in context. – Boulder (CO): Westview press, 1996.

² Lindenberg S. Intrinsic motivation in a new light // Kyklos. – Oxford; Malden (MA), 2001. – Vol. 54, N 2–3. – P. 317–342.

рам – доминирование, творчество, выгода, обучение, социальная мотивация, состояние «потока» (с. 134–135). Полученные данные свидетельствовали о безусловном преобладании альтруистической мотивации в деятельности опрошенных, замечают авторы статьи.

Для проверки и подтверждения результатов опроса участников исследования также попросили прокомментировать поведенческие стереотипы участия в проекте, сконструированные на основе их ответов. Большинство опрошенных в своих комментариях сошлись на том, что все они «работают вместе во имя общего блага, создавая информационный репозиторий для следующих поколений» (с. 137). Таким образом, большинству создателей Википедии присуще альтруистическое стремление к бескорыстному распространению знаний в интересах всех людей и пополнению мирового объема знаний, считают Байтийе и Пфаффман.

Другие респонденты отмечали, что они гордятся тем, что помогают другим получить знания (с. 137). Многие из них также подчеркнули в своих комментариях важность для участников Википедии возможности обмена полезными и интересными знаниями со всем миром, взаимодействуя в сфере постоянного приращения информации. Википедия является попыткой организовать межкультурное, многонациональное и аполитичное сотрудничество, не зависящее от государственных границ и национальных различий.

Для создателей Википедии много значит и такая мотивация, как противостояние электронному вандализму. Еще одним, часто упоминаемым мотивом участия в проекте, оказалось создание энциклопедического электронного ресурса, который имеет хорошую репутацию, постоянно развивается и совершенствуется.

Авторы статьи замечают, что их исследование было основано лишь на данных опроса группы администраторов англоязычной версии проекта. Проведение опросов среди других групп участников проекта (например, тех, кто занимается только написанием статей и не участвует в дискуссиях на форумах и т.д.) могло бы дать новые результаты, дополняющие картину мотивации. В заключение Байтийе и Пфаффман подчеркивают, что виртуальный коллектив Википедии представляет собой уникальное обучающее сообщество, основанное на альтруистических ценностях добровольного служения распространению знаний. В этом качестве Википедия является прототипом идеальной школы, создаваемой совместным трудом учителей и учеников, которые могут трудиться, планировать и принимать решения коллективно.

М.Е. Соколова

Утц С.

**«ЕГОВОО» ПРОТИВ АЛЬТРУИЗМА:
РОЛЬ РЕПУТАЦИИ В ОНЛАЙНОВЫХ
КОНСУМЕРИСТСКИХ СООБЩЕСТВАХ**

Реф. статьи: UTZ S. «Egoboo» vs. altruism: The role of reputation in online consumer communities // *New media society*. – L., 2009. – Vol. 11, N 3. – P. 357–374.

Статья Сони Утц (Свободный университет Амстердама) посвящена исследованию мотивации пользователей, оставляющих свои отзывы в базах онлайн-консумеристских сообществ. Особое внимание в этом контексте исследовательница уделяет репутационной мотивации пользователей.

Онлайн-репутационные системы имеют широкое хождение в Интернете в качестве средства решения проблемы доверия между пользователями. С помощью таких систем собираются и составляются автоматические рейтинги отзывов об их добросовестности / недобросовестности. Используя эти данные, каждый пользователь может получить информацию о поведении любого участника сообщества или о качестве того или иного продукта. Репутационными системами располагают сайты онлайн-аукционов, сообществ потребителей и т.д. Наиболее известной электронной репутационной системой сегодня является система Ебай. Покупатели и продавцы после совершения сделок размещают здесь отзывы друг о друге; тем самым принцип действия системы воспроизводит механизм «устной молвы», основанный на передаче информации от человека к человеку. Можно назвать и другие известные системы подобного рода, с помощью которых поддерживается доверие и сотрудничество на онлайн-рынках, например Epinions.com, Reviewcentre, Mouthshut.

Актуальность изучения репутационных систем и их влияния на мотивацию пользователей определяется широким распространением сервисов Web 2.0 (сайтов закладок и других файлообменных сервисов), проектирование которых требует изучения причин, побуждающих людей активно участвовать в составлении рейтингов и отзывов о продуктах. Репутационные системы могут выполнять санкционирующую (стимулирование добросовестного поведения) и сигнализирующую (указание на степень доверия или компетентности) функции. Доминирование санкционирующей функции неизбежно ведет к тому, что главным мотивом поведения пользователя становится стремление укрепить свою репутацию. Однако действия индивида могут быть также вызваны альтруистическими побуждениями, удовольствием, получаемым от общения, выплатой денежного вознаграждения или чувством взаимосвязи с остальными участниками сообщества и взаимным доверием.

Свое исследование Утц построила на изучении деятельности участников известного немецкого онлайн-оценочного сообщества Yopi¹. В 2005 г. автор разместила на сайте Yopi онлайн-анкету, на вопросы которой ответили более 300 человек. Основываясь на полученных в ходе опроса данных, она предприняла сравнительный анализ особенностей репутационных систем на сайтах различных видов и их влияния на мотивацию пользователей. В своей работе Утц опиралась на имеющиеся исследования мотивации поведения пользователей в разных онлайн-сообществах. Так, П. Коллок считает, что основными мотивами активного участия в жизни таких сообществ являются стремление поддержать или укрепить репутацию и осознание взаимной заинтересованности и взаимосвязи². Вслед за ним Ю. Матзат демонстрирует приоритетный характер репутационных аргументов, обусловленных тем, что укрепление онлайн-репутации дает преимущества во время реальной встречи членов сообщества друг с другом³.

¹Yopi.de: Preisvergleich, Tests und Meinungen von Verbrauchern. – Mode of access: <http://www.yopi.de/>

² Kollock P. The economies of online cooperation: Gifts and public goods in cyberspace // Communities in cyberspace / Ed. by P. Kollock, M. Smith. – L.: Routledge, 1999. – P. 220–239.

³ Matzat U. Social network and cooperation in electronic communities: A theoretical-empirical analysis of academic communication and Internet discussion groups. – Amsterdam: Thela publishers, 2001.

Что касается такого мотива активного пользовательского поведения, как чувство взаимной заинтересованности, то здесь имеется в виду тот факт, что индивиды стремятся принести максимальную пользу сообществу, поскольку ожидают получить в ответ не менее ценную информацию. При этом Коллок подчеркивает различие между непосредственной взаимной заинтересованностью двух индивидов, обменивающихся отзывами, и чувством взаимности по отношению ко всему сообществу в целом.

По мнению Утц, результаты, полученные Коллоком, применимы скорее к рейтинговым сервисам в таких онлайн-сообществах, как дискуссионные новостные группы (newsgroup) или базы списков электронной рассылки (email lists), которые предназначены для обмена информацией и обсуждения среди участников какой-либо виртуальной группы. В отличие от этих сервисов с их структурой «вопрос-ответ», репутационные системы на сайтах ОКС спроектированы по-другому. Здесь пользователи пишут автономные отзывы о продуктах, пополняя базу, а сами отзывы выводятся на экран только в персональных профилях пользователей. Согласно М. Фрауенфелдеру¹, обратная связь воспринимается здесь как серьезная причина, побуждающая пользователей писать отзывы высокого качества.

Несмотря на добровольный характер такой деятельности, пользователи могут воспринимать как несправедливость то обстоятельство, что кто-то третий пользуется созданной ими информацией, либо, наоборот, считают своей обязанностью внести вклад в общее дело, поскольку они также получают выгоду от информации, размещенной другими. Такого рода мотивация, безусловно, имеет альтруистический характер, но альтруизм как мотивация не упоминается в исследовании Коллока.

В работе Й. Ванга и Д.Р. Фесенмайера рассматривается онлайн-сообщество путешественников. По их мнению, активное участие пользователей в жизни данного сообщества определяется его инструментальной эффективностью, а не стремлением к повышению престижа². Мотивация пользователей в данном случае включает в себя такие моменты, как взаимопомощь и обмен удо-

¹ Frauenfelder M. Revenge of the know-it-alls. – Mode of access: http://www.wired.com/wired/archive/8.07/egoboo_pr.html

² Wang Y., Fesenmaier D.R. Towards understanding members' general participation in and active contribution to an online travel community // Tourism management. – Amsterdam, 2004. – Vol. 25, N 6. – P. 709–722.

вольствием от взаимодействия. Первый мотив может быть назван альтруистическим, второй соответствует понятию общей взаимности у Коллока, поскольку представляет собой ожидание получения информации в результате обмена с теми, кому индивид помог сам. Утц упоминает также исследование, посвященное мотивации участников сообщества Википедии, авторы которого указывают на различие в мотивах поведения зарегистрированных и незарегистрированных участников¹. Если поведение первых неизбежно определяется, в том числе, репутационными мотивами, вторые, внося значительный вклад в создание контента Википедии и оставаясь при этом анонимными, руководствуются соображениями альтруистического порядка.

Таким образом, авторы всех исследований, посвященных мотивации участников онлайн-сообществ, отмечают влияние на них ожидания взаимности в обмене информацией, во-первых, и роль альтруистических побуждений и удовольствия от взаимодействия, во-вторых. Однако большинство исследований подобного рода проводилось на сайтах, где рейтинговые механизмы не спроектированы по образцу репутационных систем, следовательно, полученные результаты могут экстраполироваться на онлайн-потребительские сообщества со сложными репутационными системами с большой долей осторожности.

В своей статье Утц использует также результаты анализа мотивации участников онлайн-консумеристских сообществ Т. Хенниг-Турау и других исследователей, которые попытались объяснить процесс электронного создания репутации, апеллируя к традиционным устным механизмам репутационной коммуникации. В ряду таких механизмов акцентировались альтруизм, увлеченность продуктом, повышение собственной значимости, помощь компании, уменьшение беспокойства, месть, поиск совета². Поскольку репутации в этом перечне нет, следовательно, ее влияние в качестве мотива поведения в подобных исследованиях не учитывалось и не измерялось, притом что некоторые формулировки (например экстраверсия / повышение собственной значимости)

¹ Anthony D., Smith S.W., Williamson T. Explaining quality in Internet collective goods: Zealots and good Samaritans in the case of Wikipedia. – Mode of access: <http://web.mit.edu/iandeseminar/Papers/Fall2005/anthony.pdf>

² Sundaram D.S., Mitra K., Webster C. Word-of-mouth communications: A motivational analysis // *Advances in consumer research*. – Duluth (MN), 1998. – Vol. 25, N 1. – P. 527–531.

имеют нечто общее со стремлением к укреплению репутации («Я пишу комментарии на виртуальный сайт, поскольку мой вклад показывает другим, каким продвинутым потребителем я являюсь») (с. 361). В то же время, по мнению Утц, некоторые из выявленных здесь мотивов (беспокойство за других пользователей и помощь компании) имеют альтруистическую направленность, что позволяет говорить о значительной роли альтруизма как мотивации в потребительских сообществах. При этом достаточно низкий процент голосов, отданных за мотив самопродвижения, свидетельствует о том, что репутация не является самым распространенным мотивом.

В своем собственном исследовании автор стремится к тому, чтобы, используя и развивая методологию работ, посвященных онлайн-вым конsumerистским сообществам, восполнить их недостатки. С этой целью она анализирует собранные ею данные о репутации как вероятном мотиве поведения, сравнивая ее с такими мотивациями, как взаимность / моральный долг, альтруизм, удовольствие от взаимодействия и стремление к вознаграждению. Первые три фактора уже подлежали измерению в исследованиях различных типов онлайн-вых сообществ, тогда как последний характерен именно для пользователей потребительских сообществ, которым могут быть выплачены небольшие суммы за написание отзывов.

Результаты проведенного Утц исследования подтвердили гипотезу о том, что репутация не является наиболее важной мотивацией для большинства участников сообщества Yori. Среди пользователей всех типов только для потребителей, руководствовавшихся несколькими мотивами одновременно, самым значимым фактором оказалась репутация. Большинство же руководствовалось побуждением помочь другим или самим получить удовольствие от общения с прочими участниками сообщества. Подтвердилась также гипотеза автора о том, что именно наличие репутационной системы воспринимается пользователями как наиболее важная черта сообщества указанного типа. Но ее существование не заставляет пользователей действовать исходя исключительно из соображений своей репутации. Скорее, они воспринимают такие системы как сервис, помогающий людям находить и оценивать отзывы при совершении покупки. В то время как на сайтах онлайн-вых аукционов, таких как Ebay, репутационная система выполняет санкционирующую функцию, в онлайн-вых конsumerистских сообществах она играет в основном сигнализирующую роль.

Утц считает недостатком своего исследования то, что выборка формировалась стихийно, в соответствии с собственным желанием опрошенных. Хотя приглашение принять участие в опросе было вывешено на сайте открыто, на него откликнулись лишь наиболее активные пользователи. Таким образом, выборка не может считаться полностью репрезентативной для потребительского сообщества в целом. Другим недостатком является ограничение предмета исследования деятельностью только одного потребительского сообщества. Хотя Yopі имеет репутационную систему, с помощью которой отзывы о продуктах размещаются в персональных профилях участников, здесь нет некоторых дополнительных функций, которые встречаются на других подобных сайтах: выведение списка «экспертных отзывов», продуктов, ведущих в данной категории и т.д. Утц предполагает, что репутация как мотив активного пользовательского поведения должна играть более важную роль на сайтах с подобными усложненными репутационными сервисами. Возможно, именно поэтому пользователи, ориентированные на укрепление своей репутации, предпочитают писать отзывы на сайтах, где имеются такие сервисы (например, на Epinions.com.). Кроме того, существуют сайты, где объектом выбора выступает не продукт потребления, а партнер по взаимодействию или программное обеспечение (сайт rentACoder). Утц считает вполне вероятным, что соотношение санкционирующей и сигнализирующей функций репутационной системы может быть различным на разных типах сайтов. Именно поэтому автор статьи уверена, что наиболее перспективным направлением будущих исследований должно стать сравнительное изучение мотивации пользователей в самых разных сообществах с различными особенностями и формами рейтинговых и репутационных систем и сервисов.

М.Е. Соколова

ПОЛИТИКА В СЕТЯХ¹

Ю.Г. Мисников

ИНТЕРНЕТ-ДИСКУССИИ В ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ

**Введение: Демократия умерла.
Да здравствует демократия**

«Подготовка к новой форме демократии» – под таким лозунгом Европейская комиссия провозгласила старт «первой, действительно настоящей, всеевропейской гражданской инициативы»². Начиная с 1 апреля 2012 г. все основные участники – граждане, организации и представители СМИ – смогут впервые в мировой истории использовать транснациональные инструменты демократического участия. Один миллион граждан из 23 европейских стран – членов Евросоюза смогут объединяться для прямого участия в выработке политики и законов Союза. При этом предполагается, что будет происходить публичное обсуждение таких инициатив на специальной веб-странице в Интернете.

По сути дела, то же самое предлагает и российский лидер Владимир Путин, хотя для инициирования гражданами нового

¹ Большинство материалов настоящего раздела подготовлено при содействии Исследовательского комитета «Информационные технологии в политике» Российской ассоциации политической науки. Ответственные редакторы сборника благодарят координатора Исследовательского комитета РАПН, кандидата технических наук, старшего научного сотрудника ИНИОН РАН А.Н. Кулика за помощь в подготовке этих материалов.

² European citizens' initiative: Official register. – Mode of access: <http://ec.europa.eu/citizens-initiative/public/welcome>; Initiative for the European citizens' initiative. – Mode of access: <http://www.citizens-initiative.eu/>

закона может потребоваться в десять раз меньше его сторонников¹. Однако никто сейчас не может с уверенностью сказать, насколько успешными будут эти инициативы: будет ли у граждан достаточный интерес к участию в таких обсуждениях, по каким правилам будут вестись публичные дискуссии и какой окажется их результативность? В сущности, доверие граждан к такого рода дискурсам в значительной степени будет зависеть не только от уровня их организованности, но и от того, каким образом будет происходить оценка качества содержательной стороны дискуссий их участниками, а также дискурсивного (рационально-эмоционального) поведения самих этих участников. В этом отношении существуют веские основания как для оптимизма, так и пессимизма.

Оптимистическая сторона: Рост индивидуальной гражданской активности

С одной стороны, благодаря широкому распространению цифровых информационно-коммуникационных технологий популярность Интернета выросла очень сильно как в России², так и по всему миру независимо от степени демократичности общества. В России, к примеру, чрезвычайно популярно участие в дискуссиях на социально-политические и бытовые темы, ведущиеся, например, в блогах [60]. По мнению некоторых исследователей, Рунет видится его пользователям особым социокультурным феноменом, присущим именно России, дающим новые возможности для проявления идентичности, индивидуального и коллективного творчества [28; 29; 67; 68; 73]. Например, по данным российского рейтингового агентства LiveInternet.ru интернет-страницу новостного медиапортала РИА «Новости»³ посетили в декабре 2009 г. 9 млн. пользователей, что было на 500 тыс. больше, чем в предыдущем месяце⁴. В течение ноября-декабря 2009 г. количест-

¹ Нурғалиев: МВД будет создавать специальные центры «для борьбы с экстремизмом в электронных СМИ». – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/politics/news/2012/03/30/n_2266777.shtml

² По подсчетам автора, сделанных на основе данных Международного союза электросвязи (International telecommunication union, ITU: <http://www.itu.net>), число интернет-пользователей в России выросло с 2000 по 2008 г. на 1560%, что было одним из самых высоких темпов роста в мире.

³ <http://www.ria.ru>

⁴ Данные автора на 23 января 2010 г.

во просмотров страниц политических новостей достигло 36 млн¹. Аудитории многих других медиапорталов также росли быстрыми темпами как за счет общего роста числа пользователей Интернета, так и благодаря внедрению интерактивных возможностей цифровых технологий (например, генерирование и распространение контента самими пользователями – *user-generated content / USG*).

Многие рядовые россияне обращаются к Интернету не только за последними новостями, – точно так же, как это происходит в странах Запада [1], – но и для того, чтобы обсудить их с другими читателями. И хотя точное число участников интернет-дискуссий и количество оставленных ими комментариев, по-видимому, неизвестно никому, эти цифры должны быть значительными. Так, по данным автора, на веб-странице газеты «Известия»² примерно за год (с 1 апреля 2009 г. по 1 марта 2010 г.)³ было опубликовано 374 новостных статьи общественно-политического характера, 70% которых были прокомментированы читателями в виде 13 027 сообщений, оставленных на дискуссионной площадке этой газеты. Другой, не менее впечатляющий пример дает интернет-страница организации российских автомобилистов «Свобода выбора»⁴ 19 мая», на форумах которого⁴ за период с января 2005 по сентябрь 2010 г. 8700 участников разместили 146 тыс. постов.

Такие значительные объемы активности этих форумов можно было бы объяснить всероссийским масштабом их аудитории, если бы не пример небольшого города Кондопога на севере-западе России. На одном из его форумов – CityK (*GorodK*)⁵ – по состоянию на 4 июня 2008 г. было зарегистрировано 1835 пользователей, ставших авторами 106 060 постов. Это было на 30 тыс. больше, чем несколькими месяцами ранее (по состоянию на 23 октября 2007 г.), когда 70 431 сообщение на 2067 дискуссионных ветках были просмотрены в общей сложности 5 млн. раз (с начала существования форума). Даже учитывая, что трагические события в Кондопоге августа-сентября 2006 г. привлекли внимание всей страны, вызвав резкий рост количества постов на форуме во время этих событий (на эту тему было отослано 25 168 сообщений, кото-

¹ Данные автора на 9 декабря 2009 г. Рейтинг сайтов: <http://www.liveinternet.ru/rating/ru/month.html>

² <http://izvestia.ru/rubric/15>

³ Просмотрено 8 марта 2010 г.

⁴ <http://www.19may.ru/forum/index.php>

⁵ www.cityK.ru

рые просмотрели около 2 млн. раз), активность такого сравнительно небольшого и локального форума является крайне интересным и новым феноменом. В любом случае такая высокая коммуникативная активность граждан ставит под сомнение традиционные представления об аполитичности и гражданской пассивности рядовых россиян, которые оказались готовы к выражению и отстаиванию своей гражданской позиции (независимо от идеологических взглядов) как на дискуссионных площадках в Интернете, так и на реальных городских площадях. Как отмечает Эллен Мицкевич [52, с. x] по результатам своего исследования российских телезрителей, еще в советское время усвоенная привычка читать между строк и творческий скептицизм по отношению к увиденному и услышанному оказались чрезвычайно устойчивыми и наделили обычных людей специфическими аналитическими способностями отличать неискренность в публичной сфере. Недемократическое прошлое не стало препятствием для формирования собственных взглядов, а также желания выразить их публично. Роль официальных дискурсов государства не обязательно была решающей в этом процессе, в то время как влияние независимых межсубъектных коммуникаций могло быть существенным.

Пессимистическая сторона: Слабая результативность интернет-демократии

Масштабы активности граждан в Интернете и растущее влияние такой активности на реальную политическую жизнь дают основания рассчитывать на успех инициатив, направленных на более интенсивное вовлечение людей в управление обществом. Вместе с тем результаты многих аналогичных проектов, реализованных на Западе, например в области электронной демократии, не вселяют особого оптимизма. Исследования социального воздействия ИКТ через инструменты электронного участия показывают, что профинансированные Евросоюзом проекты не привели к тем демократическим переменам, которые от них ожидалось. В частности, экспериментирование с проектами электронного участия не повлекло за собой видимых институциональных изменений в политике принятия решений в связи с участием граждан, вклад которых вызывает сомнение как со стороны администраторов, так и политиков; более того, последние просто не готовы принять такое сотрудничество в качестве равноправного. Электронные каналы участия механически добавляются к уже существующим.

вующим, не вызывая ожидаемых перемен. Там, где инструменты электронного участия используются, их влияние ограничивается первой фазой политического процесса, т.е. формированием повестки, в то время как самой важной стадией является принятие ключевых решений и их реализация, к которым граждане не допускаются (что вызывает их справедливое разочарование). Считается, что их участие не соответствует принципам работы самого института политического представительства, а также входит в противоречие с установленными должностными обязанностями государственных служащих. В связи с этим можно сделать вывод, что до сих пор больше внимания уделялось технологической стороне демократического участия, чем особенностям использования новых цифровых технологий в различных социальных условиях. Поэтому отдача от проектов электронного участия была не так велика, как предполагалось.

Более того, по мнению Стивена Коулмена [11; 12], сама система прямого представительства уже не является адекватной в эпоху активного в медийном отношении гражданина и должна быть трансформирована в более гибкую, коммуникативно-опосредованную систему, основанную на коллективном сотрудничестве. ОЭСР рекомендует, к примеру, что интегральной частью демократического участия должно быть не только сотрудничество между правительствами и гражданами в интересах принятия оптимальных решений, но и коммуникации между самими гражданами (*citizen-to-citizen communication*). Механическое копирование несовершенных институтов «тонкой», элитной демократии с низким уровнем политической эффективности и участия населения в период между избирательными кампаниями, особенно «молодыми демократиями» с отсутствующей или неработающей системой сдержек и противовесов, не гарантирует положительных результатов [15]. Концентрация усилий на электоральных процедурах (которые, как свидетельствует практика, не обязательно ведут к смене власти и стимулированию политической конкуренции) в ущерб более регулярному политическому диалогу может лишь вызвать протестные настроения и способствовать опасной радикализации общества.

Проблема политического участия через публичный диалог

Именно проблемы с демократией как таковой, а не с Интернетом, становятся наиболее актуальными для консолидированных демократий Западного мира. Главная из них заключается в не-

удовлетворенности состоянием демократической легитимности в глазах людей, которые фактически не могут участвовать в принятии решений и влиять на политику (за исключением гарантированной возможности смены политических элит во время выборов). Это стало проблемой нормативного характера, что отчетливо проявилось при подготовке Лиссабонского договора Европейского союза, подписанного 13 декабря 2007 г. в целях реформирования системы управления ЕС. Консолидированные версии договора, включая внесенные дополнения и изменения, официально утвердили принцип центральной роли граждан для европейской демократии. Теперь права граждан ЕС не ограничены только рамками национального гражданства, они находятся также под защитой наднациональных правовых и политических институтов Евросоюза. Например, статья 10(3) Лиссабонского договора гарантирует, что институты ЕС обязаны принимать решения с максимальной степенью открытости и приближенности к гражданам Союза. Также, статья 11 определяет, что: 1) институты ЕС обязаны, используя соответствующие инструменты, дать гражданам и их ассоциациям возможность публично выражать и обмениваться своими взглядами по всем аспектам функционирования Евросоюза; 2) государственные институты должны поддерживать открытый, прозрачный и регулярный диалог с гражданским обществом и его организациями; 3) Европейская комиссия будет осуществлять широкие консультации со всеми заинтересованными сторонами с тем, чтобы деятельность ЕС была прозрачной и согласованной.

Таким образом, Европейский союз создал нормативную базу для обеспечения демократического участия в управлении его делами и процессами. Проблема, однако, состоит в том, каким образом эти нормы будут осуществляться. В частности, какие будут использоваться инструменты участия и смогут ли граждане ЕС испытывать к ним достаточное доверие? Что именно имеется в виду под термином «диалог», учитывая неопределенность его содержания? Каким образом будет реализовываться принцип его открытости, прозрачности и регулярности? Готовы ли политические институты к поддержанию содержательного диалога с гражданами, а те, в свою очередь, к конструктивному и рациональному взаимодействию с этими институтами? Смогут ли политические элиты быть искренними в своих намерениях и воспринимать граждан как равноправных и легитимных партнеров? Это не тривиальные вопросы, поскольку, как отмечалось выше, до сих пор многие инициативы стимулирования демократического участия не

были достаточно успешными, включая использование новых цифровых технологий Интернета. Достаточно вспомнить разочарование более 2-х млн. жителей Великобритании, подписавшихся в 2007 г. под электронной петицией на официальной веб-странице правительства против взимания платы за проезд по дорогам: их мнение было фактически проигнорировано. Вместе с тем премьер-министр Тони Блэр признал изменение условий реализации современной политики в связи с ростом гражданской интернет-активности, а также существование проблемы адаптации институтов управления, сложившихся в «доинтернетовскую» эпоху, к новым условиям¹. Однако призыв к «всесторонним национальным дебатам» по проблемным вопросам не сопровождался разъяснением, каким образом такие дебаты должны осуществляться.

Пять лет спустя гражданская инициатива Евросоюза способствовала решению проблемы легитимности участия людей в управлении, но вопрос о содержательности дискурсов и их организационных формах остается открытым. Было бы печально, если реализацию европейской гражданской инициативы в качестве инструмента демократии участия постигнет судьба многих других инициатив в области «электронной демократии» (*e-democracy*) и «электронного участия» (*e-participation*), которые так и не смогли достичь своих целей.

Потенциал делиберативной формы демократии

С точки зрения демократической теории коммуникативная модель делиберативной демократии Юргена Хабермаса [39; 8] наиболее концептуально привлекательна в плане дискурсивного вовлечения граждан в общественно значимые процессы и повышения на этой основе степени их политической удовлетворенности. Одновременно эта модель в наибольшей степени стимулирует развитие сектора электронных государственных услуг [82]. Приверженцы такой модели ставят во главу угла необходимость формирования демократической публичной сферы с равными коммуникативными возможностями для всех. Функционирование этой сферы основано на диалогическом взаимодействии равноправных

¹ Blair T. The e-petition shows that my government is listening // The Observer. – L., 2007. – 18 Feb. – Mode of access: <http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2007/feb/18/uk.transport>; Road petitioners get Blair reply. – Mode of access: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/politics/6372877.stm

участников демократического дискурса на основе «коммуникативного действия», реализованного в форме словесных актов, нацеленных на взаимное понимание и координацию действий путем обмена рационально-аргументированными и прагматичными рассуждениями (*deliberations*). Исчезновение эгалитарной публичной сферы, по мнению Хабермаса, явилось одним из источников кризиса легитимности современных демократических устоев.

Существуют два основных подхода к теории и практике делиберативности. Один основывается на приоритете процедурного над содержательным, когда правила и процедуры дискурса определяют его ход, качество и результативность [21; 9; 10]. Другой позиции придерживаются те, кто считает, что граждане не должны приравниваться к профессиональным политикам и экспертам и постоянно участвовать в процессах принятия решений [13; 6; 7]. В такой модели делиберативной демократии имеют значение не процедуры, а равенство участников, содержательность их вклада в дискуссию, диалогичность и самостоятельность в выборе тем и времени для участия. Для партисипаторной эффективности важна не столько совершенная и правильно сконструированная делиберативная демократия – для нее необходимо больше делиберативности как таковой, когда граждане знают, что их взгляды обладают силой влияния на власть, когда они уверены в своих возможностях выражать публично свои политические ожидания, которые будут услышаны.

Появление Интернета и других (демократичных) средств социальной коммуникации возродило интерес к публичной сфере в виртуальном формате [см., например: 13; 14; 17; 18; 30; 31; 48; 58; 65; 69; 70; 71; 72; 75; 76; 78; 82]. В итоге понимание публичной сферы вышло за рамки ее изначально буржуазного характера – она была выявлена, например, в среде рабочего класса на Западе [55]. Не только публичная сфера стала плюралистичной, но и само ее понятие парадоксальным образом стало включать контрпубличность [20], отражая потребности, интересы и возможности различных социальных групп и функционирование существующих моделей публичной коммуникации [26].

Общее мнение состоит в том, что интерактивность новой публичной сферы на основе интернет-технологий дает особые преимущества для граждан. К примеру, Галина Синекопова утверждает, что именно гражданское общество наиболее выигрывает от расширения сферы публичности благодаря Интернету [72, с. 505]. Благодаря технологически обусловленной виртуальной

интерактивности становится возможным восстановить утерянную взаимосвязь между возможностью быть одновременно индивидуальностью и публичной частью межсубъектных отношений (и социальных групп), воссоздавая таким образом более демократичную публичную сферу для выражения и взаимной «притирки» и адаптации усложняющихся социальных противоречий в обществе [72, с. 513, 517–519].

Такое диалектическое единство общественного и частного в Интернете является весьма удобным, поскольку в обычной жизни простому человеку не так просто проявить себя публично. Как отмечали Сидней Верба, Кей Шлоцман и Генри Брэйди [80, с. 3], потенциально активные граждане нуждаются в определенных изначальных «точках вовлечения», функционирующих в виде взаимосвязанных сетей, через которые формулируются запросы на политическую активность. Тот, кто активен с гражданской и социальной точек зрения, с большой долей вероятности будет также проявлять и политическую активность. Если сложившаяся политическая культура не способна предоставить возможность и мотивацию для вовлечения людей в деятельность, позволяющую влиять на принятие решений, тогда и существующие уровни гражданской активности падают.

Для России, как и для других постсоветских стран, задача демократизации состоит не только в гарантированном обеспечении бесперебойной работы таких демократических институтов, как разделение ветвей власти, равенство в реализации избирательного права, независимость СМИ и судебной системы, подотчетность правительства и законодателей. Как показывает практика, фундаментальные институты демократии не могут выполнять свои функции нормально, если гражданская активность отсутствует или если возможностей для реализации демократической социализации недостаточно. Сетевая среда Интернета создает упомянутые «точки вовлечения», например в виде открытых дискуссионных форумов, когда становится трудно отделить виртуальное от реального. Публичный диалог и сопутствующие дискуссии могут представлять самостоятельную ценность, а не только средство решения проблем или поиска оптимального решения для политиков. Предполагается, что обыденные интернет-дискуссии разговорного характера, в которых участвуют простые люди на регулярной основе, могут стать значимыми для реформирования института прямой репрезентативности через новые механизмы «разговорной» демократии и политического участия [11; 12].

Но даже если такое предположение о позитивной роли интернет-технологий в отношении повышения гражданского участия верно¹, проблемой остается качественная оценка содержания таких дискурсов. Главный вопрос, на который следует ответить, – могут ли интернет-дискуссии быть делиберативными в принципе. Для этого необходимо выявить делиберативность семантически-содержательно и охарактеризовать ее проявления лингвистически-инструментально. Например, могут ли быть такие интернет-разговоры диалогичными и одновременно аргументированными и цивилизованными, основывающимися на базовых (коллективных) общественных ценностях и отражающими при этом индивидуальную гражданскую позицию; представляют ли подобные дискурсы эпистемологическую ценность как источник нового знания, экспертизы и опыта. Данная интерпретация разговорно-делиберативной модели публичной дискуссии отличается от классической модели публичной сферы Хабермаса, которая излишне идеализирована и зачастую упрощенно трактуется.

Данная статья ставит задачу эмпирически продемонстрировать, можно ли рассматривать разговорную ценность дискуссий в Интернете как делиберативно обоснованных². Например, может ли онлайн-дискуссия разговорного характера считаться диалогом, который воспринимается в качестве ключевого понятия делиберативной модели демократического дискурса? Парадоксально, но теория этики дискурса Хабермаса, в частности его концепция базовых притязаний (запросов) на подтверждение значимости высказываний в разговоре (*basic validity claims*) и соответствующие акты признания или непризнания, могут составить удобную основу для создания аналитических рамок нового типа, которые можно протестировать эмпирически (используя пример реальной дискуссии в Рунете). Но сначала следует конкретизировать смысл понятия «диалог» для понимания его роли в публичном дискурсе.

¹ Дэвид Бах и Джонатан Старк приводят эмпирические доводы в пользу этой гипотезы в своих публикациях о роли коммуникационных технологий в посткоммунистической Восточной Европе [2; 3]; есть и противоположные точки зрения, как, например, у Евгения Морозова [54], Флорианы Фоссато и Джона Ллойда [25], которые считают, что недемократические режимы используют возможности Интернета для консервации статус-кво.

² Некоторые исследователи считают, что такие возможности ограничены. См. «Инфотопию» Касса Санстейна [75].

Как исследуется и понимается делиберативность интернет-дискурсов

Реконцептуализация публичной сферы через онлайн-форму делиберативной демократии стала важным моментом продолжающегося пересмотра демократической теории и практики в направлении усиления роли политического участия. И хотя теория публичной сферы стала центральным звеном в исследовании онлайн-дискуссий, до сих пор не удалось создать эмпирически надежную аналитическую базу. В целом методология критического дискурс-анализа (*critical discourse analysis*, или *CDA*)¹, основанного на лингвистически-семантическом понимании медийных и других текстов с точки зрения структуры и динамики их содержания, более всего подходит к задачам анализа публичной сферы, учитывая ее коммуникативную природу. Исследования Нормана Фэркло [22], например, социально проблематизированы и успешно используют сложные инструменты системно-функциональной лингвистики (*systemic functional linguistics / SFL*) для получения и интерпретации эмпирических данных. Однако анализ семантических и лингвистических взаимоотношений между предложениями более применим для относительно небольших текстов. Исследование же большого количества текстов, например множества высказываний дискуссионных форумов, является трудоемким занятием и практически невозможно без автоматического (машинного) чтения текстов (в частности, с использованием ключевых слов). Последнее может быть использовано для определения тематической направленности, но точное выявление скрытых и открытых намерений авторов высказываний не гарантировано, в то время как они имеют принципиальное значение с точки зрения хабермасовской теории этики дискурса.

В основном, как показывает практика, происходит комбинирование методов сетевого и контент-анализа, когда акцент делается на конструировании и визуализации кластеров «сетевых окружений» участников дискуссий и их популярности. Это делается, к примеру, на основе частоты ссылок, т.е. наличия прямых связей между блогами [60; 69; 70; 71]. Приоритет здесь отдается инструментально-технологическим качествам Интернета (таким как гиперссылки), тогда как роль дискурсивности как основы «коммуни-

¹ См. всесторонний обзор дискурс-анализа: Jørgensen M, Philips L. *Discourse analysis as theory and method*. – L.; Thousand Oaks (CA): SAGE, 2002.

кативного действия» оказывается неясной. Кроме того, такие исследования зачастую политизированы и более подходят к выявлению макротрендов, например кластеров политических предпочтений и степени поляризации среди дискутантов. Само по себе это важно, но оставляет открытым вопрос о механизме дискуссии, ее диалогичности, равноправии, т.е. о тех качествах демократичности дискурса, которые определяют его делиберативную ценность для публичной сферы независимо от политических пристрастий его участников, нацеленных на сотрудничество и взаимное понимание.

Отсутствие сформулированных теоретических рамок может порождать множественность интерпретаций одного и того же эмпирического материала. Например, отсутствие понятной концепции интернет-дискурса создает условия для распространения на виртуальную среду подходов, выработанных для теории и практики дискуссий в реальной жизни (*face-to-face discussions*). Так, Лиза Цалики [78, с. 110] не согласна со сравнением Интернета со «старым и хорошо известным миром обычной политики», которая уже не устраивает людей. Николас Янковски [46] отмечает, что наследие традиционных исследований в области массовых коммуникаций повлияло на изучение дискуссионных практик в Интернете. В век цифровых технологий традиционные СМИ теряют свою монополию на информирование широкой публики. Недостаточность инноваций в исследовании интернет-дискурсов является одной из причин существующей неопределенности и наличия радикально отличающихся друг от друга взглядов на значение онлайн-коммуникационных практик [47]. Поэтому несмотря на популярность концепта публичной сферы его использование пока не привело к теоретической разработке принципиально новых подходов, необходимых для анализа эмпирики делиберативной практики в виртуальной среде [69; 70; 71; 81].

Экспериментирование в области электронного участия и делиберативной демократии является и останется важным направлением реальной практики и научных исследований. Вместе с тем назрела необходимость перейти от подходов, ориентированных на создание самостоятельных платформ дискуссионной среды как специфического набора технологических возможностей (интернет-форумы, блоги, различные социальные сети), к персонализации коммуникационной среды как таковой самими участниками (их онлайн-привычки, активность и т.д.) за счет конвергенции различных сред и учета. Это позволило бы поставить на первое

место индивидуально-социальные приоритеты участников, а не технические рамки отдельных платформ и их интерфейсов. При этом пользователи могли бы сами такую среду формировать, а не только быть ее «гостями». Даже сравнительно успешные официальные проекты правительств и других публичных институтов (например, эстонский «ТОМ»¹, британский «Cohere»² или испанский «MadridParticipa»³) технологически и концептуально не совсем подходят для организации публичного общественного диалога. Во-первых, число их пользователей многократно меньше, чем тех, кто регулярно участвует в интернет-дискуссиях; во-вторых, последние обычно никак не связаны с существующими официальными сайтами и платформами; и, в-третьих, абсолютное большинство правительственных инициатив, вовлекающих граждан в дискуссии, завершается традиционным голосованием (или ранжированием), чтобы, например, выявить проект закона, который пользуется широкой поддержкой. Между тем именно диалогизм и дискуссионность помогают дезагрегировать мнения, выявить нюансы, меньшинства и даже маргинальные позиции, которые для общества так же важны, как и агрегированное большинство, являющееся основой современной конкурентной политики.

Хабермасовские «притязания на значимость» как инструмент дискурс-анализа в онлайн-среде

В свете вышесказанного представляется возможным создание аналитического инструмента изучения диалогичности (и тем самым делиберативности) публичных интернет-дискуссий. За основу взята концепция «базовых притязаний на значимость» Ю. Хабермаса, являющаяся важным звеном его более широкой теории этики дискурса [53]. Хабермас понимает коммуникативную рациональность и этику в прямой связи с проблемой легитимности современной демократии и роли делиберативной демократии в повышении такой легитимности. Для Хабермаса вовлеченность в морально-ориентированные дискурсы, обеспечивающие поиск «правды» для лучшего взаимного понимания между свободными гражданами, является наиболее этически оправданной формой политической организации общества [34, с. 52]. Роль публичных

¹ <http://tidplus.net/>

² <http://cohere.open.ac.uk/about.php>

³ <http://www.epractice.eu/en/cases/madridp>

дискуссий заключается в обсуждении вопросов, актуальных для всего общества, интерпретации ценностных категорий, выдвижении аргументов и их критики.

Притязания на значимость являются центральными для понимания механизма коммуникативного действия и публичной сферы в целом [33; 35; 38; 39]. Это движущие силы дискурса, с помощью которых его участники связывают реальные социальные практики с коммуникативно выраженными взглядами и позициями. Оценка Хабермасом коммуникативной рациональности в виде дискурсивно сформулированного и проявленного социального феномена, а не только в форме лингвистической конструкции, помогает достичь более полного понимания проблемы рациональной аргументации. Хабермас стремится расширить границы индивидуального знания и опыта через коллективный интеллект; рациональность с его точки зрения состоит не только в аргументации, но прежде всего в желании взаимодействовать с другими коммуникативно. Взаимность и диалогизм выступают как дискурсивные инструменты, которые трансформируют индивидуальные притязания на значимость в коллективные. Иначе говоря, благодаря сотрудничеству в обмене такими притязаниями персональные рассуждения становятся частью коллективного интеллекта, а участники дискурсивного процесса становятся сообществом граждан (*citizenry*).

Хабермас также утверждает, что для понимания высказывания необходимо выявить его непрямой, скрытый смысл и намерения говорящего, учитывая сопутствующие социальные условия. Притязания на значимость позволяют достичь понимания (но необязательно консенсуса) между участниками дискурсивного процесса в отношении чего-либо [35, с. 233]. Таким образом, притязания на значимость являются для Хабермаса ключевыми в раскрытии механизма взаимоотношений между содержательным смыслом, аргументацией и рациональностью рассуждений, с одной стороны, и взаимным пониманием – с другой. Хотя Хабермас не описывает в деталях механизм таких притязаний и их подтверждение (или неподтверждение), он считает, что согласие может рассматриваться в качестве подтверждения. По его мнению, когда кто-то не подтверждает предложенные в высказывании притязания, то тогда отрицается значимость соответствующего высказывания по крайней мере в одном из трех отношений: 1) объективной правды (*objective truth*); 2) intersубъективной правоты (*intersubjective rightness*); 3) персональной искренности (правдивости) (*individual truthfulness*) [34, с. 137]. «Нет» сигнализиру-

ет, что высказывание не смогло выполнить какую-то из этих трех функций по отношению к объективно существующему состоянию дел, к вовлеченности в межличностные взаимоотношения (принадлежность к группам и сообществам «по интересам» или по другим моральным или политически мотивированным причинам) и к проявлению лично пережитого индивидуального опыта. То есть такое высказывание не соотносится ни с одним из этих трех коммуникативно изображенных миров – миром фактов, существующим для всех; миром межсубъектных отношений среди тех, кто придерживается определенных взглядов; субъективным миром каждого индивида.

Для целей данного исследования, смысл подтверждения запросов на значимость интерпретируется через выражение согласия либо несогласия в комбинации с наличием или отсутствием связанной с этим аргументации. Ставится задача выяснить, являются ли ответы на притязания рациональными и, таким образом, соответствуют ли требованию делиберативности в хабермасовском значении. Для Хабермаса рациональность заключается в подтверждении притязаний, а само подтверждение – в их (социальном) содержании, которое можно понять лишь коллективно через диалогически выстроенные коммуникативные действия.

В этом случае наличие взаимного понимания интерпретируется не только как консенсус, но и как несогласие, что более точно отражает разговорную природу интернет-дискуссий среди обычных граждан. Такой подход позволяет сконструировать коммуникативно-коллективную рациональность дискурса, наполнить конкретным содержанием понятие диалогичности. Последнее измеряется количественно через частоту и качество подтверждений запросов на содержательную значимость коммуникативных актов и качественно путем выявления степени ее рациональности и релевантности. Качественное содержание диалогичности может быть идентифицировано в привязке к: а) базовому информационно-ситуационному контексту (притязания первого типа); б) социальной (или моральной) мотивации, заключающейся в выражении и отстаивании правоты определенной позиции (притязания второго типа); в) индивидуально-социопсихологическому характеру (притязания третьего типа). Те или иные комбинации «коммуникативных миров» могут отражать более широкие социально-политические условия, в которых данный дискурс разворачивается, и таким образом рассматриваться как публичный диалог на определенные темы среди определенных групп населения. Таблица 1 обобщает и интерпретирует хабермасовское понимание коммуникативных миров.

Коммуникативные миры Юргена Хабермаса (составлено автором)

Объективный мир для всех , базирующийся на фоновых фактах, информации, знании	Ценностно-ориентированные между субъектные миры солидарностей для граждан (и их ассоциаций), выражающих определенные взгляды и позиции	Персональные миры отдельных граждан , основанные на искренности внутренне осмысливаемых и публично выраженных объективных фактах и между субъектных ценностях
Притязания на значимость 1-го типа Запросы на подтверждение значимости в отношении предложенной правды об объективном мире для всех, состоящего из фактов, информации, блоков знания и т.д.	Притязания на значимость 2-го типа Запросы на подтверждение значимости в отношении предложенной позиции с точки зрения ее нормативной правоты для поиска между субъектных солидарностей	Притязания на значимость 3-го типа Запросы на подтверждение значимости в отношении предложенной правдивости персональных намерений и взглядов
Интерпретация существующей фоновой информации и фактов о живом мире как основы для формирования ценностно-ориентированных intersубъективных мнений и формирования соответствующих солидарностей	Формирование ценностно-ориентированных intersубъективных солидарностей, выраженных в виде публичных норм для всех	Интернализация объективного и intersубъективного миров для публичного подтверждения искренности намерений и взглядов
Коммуникативное воспроизводство понимания базовых культурных традиций и норм	Коммуникативное формирование новых ценностных норм через нормативную социализацию и межценностное взаимодействие	Социально-коммуникативная индивидуализация традиций, ценностей и норм

Главной целью участников этих взаимосвязанных коммуникативных миров является комбинация двух актов коммуникации, а именно: а) информирование о своих мировоззренческих и других позициях (обычно в контексте известных или реально существующих фактов и информации, которые не оспариваются как таковые) и б) отстаивание их правоты на ценностной основе (нормативной, моральной, этической, политической) с приведением аргументации; правота может обосновываться как при высказывании своих позиций в ожидании реакции других, так и при ответном реагировании на

чужие позиции, в том числе и при реагировании других на собственные высказывания. Если такие комбинации формируют непрерывные серии коммуникативных действий, то они могут рассматриваться как диалогичные последовательности. Диалогизм здесь выступает одновременно и как инструмент влияния, позволяющий сообщить о своем существовании, выразить свое отношение к миру и таким образом повлиять на слушателей (читателей). Успешные высказывания в социально-коммуникативном смысле должны содержать один из трех типов притязаний на значимость. Успешный же диалог должен содержать подтверждения / неподтверждения таких запросов, сопровождаемых соответствующим обоснованием. Коммуникативная диалогичность выступает фундаментом успешных публичных дискурсов.

Пример эмпирического анализа диалогичности дискурсивной делиберативности через «притязания на значимость»

В качестве демонстрационного примера были взяты интернет-дискуссии, состоявшиеся в 2006–2008 гг. на форуме межрегиональной общественной организации автомобилистов «Свобода выбора» (19may.ru). Целями дискуссии были либо подготовка предстоящих протестных акций, либо осмысление их уроков. Список дискуссий приведен ниже¹.

1. Акция-10. ПРОТИВ: завышенных цен на бензин, 70%-го уровня налогового бремени в цене литра топлива, плохого качества топлива. ЗА: аккумуляирование всех «топливных» налогов в Федеральном дорожном фонде для решения дорожных проблем, 24 мая 2008 г. (571 размещенный пост, высокая интенсивность)².

2. Акция-4. Против поправок в ПДД, поставивших вне закона машины с красными поворотниками и желтыми габаритами, 28 января 2006 г. (124 размещенных поста, очень высокая интенсивность)³.

¹ Используются данные более широкого диссертационного исследования, объектами которого были 3098 постов, размещенных 772 участниками на трех разных дискуссионных форумах (всего было исследовано 25 завершенных онлайн-новых дискуссий). Дискуссии изучались по нескольким качественным стандартам делиберативности; в данной работе акцент делается на использовании двух стандартов – дискурсивной диалогичности и рациональности.

² Всероссийская акция 24 мая: Топливо стране – по народной цене! Все бензо-налоги – в мосты и дороги! – Режим доступа: <http://www.19may.ru/forum/showthread.php?t=10472>

³ Разбор полетов. – Режим доступа: <http://www.19may.ru/forum/showthread.php?t=4183>

3. Акция-5. В защиту Олега Щербинского, неправомерно обвиненного в гибели губернатора Алтайского края Михаила Евдокимова, 12 февраля 2006 г. (108 размещенных постов, очень высокая интенсивность)¹.

4. Акция-7. Против незаконного сноса «ракушек» и планов введения повсеместной платной парковки в Москве, 30 сентября 2006 г. (58 размещенных постов, невысокая интенсивность)².

5. Акция-6. Против «мигалок», спецномеров и др. привилегий чиновникам, против поправок в КоАП, 27 мая 2006 г. (46 размещенных постов, средняя интенсивность)³.

6. Акция-8. Против завышенных цен и плохого качества бензина, за направление нефтяных доходов на строительство дорог, 14 октября 2006 г. (39 размещенных постов, высокая интенсивность)⁴.

7. Акция-2. Против завышенных цен на бензин, тарифов ОСАГО, ставок транспортного налога, 30 июля 2005 г. (29 размещенных постов, средняя интенсивность)⁵.

8. Акция-3. Против планов пятикратного повышения транспортного налога, 10 декабря 2005 г. (19 размещенных постов, низкая интенсивность)⁶.

9. Акция-9. Защитим правый руль! Нет драконовским штрафам!, 16 декабря 2006 г. (19 размещенных постов, низко-средняя интенсивность)⁷.

10. Акция-1. Против намерения Правительства запретить эксплуатацию машин с правым рулем, 19 мая 2005 г. (10 размещенных постов, средняя интенсивность)⁸.

¹ Нужна акция протеста по Щербинскому. – Режим доступа: <http://www.19may.ru/forum/showthread.php?t=4316>

² Лозунги для «живых щитов» и будущей акции. – Режим доступа: <http://www.19may.ru/forum/showthread.php?t=6566>

³ Поправки в КоАП – проект позиции КС. – Режим доступа: <http://www.19may.ru/forum/showthread.php?t=5884>

⁴ Подготовка письма властям (бензин и ГСМ). – Режим доступа: <http://www.19may.ru/forum/showthread.php?t=6986>

⁵ Ерундой вы занимаетесь... – Режим доступа: <http://www.19may.ru/forum/showthread.php?t=2447>

⁶ Апельсиновое предложение. – Режим доступа: <http://www.19may.ru/forum/showthread.php?t=3543>

⁷ Размышления. – Режим доступа: <http://www.19may.ru/forum/showthread.php?t=7598>

⁸ Статья в МК-Мобиль (+). – Режим доступа: <http://www.19may.ru/forum/showthread.php?t=47>

Для качественной оценки степени делиберативности всех 1023 постов были выбраны несколько стандартов, наиболее часто используемых в исследовании онлайн-дискуссий: активность и цивилизованность участия, интерактивность, рациональность и аргументированность. Эти характеристики оценки делиберативности были дополнены новыми параметрами диалогичности и претензий на значимость, которые до сих пор не исследовались эмпирически.

Результаты кодирования постов приведены в таблице 2. В целом дискуссии автомобилистов отличались дисциплинированностью, с отчетливым акцентом на решение поставленных задач. Степень диалогичности, взаимности и цивилизованности – высокая. Стремление решать проблемы совместно было залогом уважения участников друг к другу и особенно по отношению к модератору (главе организации). Это понятно, так как в противном случае была бы невозможна коллективная работа. Ощущалось чувство единства сформированного сообщества, члены которого придерживались схожих взглядов на необходимость отстаивания прав российских автомобилистов. Другим качеством дискурса был сравнительно невысокий уровень несогласия, что, впрочем, не мешало участникам демонстрировать по-прежнему высокую степень аргументированности своих позиций. Для сравнения – уровень несогласия на двух других проанализированных форумах был заметно выше, хотя остальные делиберативные качества были схожими. Очевидно тот факт, что за форумом стояла конкретная организационная структура, имел объединяющее и дисциплинирующее значение наряду с умелым модерированием. Это позволило посредством Интернета собрать вместе неравнодушных (и готовых к действию) обычных людей и совместно выработать общую позицию. Была выявлена незначительная разница в количестве активных и пассивных участников с точки зрения частоты размещения комментариев. Несмотря на то что некоторые посты не отличались вежливостью (как бывает в обыденном разговоре соратников), в целом они не были оскорбительными. Это были специфические (с точки зрения идеализированной делиберативной демократии), но прагматичные и успешные дискуссии, достигавшие своих «мобилизационных» целей.

В качестве иллюстрации диалогичного использования претензий на значимость и их аргументирование показаны на примере случайно выбранной серии постов первой ветки (номера постов от 530 до 537) (табл. 4). Каждый пост охарактеризован тремя взаимосвязанными цифровыми идентификаторами (расположенными через дефис): i) первое число является порядковым номером поста, отра-

жающим время его размещения на ветке любым участником (означает общее количество постов на данный момент); ii) вторая цифра указывает на порядковое число участников по мере их вступления в дискуссию, в момент размещения первого поста (означает общее количество участников в определенный момент); iii) третье число является порядковым номером поста каждого участника (указывает на общее число постов, размещенных конкретным участником). Таким образом, каждый пост может быть уникально описан комбинацией из этих трех идентификаторов, показывая, кто и когда его разместил. Например, сочетание «12–4–2» означает, что это был 12-й по счету пост на ветке, размещенный четвертым участником; одновременно это был второй пост данного участника.

Данная последовательность постов была размещена шестью участниками, которые непрерывно цитируют друг друга. За исключением параметра цитирования, не совсем ясно, в какой степени эта серия постов является диалогичной по сути. Предполагается, что когда один участник цитирует другого, то формируется определенное коммуникативно-диалогичное взаимоотношение между двумя незнакомыми людьми. Потенциально это может быть содержательный микродиалог (пока он непрерывен), начатый участником под номером 530, который не связан в предыдущими постами. Для более полного понимания диалогичности этой последовательности высказываний необходимо понять содержательно-реляционный смысл (явный и неявный) каждого высказывания, как советует Хабермас. Поэтому содержание каждого поста было раскрыто семантически, чтобы: а) создать его тематический профиль и б) типологизировать его содержание в отношении притязаний на значимость. Иначе говоря, требовалось ответить на следующие вопросы: содержит ли пост i) ссылки на общеизвестные факты и объективно существующую информацию по первому типу; ii) сформулировал ли автор поста некую позицию в отношении темы обсуждения по второму типу; если да, то является ли эта позиция претензией автора на значимость или это подтверждение / неподтверждение претензии, исходящей от автора другого поста (и какого именно); iii) было ли подтверждение претензии оформлено в виде согласия или несогласия; iv) были ли использованы аргументы в обоснование согласия или несогласия; v) содержал ли пост выражение некоей внутренней осмысленной искренности по третьему типу.

Таблица 2

**Результаты кодирования контента постов, размещенных на десяти ветках
онлайн-овых дискуссий на форуме межрегиональной общественной организации
автомобилистов «Свобода выбора»; посты могут содержать более одного типа
притязаний на значимость (составлено автором)**

Ветка дискуссии (номер акции протеста)	Кол-во постов	Размер	Продолжительность	Интенсивность	Участники	Тип притязаний на значимость											
						Тип-1: Притязания на значимость в отношении истинности предложен- ных утверж- дений об объективном и общем для всех мире		Тип-2: Притязания на значимость в отно- шении предложенной позиции с точки зре- ния ее нормативной правоты для поиска интерсубъективных solidarностей				Тип-3: Притязания на значимость предложенной правильности персональных намерений и взглядов					
						#	%	#	%	#	%	Притязания на значимость через		#	%	#	%
												согласие (позитивное отношение)	несогласие (негативное отношение)				
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16		
1 (Акт 10)	571	очень большой	долгая	очень высокая	128	559	97.9	205	35.9	137	24.0	85	14.9	54	9.5		
2 (Акт 4)	124	очень большой	очень короткая	очень высокая	58	124	100.0	63	50.8	32	25.8	43	34.7	34	27.4		
3 (Акт 5)	108	очень большой	очень короткая	очень высокая	57	106	98.1	79	73.1	30	27.8	55	50.9	9	8.3		
от числа всех постов																	

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
4 (Акт 7)	58	большой	средняя	низкая/ очень низкая	15	58	100.0	20	34.5	11	19.0	13	22.4	6	10.3
5 (Акт 6)	46	средний	очень короткая/ средняя	средняя	15	46	100.0	39	84.8	32	69.6	15	32.6	5	10.9
6 (Акт 8)	39	средний	очень короткая	высокая	8	33	84.6	12	30.8	11	28.2	5	12.8	2	5.1
7 (Акт 2)	29	средний	средняя	средняя	20	28	96.6	22	75.9	13	44.8	15	51.7	8	27.6
8 (Акт 3)	19	маленький	очень короткая	низкая	14	18	94.7	11	57.9	0	0.0	11	57.9	1	5.3
9 (Акт 9)	19	маленький	очень короткая	низкая/ средняя	12	19	100.0	15	78.9	10	52.6	10	52.6	7	36.8
10 (Акт 1)	10	маленький	очень короткая	средняя	8	10	100.0	6	60.0	6	60.0	1	10.0	3	30.0
Всего по 1023 постам дискуссии автолюбителей					335	1,001	97.8	472	46.1	282	27.6	253	24.7	129	12.6

Пример микродиалога (составлено автором)

Пост	Содержит цитату из поста	В том числе из			Межличностные посты (по сути)		Межличностные посты с использованием имени адресата		Притязания на значимость 2-го типа	Продолжает тематику предыдущего поста
		1-го поста	среди 10-ти предыдущих постов	среди 2-х предыдущих постов	1 – да	среди 10-ти предыдущих постов	1 – да	среди 10-ти предыдущих постов		
Идентификатор 530-125-1		1 – да	1 – да	1 – да						1 – да
Идентификатор 531-19-8			1	1					1	1
Идентификатор 532-72-2			1	1	1	1	1	1	1	1
Идентификатор 533-122-8			1	1					1	1
Идентификатор 534-72-3			1	1	1	1	1	1	1	1
Идентификатор 535-5-40				1					1	1
Идентификатор 536-122-9				1					1	1
Идентификатор 537-94-27				1	1	1				1

В выбранной последовательности все участники поддерживают темы, сформированные в предыдущих постах; а именно: гражданское общество (код b5)¹; федеральные власти (a2); нефтегазовая индустрия (c5); автомобильная промышленность и стоимость топлива (c7); экономическая политика (c1). Вопросы, которые были подняты, включали следующие утверждения.

1. Цены на топливо не росли во время президентства Путина (2000–2008).

2. Путин виновен в росте цен.

3. Цены выросли в первые месяцы президентства Медведева, но он не виноват и выступает жертвой дискредитации.

4. Монополисты – производители автомобильного топлива должны быть национализированы для уменьшения цен.

5. Антимонопольный орган не работает.

6. Рост цен не оправдан.

Эти вопросы были подняты автором поста 530 в ожидании (как претензии на значимость по типу 2), что какие-то из них (или все) будут подтверждены, т.е. кто-то из других участников сможет их прокомментировать (не очень вероятно, что автор ожидал полного согласия – в этом не было нужды, важно было само обсуждение). Смысл этого поста в следующем. Автор утверждает, что даже если цены и не росли за годы президентства Путина, причины их роста в первые три месяца президентства Медведева кроются в предыдущей политике Путина (поскольку срок в три месяца был слишком мал для такого роста цен). Этот участник сослался на предыдущий пост номер 529 (исключенный из этой последовательности), но не цитировал его прямо, чтобы не согласиться с его автором, отмечавшим, что цены на автомобильное топливо растут уже долгое время. То есть автор поста 530 оспорил эту позицию, открыв тем самым новое направление дискуссии.

Далее пост 531 процитировал пост 529 и не согласился с его содержанием (через соответствующий эмотиком), что, с другой стороны, означало согласие с автором поста 530. В свою очередь, пост 532 начал аргументированную критику поста 530. Затем пост 533 оспорил один из пунктов, предложенных автором поста 532 относительно коррупции в нефтегазовой отрасли. Пост 532 не согласился с постом 533, рекомендуя избегать эмоций и руководствоваться фактами. Автор поста 535 вступил в дискуссию, не согласившись с теми участниками, которые критиковали ут-

¹ На основе заранее составленной кодировочной типологии.

верждения поста 533, поскольку они были самоочевидны и не требовали дополнительных доказательств. Этот автор также сформулировал новые претензии на значимость, касающиеся использования доходов от продажи нефти правительством. Автор поста 533 был раскритикован с помощью цитирования уже прозвучавшей критики в посте 534, предлагая вниманию новые факты злоупотребления бюджетными ассигнованиями в другой отрасли (нанотехнологии), подразумевая, что такие же злоупотребления вполне возможны и в нефтегазовой индустрии (т.е. в качестве аргументации использовалось сравнение). Наконец, автор поста 537 не согласился с постом 536, не цитируя его содержание, но обращаясь к его автору персонально. Дальнейшие посты сконцентрировались на теме коррупции в сфере развития нанотехнологий и таким образом этот микродиалог завершился.

Хотя данная иллюстрация составлена на основе всего нескольких постов одного небольшого микродиалога (а их может быть множество в рамках одной дискуссии), анализ показывает не только и не столько сложный характер взаимодействия между участниками, сколько смысловую взаимозависимость их высказываний, включая механизм аргументации. Содержание отдельных постов, взятых вне реляционного контекста взаимодействия с другими постами, не способно отразить конструкцию конкретного микродиалога и не позволяет понять качественную сторону делиберативности всей дискуссии в целом. Этот пример также демонстрирует эмпирическую эффективность дискурсионного инструментария притязаний на значимость для анализа интернет-дискуссий. Дискурсивные механизмы таких претензий могут быть использованы для оценки публичного диалога в онлайн-режиме. Эти механизмы также могут использоваться для создания веб-аппликаций, нацеленных на рядовых пользователей Интернета, которые можно было бы персонально настраивать для более эффективного и осмысленного участия в дискуссиях.

Заключение: Публичная сфера гражданской активности, диалога и доверия

Деконструкция диалогичности онлайн-дискуссий с использованием притязаний на значимость позволяет совместить в одном ракурсе содержательно-рациональные, социально-психологические и лингвистическо-семантические аспекты дискурса. Вышеприведенный пример серии постов демонстрирует его диа-

логично-реляционный характер. Данный пример также показывает сложную рефлексивную природу онлайн-дискурса, его разговорную форму, когда эмоции могут мирно сочетаться (хотя и не всегда) с рациональностью аргументирования, как часто бывает в обыденной жизни. Сложность состоит не в множественности интерпретаций одних и тех же фактов и явлений, а в механизме принятия или отрицания аргументации, сложной связи согласия и несогласия (особенно в ситуации, когда согласие с одними участниками означает несогласие с другими). Поиск «правды» становится реляционным процессом множества интерпретаций, зависящим от выбранной формы коммуникации и особенностей коллективного взаимодействия между участниками. Это требует от них достаточной компетенции и знаний для успешного участия в диалогичных и рефлексивных дискуссиях и разрешения конфликта точек зрения дискурсивным путем.

Особенно важен здесь аспект публичного доверия между незнакомыми людьми, участвующими в онлайн-дискуссиях. Демократия просто невозможна без такого «дистанционного», «удаленного» типа доверия между гражданами, которые воспринимаются как «другие». Стивен Коулмен, Скотт Энтони и Дэвид Моррисон отмечают в связи с этим, что современное общество является слишком сложным и жизненно зависит от «безличного, абстрактного доверия между его удаленными членами, которые не могут составлять прямые представления друг о друге», но все больше зависят от абстрактного «другого», образ которого формируется коммуникативно [16, с. 3]. Как продемонстрировал Патнэм [61], отсутствие доверия к публичным институтам подрывает легитимность многих институтов демократии.

Безличная виртуальная среда новых цифровых медиа содействует такому удаленному взаимодействию. Активность Евросоюза (и других международных и национальных организаций) в области новых гражданских инициатив с использованием Интернета следует воспринимать с точки зрения выживания демократии через ее адаптацию к новым условиям информационного общества и растущей гражданской активности. Это в равной, если не в большей, степени относится и к постсоветским странам, потерявшимися в трудностях перехода к демократии. Существуют свидетельства, что молодежь в наибольшей степени готова к активному и осознанному участию в общественно-политической жизни тогда, когда появляются возможности для такого альтернативного участия [27; 57; 77].

Интернет-дискуссии также можно рассматривать в качестве нетрадиционных, но значимых для будущего новых сфер публичности, более демократичных и соответствующих требованиям современного постполитического информационного общества. Представители самых разных социальных слоев перестают доверять официальной «правде», предпочитая ей свою собственную «правду», базирующуюся на личном опыте, знаниях и мнениях [см. обоснование термина *I-pistemology* Л. ван Зооненом: 79, с. 56–57]. Знание и опыт все в большей степени становятся инструментами влияния на власть со стороны общества, как бы инверсируя трактовку Мишелем Фуко дискурсивных практик государства, стремящегося «надзирать и дисциплинировать» граждан через категоризацию знания, знаков, суждений, высказываний, отражающих исторически определенную дискурсивную формацию.

Если диалогичность «разговорных» интернет-дискурсов будет признана качеством делиберативности, связанным с укреплением доверия в усложняющемся и противоречивом современном обществе, виртуальная среда может стать важным публичным местом «переговоров» между сторонниками разных взглядов. Это позволит предотвратить доминирование одной идеологии и не допустить излишней поляризации общества в реальной жизни. Наличие возможностей участия в таких дискурсах будет способствовать осознанию людьми своей гражданской ответственности и таким образом усилит индивидуальную морально-этическую и идеологическую мотивацию демократического участия граждан в управлении обществом. В противном случае существует вероятность снижения демократической легитимности власти в глазах граждан и воспроизводства «порочного круга» политической неудовлетворенности, как предупреждала Кэрол Пейтман [59, с. 46, 103–104]. Для молодых постсоветских демократий такое предупреждение является даже более актуальным в силу их социальной незрелости, политической волатильности и, соответственно, последствий поляризации общества, еще более опасных при отсутствии заслуживающих доверия механизмов своевременного сглаживания социальных противоречий.

Список литературы

1. Allan S. Online news: Journalism and the Internet. – Maidenhead: Open univ. press, 2006. – 208 p.
2. Bach J., Stark D. Link, search, interact: The co-evolution of NGOs and interactive technology // Theory, culture a. society. – L., 2004. – Vol. 21, N 3. – P. 101–117.
3. Bach J., Stark D. Technology and transformation: Facilitating knowledge networks in Eastern Europe. – Geneva: UNRISD, 2003. – 23 p. – UNRISD programme papers on technology, business and society. – Mode of access: http://www.unrisd.org/80256B3C005BCCF9/httpNetITFrame?ReadForm&parentunid=35352D4B078518C0C1256BDF0049556C&parentdoctype=paper&netitpath=http://www.unrisd.org/published/_pp_/tbs_/bach/content.htm
4. Baym N.K. The emergence of on-line community // Cybersociety 2.0: Revisiting computer mediated communication and community / Ed. by S. Jones. – Newbury Park (CA): SAGE, 1998. – P. 35–68.
5. Berdal S.R.B. Public deliberation on the Web: A Habermasian inquiry into online discourse: MA thesis / Univ. of Oslo. – Oslo, 2004. – xii, 128 p., lii. – Mode of access: <http://www.duo.uio.no/publ/informatikk/2004/20535/SimonBerdal.pdf>
6. Bohman J. Public deliberation: Pluralism, complexity and democracy. – Cambridge (MA): MIT press, 1996. – xi, 303 p.
7. Bohman J., Rehg W. Jürgen Habermas // Stanford encyclopaedia of philosophy. – Mode of access: <http://plato.stanford.edu/entries/habermas/>
8. Calhoun C.J. Habermas and the public sphere. – Cambridge (MA): MIT press, 1993. – 512 p.
9. Cohen J. Deliberation and democratic legitimacy // The good polity: Normative analysis of the state / Ed. by A. Hamlin, Ph. Pettit. – Oxford: Blackwell, 1989. – P. 17–34.
10. Cohen J. Procedure and substance in deliberative democracy // Democracy and difference: Contesting the boundaries of the political / Ed. by S. Benhabib. – Princeton (NJ): Princeton univ. press, 1996. – P. 95–119.
11. Coleman S. Direct representation: Towards a conversational democracy. – L.: IPPR, 2005. – v, 16 p.
12. Coleman S. New mediation and direct representation: Reconceptualizing representation in the digital age // New media a. society. – L., 2005. – Vol. 7, N 2. – P. 177–198.
13. Coleman S., Blumler J.G. The Internet and democratic citizenship: Theory, practice and policy. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2009. – 232 p.
14. Coleman S., Götze J. Bowling together: Online public engagement in policy deliberation. – L.: Hansard society, 2001. – 48 p.
15. Coleman S., Kaposi I. New democracies, new media: What's new? A study of e-participation projects in third-wave democracies / e-Governance academy. – Mode of access: http://www.ega.ee/files/Coleman_handbook.pdf
16. Coleman S., Morrison D.E., Anthony S. Public trust in the news: A constructivist study of the social life of news. – Oxford: Reuters Institute for the study of journalism, 2009. – 47 p.

17. Dahlberg L. Democracy via cyberspace: Mapping the rhetorics and practices of three prominent camps // *New media a. society.* – L., 2001. – Vol. 3, N 2. – P. 157–77.
18. Dahlgren P. The Internet, public spheres and political communication: Dispersion and deliberation // *Political communication.* – Abingdon, 2005. – Vol. 22, N 2. – P. 147–162.
19. *Doing Internet research: Critical issues and methods for examining the Net* / Ed. by S. Jones. – Thousand Oaks (CA): SAGE, 1999. – xxiv, 299 p.
20. Downey J., Fenton N. New media, counter publicity and the public sphere // *New media a. society.* – L., 2003. – Vol. 5, N 2. – P. 185–202.
21. Elster J. *Deliberation and constitution making* // *Deliberative democracy* / Ed. by J. Elster. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1998. – P. 97–122.
22. Fairclough N. *Analysing discourse: Textual analysis for social research.* – L.; N.Y.: Routledge, 2003.
23. Fairclough N. *Discourse and social change.* – Cambridge: Polity, 1992. – 259 p.
24. Fischer F. *Democracy and expertise: Reorienting policy inquiry.* – Oxford: Oxford univ. press, 2009. – x, 339 p.
25. Fossato F., Lloyd J., Verkhovsky A. *The Web that failed: How opposition politics and independent initiatives are failing on the Internet in Russia.* – Oxford: Oxford univ. press, 2008. – v, 61 p.
26. Freelon D. *Analyzing online political discussion using three models of democratic communication* // *New media a. society.* – L., 2010. – Vol. 12, N 7. – P. 1172–1190.
27. Ganuza E., Francés F. *Rethinking the sources of participation: A case study of Spain* // *European sociological rev.* – Oxford, 2008. – Vol. 24, N 4. – P. 479–493.
28. Gorny E. *A creative history of the Russian Internet: PhD thesis* / Univ. of London. – L., 2006. – ix, 378 p. – Mode of access: http://www.ruhr-uni-bochum.de/russ-cyb/library/texts/en/gorny_creative_history_runet.pdf
29. Gornyi I. *Russkii LiveJournal: Vliianie kul'turnoy identichnosti na razvitie virtual'nogo obshchestva* // *Control + Shift: Public and private uses of the Russian Internet* / Ed. by H. Schmidt, K. Teubener, N. Konradova. – Norderstedt: Books on demand, 2006. – P. 109–130. – Mode of access: http://www.ruhr-uni-bochum.de/russ-cyb/library/texts/ru/control_shift/Gornyi.pdf
30. Graham T. *Needles in a haystack: A new approach in identifying and assessing political talk in non-political discussion forums* // *Javnost.* – Ljubljana, 2008. – Vol. 15, N 2. – P. 17–36.
31. Graham T., Witschge T. *In search of online deliberation: Towards a new method for examining the quality of online discussions* // *Communications: The European j. of communication research.* – B.; N.Y., 2003. – Vol. 28, N 2. – P. 73–204.
32. Habermas J. *Between facts and norms: Contributions to a discourse theory of law and democracy.* – Cambridge: Polity, 1996. – xliii, 631 p.
33. Habermas J. *Lifeworld and system: A critique of functionalist reason* // Habermas J. *The theory of communicative action.* – Cambridge: Polity, 1987. – Vol. 2. – 457 p.
34. Habermas J. *Moral consciousness and communicative action.* – Cambridge: Polity, 1992. – xii, 224 p.
35. Habermas J. *On the pragmatics of communication.* – Cambridge (MA): MIT press, 1998. – viii, 454 p.

36. Habermas J. Political communication in media society: Does democracy still enjoy an epistemic dimension? The impact of normative theory on empirical research // *Communication theory*. – Oxford, 2006. – Vol. 16, N 4. – P. 411–426.
37. Habermas J. Reason and the rationalization of society // Habermas J. *The theory of communicative action*. – Boston: Beacon, 1984. – Vol. 1. – xlv, 465 p.
38. Habermas J. *The philosophical discourse of modernity*. – Cambridge: Polity, 1987. – xx, 430 p.
39. Habermas J. *The structural transformation of the public sphere: An inquiry into a category of bourgeois society*. – Cambridge: Polity, 1989. – xix, 301 p.
40. Habermas J. *Truth and justification*. – Cambridge (MA): MIT press, 2003. – xxii, 327 p.
41. Hill K.A., Hughes J.E. Computer-mediated political communication: The USENET and political communities // *Political communication*. – Philadelphia (PA), 1997. – Vol. 14, N 1. – P. 3–27.
42. Hill K.A., Hughes J.E. *Cyberpolitics: Citizens in the age of the Internet*. – Lanham (MD): Rowman & Littlefield, 1998. – ix, 207 p.
43. Hollander E., Stappers J., Jankowski N. Community media and community communication // *Community media in the information age: Perspectives and prospects* / Ed. by N. Jankowski, O. Prehn. – Cresskill (NJ): Hampton press, 2002. – P. 19–30.
44. Ikeda K., Huckfeldt R. Political communication and disagreement among citizens in Japan and the United States // *Political behavior*. – Lexington (KY), 2001. – Vol. 21, N 1. – P. 23–51.
45. Internet paradox: A social technology that reduces social involvement and psychological well-being / Kraut R., Patterson M., Lundmark V., Kiesler S., Mukopadhyay T., Scherlis W. // *American psychologist*. – Wash., 1998. – Vol. 53, N 9. – P. 1017–1031.
46. Jankowski N. Creating community with media: History, theory and scientific investigations // *The handbook of new media: Social shaping and consequences of ICTs* / Ed. by L.A. Lievrouw, S. Livingstone. – L.: SAGE, 2006. – P. 55–74.
47. Jankowski N., van Selm M. Epilogue: Methodological concerns and innovations in Internet research // *Virtual methods: Issues in social research on the Internet* / Ed. by Ch. Hine. – Oxford; N.Y.: Berg, 2005. – P. 199–208.
48. Janssen D., Kies R. Online forums and deliberative democracy // *Acta politica*. – Basingstoke, 2005. – Vol. 40, N 3. – P. 317–335.
49. Joinson A.N. Understanding the psychology of Internet behaviour: Virtual worlds, real lives. – Houndmills; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2003. – xvi, 224 p.
50. Kelly J., Fisher D., Smith M. Debate, division and diversity: Political discourse networks in USENET newsgroups: Conference paper // *DIAC'05: 2 nd conference on online deliberation: Design, research and practice*. – Stanford (CA): Stanford univ., 20–22 May 2005. – Mode of access: <http://www.online-deliberation.net/conf2005/viewpaper.php?id=27>
51. Mabry E. Frames and flames: The structure of argumentative messages on the Net // *Network and netplay: Virtual groups on the Internet* / Ed. by F. Sudweeks, M.L. McLaughlin, Sh. Rafaeli. – Menlo Park (CA): AAAI press; Cambridge (MA): MIT press, 1998. – P. 13–26.
52. Mickiewicz E. Changing channels: Television and the struggle for power in Russia. – Rev. ed. – Durham (NC); L.: Duke univ. press, 1999. – xv, 382 p.
53. Misnikov Y. Discursive qualities of public discussion on the Russian Internet: Testing the Habermasian communicative action empirically: Conference paper // *Online deliberation: 4 th International conference*. – Leeds: Univ. of Leeds, 30 June –

- 2 July 2010. – Mode of access: http://www.od2010.dico.unimi.it/docs/proceedings/Proceedings_OD2010.pdf
54. Morozov E. The net delusion: How not to liberate the world. – L.: Allen Lane, 2011. – xvii, 408 p.
 55. Negt O., Kluge A. Public sphere and experience: Toward an analysis of the bourgeois and proletarian public sphere. – Minneapolis: Univ. of Minnesota press, 1993. – xlix, 305 p.
 56. Network and netplay: Virtual groups on the Internet / Ed. by F. Sudweeks, M.L. McLaughlin, Sh. Rafaeli. – Menlo Park (CA): AAAI press; Cambridge (MA): MIT press, 1998. – xx, 313 p.
 57. Ó Beacháin D., Polese A. «Rocking the vote»: New forms of youth organisation in Eastern Europe and the former Soviet Union // J. of youth studies. – Abingdon, 2010. – Vol. 13, N 5. – P. 615–630.
 58. Papacharissi Z. The virtual sphere: The internet as a public sphere // New media a. society. – L., 2002. – Vol. 4, N 1. – P. 5–23.
 59. Pateman C. Participation and democratic theory. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1970. – 122 p.
 60. Public discourse in the Russian blogosphere: Mapping RuNet politics and mobilization / Etling B., Alexanyan K., Kelly J., Faris R., Palfrey J., Gasser U. – Cambridge (MA): Berkman center for Internet and society, 2010. – 46 p. – Mode of access: http://cyber.law.harvard.edu/sites/cyber.law.harvard.edu/files/Public_Discourse_in_the_Russian_Blogosphere_2010.pdf
 61. Putnam R.D. Bowling alone: The collapse and revival of American community. – N.Y.: Simon & Schuster, 2000. – 541 p.
 62. Rafaeli Sh., Sudweeks F. Interactivity on the nets // Network and netplay: Virtual groups on the Internet / Ed. by F. Sudweeks, M.L. McLaughlin, Sh. Rafaeli. – Menlo Park (CA): AAAI press; Cambridge (MA): MIT press, 1998. – P. 173–190.
 63. Rafaeli Sh., Sudweeks F. Networked interactivity // J. of computer-mediated communication. – Bloomington (IN), 1997. – Vol. 2, N 4. – Mode of access: <http://jcmc.indiana.edu/vol2/issue4/rafaeli.sudweeks.html>
 64. Rash W. Politics on the nets: Wiring the political process. – N.Y.: W.H. Freeman, 1997. – xiii, 206 p.
 65. Rheingold H. The virtual community: Homesteading on the electronic frontier. – Rev. ed. – Cambridge (MA); L.: MIT press, 2000. – xxxii, 447 p.
 66. Rohozinski R. Mapping Russian cyberspace: Perspectives on democracy and the Net. – Geneva: UNRISD, 1999. – x, 29 p. – UNRISD discussion papers. – Mode of access: Mode of access: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/untc/unpan015092.pdf>
 67. Schmidt H., Teubener K. (Counter)public sphere (s) on the Russian Internet // Control + Shift: Public and private uses of the Russian Internet / Ed. by H. Schmidt, K. Teubener, N. Konradova. – Norderstedt: Books on demand, 2006. – P. 51–72. – Mode of access: http://www.ruhr-uni-bochum.de/russ-cyb/library/texts/en/control_shift/Schmidt_Teubener_Public.pdf
 68. Schmidt H., Teubener K. «Our RuNet»? Cultural identity and media usage. – Mode of access: http://www.ruhr-uni-bochum.de/russ-cyb/library/seminars/Russian_Cyberspace/info/info_intro.htm

69. Schneider S., Foot K. Online structure for political action: Exploring presidential websites from the 2000 American election // *Javnost. – Ljubljana*, 2002. – Vol. 9, N 2. – P. 3–60.
70. Schneider S., Foot K. The Web as an object of study // *Society online: The Internet in context* / Ed. by Ph. Howard, S. Jones. – L.: SAGE, 2004. – P. 137–154.
71. Schneider S., Foot K. Web sphere analysis: An approach to studying online action // *Virtual methods: Issues in social research on the Internet* / Ed. by Ch. Hine. – Oxford; N.Y.: Berg, 2005. – P. 157–170.
72. Sinekopova G. Building the public sphere: Bases and biases // *J. of communication. – Oxford*, 2006. – Vol. 56, N 3. – P. 505–522.
73. Sokolova N. «This is your show!» Massovyte kreativnye praktiki v transmediinykh proektakh // *Digital icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European new media. – Leeds*, 2011. – N 6. – P. 1–33. – Mode of access: http://www.digitalicons.org/issue06/files/2012/01/6.1_Sokolova.pdf
74. Sudweeks F., Rafaeli Sh. How do you get a hundred strangers to agree: Computer mediated communication and collaboration // *Computer networking and scholarship in the 21 st century university* / Ed. by T. Harrison, T. Stephen. – Albany: SUNY press, 1996. – P. 115–136.
75. Sunstein C.R. *Infotopia: How many minds produce knowledge.* – Oxford; N.Y.: Oxford univ. press, 2006. – xi, 273 p.
76. Sunstein C.R. The first amendment in cyberspace // *Yale law j. – New Haven (CT)*, 1995. – Vol. 104, N 7. – P. 757–804.
77. Tereshchenko A. Ukrainian youth and civic engagement: Unconventional participation in local spaces // *J. of youth studies.* – Abingdon, 2010. – Vol. 13, N 5. – P. 597–613.
78. Tsaliki L. Online forums and the enlargement of the public sphere: Research findings from a European project // *Javnost. – Ljubljana*, 2002. – Vol. 9, N 2. – P. 95–112.
79. Van Zoonen L. I-Pistemology: Changing truth claims in popular and political culture // *European j. of communication. – L.*, 2012. – Vol. 27, N 1. – P. 56–67.
80. Verba S., Schlozman K.L., Brady H.E. *Voice and equality: Civic voluntarism in American politics.* – Cambridge (MA): Harvard univ. press, 1995. – xix, 640 p.
81. *Virtual methods: Issues in social research on the Internet* / Ed. by Ch. Hine. – Oxford; N.Y.: Berg, 2005. – xiii, 242 p.
82. Wiklund H. A Habermasian analysis of the deliberative democratic potential of ICT-enabled services in Swedish municipalities // *New media a. society. – L.*, 2005. – Vol. 7, N 2. – P. 247–270.
83. Wilhelm A. *Virtual sounding boards: How deliberative is online discussion? // Digital democracy: discourse and decision making in the information age* / Ed. by B. Hague, B. Loader. – L.; N.Y.: Routledge, 1999. – P. 153–178.

В.Л. Римский

**КОММУНИКАЦИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ
КАК РАЦИОНАЛЬНЫЙ ОТВЕТ ГРАЖДАН
НА УСЛОВИЯ ОГРАНИЧЕНИЯ ИХ ГРАЖДАНСКОЙ
И ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ**

Современный социальный порядок

Современная западная европейская цивилизация во многом является результатом организации социального порядка на основе последовательной реализации идей и принципов Просвещения. Как известно, именно в эту эпоху мыслителями и государственными деятелями стала активнее подвергаться сомнению вера в традиционный социальный порядок, основанный на моральном долге и религиозной вере. В XIX–XX вв. в Западной Европе, США, Канаде и некоторых других развитых западных странах победили сторонники нового социального порядка, основанного на рационализации и секуляризации общественной жизни. В этих странах такой социальный порядок стал последовательно реализовываться по принципу сознательного и разумного устройства общественной жизни на основе рационального научного знания при широком распространении атеизма и вытеснении религии из общественной в сферу частной жизни. Реализация такого социального порядка стала воплощением в жизнь идей своеобразного «Проекта Просвещения», который В.А. Лекторский описывает следующим образом: «Одной из центральных для “Проекта Просвещения” является идея о глубокой внутренней связи между достижением свободы, освобождением человека от гнета внешних (природных и социальных) обстоятельств и выработкой рационального знания, используемого для переустройства мира. Рациональное знание приобретает высокий этический и культурный

статус, а рационализация природы и общества рассматривается как «необходимое условие гуманизации» [3, с. 3].

В современных странах западной европейской цивилизации этот принцип организации социального порядка стал доминирующим, а потому и привычным. В этих странах рациональность в мышлении индивидов стимулирует развитый капиталистический рынок, который именно при рациональном и основанном на научных знаниях принятии решений его участниками дает им надежду на успех в конкуренции с другими на рынке. Подчеркнем: надежду, но не гарантию получения достаточно высоких доходов и прибылей. Как писал Хайек: «Не рациональность необходимая предпосылка для функционирования конкурентного рынка, а сама конкуренция и поддерживающие ее традиции стимулируют рациональность» [5, с. 51]. При этом участники рынка должны быть свободны в принятии решений о том, как им действовать на рынках, иначе рационализм их мышления не получит возможности полноценной реализации в осуществляемых ими действиях. Рыночные отношения между его участниками, следовательно, поддерживают индивидуализм в социальном поведении индивидов, т.е. более или менее полную свободу индивида от общества и приоритет личностных целей и мотивов социальных действий в сравнении с коллективными и общественными. Так оказались связанными в современной западной европейской цивилизации гуманистические принципы свободы и саморазвития индивидов с рационализмом и научным знанием, а также с индивидуализмом в мотивации социального поведения индивидов.

Развитие капиталистического рынка, несмотря на рациональность поведения его участников, как выяснилось еще в XIX в., сопровождается кризисами и другими негативными для развития обществ и государств социальными явлениями. Причина в том, что рациональное поведение на рынке не может абсолютно гарантировать ожидаемых результатов деятельности; эти результаты чаще всего определяются совокупностью случайных факторов. Ведь в рыночных отношениях все индивиды стремятся реализовать только свои частные интересы, которые постоянно входят в противоречия с частными интересами других. В какие моменты эти противоречия станут существенными для принятия решений индивидами в их рыночном поведении – никогда не может быть достоверно известно. В результате на рынках индивиды вынуждены постоянно реагировать на те или иные эффекты действий

различных совокупностей случайных факторов, которые для индивидов оказываются непредсказуемыми.

Инструментальный характер информации

Одним из важнейших ресурсов рационального, своевременного и обоснованного принятия решений на современных рынках стала информация. Нередко значимой становится информация, не относящаяся напрямую к сфере интересов участников рынков. Особенно это характерно для финансовых рынков, включающих рынки ценных бумаг, спотовых и срочных контрактов. Для этих рынков значимыми бывают информационные сообщения не только из областей экономики и финансов, но и из сферы политики, социальной сферы различных стран мира, прогнозы изменения тех или иных статистических показателей, относящихся к экономике и государственному управлению. Такая информация очень быстро устаревает, но в моменты своего появления она нередко определяет возможности удовлетворения потребностей участников рынков и реализации ими своих интересов. Например, в отдельные дни торгов статистические показатели состояния рынка труда в США могут определять уровень текущих продаж акций различных коммерческих компаний, а прогнозы исхода президентских выборов в этой стране – общую динамику продаж на мировых финансовых рынках.

По этим причинам для участников таких рынков очень важным становится владение своевременной и полной информацией из самых разных сфер деятельности по всему миру. Для этих целей участники финансовых рынков используют специализированные аппаратные и программные средства на основе компьютеров и компьютерных сетей. С помощью таких инструментальных средств участники рынков не только обеспечивают и поддерживают свою информированность обо всем, что может быть им необходимо для принятия решений о покупках или продажах, но и сами участвуют в распространении среди участников рынков информации, способствующей принятию решений в пользу ее распространителей.

Такое инструментальное отношение к информации переносится из сферы рыночных отношений в нерыночные – например, в социальную сферу, в сферы государственного и муниципального управления, науки, искусства, культуры. При этом в социальном порядке, основанном на рационализме и реализации индивидуаль-

ных интересов, понимание общего блага теряется и заменяется стремлением к получению индивидуальной пользы, удовольствий и наслаждений. В таких условиях информация из разных сфер деятельности, как и на финансовых рынках, становится инструментом организации социума, потому что информационные сообщения определяют для подавляющего большинства индивидов их социальные потребности, возможности и способы их удовлетворения. Эти социальные потребности существенно чаще формируются получаемой индивидами информацией, чем являются действительно им необходимыми. Но, как и на финансовых рынках, информация быстро устаревает, вынуждая индивидов постоянно интересоваться актуальными сведениями из различных сфер деятельности. Такой спрос на разнообразную информацию создает благоприятные условия для ее производства и распространения как товара, что относится фактически к любой информации, а не только к информации из сферы экономики.

Индивиды пытаются сформировать свои знания об окружающем мире и о происходящих в нем процессах на основе получаемой ими информации. Ее ценность в том, что она должна помогать в принятии индивидами решений и в сфере частной жизни, и в профессиональной деятельности. В результате информационная деятельность становится одной из наиболее развитых сфер экономики, привлекательной для инвесторов, поскольку может обеспечивать довольно высокие прибыли. Одновременно индивиды, потребляющие разнообразную информацию, становятся зависимыми от нее. Они обречены постоянно следовать за меняющимся информационным предложением. Его реализация индивидами во многом определяет их самоидентификацию, информация становится для них инструментом достижения личных или частных целей.

Особенности современной интернет-коммуникации

Социальный запрос на инструментализацию информации сильнее выражен у активных участников рыночных взаимодействий с доминированием ценностей индивидуализма и самореализации. Слабее всего он выражен у приверженцев традиционных ценностей коллективизма, долга, патернализма. В современном мире фактически произошло разделение ресурсов и способов осуществления информационных потребностей между представителями различных социальных групп в соответствии с тем, насколько

значимыми для них являются ценности индивидуализма и самореализации. Чем выше значимость этих ценностей для индивидов, тем более вероятно осуществление ими коммуникации в сети Интернет в силу поддержки в такой коммуникации именно этих ценностей. Но в результате возникает и развивается обратная зависимость: сеть Интернет наиболее активно адаптируется для поддержки в виртуальной коммуникации именно этих ценностей.

Приверженность индивидуализму нередко препятствует формированию длительных, многоаспектных и психологически глубоких социальных связей. Современный Интернет предоставляет возможность коммуникации в довольно широких сообществах его пользователей только в отдельных аспектах, без формирования длительных и постоянных социальных связей, что является вполне рациональным выбором самореализующихся индивидов. Главными причинами такого положения являются присущая современной экономике мобильность капитала, особенно финансового, и неопределенность долгосрочных перспектив любой деятельности в постоянно меняющихся рыночных условиях. В таких условиях вполне рациональным становится регулирование деятельности индивидов заключенными контрактами, которые действуют в течение определенных, как правило, не очень продолжительных периодов. Мобильность капитала поддерживает непродолжительность действия контрактов, потому что в современных рыночных условиях капиталу необходимо своевременно реагировать на изменения рыночных условий конкуренции. В результате сначала в экономике, а затем и в нерыночных взаимодействиях, по формулировке Ричарда Сеннета, «быстро исчезающие формы сотрудничества более полезны для людей, чем долгосрочные связи» [цит. по.: 1, с. 31].

Современный Интернет поддерживает скорее краткосрочные и ситуативные взаимодействия и связи индивидов. Он во многом до сих пор остается средой обмена текстовыми сообщениями, причем их длина обычно не бывает большой, а претензий на глубину суждений в интернет-сообществах практически нет ни у кого. Для пользователей Интернета стало нормой просматривать, скользить по информационным сообщениям, по отдельным суждениям, описаниям фактов и комментариям к ним, не задерживая надолго внимания, без концентрации сознания. Одной из важнейших причин такого поведения пользователей Интернета является то, что они в первую очередь реализуют с его помощью свою потребность ознакомления с постоянно меняющимся информацион-

ным предложением, а освоение тех или иных фундаментальных знаний является для них менее значимым.

Современные информационно-коммуникационные технологии, включая и сервисы Интернета, сравнительно быстро и легко тиражируют информационные продукты. В результате постоянно расширяются объемы доступной пользователям информации в Интернете, но возникает проблема ее отбора для восприятия. И практика информационной деятельности в таких условиях показала, что такой отбор лучше всего осуществляется в коммуникации с другими пользователями, даже нередко незнакомыми лично друг с другом. С помощью коллективных усилий близких по интересам индивидов в Интернете быстрее обнаруживаются сообщения, полезные для ориентации в текущем информационном предложении. В результате для большинства пользователей Интернета значимой ценностью становится постоянная информационная коммуникация в виртуальных сообществах пользователей с близкими интересами. Это стало одной из важнейших причин активного развития социальных сетей в современном Интернете.

Социальные сети в Интернете как социальные институты

Социальная сеть в Интернете представляет собой совокупность аппаратных, программных и информационных сервисов, поддерживающих коммуникацию участников этой сети. Эта коммуникация в социальных сетях Интернета по большей части осуществляется с помощью обменов сообщениями, чаще всего текстовыми, но, возможно, звуковыми и визуальными с помощью файлов соответствующих форматов. Особенность любой современной социальной сети в Интернете – необходимость регистрации для участия в ней и возможность создания более или менее подробного своего профиля, т.е. размещения на соответствующем сервере социальной сети информации о себе: имени, чаще виртуального, даты и года рождения, указаний на свою школу, институт, профессиональные и личные интересы. Естественно, что сам пользователь решает, какую именно информацию о себе ему следует включать в свой профиль, никаких проверок этой информации не бывает. Только требования владельцев, администраторов и общественное мнение участников социальной сети задают некоторые ограничения и правила формирования профилей ее пользователей.

По информации из профилей участников социальной сети другие ее участники узнают близких им по интересам пользовате-

лей и объединяются в группы. Для этой последней цели каждый участник социальной сети может зафиксировать своих так называемых «друзей», с которыми он в данный период поддерживает виртуальное общение и обмен информацией. Естественно, что в социальных сетях можно приглашать в «дружескую» коммуникацию тех, кого пользователь знает лично. Но нередко они расширяют круг своих «друзей» при помощи поиска по тем характеристикам, которые зафиксированы в их профилях. Естественно, что каждого участника социальной сети перед включением его в список друзей кого-то из ее пользователей сервис социальной сети спрашивает о желании стать таким «другом». И в полном соответствии с ценностями индивидуализма потенциальный «друг» сам и только сам определяет, будет ли он в этом списке. С другой стороны, любой участник социальной сети тоже может в любой момент своим решением исключить любого своего «друга» из этого списка, если теперь интерес к нему потерян.

Изначально свободное общение пользователей как таковое во всех сервисах социальных сетей вовсе не было самоцелью. Их назначением было обеспечение деловых задач: информирование, обсуждение проблем, рабочие коммуникации. Несмотря на это, с распространением и развитием социальных сетей, с расширением доминирования в Интернете пользователей со своими частными и личными интересами, с удешевлением коммуникаций и оборудования, общение в социальных сетях стало более свободным и более рациональным. И сервисы социальных сетей стали поддерживать в них сообщества участников, т.е. групп пользователей, объединенных общими интересами, внутри которых обмен информацией был гораздо более активным и протяженным во времени, чем вне них. В этих группах стала формироваться некоторая история информационных обменов – личная и общественная, включая обычно известные в этой группе ситуации, приоритетные темы для коммуникации, общие шутки и т.п. Со временем появились и принятые в таких группах договорные правила и стили коммуникации, а также личные отношения между их участниками, нередко поддерживаемые только общением в Интернете.

В современной ситуации сообщества в группах социальных сетей следят за соблюдением их участниками общих норм и правил, фактически превращая социальные сети в Интернете в социальные институты. Нежелающих починяться этим нормам и соблюдать эти правила почти всегда исключают из групп социальных сетей, не допускают включения в свои личные списки в каче-

стве «друзей» и т.п. Поэтому в группах социальных сетей, как правило, устанавливается довольно высокий уровень взаимного доверия и солидарности, хотя и ограниченный почти исключительно информационной интернет-активностью.

Такая информационная деятельность поддерживает и развивает индивидуализм и рационализм в принятии решений членов групп социальных сетей. Взаимное доверие и солидарность формируются и поддерживаются не общими ценностями и идеалами, а ситуативно, на основе явных и неявных, скорее временных, чем постоянных консенсусов в следовании правилам и нормам своих групп социальных сетей. Информация, которая циркулирует в этих группах, постоянно меняется в зависимости от внешних условий, которыми являются, в частности, функционирование рынков, органов власти, общественных организаций, различные новости из других сфер деятельности. Индивид сохраняет свое членство в той или иной группе социальной сети, пока циркулирующая в ней информация его интересует или является для него чем-то полезной. Это соответствие интересам и полезность для индивида информации группы социальной сети должны постоянно подтверждаться зависимой от внешних условий информационной деятельностью ее участников. Поэтому никаких сколько-нибудь долгосрочных взаимных обязательств участники групп социальных сетей не имеют. Их подчинение регулирующим консенсусам в следовании правилам и нормам информационной деятельности своих групп социальных сетей являются временными, а последствия этой деятельности слабо предсказуемы.

Совокупности информационных сообщений, циркулирующих в группах социальных сетей, меняются существенно быстрее, чем материальный мир, который этими сообщениями описывается. В сознании участников групп социальных сетей совокупности информационных сообщений складываются в отдельные эпизоды, слабо связанные между собой. Такая фрагментарность информации о происходящих событиях во многом формирует и фрагментарность жизни современных индивидов, включая пользователей социальных сетей Интернета. Как сформулировал Зигмунт Бауман: «Фрагментированная жизнь имеет свойство проживаться эпизодами, как череда бессвязных событий» [1, с. 201].

В таких условиях важнейшим мотивом совместной активности в группах социальных сетей для их участников является принадлежность к краткосрочным проектам исключительно в информационной сфере. Эти проекты определяются периодически

сменяемыми темами совокупностей информационных сообщений, которые в свою очередь определяют коммуникацию участников групп социальных сетей между собой. Целями таких проектов участников групп социальных сетей почти никогда не становится достижение какого-то результата, потому что это означало бы окончание проекта. В таких проектах важна постоянная совместная деятельность их участников, направляемая скорее их индивидуальной мотивацией, чем требованиями лидеров проекта, и подменяющая собой иные цели. В большинстве случаев участники проекта способствуют вовлечению в него других пользователей Интернета, что становится не менее значимой целью осуществления проекта.

Выполнение совместных проектов, следование общим договорным правилам и нормам информационной деятельности, проявления взаимного доверия и солидарности нередко создают видимость того, что участие в группах социальных сетей способствует формированию и развитию гражданского общества. Но это только видимость, потому что участие в группах в Интернете крайне слабо связано с поддержкой важнейшей функции гражданского общества – с обеспечением универсальных ценностей, которые являются основой соблюдения норм социальных взаимодействий в реальном мире, в частности солидарности, доверия, уважения к другому, взаимного исполнения договорных обязательств, прав и свобод граждан. Согласно формулировке Леонида Ионина: «Гражданское общество – это область солидарности, где в напряженном взаимодействии переплетены абстрактно универсалистские принципы и партикуляристские основания общностей» [2, с. 191]. Поэтому информационная активность участников групп социальных сетей имеет слабую связь с процессами формирования и развития гражданского общества. Но в группах социальных сетей появляются лидеры мнений и выполнения различных проектов, которые могут пытаться и нередко пытаются использовать общие интересы и особенности коммуникации между членами своих групп в политических целях.

Проектный характер участия в политике пользователей социальных сетей

Активные участники социальных сетей в Интернете сравнительно легко усваивают нормы и правила деятельности в новом социальном порядке, основанном на рационализации и секуляри-

зации общественной жизни, характерном для большинства граждан развитых стран мира. Это происходит потому, что сам Интернет, транслируя пользователям нормы и правила такого социального порядка, стал важнейшим фактором его распространения по всему миру. На основе своей рациональности участники групп социальных сетей сравнительно легко устанавливают нормы и правила такого социального порядка в своих информационных коммуникациях. Но в реальном мире участники групп социальных сетей могут с трудом или даже вообще не могут следовать рациональному социальному порядку, ставшему для них привычным в сети Интернет.

Одной из важнейших причин этих сложностей является то, что такой социальный порядок в отличие от групп социальных сетей устанавливается в реальном мире скорее спонтанно, в результате разнонаправленных действий многих индивидов. И на эту спонтанность социального порядка нередко (по крайней мере в современной России), накладывается целенаправленная деятельность органов власти, способствующая реализации не общественных, а частных интересов влиятельных лоббистов. Эта целенаправленная деятельность органов власти не укрепляет стабильность социального порядка, а создает дополнительные нестабильности в нем. Дело в том, что действия органов власти крайне редко учитывают закономерности спонтанной самоорганизации в социуме. Ведь в силу сложности социальных процессов и явлений органы власти не обладают достаточно полной и объективной информацией об их закономерностях, а граждан, обладающих опытом и практическим знанием в этой сфере, в нашей стране не принято включать в процессы выработки и реализации государственных решений.

Порядок в сети Интернет устанавливается рационально определенными договоренностями и протоколами реализации различных функций. Это является возможным, потому что Интернет – это полностью техническая и искусственная среда, созданная специалистами по рациональным планам. Но в реальном социальном мире создать и поддерживать искусственный, рационально определенный социальный порядок невозможно. Поэтому социальная реальность вне Интернета представляется многим участникам социальных сетей нерационально организованной, причем органы власти своими действиями эту нерациональность скорее поддерживают, чем заменяют рациональностью. Эта нерациональность становится значимой причиной того, что в реальном мире

участникам социальных сетей сложнее, чем в сети Интернет, добиться успеха, самореализации и личного благосостояния. И они нередко оценивают деятельность органов власти, как препятствующую реализации этих своих интересов.

Преодоление такого положения требует проявления активности участников групп социальных сетей в реальном мире, поскольку для этого именно в нем оказывается необходимым влиять на принятие и исполнение решений органов власти. И в некоторых случаях участники групп социальных сетей начинают такую активность в реальном мире проявлять. Обычно эта активность организуется лидерами групп социальных сетей с помощью выполнения проектов, к которым привыкли их участники. Но эти проекты всегда краткосрочны, почти никогда не объединяют своих участников долгосрочными целями, потому что при индивидуальной мотивации их участников главной целью любого такого проекта является само по себе участие в нем.

В политическую сферу активность участников групп социальных сетей выходит, когда их лидеры пытаются повлиять на определение важнейших ресурсов и способов решений проблем реального мира, поскольку такие решения сильно зависят от того, кто занимает соответствующие должности в органах власти и какими ресурсами получает полномочия распоряжаться. В период подготовки и проведения выборов депутатов Государственной думы РФ в декабре 2011 г. и Президента РФ в марте 2012 г. участники групп социальных сетей в политике чаще всего пытались добиться честности и справедливости агитационных кампаний и подсчета голосов избирателей, выполнения норм законов должностными лицами органов власти, защиты прав и свобод тех или иных политиков и т.п.

С одной стороны, такая проектная активность участников социальных сетей в политике схожа с проектной активностью политических партий и отдельных политиков, которые также стремятся не реализовать какие-то общественные цели, а вовлечь в свои политические проекты для их легитимации как можно больше граждан. Но с другой стороны, профессиональные политики монополизировали сферу политической активности и не позволяют конкурировать со своими политическими проектами никаким иным, включая и проекты участников групп социальных сетей. Это осуществляется в первую очередь с помощью принятия и применения норм законодательства о

выборах и политических партиях, дающих приоритеты давно действующим в политике партийным и иным проектам.

Сложности решений коллективных и общественных проблем в новом социальном порядке

Наряду с политическими проблемами, с которыми сталкиваются участники групп социальных сетей, функционирование рынка в нашей стране рынок происходит при постоянном нарушении норм и правил, соблюдение которых предписывается законами и другими нормативными актами. Неформальные нормы взаимоотношений на рынке определяют нечестность и недобросовестность конкуренции, использование в частных интересах ресурсов тех или иных органов власти. Рыночные отношения распространяются на сферы нерыночной деятельности, разрушая традиционные и религиозные ценности, снижая до минимума значимость следования долгу и моральным обязательствам при принятии решений гражданами и должностными лицами в самых разных сферах деятельности. Не является исключением и сфера политики, в которой также мало значат долг и мораль при принятии и исполнении решений, что, в частности, является значимой причиной нарушений норм законов на выборах.

Скорее всего, вся эта совокупность проблем и оценивается большинством российских граждан как несправедливость в общественной жизни. Несправедливость не сводится только к ее соблюдению в сферах социальной защиты, помощи малоимущим и бедным, не сводится только к имеющемуся высокому уровню социального неравенства в нашей стране. Несправедливость, при всех различиях в ее понимании разными социальными группами, большинством наших граждан считается распространенным социальным явлением. Это, в частности, следует из результатов опросов Фонда «Общественное мнение», проведенных 2007 и в 2011 г. перед соответствующими выборами депутатов Государственной думы РФ. На то, что российское общество устроено несправедливо, в 2007 г. указали 68%, а в 2011 г. – 61% респондентов, что западное общество более справедливо, чем российское – 42 и 47% респондентов соответственно, что российское менее справедливо, чем советское – 50 и 52% соответственно. Противоположных мнений придерживается явное меньшинство российских граждан,

очень многие затрудняются отвечать на такие вопросы¹, скорее всего потому, что затрудняются оценить современное российское общество как справедливое.

Результаты опросов Фонда «Общественное мнение» свидетельствуют и о том, что большинство российских граждан оценивают уровень справедливости в нашей стране ниже, чем он был в советский период и чем он является сейчас в западных обществах. Не все наши граждане понимают, но многие чувствуют, что такое положение довольно существенно определяется неэффективностью деятельности органов власти всех уровней. Ведь только органы власти в современной ситуации, как независимые от частных и коммерческих интересов, могли бы и должны быть способны поддерживать выработку и реализацию консенсусов различных социальных групп по поводу следования нормам справедливости в их социальных действиях. Слабость российского государства в этой сфере поддерживают вопиющие проявления коррупции, вовлеченность чиновников, государственных и муниципальных служащих в реализацию не общественных, а частных интересов.

Несправедливость российского общества хорошо осознается менеджерами и предпринимателями, многими служащими частных компаний и работниками свободных профессий: писателями, музыкантами, адвокатами, независимыми исследователями и др. В силу привычки к рациональности в мышлении сходным образом оценивают несправедливость и участники групп социальных сетей. Все эти категории граждан вовлечены в рыночные отношения и хорошо знают, насколько неэффективно развиваются рынки при низком уровне справедливости. Представители этих социальных групп начиная с завершения голосования на выборах депутатов Государственной думы РФ 4 декабря 2011 г. и вплоть до окончания выборов Президента РФ 4 марта 2012 г. выходили на митинги протеста. Затем протестная активность снизилась, а число участников митингов существенно сократилось, по-видимому, вследствие определенной усталости этих категорий граждан. Но и сам проект политического протеста не развивался его организаторами как долгосрочный, поскольку для них краткосрочные взаимодействия более органичны. Фактически, этот протестный политиче-

¹ Справедливость не торжествует: Опрос Фонда «Общественное мнение». – Режим доступа: <http://fom.ru/obshchestvo/10263>

Всероссийские репрезентативные опросы проведены 28.10.2007 и 20.11.2011. Опубликовано на сайте 25 ноября 2011 г.

ский проект прекратился после того, как его декларируемая гражданская цель установления справедливого социального порядка оказалась подмененной политическими требованиями проведения честных выборов и отставок некоторых должностных лиц.

Участники групп социальных сетей сумели несколько раз во многих российских городах организовать согласованные с властями протестные митинги. Они сумели собрать деньги в форме пожертвований на техническое обеспечение некоторых из них. Для достижения обеих этих целей они использовали хорошо знакомые им сервисы социальных сетей в Интернете. Они пытались заставить органы власти реализовать свои предпочтения в сфере организации социального порядка в нашей стране. Но в очередной раз российские политики как проправительственные, так и оппозиционные, оказались в сфере своей профессиональной деятельности сильнее граждан, даже таких высокообразованных и хорошо оснащенных технически, как пользователи социальных сетей Интернета. В итоге органы власти так и не приступили к системному изменению социального порядка в нашей стране, а активные пользователи Интернета вместе с другими представителями российского среднего класса, фактически, отказались от дальнейших попыток изменить социальный порядок в России. Некоторые из них не прекратили полностью свое участие в политической деятельности, но ее содержанием сделали почти исключительно протестные действия уже не только в форме митингов, но в форме пикетов, «гуляний», «сидений» и т.п.

Проблема справедливости, скорее всего, никогда не будет полностью решена, как и подавляющее большинство других социальных проблем не только в нашей стране, но и в других странах мира. Но повышать уровень справедливости в нашем обществе необходимо и вполне возможно. При этом ни органы власти, ни частный бизнес, ни организации гражданского общества, ни активные граждане, действуя каждая только в своих собственных интересах, никогда не смогут содействовать росту уровня справедливости нашего общества. Этой цели можно добиваться поэтапно только согласованными действиями представителей всех этих социальных групп через достижение согласия по соблюдению общих для всех, универсальных норм и правил, признаваемых справедливыми.

Проблема справедливости в предвыборных кампаниях 2011–2012 гг. российскими политиками вообще не ставилась и не ставится в настоящий период в ее целостной формулировке. При всей

значимости других тем, обсуждавшихся в ходе этих предвыборных кампаний, без решения проблемы справедливости наша страна вряд ли сможет обеспечить эффективное функционирование рынков и органов власти, поддержать значимые для нашего общества нерыночные ценности и моральные нормы, повсеместное соблюдение норм законов и снижение уровня коррупции. А это будет означать сохранение отставания России от развитых стран западноевропейской цивилизации во всех этих значимых сферах деятельности.

Список литературы

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2002. – 390 с.
2. Ионин Л.Г. Социология в обществе знаний: От эпохи модерна к информационному обществу. – М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2007. – 432 с.
3. Лекторский В.А. Введение // Исторические типы рациональности / Отв. ред. В.А. Лекторский. – М.: ИФРАН, 1995. – Т. 1. – С. 3–5.
4. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги: В 2-х т. – М.: Международный фонд «Культурная инициатива»: Феникс, 1992. – Т. 1: 446 с.; т. 2: 525 с.
5. Хайек Ф.А. фон. Познание, конкуренция и свобода: Антология соч. / Пер. с англ. – СПб.: Пневма, 1999. – 287 с.

В.И. Тищенко, А.М. Дружинин

КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ СИСТЕМЫ КОММУНИКАЦИЙ В ВИРТУАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВАХ НЕСИСТЕМНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ¹

В целях исследования особенностей коммуникационных взаимодействий в виртуальных сообществах нами было проведено исследование некоторых существующих в настоящее время в Интернете виртуальных сообществ, сформированных участниками несистемной политической оппозиции. Речь идет о таких виртуальных политических сообществах, как «Лига избирателей»², «Белая лента»³ и «Комитет 10 декабря»⁴. Выбор этих информационных ресурсов определялся, с одной стороны, относительной ограниченностью количества участников виртуальных сообществ по сравнению с социальными сетями и иными технологическими платформами Интернета, а с другой стороны, тем устойчивым общественным значением, которое приобрели эти ресурсы в социальных группах, имеющих достаточно определенную мотивацию и очевидные «границы».

Для анализа коммуникационных отношений в этих виртуальных сообществах был применен метод когнитивного моделирования, в основе которого лежит процесс составления когнитивных карт. Данный термин впервые был использован в 1948 г. американским психологом Э. Толменом в работе «Когнитивные карты у крыс и человека» при описании формирования поведенче-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ по гранту № 11-06-00 275-а «Становление сетевых научных сообществ в виртуальном пространстве: Факторы, механизмы, модели».

² <http://ligaizbirateley.ru>

³ <http://www.belayalenta.com>

⁴ <http://com10dec.ru>

ских реакций крыс. В своей статье Э. Толмен так определяет вводимое им понятие: «...поступающие стимулы перерабатываются в центральной управляющей инстанцией в особую структуру, которую можно было бы назвать когнитивной картой окружающей обстановки. И именно эта примерная карта, указывающая пути (маршруты) и линии поведения и взаимосвязи элементов окружающей среды, окончательно определяет, какие именно ответные реакции, если вообще они имеются, будет в конечном счете осуществлять животное» [16, с. 63]. Таким образом, по мнению исследователя, когнитивные карты – это формирующаяся субъективная картина, представляющая прежде всего пространственные координаты, в которой локализованы отдельные воспринимаемые предметы. Когнитивные карты возникают и видоизменяются в результате активного взаимодействия индивида (животного или человека) с окружающим миром. При этом могут формироваться когнитивные карты различной степени общности, «масштаба» и организации (например карта-обозрение или карта-путь в зависимости от полноты представленности пространственных отношений и присутствия выраженной точки отсчета). Выделяют карту-путь как последовательное представление связей между объектами по определенному маршруту и карту-обозрение как одновременное представление пространственного расположения объектов.

Современная методология когнитивного моделирования и представление о когнитивной карте как графическом изображении системы представлений субъекта социальной действительности была предложена политологом, профессором Принстонского университета Робертом Аксельродом. Вначале эта методология использовалась при анализе и принятии решений в плохо определенных политических ситуациях [20]. Она основана на моделировании субъективных представлений экспертов о ситуации и включает методологию структуризации ситуации, состоящую из методов анализа ситуации и модели представления знаний экспертов в виде знакового графа (когнитивной карты) (F, W) , где F – множество факторов ситуации, W – множество причинно-следственных отношений между факторами ситуации.

В основе использования когнитивного моделирования политических ситуаций лежит анализ коммуникативных потоков, на основании чего делается предсказание будущего развития ситуации. Речь идет о моделировании смысловых (языковых) структур, отражающих оценку и представление о направлениях развития отношений субъектов политических процессов экспертами.

В современных политологических исследованиях процедура когнитивного моделирования рассматривается как поиск корреляции «между лингвистическими структурами текста и структурами представления его автора» [11, с. 398]. Выявление корреляций позволяет провести концептуальную реконструкцию представлений на основе рассмотренных текстов. В качестве концептуальной реконструкции понимается выявление того, каким образом в структурах семиотических объектов проявляются структуры представлений об устройстве внешнего мира, присущие использующим семиотические объекты лицам [19].

В настоящее время данный подход и процедура когнитивного картирования используются очень широко как при анализе неопределенностей развития политических ситуаций [3], так и в области поддержки принятия управленческих решений [6; 12]. Особо следует отметить направление в использовании графических методов и схем при анализе процессов мышления как деятельности («мыследеятельности»¹), возникшее под влиянием трудов Г.П. Щедровицкого [4; 7; 8; 18].

Литература по проблемам использования этой методологии в управлении неопределенными ситуациями или ситуациями, не имеющими формализованного решения и развития методов когнитивного моделирования и составления карт, весьма обширна [1; 9; 17; 22]. Однако несмотря на столь широкое использование методологии когнитивного моделирования и составления когнитивных карт при анализе различных объектов, нам не удалось обнаружить работы, в которых бы эта методология была использована при анализе системы отношений виртуальных сообществ (информационных ресурсов) и перспектив их развития. Вот почему мы решили проанализировать в качестве объектов когнитивного картирования упомянутые выше виртуальные сообщества.

При использовании этих методов мы исходили из того, что сетевая коммуникация существует в открытой информационной среде в виде совокупности высказываний, суждений и комментариев к ним, т.е., по сути дела, в документарном виде. Следовательно, лингвистические структуры этих «текстов» мо-

¹ Термин введен и обоснован в работах Г.П. Щедровицкого в середине прошлого века, а затем развит его учениками и последователями. Более подробно с работами Г.П. Щедровицкого можно ознакомиться на сайте научного фонда им Г.П. Щедровицкого: <http://www.fondgp.ru/gp/biblio>

гут быть рассмотрены в качестве объекта когнитивного анализа. Но поскольку когнитивное картирование представляет собой концептуальную реконструкцию в форме построения графических изображений (диаграмм связей) представлений, ценностей, оценочных суждений как единичного субъекта, так и коллективного, предъявленных исследователю в виде текстов, постольку мы предположили, что использование этого метода для анализа информационных ресурсов виртуальных сообществ позволит определить систему их коммуникативного взаимодействия.

Диаграмма связей реализуется в виде древовидной схемы, на которой изображены слова, идеи, задачи или другие понятия, связанные ветвями, отходящими от центрального понятия или идеи. В основе этой техники лежит принцип «радиантного мышления», относящийся к ассоциативным мыслительным процессам, отправной точкой или точкой приложения которых является центральный объект [2; 10].

В соответствии с этими принципами по результатам проведенного исследования виртуальных сообществ нами составлялись когнитивные карты, представляющие в каждом случае ориентированный граф, в котором совокупность узлов связана стрелками. Стрелки в данном случае выражали коммуникативные активности и отношения – положительные, отрицательные, нулевые. Для составления карт был использован редактор блок-схем.

Редактор блок-схем – специализированная программа, она предоставляет тот набор инструментов, который необходим именно для создания блок-схем, что является существенным аргументом в пользу применения данной программы, а не использования графических редакторов. Набор дополнительных опций позволяет оптимизировать процесс разработки блок-схем и дальнейшего преобразования их в процедуры и функции языка программирования¹.

Построение когнитивных карт виртуальных сообществ позволило не только сформировать систему коммуникативных взаимодействий, но и построить когнитивную модель исследуемого сообщества. В процессе реконструкции лингвистических структур, содержащихся в совокупности высказываний участников сообщества, нами (как это будет показано далее) выявлены лидеры и про-

¹ Редактор блок-схем. – Режим доступа: <http://alglib.sources.ru/aboutbls.php>

чие агенты виртуальных сообществ, а также основные категории, которыми они пользуются. Это процедура необходима для установления позиции данной группы по отношению к другим сообществам, претендующим на влияние в том или ином сегменте социальной реальности.

Анализ информационных ресурсов несистемной политической оппозиции был сконцентрирован на понятийной системе как индивидуальных, так и коллективных субъектов политических процессов, которые актуализировались во время избирательных кампаний декабря 2011 г. – марта 2012 г.

Однако прежде чем перейти непосредственно к когнитивному анализу виртуальных сообществ несистемной политической оппозиции, следует сказать несколько слов о ситуации, которая сложилась к зиме 2011–2012 гг. с распространением Интернета в российском обществе, и которая повлияла непосредственным образом на интернет-активность и формирование виртуальных политических протестных сообществ в Рунете.

Как известно, этой зимой в России, и в особенности в Москве, в полной мере проявился эффект «сетевых революций» [14]. Под влиянием распространяемой информации в социальных сетях резко выросло количество участников зимних шествий и митингов, что стало неожиданностью для подавляющего большинства наблюдателей. Никто не предполагал, что число участников протестных выступлений может возрасти до десятков тысяч.

Эффективное использование Интернета в качестве «организатора и пропагандиста» протестных настроений стало возможно в результате скачкообразного и интенсивного распространения интернет-коммуникации в российском обществе буквально в течение последних месяцев 2011 г. [15]. Этот процесс был особенно интенсивным в Москве и других крупных экономических центрах страны. Как отмечает маркетинговая компания comScore [21], в сентябре 2011 г. Россия обогнала Германию по количеству уникальных пользователей Интернета (см. табл. 1). Их число составило 57,8 млн. человек, притом что еще в начале 2010 г. количество интернет-пользователей немногим превышало одну треть общего числа жителей России. Между тем в настоящий момент уже не менее одной трети интернет-пользователей проживают в малых городах и селах.

**Показатели посещений ресурсов Интернета
в ряде стран в сентябре 2011 г.**

Страна	Общее число уникальных посетителей, от общей численности населения (млн. человек)	Среднее количество часов	Среднее количество страниц
Российская Федерация	50,810	22,4	2,439
Германия	50,139	24,4	2,750
Франция	42,349	27,2	2,780
Великобритания	37,197	35,6	3,272
Италия	23,748	18,5	1,986
Турция	23,167	32,2	3,807

Особенно значителен был прирост суточной аудитории, составивший 40%. Это означает, что те, кто пользуются Интернетом каждый день, используют его и как источник новостей. По данным Левада-Центра, число «посетителей» Интернета, использующих сеть для того, чтобы следить за новостями, увеличилось с начала 2011 г. к началу 2012 г. с 11 до 24% (это четверть взрослого населения страны!). И как показывают последние данные, аудитория Интернета в возрастной категории от 12 до 34 лет превышает телевизионную аудиторию в той же возрастной категории. Такие данные привел в своем выступлении на проходившей 22 ноября 2011 г. пресс-конференции «Рунет: Итоги года и перспективы развития» руководитель Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям (Роспечать) Михаил Сеславинский [5].

Практически вся среднесуточная аудитория Интернета (99,7%) пользуется социальными сетями. В среднем российские пользователи проводят 13 ч. в месяц в социальных сетях, тогда как в других странах пользователи Интернета проводят в социальных сетях в среднем 5,9 ч. в месяц.

Интернет как альтернативный источник информации, а затем и инструмент политической мобилизации, играет чрезвычайно важную роль в политическом процессе в современной России. Он резко снижает издержки оппозиции на прорыв информационной

блокады и на мобилизацию сторонников. В связи с этим крайне интересно рассмотреть, какие идеи, помимо организационных и мобилизующих, несет в массы оппозиционная «интернет-пропаганда». Какие цели формулируются в интернет-сообществах, и, соответственно, какие задачи ставят участники виртуальных протестных сообществ перед собой и своими соратниками.

Уже предварительное ознакомление с предметом исследования позволяет говорить о том, что стремительно видоизменяющаяся совокупность представлений и ценностей так называемой не-системной оппозиции характеризуется:

- нелинейностью;
- слабой структурированностью;
- неустойчивостью стационарного состояния;
- высокой динамикой и подвижностью подсистем.

В ходе предварительного анализа контента были выделены ключевые понятия и идеи, при помощи которых формулируются векторы социальных действий политических акторов. Следует подчеркнуть, что графы, полученные на втором этапе анализа, в ходе реализации процедуры когнитивного картирования раскрывают причинно-следственные цепочки лишь на одном, условно взятом стационарном состоянии.

Необходимо учитывать, что на данном этапе исследования когнитивный анализ «протестных» информационных ресурсов является неполным, так как не определена цель, то, какими процессами в данной понятийной системе необходимо управлять. Однако проведенной работы вполне достаточно для выделения и идентификации ряда проблем, что напрямую связано с задачами по прогнозированию поведения субъектов – носителей «протестного» понятийного аппарата.

С точки зрения границ анализа исследованию подвергнута явным образом выраженная в текстах система ключевых идей и представлений, принятых политическими субъектами в качестве исходных и не подлежащих сомнению. Соответственно некоторые из этих понятий в дальнейшем можно рассматривать как точки бифуркации или как факторы, воздействия на которые достаточно для качественного изменения всей системы.

Понятийная система ресурса «Лига избирателей»¹ построена вокруг центрального понятия – честности. Объем и смысл этого требования не раскрывается и лишь интуитивно можно предполо-

¹ <http://ligaizbirateley.ru>

жить, что в него заложен кантовский запрет на ложь. Социальная честность, исходя из текстов, представленных на сайте, зависит от действий гражданского общества по нескольким направлениям и проявляется в конкретных акциях индивидов, зарегистрированных на сайте и солидарных с Декларацией сообщества. Декларация содержит направления деятельности, реализация которых определяет проекты. А в рамках проектов планируются конкретные акции.

Когнитивная карта системы понятий данного ресурса представлена в виде лучеобразной ветвящейся структуры, на векторы которой «нанизаны» уровни реализации честности в социальном государстве. Как видно из представленной диаграммы (рис. 1), к этим уровням относятся «честные выборы», «честные отношения с государством», «честный суд», «честные СМИ», «честная полиция». В качестве проектов, «увязанных» с ключевыми уровнями, по мнению участников и организаторов сообщества, могут быть рассмотрены – «контроль выборов», «митинги», «помощь», «честные СМИ», «PR и культура», «А судьи кто?».

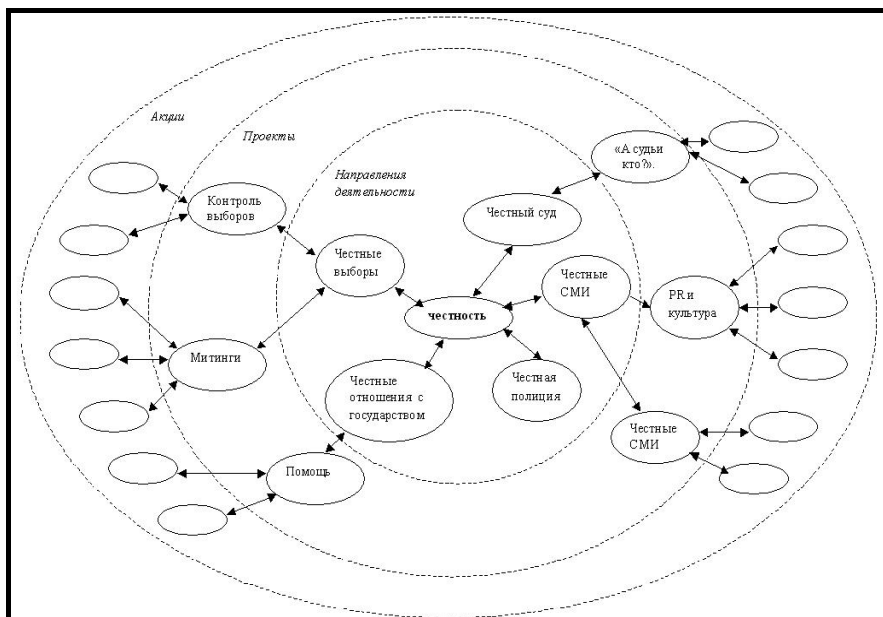

Рис. 1. Когнитивная карта виртуального сообщества «Лига избирателей»

Ресурс «Белая лента»¹ предлагает пользователям Интернета четкую программу действий, поэтому графическую модель системы транслируемых понятий можно условно представить в виде блок-схемы. Авторы текстов, по всей видимости, ставят перед собой задачу включения в сообщество как можно большего количества активистов, поэтому предлагают некий алгоритм, следуя которому любой гражданин России может стать сторонником внепартийного движения «Белая лента». При этом требования к кандидатам максимально широкие: надо быть сторонником демократических ценностей, проявлять недоверие к существующей власти, избранного президента считать узурпатором, быть готовым к реальным или хотя бы символическим действиям. Пожалуй, этот ресурс по сравнению с другими обладает наиболее четкой структурой, поэтому система используемых понятий принимает явно выраженный линейный характер (см. рис. 2). Не исключено, что такая упорядоченность связана прежде всего с задачами управления теми субъектами, которые готовы к политическим действиям.

Довольно сложной и подвижной системой ключевых представлений обладает сайт «Комитет 10 декабря»². Его структура включает в себя довольно большое количество разделов, там опубликованы заметки многих очевидцев, работавших наблюдателями на выборах, значителен объем фактической информации. Присутствуют также программные или декларативные тексты, в краткой форме аккумулирующие основные идеи ресурса (см. рис. 3).

Во-первых, все материалы наблюдателей выполняют главную задачу – убедить посетителя сайта, что выборы сфальсифицированы. Этот тезис находит горячую поддержку людей, которые исходят из общих предпосылок о том, что власть преследует лишь собственные интересы, а существующие законы исполняются лишь в пользу отдельных субъектов политического процесса, а не всех граждан. Из чего делается вывод, что в обществе назрела кризисная ситуация, которая разрешима лишь путем мирных протестных акций, митингов и последующей сменой правящего режима.

Во-вторых, в текстах подчеркивается важность коммуникативных ресурсов, прежде всего Интернета, обеспечивающих децентрализованное сетевое взаимодействие сообществ, активность которых предлагается координировать при помощи «Комитетов 10 декабря».

¹ <http://www.belayalenta.com>

² <http://com10dec.ru>

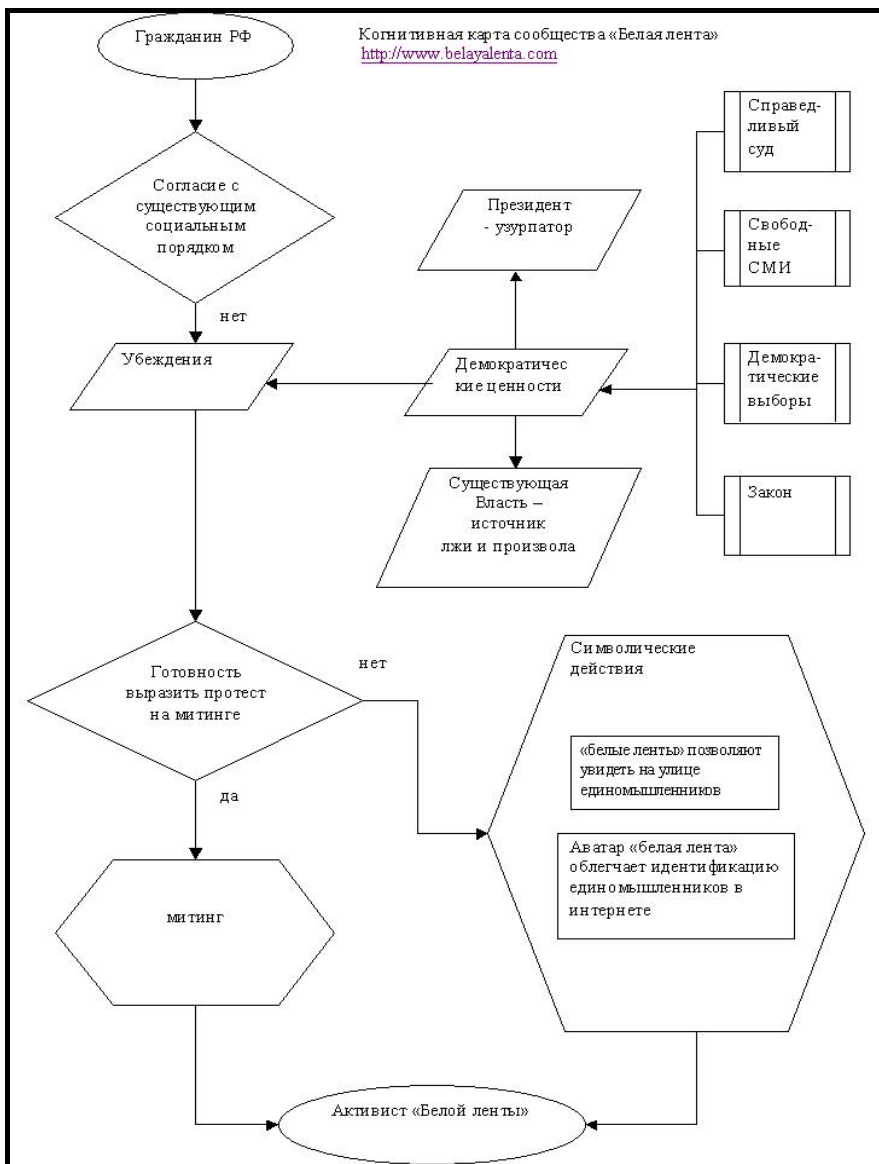

Рис. 2. Когнитивная карта виртуального сообщества «Белая лента»

В-третьих, определяются методы и ценностные ориентации участников сообщества. Так, реализация избирательного права граждан, по мнению авторов текстов, возможна посредством формирования надпартийных и идеологических структур общества. Эти структуры смогут существовать при условии возрождения культуры дискуссии и конструктивного диалога граждан с властью. При этом самоорганизация граждан возможна лишь в форме сетевых информационных структур, которые и станут основой для Комитетов.

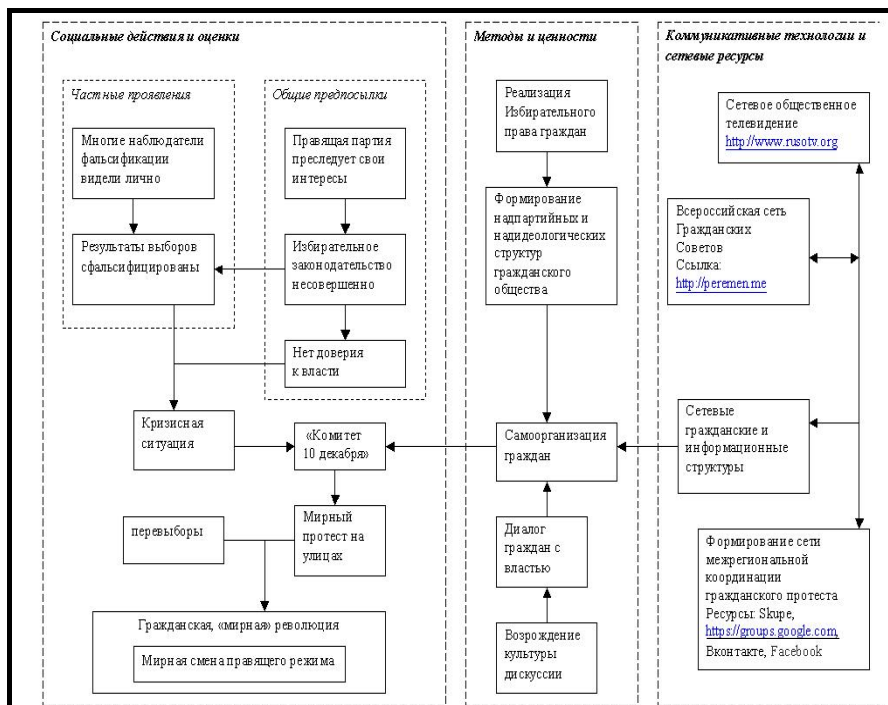

Рис. 3. Когнитивная карта виртуального сообщества «Комитет 10 декабря»

Необходимо отметить, что идея сетевых децентрализованных сообществ в понятийной системе виртуального сообщества «Комитет 10 декабря», является именно тем фактором, который вполне можно рассматривать как точку бифуркации, воздействие на которую может усилить рассматриваемую систему или, наоборот, привести ее в динамическое, а возможно, и хаотическое состояние.

Дело в том, что критический анализ идеи сетевого взаимодействия индивидуальных и коллективных субъектов показывает, что поиск взаимоприемлемых моделей общественного устройства или согласования принципиальных позиций зачастую сопровождается такими временными затратами, которые ставят под сомнение целесообразность подобного взаимодействия.

Центральное понятие «Лиги избирателей» – честность – при внимательном осмыслении тоже можно рассматривать как фактор, претендующий на функцию точки бифуркации. Если понимать честность как запрет на ложь, то данная проблематика в истории и культуре имеет множественные толкования и является весьма уязвимой для критики идей.

Когнитивная карта системы понятий сообщества «Белая лента» наглядно показывает, что предлагаемый алгоритм действий адресован индивидам вполне определенных и уже сформировавшихся политических пристрастий. Структура понятий имеет четко выраженный линейный характер, поэтому среди проанализированных сообществ данный ресурс обладает наиболее устойчивыми системными связями включенных в него факторов. Вместе с тем подобная система, не допускающая инвариантов, сама по себе является мало пригодной для упорядочивания социальных протестов. Ведь белую ленту индивид может повязать и не понимая истинного значения этого символа, просто копируя поведение участников похожих акций, например акции «Георгиевская ленточка».

Надсистемные связи отдельных протестных сообществ неочевидны, размыты, однако имеет смысл выдвинуть гипотезу, по которой они в совокупности образуют протестную политическую подсистему. В этой подсистеме разные информационные ресурсы, по всей видимости, выполняют разные задачи или функции.

Согласно известному представлению Т. Парсонса любая социальная система выполняет четыре функции: целеполагания, адаптации, поддержки образцов поведения и интеграции. Рассмотренные выше информационные ресурсы в разной степени выполняют функции социальных систем в смысле Т. Парсонса. Так «Белая лента» выполняет задачу поддержки образцов поведения, уделяя большое внимание продвижению протестной символики. «Лига избирателей» в основном ориентирована на интеграцию, объединяя и координируя усилия разных протестных групп граждан. На ресурсе «Комитета 10 декабря» помимо интеграции представлены материалы, выполняющие функции целеполагания. Влиятельные адаптационные потоки коммуникаций представлены

в социальных сетях, где обсуждение текущей политической обстановки зачастую перерастает в пропаганду протестных настроений. Формирование функциональной специализации протестных информационно-ресурсных структур, по-видимому, является актуальной тенденцией в развитии соответствующих виртуальных сообществ.

Кроме этого, системный анализ того или иного явления подразумевает учет внешней по отношению к этому явлению среды. Сама политическая система предстает как некий процессор, имеющий «на входе» определенные требования и поддержку индивидов, а «на выходе» – политическое решение¹. Активное формирование новой протестной политической подсистемы предполагает активную циркуляцию данных между «входом» и «выходом». Эта подсистема вынуждена конкурировать с уже сложившимися традиционными подсистемами (парламентской, партийной), и именно поэтому протестная подсистема немыслима без социальных сетей, без Интернета. Если традиционные подсистемы сформировались в условиях «офлайн» и лишь опосредованно зависят от современных средств коммуникации, то новая подсистема немыслима без онлайн-коммуникаций, поскольку при отсутствии виртуального пространства как такового сложно представить условия, при которых разрозненные индивиды сумеют аккумулировать свои ресурсы. В этих обстоятельствах становятся понятными усилия традиционных подсистем по контролю над национальными доменными зонами глобальной Сети.

Список литературы и источников

1. Абрамова Н.А. Человеческие факторы в когнитивном подходе // Управление большими системами. – М., 2006. – № 16. – С. 5–25.
2. Бехтерев С. Майнд-менеджмент: Решение бизнес-задач с помощью интеллект-карт. – М.: Альпина Паблишерз, 2011. – 312 с.
3. БРИК – политическая реальность посткризисного мира? Новые возможности для России / Сергеев В.М., Алексеенкова Е.С., Коктыш К.Е., Петров К.Е., Чимирис Е.С., Орлова А.С. // Аналитические доклады ИМИ МГИМО. – М.: МГИМО, 2010. – № 1. – 80 с.
4. Громько Ю.В. Роль категорий в процессе мышления как деятельности: Введение в теорию мышления и деятельности. – М.: Пушкинский институт, 2005. – 480 с.

¹ Easton D. An approach to the analysis of political systems // World politics. – Cambridge, 1957. – Vol. 9, N 3. – P. 383–400.

5. Для 24% россиян Интернет является основным источником информации. – Режим доступа: http://mobiperfm.ru/press/dlya_24_rossiyan_internet_yavlyaetsya_osnovnyim_istochnikom_info.195.html
6. Максимов В.И., Корноушенко Е.К., Качаев С.В. Когнитивные технологии для поддержки принятия управленческих решений: Доклад // Технологии информационного общества'98 – Россия: Распределенная конф. – Москва; Санкт-Петербург; Новгород; Ярославль, 30 ноября – 2 декабря 1998. – Режим доступа: <http://www.iis.ru/events/19981130/maximov.ru.html>
7. Морозов Ф.М. Схемы как средство описания деятельности (эпистемологический анализ). – М.: ИФРАН, 2005. – 151 с.
8. Мрдуляш П.Б. Техника рисования схем: Ответы на задачи // Кентавр: Сетевой журнал. – М., 2001. – № 26. – Режим доступа: <http://circleplus.ru/archive/n/?num=26>
9. Мюллер Х. Составление ментальных карт: Метод генерации и структурирования идей. – М.: Омега-Л, 2007. – 128 с.
10. Наст Дж. Эффект визуализации / Пер. с англ. – М.: Эксмо, 2008. – 256 с.
11. Паршин П.Б. Лингвистические методы в концептуальной реконструкции // Системные исследования: Методологические проблемы – 1986: Ежегодник. – М.: Едиториал УРСС, 1987. – 403 с.
12. Райков А.Н. Конвергентное управление и поддержка решений. – М.: ИКАР, 2009. – 244 с.
13. Редактор блок-схем. – Режим доступа: <http://alglib.sources.ru/aboutbls.php>
14. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года / Под ред. А.В. Коротаяева, Ю. В Зинькиной, А.С. Ходунова. – М.: Едиториал УРСС, 2012. – 464 с.
15. Тищенко В.И. Особенности становления информационного общества в России // Системные исследования: Методологические проблемы – 2011/2012: Ежегодник. – М.: Едиториал УРСС, 2012. – В печати.
16. Толмен Э. Когнитивные карты у крыс и человека // Хрестоматия по истории психологии / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – С. 63–69.
17. Херадштейт Д., Нарвесен У. Психологические ограничения на принятие решений // Язык и моделирование социального взаимодействия / Сост. В.М. Сергеев, П.Б. Паршин. – М.: Прогресс, 1987. – С. 69–81.
18. Щедровицкий Г.П. О методе исследования мышления. – М.: Некоммерческий науч. фонд «Ин-т развития», 2006. – 598 с.
19. Язык и моделирование социального взаимодействия / Сост. В.М. Сергеев, П.Б. Паршин. – М.: Прогресс, 1987. – 464 с.
20. Axelrod R.M. The structure of decision: Cognitive maps of political elites. – Princeton (NJ): Princeton univ. press, 1976. – xvi, 404 p.
21. comScore releases overview of european internet usage in September 2011. – Mode of access: http://www.comscore.com/Press_Events/Press_Releases/2011/11/comScore_Releases_Overview_of_European_Internet_Usage_in_September_2011
22. Novak J.D. Learning, creating and using knowledge: Concept maps as facilitative tools in schools and corporations. – N.Y.: Routledge, 2010. – xvi, 318 p.

О. Ч. Реут

БЛОГОСФЕРНЫЙ ДИСКУРС ЛЕГИТИМНОСТИ В РОССИЙСКОМ ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ ЦИКЛЕ 2011–2012 гг.

Известная классификация степени вовлеченности в политическую деятельность М. Вебера начинается с указания на политиков «по случаю». Ими являемся «все мы, когда опускаем свой избирательный бюллетень или совершаем волеизъявление, например рукоплещем или протестуем на политическом собрании» [1, с. 646]. Приведенную характеристику волеизъявления можно было бы дополнить: равнодушно молчим или молчаливо одобряем. Ведь именно так выявляется еще один канал взаимовлияния между политикой и гражданами, вынужденными выполнять или игнорировать политические решения властей. Кампании по выборам депутатов национального парламента и президента, без сомнений, являются важнейшими компонентами российского электорального цикла. Процесс последовательного формулирования стратегий поведения в дни выборов представляет собой иллюстративный пример превращения избирателя в политика «по случаю». Одной из качественных особенностей выборного цикла 2011–2012 гг. явилось активное использование новых медиа, социальных сервисов и блогосферы для выявления предложений по электоральному поведению.

Вначале необходимо разобраться в причинах перетекания *политического* в интернет-пространство. В качестве одного из общих знаменателей стоит выделить концепт деполитизации. Сама конструкция многомиллионной аудитории территориально распределенных пользователей, в организации и самоорганизации которых горизонтальные интеракции доминируют над властно-вертикальными, предписывает ей быть аполитичной. В этом смысле интернет-пространство, условно говоря, «растворяет» политику

в чистом виде и представляет собой один из механизмов насыщения «повестки дня» интернет-пользователей категориями «игры по правилам». Власть выполняет исключительно инструментальные задачи, стремясь вытолкнуть политический процесс в нейтральную область, в которой прекращался бы спор и где, по мнению самой власти, можно было бы прийти к столь востребованному ею согласию.

Отказ от выборности глав субъектов Федерации, запрет на регистрацию региональных партийно-политических ассоциаций и на формирование партийных альянсов и блоков, так называемое нулевое чтение законопроектов, отмена нижнего порога явки и ликвидация графы «против всех» в бюллетене для голосования – далеко не полный перечень сугубо политических событий, которые были направлены на достижение прикладных целей деполитизации. «Парламент – не место для дискуссий» и «не стоит политизировать проблему» – без труда выделяемые элементы отождествления деполитизации с экспертно-техническим подходом. Такой взгляд на казалось бы постоянно усложняющийся политический процесс базируется на императиве, в соответствии с которым избирателям предписано не только освободиться от власти идей, но и перестать считать политику главной общественной проблемой [6]. Следование правилам, определенным структурами аппарата легитимного принуждения и подкрепляемым «диктатурой закона», стремится до предела рационализировать властно-общественные взаимодействия. Профессионализм и эффективность таких структур основываются на их необходимом функционировании отдельно от политики и даже от того набора акторов, которые стремятся приватизировать сущностные качества сугубо политических субъектов.

Экспертно-технический подход к политическому преобразованию определяет набор используемых или задействованных опций: нововведение и реформа преподносятся с точки зрения «оценки нужд» и «развития стратегии», ранее определенной вне пространства публичной политики. Политическая в своей основе динамика столкновения интересов и их последующее согласование маргинализируются, оказываются замещенными заранее предписанными (например законодателем) нормами, универсальными наборами «рационального знания» и предлагаемыми обществу «готовыми решениями».

Деполитизация стала одной из отличительных характеристик не только нынешнего режима власти, но и гражданско-

активистских настроений, распространенных среди пользователей российского сегмента Интернета вообще и блогосферы в частности. «Нейтрализация политики» – одна из характеристик сложившегося в последнее десятилетие «мира вещей». Сравнительно скучные и технические постановления вытесняют политику, которая, в свою очередь, фактически отдается на откуп непредвзятым постидеологическим экспертам и интерпретаторам, ориентированным на своеобразную инвентаризацию и формализацию того многообразия событий, которые инициируются и создаются текущими политическими процессами [4].

Рассуждения на эту тему открывают возможность для выделения таких характеристик сложившихся в России управленческих практик, как тщательное планирование, сниженная конфронтационность, показная прагматичность и непубличная консенсусность. Приводящая в своем пределе к унификации, «всеобщая норма» не предусматривает «всеобщее исключение» и в принципе направлена на достижение единственной цели – экспертно-технически разрешить *политическую* в своей основе проблему властно-общественных коммуникаций. Более того, экспертно-технический стиль политического управления порой воспринимается в качестве реального способа поддержания политической субъектности действующего режима.

Данное наблюдение позволяет вывести проблематику *политического* в интернет-пространстве в область соотношения общего и частного, универсального и ситуационного, что представляет несомненный исследовательский интерес при анализе флуктуаций в развитии практик политизации и деполитизации в блогосфере. Конкретное содержание «общего» определяется противопоставлением частных, каждая из которых претендует на гегемонию, пусть и чисто символическую. Следовательно, политический процесс предстает как «гегемонистская артикуляция», при которой часть общества приобретает возможность, а порой и зафиксированное нормой право говорить от имени общества в целом. Интерес к этой ситуации в значительной мере связан с тем, что отдельные акторы вполне способны выдвигать условия и требования, выходящие за рамки частных интересов назначаемых властью артикуляторов. Это обстоятельство предопределяет важнейшую сюжетную линию во взаимодействии российской власти и той составляющей российского общества, которая активно использует потенциал интернет-социализации и мобилизации.

В связи с этим особую значимость приобретает вопрос достижения легитимности как формы оправдания и поддержки указанного взаимодействия. Если легальность есть юридическое бытие власти, то определенный, исторически сложившийся порядок приобретения согласия между властными структурами и электоратом описывается категориями легитимности. Признание права на руководство значимо не только само по себе, но и в сугубо процедурном отношении – для выработки стандартов власти как символического посредника, способного обеспечить взаимное выполнение обязательств всех участников политических процессов.

Казалось бы, выражение политической воли граждан в соответствии с действующей избирательной системой и вера в то, что у тех, кто имеет власть, есть на это право, являются строго взаимообусловленными. В современном мире, однако, признание гражданами прав победителей выборных кампаний на власть осуществляется без непосредственной угрозы наказания, и в этом смысле подавляющее большинство действующих режимов могут себе позволить обладать легитимностью, полагаясь в гораздо меньшей степени на предоставляемое властью насилие. Данный тезис, доведенный до абсолюта, означает, что основу легитимности власти составляет ее электоральная поддержка. Избиратели признают право политических руководителей на власть на том основании, что за них проголосовало, например, большинство участвующих в избирательном процессе.

При этом принципиально важно, чтобы действующий политический режим являлся демократическим, свободным от религиозной санкции, наследственного престолозамещения или идейной магии, характерной для тоталитарных и авторитарных режимов, где выборы могут проводиться, но реального (т.е. определяющего) значения при формировании власти они не имеют. Доверие и оправдание власти способствуют утверждению правомерности существования политических институтов, признанию справедливости целей, выдвигаемых ими. Идейная легитимность может объективно присутствовать, но является производной от тех идеологических маркеров, которые разделяют конкурирующие между собой политические силы: ведь даже если сам избиратель, проявляя симпатию носителям тех или иных идей, голосовал за другие программы и других кандидатов, он принимает выраженную на выборах волю большинства. Именно в полудемократических, например переходных и гибридных режимах, иной легитимности, кроме электоральной, не существует.

В целом дискурс легитимности целесообразно анализировать как совокупность текстов, создаваемых для коммуникации в сфере политической деятельности, направленной на уточнение пределов правомерного признания власти и ее права управлять. Представляется правильным говорить не об одном, неделимом и монолитном дискурсе, а о совокупности дискурсов. Не претендуя на завершенность и универсальность рабочей классификации, можно выделить медиа- (в том числе блогосферный), политический, экспертно-технический (в том числе академический) и художественный дискурсы. В системе координат российского политического развития они в значительной степени отличаются друг от друга и имеют, как ни странно, ограниченное количество «точек пересечения».

В общем случае становление легитимной власти является процессом, в рамках которого правомерность власти признается не только обществом, но и государственными структурами, другими государствами и международными организациями. Ключевой элемент в данном процессе – доверие к действиям правителей прежде всего со стороны управляемых. Практическое подтверждение легитимности означает, что граждане добровольно, без насилия, готовы подчиняться распоряжениям власти и руководствоваться организующими их указаниями.

При выделении дискурсивных практик, которые представляют собой гетерогенные множества детерминированных во времени и пространстве правил, определяющих «условия осуществления функции высказывания», обнаруживается, что фиксация употребления собственно термина «легитимность» оказывается несостоятельной. Подобный подход теоретически предполагает выделение трех последовательных функций, принципиально важных для проводимого анализа дискурсивных практик: 1) собственно процесс употребления понятия; 2) определение условий его употребления; 3) обнаружение тех, кто выступает «потребителями». Указанные функции, казалось бы, помогают представить медийный процесс как де- и реконструируемую политическую коммуникацию, и применительно к ней уже следовало бы говорить о совокупности высказываний, подчиняющихся одной и той же системе формирования. В этом мог бы заключаться момент соотнесения медиалингвистически и политически ориентированных методов исследования.

Важной особенностью блоговых записей является их жанровая принадлежность к устно-письменной речи. Записи в блогах и

комментарии к ним фактически представляют собой «застывшие разговоры», что позволяет находить и идентифицировать наиболее употребительные слова и обороты, а далее – пытаться установить их значение и дискурсивный смысл [8]. Тем не менее верифицируемость таких исследований может вызвать определенные вопросы, ставящие под сомнение систематичность связи подобных теоретических обобщений с действительностью.

При изучении употребления слова «легитимность» в блогосфере исследователь относительно предсказуемо сталкивается с естественными ограничениями, при которых: 1) респондент попадает в специфичную речевую ситуацию, провоцирующую его на клишированные высказывания, – обычно ему предоставлены клише, между которыми он может выбирать, но не может конструировать их сам; 2) словоупотребление как политологический термин фактически отрывается от описания событий в разговоре. Можно даже заключить, что маркер «легитимность» в настоящее время стал достоянием исключительно языка политической науки, практически прекратив свое существование в качестве наполненного конкретным смыслом элемента обыденной речи.

Другими словами, категория легитимности перестала быть однозначно определяемым, корректно воспроизводимым и даже полностью осмысленным термином, а превратилась в некий ярлык, лишенный коммуникативного смысла. Понятиями, имеющими таковой, считаются те, которые привносят в использующее их предложение собственный смысл – в отличие от понятий-знаков, в основном определяющихся контекстом и использующихся не более чем в экспрессивных целях.

Проведенное автором исследование подтверждает, что «легитимность» практически никогда не встречается в блогах. В устно-письменной речи (и для иных ситуаций, использующих открытые разговорные интернет-регистры) это слово замещено не каким-то своим аналогом или синонимом, а «явкой» и «честностью». Оно вытеснено именно в силу ограниченности бытования и даже табуированности всего слоя строго политологической лексики.

Политизированный сегмент российской блогосферы представляет несомненный интерес с позиций «перетекания» реальных политических событий в медийное пространство (и обратно: из блогосферы в реальность). Следовательно, с позиций формирования блогосферного дискурса именно применительно к рассмотрению легитимности собственно наблюдение за употреблением по-

нятия не является методологически верным. Тем не менее при проведении сравнения с другими медийными средами мера активности / пассивности пользователей (авторов, комментаторов и читателей) блогов определяется прежде всего флуктуацией общеполитического пространства. Поэтому принципиально важным является вопрос: как именно *политическое* «перетекает» из традиционных «мест обитания» в блогосферу? Возникает ли ситуация, при которой область подтверждения легитимности изменяется в количественном и в качественном отношениях синхронно и в традиционных, и в новых медиа?

В контексте проводимого исследования представляет интерес не собственно набор высказываний о легитимности, а их актуальные «преломления» в блогосферном поле смыслов, когда появление рассматриваемой категории в значительной мере определяется теми устойчивыми тематическими конструкциями, в которые она входит как составная часть. Получается, что сама легитимность представляется уже не знаком, а функцией и в указанном значении достойна выступать объектом конструирования.

Очевидно, что описываемые предметы наблюдения оформились не сами по себе, а стали естественным результатом сопротивления представленным выше процессам деполитизации, засилью экспертно-технического администрирования и доходящего до беспринципности прагматизма. По мнению интернет-аудитории, «игра» по техническим правилам и процедурам производит нечестный – легальный, но не легитимный – результат. В этом заключается одно из последствий деполитизации. Политические способы управления заменяются административно-полицейскими, сфера публичности сужается [5], а *политическое* вытесняется в блоги и социальные сети, которые в силу своей «природной» ориентации на горизонтальное взаимодействие остро реагируют на предлагаемую модель деполитизированной власти. Последняя же оказывается внутренне нестабильной, поскольку постоянно испытывает множественные воздействия со стороны тех акторов, кто не мыслит себя вне политического поля и, соответственно, реполитизирует властно-общественные отношения. Более того, «сам жест проведения различия между политическим и неполитическим... носит политический характер» [10, с. 95].

В свое время Жак Деррида указал на парадоксальность ситуации, при которой можно мерить политизацию степенью деполитизированности. Другими словами, симптомом нейтрализации и деполитизации является сверхполитизация: «чем меньше полити-

ки, тем ее больше» [10, с. 129]. Ту же мысль развивал и Славой Жижек: «отверженное политическое празднует свое триумфальное возвращение в наиболее архаической форме» [3, с. 88]. Невозможно не вспомнить, что и в категориях Жака Рансьера «конец политического совпадает с его рождением» [7, с. 39].

Таким образом, «архаичные формы отверженного *политического*» способствуют восстановлению дискурса легитимности за пределами того порядка, где кажется, что прерогатива политической категоризации безоговорочно взята властью, а возвращение политики исключено. В направлении каких дискурсивных ориентиров структурировались правила «функций высказывания» при формулировании стратегий поведения в дни голосования электорального цикла 2011–2012 гг.?

Полученный вывод является значимым для последующего рассмотрения взаимовлияния легитимности и явки, легитимности и честности–нечестности установленных результатов голосования, так как именно приведенные модельные пары выделяются в качестве основных дискурсивных ориентиров при фиксации высказываний о реальных средствах приобретения власти в завершившимся электоральном цикле.

Прежде всего, стоит выделить модельную пару «легитимность–явка». Избирательные кампании по выборам депутатов Государственной думы и президента России являются общенациональными и аргументация «за» тех или иных кандидатов не имеет непосредственного отношения к местным сообществам и региональным проблемам. Избиратели голосуют как граждане страны, а не как носители местных и региональных интересов. Участие в голосовании предполагает склонность согласиться с претензиями кандидатов на то, что данная политическая сила или данный кандидат способны эффективно справляться с задачами государственного управления. Явка на избирательный участок – ключевой показатель политического участия. Степень активности–пассивности граждан, участвующих в электоральных процессах, характеризует предварительное согласие с общенациональной политической машиной, определяющей не только «правила игры», но и закрытость списка зарегистрированных кандидатов. В этом и заключается основной мотив *для* голосования (но не *при* голосовании).

Последнее обстоятельство, особенно в ситуации исключения графы «против всех», оказывается принципиальным, поскольку борьба за голоса избирателей позиционируется самими

кандидатами как практически вторичная в сравнении с принятыми экспертно-техническими решениями об их регистрации. Более того, свободный выбор участвующих в голосовании трансформируется в четкое заданное, опциональное поведение, предписывающее следовать ограниченному набору вариантов, определенных электоральным меню: «альтернативы нет, так как ее не видно в бюллетене».

В блогосферном дискурсе легитимности неоднократно появлялись отсылки к эпизоду 1996 г., когда «политик с трехпроцентным рейтингом сохранил на выборах власть». Приведенное суждение не являлось корректным, поскольку, как было отмечено выше, только электоральная форма легитимности была единственной, а сохранение власти фактически означало убедительную победу политика во втором туре президентских выборов. Вопреки логике делался вывод, что легитимность режима не может быть подорвана снижением явки, а для массовой аудитории применялся ненаучный и неправовой аргумент: «Чем меньше граждан придет на выборы, тем легче власти будет фальсифицировать результаты голосования». В категориях деполитизации это фактически означало, что выбор *pri* голосовании, как необходимый и живительный для *политического* конфликт, переносился в выбор на пользу участия в голосовании.

Однако явка (или, напротив, бойкот) помогает достичь того, что не удалось бы посредством прямого политического действия. Через явку достигается минимально приемлемый уровень легитимности, так как выражается доверие к самому избирательному процессу, организуемому властью. В общем случае легитимность обладает свойством изменения своей интенсивности, ведь характер и степень поддержки электоратом изменчивы. Только традиционный по классификации М. Вебера тип легитимности базируется на привычном, чаще всего нерефлексивном, убеждении в правильности, святости «издавна принятых традиций» по организации волеизъявления и в самой законности власти.

Именно доминирующая партийная сила и кандидат № 1, по сути, демонстрировали позитивное отношение к укоренившейся привычке принимать участие в голосовании, в крайней форме представляющей обязанность, а не свободно реализуемое право. Состояние деполитизации предписывало ослабление формально-правового начала рационального типа легитимности, основанного на осознанном убеждении граждан в законности установленных

порядков и правомочности определенных институтов организовывать избирательный процесс.

При этом избирателям-блогерам со стороны политических коммуникаторов предлагались варианты: 1) принять участие в голосовании и реализовать свое активное избирательное право; 2) принять участие в голосовании и испортить бюллетень, например, отдавая голоса (отмечая соответствующим выражением предпочтения) всем кандидатам сразу (так называемый вариант «НаХ-НаХ»); 3) принять участие в голосовании и голосовать «за любого кандидата, кроме» априорно предполагаемого победителя (так называемый вариант Навального–Голосова). Все эти предложения были направлены на повышение явки и на допущение о признании легитимности самих выборов. Ключевыми вопросами здесь выступают следующие: предполагает ли участие в выборах в качестве избирателя признание их легитимности? Предполагает ли электоральная легитимность наличие некоей моральной легитимности? Ответ на первый вопрос – безоговорочно положительный. Порой его оппоненты в качестве контраргумента приводят пример диссидентского движения в СССР, относившегося к голосованию инструментально, т.е. пытаясь его использовать в интересах политической оппозиции. «В фарсе можно поучаствовать в качестве статиста, а можно немного переиграть» [2]. Данная установка не представляется теоретически корректной, так как направлена на протестное поведение на организуемых авторитарным режимом событиях электорального типа.

Именно тогда актуальным выступает второй вопрос, по существу выделяющий модельную пару «легитимность–честность». Важно отметить, что сама по себе честность не является одним из системных принципов выборов, к которым относятся: принципы всеобщности, равенства, состязательности, непосредственности, периодичности, тайного голосования и общественного контроля. Как общественно-политический институт выборы не могут быть более или менее честными – таковыми их делают более или менее честные избиратели и наблюдатели.

Важно отметить, что самими блогерами качество честности отождествлялось прежде всего с исключением фальсификаций только на последних четырех этапах выборов: при голосовании, подсчете голосов, установлении результатов голосования и определении результатов выборов. Попытаться объяснить это можно двумя обстоятельствами.

Во-первых, избиратели-блогеры, как и все общество, не имеют зрелого опыта политической конкуренции, но демонстрируют стойкий, выработанный годами иммунитет и понимание того, какие средства и методы могут быть задействованы российскими политиками для получения или удержания власти. Широкое распространение специфичных – по открепительным удостоверениям, дополнительным спискам и при непрерывных производствах – типов голосования наряду с применяемыми «каруселями» заметно снизили степень доверия к избирательным практикам.

Во-вторых, по данным на декабрь 2011 г. интернет-пользователями в России являлись 51–51,5 млн. человек. По оценкам автора, каждый десятый из них – блогер (автор, комментатор или читатель блога, выступающего индивидуальным масс-медиа). Но далеко не каждый блогер может быть отнесен к городскому среднему классу. И хотя российский сегмент блогосферы вообще и наиболее популярная блог-хостинговая площадка «Живой журнал», в частности, превратились в одни из важнейших медиаресурсов, «политика» как рубрика при формировании тематических сообществ безнадежно проигрывает развлекательно-медиадизерганым ресурсам `art_nude`, `odin_moy_den`, `shtuki`, `drugoe_kino`, `ru_comicstrip`.

В качестве площадок для новых политизируемых и деполитизируемых коммуникаций индивидуальные масс-медиа предлагают акторам политического обмена свою собственную философию поведения, свое видение эффективности действий на политико-коммуникационном рынке. Известно, что концепт обмена является стержневым в информационно-коммуникационных процессах. Его содержательное наполнение применительно к избирательным практикам качественно расширяется, но не настолько, чтобы полностью исключить экспертно-техническую рациональность. Блоги не представляют собой пространства, всецело заполненного ценностной борьбой. Что же происходит с ними после того, как они подверглись деполитизации? Они теряют общественно-политический смысл, «внутренне мигрируя» в сферу частных интересов индивида, производства индивидуальных и индивидуально групповых различий. Функция генерации контента, обладающего общественно-политической значимостью, существенно ослабевает.

Подобно тому как из одних и тех же кирпичей можно построить университет, храм, дворец и тюрьму, на основе блогов могут конструироваться различные и даже взаимоисключающие

сообщества и проекты. Становится очевидной тенденция постепенного выравнивания медийного ландшафта. В этом смысле блогосфера, встраиваясь в меняющийся формат взаимоотношений между различными политическими субъектами, перестает быть уникальным, контекстуальным, гибким, динамичным пространством. Ориентация на растущую дифференциацию и отказ от обеспечения массового информационного сбыта способствуют тому, что последовательно вырабатываются только предельно индивидуализированные послания-обращения. Медийное измерение российских выборных кампаний стало настолько значимым, что, с одной стороны, ориентация на клишированные образы уже неизбежна, но с другой – впору задаваться вопросом, кто в большей степени заложник всех этих интенсивно коммуницирующих медиа?

В завершившемся электоральном цикле манипулятивность политико-медийных технологий впервые интерпретировалась как движение вслед за потребителем и за его желаниями. Однако медиаобразы не навязывались – они проявлялись, а на повестке дня были нюансные уточнения, внимательнейшее сопровождение, точнейшая доводка. Эти наблюдения позволяют выявить еще один немаловажный аспект деполитизации, не отметить который было бы неправильно. Во времена, когда СМИ утратили монополию на информацию, сообщение девальвируется, при этом подрывается доверие не только к уведомлению и извещению, но и к информационному пространству в целом. Политическая коммуникация последовательно обесценивается. Означает ли подобное обесценивание ее конец? Скорее всего, нет – при условии, что со временем она обретет качества рациональности, полезности и в идеальном варианте – ответственности. Тем не менее новый тип коммуникации больше не делает модели политического взаимодействия гласными и открытыми. Индивидуализация приводит к закрытости, вырастающей из атомизации пространства *политического*, к размыванию стереотипов, а в конечном итоге – к уничтожению универсальности. В подобном контексте социализация парадоксальным образом ведет к разобщению. Социальные задачи рутинизируются, а политика «для всех и для каждого» полностью нейтрализуется. Блогосфера порождает коммуникативную компенсацию, но становится политически безвредной.

Список литературы

1. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 644–706.
2. Голосов Г. Стратегия голосования на выборах: НаХ-НаХ, НеХ-НеХ и НиХ-НиХ. – Режим доступа: http://slon.ru/russia/strategiya_golosovaniya_na_vyborah_nah_nah_neh_neh-652184.shtml
3. Жижек С. Интерпассивность, или Как наслаждаться посредством Другого. – СПб.: Алетейя, 2005. – 156 с.
4. Куренной В.А. Государство как механизм деполитизации // Государство: Научные тетради Института Восточной Европы. – М., 2009. – № 3. – С. 86–101.
5. Макарычев А.С. Глобальное и региональное в центр-периферийной картине мира: Двойная деконструкция концептов // Международная интеграция российских регионов / Отв. ред. И.И. Курилла. – М.: Логос, 2007. – С. 16–43.
6. Макарычев А. С, Реут О.Ч. О де-политизации и де-суверенизации // Центр интернет-политики МГИМО (У) МИД России: Статьи членов экспертного совета. – М., 2006. – Режим доступа: http://www.netpolitics.ru/public.php?doc_id=166
7. Рансьер Ж. На краю политического / Пер. с фр. – М.: Праксис, 2006. – 240 с.
8. Чернышов Ю.Г. Медиатексты в коммуникативном пространстве политических блогов // Медиатекст как полиинтенциональная система: Сб. ст. / Отв. ред. Л.Р. Дускаева, Н.С. Цветова. – СПб.: СПбГУ, 2012. – С. 99–104.
9. Derrida J. The politics of friendship. – L., N.Y.: Verso, 2005. – xii, 308 p.
10. Žižek S. Class struggle or postmodernism? Yes, please! // Contingency, hegemony, universality: Contemporary dialogues on the left / Ed. by J. Butler, E. Laclau, S. Žižek. – L.: Verso, 2000. – P. 90–135.

А.В. Соколов, А.А. Дементьев
КИБЕРАКТИВИЗМ:
ПРОЕКТ «РОСПИЛ» КАК НОВАЯ ФОРМА
ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ¹

Введение

Проблема коррупции является одной из основных для современного российского общества. В мировом рейтинге индекса восприятия коррупции, составленном международной организацией Transparency International, Россия в 2011 г. заняла 143-е место рядом с такими государствами, как Мавритания, Нигерия, Восточный Тимор, Уганда [2]. Согласно опросу Фонда «Общественное мнение», проведенному 28 августа 2011 г., 81% россиян считают уровень коррупции в России высоким, при этом их доля возросла на 6% по сравнению с 2010 г. [18]

Развитие Интернета в России создало дополнительные условия для противодействию коррупции и другим злоупотреблениям служебным положением.

За последние 10 лет Интернет в России стал важнейшим средством коммуникации, получения и обмена информацией. По данным Российской ассоциации электронных коммуникаций, число пользователей Интернета в России в 2010 г. составило 57 млн. человек. К 2014 г. по прогнозу Фонда «Общественное мнение» число интернет-пользователей увеличится до 80 млн. человек [5]. Таким образом, Интернет становится мощным электоральным ресурсом, местом живого политического диалога.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 11-33-00 232 а1.

Блогосфера (совокупность интернет-дневников) превратилась в «народное СМИ», где отсутствует цензура, а новости и реакция на них появляются в режиме реального времени. Главная особенность блогосферы – участвовать в ней может абсолютно любой человек, что делает доступной «инсайдерскую» информацию из любой сферы деятельности.

Блогосфера превратилась в основной центр протестных настроений в обществе. В ней сформировался круг авторитетных блогеров – лидеров общественного мнения, – которые обладают серьезным ресурсом влияния на настроения пользователей Интернета. Среди так называемых «топовых» блогеров неизменно присутствует Алексей Навальный.

Теоретико-методологические основы исследования

Метод кейс-стади (case-study) можно кратко охарактеризовать как методику исследования конкретной ситуации в динамике. Кейс-стади призван выявить причинно-следственные связи и проанализировать во всей полноте механизмы возникновения, функционирования и дальнейшего развития ситуации.

На практике методы исследования в рамках кейс-стади должны подбираться исходя из поставленных целей и задач, а также свойств и качеств объекта исследования. Это означает, что, по сути, исследователь не ограничен в выборе методов для исследования конкретной ситуации.

Метод кейс-стади в основном нацелен на исчерпывающее изучение всех взаимосвязей и взаимозависимостей, характеризующих конкретную ситуацию. Это достигается посредством методики полного, всеобъемлющего описания, которое включает углубленное исследование объекта, условий, в которых объект функционирует и характеристику субъектов, имеющих отношение к объекту. Полное описание включает также интерпретацию культурных норм, морали, общественных ценностей, взаимных установок и мотивов, имеющих какое бы то ни было отношение к исследуемой ситуации.

Выделяется несколько видов кейсов:

1. Практические кейсы, отражающие реальную жизненную ситуацию.
2. Обучающие кейсы.
3. Научно-исследовательские кейсы.

Именно к первому типу – практических кейсов – относится рассматриваемый проект А. Навального «РосПил». Исследование проводится методом описания объекта, анализа сообщений в СМИ и блогах с целью охарактеризовать специфику проекта «РосПил», оценить перспективы проекта.

Задачи настоящего исследования:

- рассмотреть условия, в которых создавался «РосПил»;
- охарактеризовать основные особенности проекта, его структуру, ключевых действующих лиц;
- выделить сильные и слабые стороны проекта;
- оценить внимание к проекту со стороны СМИ и интернет-сообщества;
- сделать обзор деятельности «РосПил» за время существования проекта;
- оценить перспективы проекта.

Формирование проекта «РосПил»

Алексей Навальный привлек к себе внимание в 2007 г. как миноритарный акционер, борющийся с произволом топ-менеджмента крупных компаний [8]. Он приобретал небольшие пакеты акций крупных компаний – в том числе «Сургутнефтегаза», «Транснефти», «Роснефти», «Газпромнефти», ТНК-ВР, «Сбербанка» и «ВТБ», – а затем как акционер требовал раскрытия информации о деятельности менеджмента, от которой могли зависеть доходы акционеров и прозрачность компаний [19]. Публикуя подробности и результаты проводимых им расследований в личном блоге, Навальный добился широкой известности и популярности в интернет-сообществе, приобретя неформальный статус главного борца с коррупцией в стране.

В 2010 г. он начал реализовывать проект «РосПил», который позиционировался как некоммерческий общественный проект, посвященный борьбе со злоупотреблениями в государственных закупках. В декабре 2010 г. в тестовом режиме открылся сайт проекта¹.

В 2011 г. через сервис «Яндекс.Деньги» был организован сбор средств на заработные платы штатных юристов проекта. На работу в «РосПил» были наняты три профессиональных юриста.

¹ <http://rospil.info/>

По состоянию на 30 декабря 2011 г. «РосПил», по данным, выложенным на сайте проекта, пресек нарушения на общую сумму в 40 407 536 066,71 руб. [20]. Это сумма начальных цен контрактов, конкурсов и аукционов по всем заказам, по которым сотрудникам проекта удалось пресечь нарушения. Под пресеченными нарушениями понимаются государственные закупки, незаконность которых была по жалобам «РосПил» признана решениями Федеральной антимонопольной службы и других контрольных органов. В таком случае контрольный орган выдает организации, осуществляющей госзакупку, предписание об устранении нарушений законодательства о размещении заказов [13].

В число торгов, по которым были пресечены нарушения, входят и отмененные заказы, и те, в документацию которых заказчик внес изменения, в результате чего потом они уже проводились без нарушений законодательства [15].

Причины создания проекта «РосПил»

До создания «РосПил» Алексей Навальный имел обширный опыт вскрытия коррупционных схем и обнародывания информации о расследованиях в данной области в сети Интернет. Однако в деятельности А. Навального были и слабости, которые могли затормозить развитие его антикоррупционной деятельности.

Во-первых, данная деятельность зависела от одного человека – А. Навального. Работа его помощников оставалась в тени. В случае ухода А. Навального от активной деятельности вся работа в заданном им направлении была бы приостановлена на неопределенное время.

Во-вторых, возникали трудности с финансовым обеспечением антикоррупционной деятельности, которая позиционируется как некоммерческая. Для осуществления эффективной и общественно поддерживаемой деятельности в данном направлении необходим прозрачный источник финансирования.

Создание проекта «РосПил» решило сразу несколько узловых проблем в деятельности А. Навального и принесло ему ряд политических дивидендов.

1. Антикоррупционная деятельность, осуществляемая конкретной организацией, приобрела системный, постоянный характер.

2. Деятельность, получившая развитие благодаря А. Навальному, перестала напрямую зависеть лично от него. Возникла воз-

возможность получать и обрабатывать информацию от предельно широкого круга интернет-пользователей.

3. Данная деятельность получила источник легального и открытого финансирования (добровольное перечисление средств через сервис «Яндекс.Деньги»).

4. Политический бренд «Навальный» получил привязку к определенной структуре, занимающейся конкретными делами (на вопрос: «кто такой Навальный?» теперь можно ответить: «создатель «РосПил»).

5. Создание «РосПил» дало мощный информационный повод для многочисленных публикаций в СМИ, что увеличило рейтинг и узнаваемость А. Навального как политического деятеля (о создании проекта писала в том числе иностранная пресса, например «The Financial Times»).

Структура «РосПил» и схема его работы

Публично заявлено о шести участниках проекта (координатор, юристы, программист). Также в проекте на добровольных началах участвуют интернет-пользователи, посылающие на сайт проекта материалы о нарушениях в сфере государственных закупок.

Важной особенностью проекта является его открытость. Все желающие имеют возможность добавлять на сайт информацию по госзакупкам, где, по мнению интернет-пользователя, имеются явные признаки нарушения закона. Сообщение о сомнительной государственной закупке добавляется через раздел сайта проекта «Сообщить о сомнительной закупке» [21]. В сообщении необходимо указать четкое обоснование, почему интернет-пользователь считает, что данная госзакупка является коррупционной. Указанными на сайте «РосПил» типичными основаниями считать госзакупку коррупционной являются:

- завышенная / заниженная цена (по сравнению с рыночной);
- несоответствие сроков и объемов работы;
- требование лицензий, не обязательных для исполнения данного контракта;
- отсутствие возможности определить по документации (прежде всего ее технической части) соответствие потребностям заказчика, объем работ и т.п.

В сообщении интернет-пользователь должен указать ссылку на страницу госзаказа (как правило, это страница на официальном

сайте РФ для размещения информации о размещении заказов¹), описать заказ, указать денежный размер контракта, срок исполнения, организацию, которая разместила заказ, дату проведения конкурса по государственной закупке.

Юристы проекта определяют, является ли данный конкурс незаконным. Главным образом определяется соответствие нормам Федерального закона РФ № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», который является основным нормативно-правовым актом, регламентирующим процесс проведения государственных закупок.

Если рассматриваемый госзаказ имеет явные признаки коррупционности, юристы «РосПил» пишут жалобы в Федеральную антимонопольную службу и прочие уполномоченные органы. При необходимости решать вопрос через суд, этим занимаются юристы проекта.

Схема 1. Принципы работа проекта «РосПил»

¹ <http://zakupki.gov.ru/>

Напрямую отследить участие граждан в деятельности проекта не представляется возможным, так как статистики о количестве сообщений на сайт и их содержании проектом не предоставлено.

Результаты деятельности «РосПил» представлены на официальном сайте проекта. По состоянию на 11 декабря 2011 г. юристами проекта было проверено 177 заказов. Наиболее часто встречающиеся формы проверенных заказов:

- поставка – 42;
- выполнение работ – 38;
- строительство – 19;
- разработка – 6.

Сотрудниками проекта было подано 73 жалобы в Федеральную антимонопольную службу, из которых 39 признаны обоснованными.

Заявленная общая сумма заказов, по которым были пресечены нарушения – 40 407 536 066,71 руб. [17].

Специфика «РосПил» как проекта, функционирующего на базе Интернета, заключается помимо прочего в качественно ином балансе сильных и слабых сторон, по сравнению с классическими общественными организациями. Проект имеет возможность оперативно собирать информацию от любых инсайдеров на местах, в том числе и тех, кто хочет сохранить анонимность. При этом, однако, не всякая информация из интернет-источников заслуживает доверия.

Среди сильных сторон проекта можно выделить:

1. Получение денежных средств непосредственно от простых пользователей Интернета через сервис «Яндекс.Деньги». Благодаря этому, «РосПил» приобретает легитимность как общественный проект, не ангажированный в чьих-либо интересах (что было бы неизбежным, если бы проект финансировался одним или несколькими лицами).

2. Получение информации непосредственно от интернет-пользователей. Это позволяет жителям любого региона России оперативно давать информацию о нарушениях в их субъекте РФ, минуя любые бюрократические процедуры. Интернет дает возможность быстрого обмена информацией о фактах нарушения закона в сфере госзаказов.

3. «РосПил» не зарегистрирован как юридическое лицо. Таким образом, нет возможности осуществлять давление на проект проверками и т.д.

Слабыми сторонами проекта являются:

1. Необходимость проверять факты, полученные через Интернет.

2. Ограниченность аудитории проекта интернет-сообществом. Компетентные в области госзакупок люди, не пользующиеся Интернетом, пока остаются в стороне от деятельности проекта.

3. Узость сферы интересов проекта в области борьбы с коррупцией, ограниченной сферой госзаказов, которая составляет лишь одно из направлений коррупционной деятельности государственных и муниципальных чиновников. Таким образом, проект пока не заполнил нишу систематической борьбы с другими составляющими коррупции в России.

Поддержка проекта «РосПил» со стороны общества

При создании проекта «РосПил» Алексей Навальный изначально объявил, что рассчитывает покрывать расходы на заработную плату для штатных юристов проекта за счет добровольных пожертвований от граждан России. При этом А. Навальный уточнил, что все расходы будут носить абсолютно «белый» и открытый характер.

В качестве формы перевода денег был выбран открытый сервис «Яндекс.Деньги». Можно выделить несколько причин выбора данного способа перечисления средств.

1. Открытость и доступность сервиса – зарегистрироваться в нем может любой пользователь Интернета.

2. Простота процедуры перечисления средств. Многие люди не перечислили бы средства просто потому, что требовалось бы куда-либо пойти. Возможность же перечислить средства, не отходя от компьютера, очевидно, оказалась важным фактором для многих желающих помочь проекту.

3. Возможность отказаться от создания какой-либо организации для сбора средств – фонда или некоммерческой организации – позволила избежать потенциального давления на проект в виде различных проверок такой организации.

Необходимо отметить, что данный способ финансирования проекта отличается новизной. До этого в истории российских общественных проектов преобладало финансирование в виде грантов или предоставления средств частными меценатами. Форма же поддержки проекта в виде перечисления сравнительно небольших сумм тысячами людей в большей степени распространена в США

и других странах Запада. В России данную форму организации финансирования можно назвать инновационной.

Для доказательства прозрачности финансов «РосПил» А. Навальный сообщил пароль кошелька проекта, позволяющий просматривать все операции, производимые со счетом, несколькими известным блогерам:

- Адагамов Рустем (drugoi);
- Макаренко Олег (fritzmorgen);
- Носик Антон (dolboeb);
- Плющев Александр (plushev) [6].

Блогеры, таким образом, при любом нецелевом расходовании собранных средств, получили возможность заявить об этом.

Динамика сбора средств, по словам самого Навального, превзошла его ожидания. За первые двое суток было перечислено порядка 1 млн. руб. За первые пять суток – порядка 2,5 млн. руб. [6]. При этом представители «Яндекс» заявили, что скорость сбора средств оказалась рекордной для сервиса «Яндекс.Деньги» [11].

По состоянию на 30 декабря 2011 г., проекту удалось собрать 8 626 396 руб. 62 коп., из которых потрачено – 3 074 536 руб. 23 коп. [7]. Отчет обо всех тратах доступен на официальном сайте проекта.

Со сбором средств в поддержку проекта «РосПил» непосредственно связан скандал, получивший широкую огласку в апреле–мае 2011 г. В этот период на личные телефоны некоторых пожертвовавших деньги проекту были совершены звонки от ряда людей, представлявших журналистами различных изданий. По сообщениям СМИ, одна из звонивших была позднее идентифицирована как комиссар движения «Наши» Юлия Дихтяр. При этом выяснилось, что в соответствии с законодательством, правом выяснить данные жертвователей обладает ФСБ [3].

В отношении причин случившегося существует две основные точки зрения.

1. Позиция А. Навального и его сторонников формировалась на основе следующих допущений и логики:

– УФСБ по Москве и Московской области с санкции высшего руководства страны затребовало у «Яндекс» данные перечисливших средства;

– с возможным участием администрации Президента данные были переданы прокремлевскому движению «Наши» [9];

– активисты движения «Наши» стали совершать звонки жертвовавшим деньги, тем самым оказывая на них моральное давление.

2. Точка зрения движения «Наши», а также противников А. Навального базировалась на следующих аргументах:

– движение «Наши» не имеет отношения к происшедшему;

– сбор средств, возможно, является имитацией;

– А. Навальный и его сторонники придумали скандальную историю с обзвоном своих спонсоров, чтобы скрыть неудачу проекта и привлечь к сбору средств дополнительное внимание [12].

Этот скандал имел несколько последствий:

– дискредитация движения «Наши» в интернет-сообществе как организации, выполняющей, по мнению Навального и его сторонников, «черную работу» по запугиванию людей, помогающих борьбе с коррупцией;

– мощный информационный повод для СМИ, многочисленные упоминания А. Навального и проект «РосПил» в СМИ в связи с данным инцидентом;

– увеличение интенсивности денежных переводов на счет проекта «РосПил».

В целом можно полагать, что А. Навальный и проект «РосПил» выиграли от данного скандала, приобретя дополнительную информационную поддержку в СМИ и, как следствие, увеличение количества собранных средств.

Внимание к проекту «РосПил» со стороны СМИ и пользователей Интернета

Создание и деятельность «РосПил» освещались в различных СМИ неравномерно. Проекту и его автору Алексею Навальному было посвящено большое количество сообщений в интернет-СМИ, а также в СМИ, позиционирующих себя как независимые, например на радио «Эхо Москвы». В то же время в новостях крупнейшего федерального телеканала «Первый» имя А. Навального до освещения митингов против фальсификаций на выборах в Государственную думу в декабре 2011 г. не прозвучало ни разу, не упоминался и проект «РосПил» [14].

На графике 1 представлена динамика сообщений, в которых упоминается проект «РосПил», в трех крупных СМИ. Поиск сообщений с упоминанием слова «РосПил» производился в архивах новостных сообщений, представленных на официальных сайтах

данных СМИ. Временной отрезок поиска: декабрь 2010 г. (период возникновения проекта «РосПил») – декабрь 2011 г. На графике 1 представлено количество сообщений в указанных СМИ с разбивкой по месяцам.

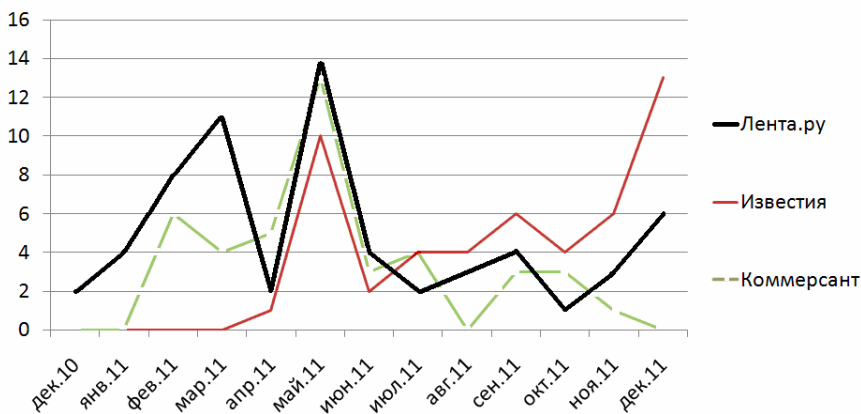

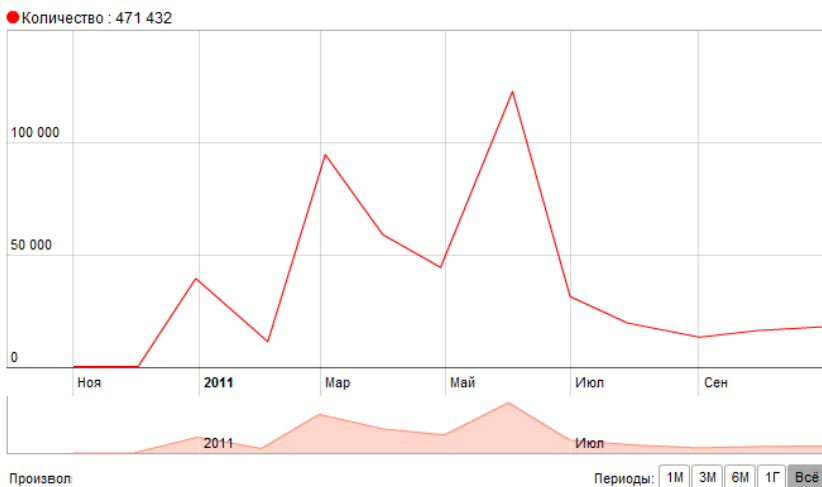
График 1. Динамика освещения проекта «РосПил» в СМИ

Основные пики активности приходятся на периоды:

- начала кампании по сбору средств в сети Интернет;
- скандала весны 2011 г., связанного с обзвоном людей, перечисливших деньги в проект «РосПил»;
- периода выборов 2011 г. в Государственную думу, после которых А. Навальный подвергся аресту во время участия в митинге против результатов выборов.

Самым существенным всплеском информационной активности является период скандала, связанного с обзвоном спонсоров проекта, который пришелся на май 2011 г.

Значительный общественный интерес к проекту «РосПил» подтверждает большое количество запросов в поисковой системе «Яндекс» по запросу «РосПил» (График 2). Анализ данных поискового ресурса позволяет говорить о том, что основной интерес к проекту «РосПил» был проявлен в период начала сбора средств и скандала весной 2011 г.

Показы по месяцам

01.07.2010 - 31.07.2010	0	01.03.2011 - 31.03.2011	59028
01.08.2010 - 31.08.2010	0	01.04.2011 - 30.04.2011	44388
01.09.2010 - 30.09.2010	283	01.05.2011 - 31.05.2011	122680
01.10.2010 - 31.10.2010	285	01.06.2011 - 30.06.2011	31436
01.11.2010 - 30.11.2010	503	01.07.2011 - 31.07.2011	19721
01.12.2010 - 31.12.2010	39498	01.08.2011 - 31.08.2011	13339
01.01.2011 - 31.01.2011	11404	01.09.2011 - 30.09.2011	16356
01.02.2011 - 28.02.2011	94496	01.10.2011 - 31.10.2011	17986

График 2. Число выданных результатов в поисковой системе «Яндекс» по запросу «РосПил» [22].

Критика проекта «РосПил»

На фоне существенного роста внимания к Алексею Навальному и его проекту «РосПил» в электронных и бумажных СМИ появились многочисленные статьи и заметки, содержавшие критику деятельности «РосПил» и самого Навального. При этом часть критики исходила со стороны так называемых «прокремлевских» молодежных движений. Характерным примером в данном случае являются записи в блоге пресс-секретаря движения «Наши» Кристины Потупчик [16]. Такого рода критика носит заведомо ангажированный характер и зачастую содержит смелые, кричащие заявления. Примером может служить активно распространявшееся

мнение, что сбор средств в сети Интернет на поддержку ресурса «РосПил» являлся фикцией, и перечисление средств было осуществлено самим Навальным и его ближайшими соратниками [23]. Высказывание и распространение подобных тезисов, не подкрепленных фактами, направлено на дискредитацию Навального как активного оппозиционного общественного деятеля.

Вместе с тем в сети Интернет присутствует и критика «РосПил», не имеющая явной связи с политическими оппонентами А. Навального. В Интернете с момента запуска работы проекта появился целый ряд материалов, содержащих критику подхода «РосПил» к антикоррупционной деятельности, слабых сторон в его организации, например публикации интернет-аналитика Ивана Бегтина [1].

Основной мишенью для критики «РосПил» со стороны интернет-сообщества является реальная эффективность борьбы проекта с произволом в области государственных закупок. Высказываются сомнения в наличии объективной отдачи от работы «РосПил» в области предотвращения коррупции. При этом можно выделить некоторые основные направления критических замечаний.

1. Незначительный объем антикоррупционной работы. За время существования проекта с января 2011 г. в Федеральную антимонопольную службу юристами «РосПил» было подано 100 жалоб [4], из которых 60 было признано обоснованными. Таким образом, в месяц проектом оформляется в среднем 6 жалоб при наличии 4 штатных сотрудников.

2. Несистемный характер борьбы с коррупцией в госзакупках. Проект сосредотачивает основное внимание лишь на одном механизме работы – оформлении жалоб в Федеральную антимонопольную службу, которая вправе обязать государственного заказчика устранить формальные нарушения в заявке на проведение аукциона или конкурса. Работа на этапе подачи заявки не может помешать заказчику подать новую заявку, а также не позволяет привлечь заказчика к уголовной ответственности – это возможно лишь при заключении неправового контракта. Таким образом, работа ведется еще до факта совершения преступления по нецелевому расходованию бюджетных средств.

3. Преувеличенное значение заявленной суммы более чем в 40 млрд. руб., являющейся «общей суммой заказов, по которым были пресечены нарушения» [4]. Данная цифра отражает общую стоимость конкурсов, в которых ФАС признала наличие наруше-

ний закона. Однако коррупционной является лишь та денежная сумма, на которую обозначенная в заявке стоимость заказа больше реальной рыночной стоимости по данному заказу. Кроме того, блогерами было подсчитано, что подавляющее большинство торгов из рассматриваемых «РосПил» было произведено после исправления формальных нарушений по предписанию ФАС на суммы, почти не отличающиеся от первоначальных [24]. Из этого следует, что сумма заказов, по которым ФАС были пресечены нарушения, не имеет отношения к денежному выражению реальной эффективности «РосПил». Опубликование цифры, превышающей 40 млрд. рублей, скорее является имиджевым ходом, направленным на создание впечатления о больших масштабах деятельности «РосПил».

Лейтмотив критики «РосПил» – мнение о том, что проект является успешной пиар-акцией политика Алексея Навального, а не эффективным механизмом общественного контроля в сфере госзакупок. Это обосновывается ориентацией проекта на максимальное привлечение внимания к себе при невысокой реальной эффективности. Таким образом, если целью деятельности проекта является продвижение политической карьеры А. Навального, ставится под сомнение ценность «РосПил» как механизма борьбы с коррупцией и площадки развития гражданского самосознания.

Перспективы проекта «РосПил»

Оценивая перспективы «РосПил», следует учитывать ряд обстоятельств, связанных с тем, что проект был создан и развит Алексеем Навальным:

1. На данный момент «РосПил» ассоциируется с антикоррупционной и политической деятельностью А. Навального.

2. А. Навальный становится все более значимой и популярной политической фигурой, олицетворением борьбы против политической монополии партии «Единая Россия».

3. Задержание А. Навального на митинге после выборов 4 декабря 2011 г. привлекло к нему еще большее внимание общества и, можно сказать, перевело его имя из интернет-пространства в глобальное информационное поле, в «офлайн». 40-тысячный митинг 10 декабря 2011 г. на Болотной площади в Москве, где в числе прочих требований звучали призывы освободить А. Навального, лишь подтвердил эту тенденцию. А. Навальный являлся од-

ним из главных организаторов митинга 24 декабря 2011 г. на проспекте Сахарова в Москве. Он также занял второе место в голосовании на базе социальной сети «Фейсбук», определившем выступающих на этом митинге [10].

Таким образом, проект «РосПил» на сегодняшний день не является самостоятельной организацией. Проект помимо своей прямой задачи – реальной борьбы с коррупцией – играет важную роль в набирающей активность политической деятельности А. Навального. «РосПил» является его брендом и свидетельством фактической антикоррупционной работы его команды.

При наблюдающемся сейчас увеличении популярности А. Навального можно прогнозировать дальнейший рост внимания к проекту «РосПил», а также рост числа людей, прямо или косвенно принимающих участие в работе проекта.

При этом для долгосрочной и успешной деятельности «РосПил» проекту необходимо постепенно расширять круг людей, непосредственно участвующих в его работе. Это может позволить проекту перестать быть «именным» проектом А. Навального, напрямую зависящим от его активности, так как долгосрочный успех организации возможен, когда в ее деятельности нет существенной привязки к одному человеку.

При постепенной переориентации активности А. Навального из юридической сферы в политическую, к проекту «РосПил» могут подключиться новые специалисты, произойдет расширение спектра интересов в деятельности проекта, сосредоточенного пока на нарушениях в госзаказах.

Неизбежны попытки лоббирования интересов крупных игроков в государственном секторе экономики при усилении проекта «РосПил». В такой ситуации проекту важно сохранить беспристрастность, потому что основной источник популярности проекта «РосПил» – идеология открытого и честного характера деятельности. Также представляется важным обретение проектом большей самостоятельности, без опоры только на А. Навального, что позволит снизить зависимость от конкретной личности и ее действий, не всегда имеющих однозначную оценку в обществе.

Однако вне зависимости от вектора развития, который будет выбран для проекта «РосПил» в будущем, можно прогнозировать, что в ближайшие время он будет набирать известность и популярность в обществе, становясь все более существенной частью риторики оппозиционных сил.

Некоторые выводы

Проект «РосПил» базируется на принципиально новых формах активности для России: деятельности посредством Интернета, сетевой коммуникации, включении гражданской активности, открытости форм и методов работы.

Возникновение проекта «РосПил» на базе Интернета обусловило качественно новый характер данного ресурса как антикоррупционного проекта. Ключевые особенности проекта:

- некоммерческая направленность;
- не является дочерней структурой какого-либо оппозиционного движения;
- «РосПил» не зарегистрирован как юридическое лицо;
- бюджет основывается на добровольных пожертвованиях граждан через систему «Яндекс.Деньги»;
- любой человек может принять участие в деятельности проекта, сообщив на сайт «РосПил» о случаях злоупотребления в сфере государственных заказов, или помочь проекту иным способом;
- результаты деятельности открыты и доступны любому интернет-пользователю.

Таким образом, создание проекта «РосПил» явилось логичным развитием деятельности Алексея Навального по борьбе с произволом в сфере государственных закупок, которую удалось институционализировать и систематизировать. Проект также использует новые возможности информационных технологий и отражает сформированный общественный запрос на открытость и ответственность власти. Проект продемонстрировал новый механизм формирования политического субъекта, признаваемого другими политическими акторами.

Список литературы и источников

1. Бегтин И. О проблемах гражданского контроля за государственными расходами. – Ч. 2. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2011/01/24/begtin2/>
2. В очередном мировом рейтинге состояния коррупции Россия поднялась на 143-е место. – Режим доступа: <http://www.newsru.com/world/01dec2011/corruption.html>
3. Каримова А. Транзакция устрашения // Коммерсантъ-Деньги. – М., 2011. – № 18. – Режим доступа: <http://kommersant.ru/doc/1624936>
4. Количество жалоб (обращений) в ФАС. – Режим доступа: <http://rospil.info/results>

5. Количество пользователей сети Интернет в России в 2010 г. увеличилось на 22% до 57 млн. человек. – Режим доступа: http://www.minsvyaz.ru/monitoring/index.php?id_4=42306
6. Навальный А. Отчет: Первые пять суток сбора денег для проекта РосПил. – Режим доступа: <http://navalny.livejournal.com/550386.html>
7. Навальный А. Солдат спит, служба идет. – Режим доступа: <http://navalny.livejournal.com/660014.html>
8. Навальный грозитя засудить нефтяников РФ за непрозрачный экспорт. – Режим доступа: <http://ru.reuters.com/article/businessNews/idRUONE55519120080515>
9. Навальный: Инцидент с «РосПилом» – давление на интернет. – Режим доступа: http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2011/05/110503_navalny_incident_comments.shtml
10. Навальный, Парфенов и Шевчук по результатам интернет-голосования стали самыми желанными участниками митинга оппозиции 24 декабря. – Режим доступа: <http://www.interfax.ru/news.asp?id=223311>
11. Навальный установил рекорд по сборам «Яндекс.Денег». – Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2011/02/02/money>
12. «Наши» обвиняют «РосПил» в распиле пожертвований. – Режим доступа: http://www.fedpress.ru/federal/moscow/socium/id_229059.html
13. О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ (с изменениями от 31 декабря 2005 г., 27 июля 2006 г., 20 апреля, 24 июля, 8 ноября 2007 г., 23 июля, 1, 30 декабря 2008 г., 28 апреля, 8 мая, 1, 17 июля, 23, 25 ноября, 17, 27 декабря 2009 г., 5, 8 мая, 27 июля, 3 ноября 2010 г., 5, 21 апреля, 1, 11 июля, 21 ноября, 7, 12 декабря 2011 г.). – Режим доступа: <http://base.garant.ru/12141175>
14. Первый канал: Новости. – Режим доступа: <http://www.1tv.ru/news>
15. По поводу результатов работы проекта / konstantin.–6.01.2012, 22:36 // РосПил: [Сайт проекта]. – Режим доступа: <http://www.rospil.info/news/p/1317>
16. Потупчик К. Навальный пропиарился на «Наших». – Режим доступа: <http://krispotupchik.livejournal.com/201507.html>
17. Результаты // РосПил: [Сайт проекта]. – Режим доступа: <http://www.rospil.info/results>
18. Россияне считают высоким уровень коррупции в РФ. – Режим доступа: <http://www.actualcomment.ru/news/29551>
19. Сайт Навального ушел в офлайн после публикации материалов о «распилах» в «Транснефти». – Режим доступа: <http://www.lenta.ru/news/2010/11/16/navalny>
20. РосПил: [Сайт проекта]. – Режим доступа: <http://www.rospil.info/>
21. Сообщаем о сомнительной закупке // РосПил: [Сайт проекта]. – Режим доступа: <http://www.rospil.info/report-a-corruption>
22. Статистика ключевых слов. – Режим доступа: <http://www.wordstat.yandex.ru>
23. mashina-s. Навальный и его Яндекс-кошельки – некрасивая изнанка проекта «Роспил». – <http://mashina-s.livejournal.com/334821.html?thread=8885989>
24. tskgml. Вопросы к Навальному по проекту Роспил. – Ч. 1. – Режим доступа: <http://tskgml.livejournal.com/2085.html>

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЕТЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Е.Л. Омельченко

ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ И СОЦИАЛЬНО-СЕТЕВЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Молодежь как объект анализа, воспитания и контроля волнует всех взрослых агентов общества. Обычно она попадает в центр внимания политиков, журналистов и исследователей, когда речь заходит о серьезных социальных катаклизмах, переменах, спонтанных молодежных волнениях. Интенсивность интереса к молодежной теме зависит от событий, которые вызывают панику, ставят под сомнение возможность прогноза будущего и сохранения достигнутого статус-кво политическими группами, находящимися у власти. Подобные события ставят в повестку дня вопрос возможной мобилизации молодежи в целях контроля над ситуацией и предотвращения массовых протестов и революционных инноваций.

Зачем социологам «поколение»?

Понятие «поколение» занимает несколько маргинальное положение в западных академических исследованиях, посвященных социальным и культурным переменам. Это выглядит довольно парадоксально на фоне производства все новых и новых поколенческих имен – соперничающих и часто повторяющих друг друга. Такие имена, как поколение «X», «Y», «NET», «ТЕХТ» и другие, циркулируют в СМИ и повседневном дискурсе для описания разных аспектов опыта молодежи. Дж. Эдмундс и Б. Тернер в свое время писали о том, что террористические атаки 11 сентября

2001 г. на Нью-Йорк и Вашингтон должны привести к формированию нового, «сентябрьского поколения», которое бросит вызов культурной гегемонии поколения шестидесятников. Эти исследователи выступают за реабилитацию термина «поколение», считая его крайне актуальным для понимания происходящих в современных обществах перемен: «не классы, а поколения сформировали современное культурное, интеллектуальное и политическое мышление» [10, с. 118]. Их понимание поколения опирается на идеи Карла Манхейма о формировании поколенческого сознания благодаря переживанию общего опыта исторической травмы¹. Используются идеи о формировании коллективной памяти и ритуалов в поддержке подобного сознания, а также мысль Пьера Бурдьё о социальных и культурных сдвигах как результатах межпоколенческой борьбы за скудные ресурсы [8]. Концепция поколения чаще всего используется в социологии молодежи; именно к молодым, проживающим в молодости события *особой значимости*, чаще всего применяются образные поколенческие конструкты-ярлыки, схватывающие общую, знаменательную черту изменений. Этот термин часто используется и в популистских целях неакадемической публикой, что размывает его смысл, приводит к формированию стереотипов в общественном сознании об эссенциалистском значении опыта, приобретенном в определенном возрасте и в определенный исторический момент.

Стремление к обнаружению общих черт у людей, растущих и взрослеющих в один промежуток времени, в схожих обстоятель-

¹ При всей метафоричности понятия «поколение» и возникающих дискуссий, его использование в выбранном контексте представляется полезным. Теоретическое обоснование проблемы поколения впервые появляется в работах Карла Манхейма [11]. Ему принадлежат основные ключевые понятия и описания социального феномена «коллективного проживания» судьбоносных исторических событий. Объединяет различные употребления понятия поколения компонент «времени», что в отношении социологии ученый называл «исторической локализацией». Поколения могут локализоваться: 1) по календарному принципу; 2) символически, через соотнесение с неким судьбоносным событием; 3) через идентификацию со значимой, культовой личностью, ставшей культурным кодом для маркировки живущих в тот же отрезок времени; 4) через символические приметы, культурные коды исторического этапа. Все исследователи, работающие с понятием, склонны видеть методологические проблемы в вопросе границ, разделяющих поколения, в критериях определения смысла каждого поколения и в поиске (идентификации) его имени. Поколения могут локализоваться по разным признакам в зависимости от решаемых с их помощью задач и от интересов тех акторов, кто наделен правом и властью номинирования.

ствах жизни, включенных в формально схожие социальные институты, получающих информацию через разделяемые большинством каналы было характерно для большинства поколенческих конструкторов XX и начала XXI в. Как группа становится поколением, что превращает «поколение» в категорию и знак времени, – тема отдельного исследования. Может ли общее, пусть и катастрофическое событие, сформировать общую идентичность, которая будет значимее происхождения, гендера, этнических, географических (локационных) различий внутри когорты, растущей вместе? Можно ли признать финансовый кризис некоей травмой, которая определяет поколение Р (рецессия), или определяющим стал политический ответ российской власти, объявившей «успешное преодоление кризиса»? Очевидно, что кроме общего возраста молодежь отличают этнические, религиозные, классовые и гендерные аспекты. Не менее значимы статусные и материальные различия для понимания ресурсов и компетенций, которыми обладают разные генерационные единицы. Смещение исследовательского внимания от собственного поколенческого опыта к практикам культурного потребления молодежи как поколенческим реакциям на конкретные проблемы, связанные с классовым / родительским происхождением, имело принципиальное значение и, по сути, определило целое направление субкультурных исследований молодежи [9]¹.

При использовании поколенческого подхода может игнорироваться особая роль глобальных коммуникаций современности, которые способствуют возникновению поколенческого сознания благодаря глобальной общности опыта, а также ведущая роль СМИ в конструировании сознания молодежи через порождение, циркуляцию и отбрасывание поколенческих ярлыков. Так, например, медийное сопровождение кризиса отличалось различными интерпретациями образа «нового поколения Р». Любое понятие поколения должно учитывать дискурсивное продуцирование «поколенческого опыта» и строиться на осознании того, что молодые люди как субъекты понимают и артикулируют свой опыт не вне дискурсивной сферы, но критически работая с ней, используя или

¹ Здесь я вынуждена отвлечься от критики классового редукционизма и гендерной слепоты, лежащих в основе идеи «молодежной субкультуры», которая вполне оправдана [7; 12]. Необходимо, однако, учитывать, что теоретики поколения чаще всего игнорируют проблемы власти, сегментации и неравенства, которые возникают в связи с этим представлением [13].

отвергая ее аргументацию. Таким образом, «поколенческий субъект» как некое коллективное тело, обладающее коллективным сознанием, должен пониматься шире, чем страта богемы или интеллектуалов. *Очень важно также проводить различие между собственно поколенческим опытом самой молодежи и ее политическими репрезентациями, построенными в соответствии с нуждами правящей власти.*

Рубеж десятилетий

С начала первого десятилетия нового века и вплоть до переломных 2006–2007 гг. проводились разнообразные исследования проблем молодежи. Так, например, изучалась структура ценностных предпочтений, исследователи говорили о росте прагматических и индивидуалистских настроений, возрастании значимости материальных ценностей, расширении зон потребительской активности, завышенных образовательных притязаний и карьерных амбиций [2] и пр., о расширении пространства «попсы» и гламура, противостоянии «гопников» и неформалов на культурных молодежных сценах [4]; о политическом нигилизме и «пофигизме», потере молодежью моральных обязательств перед обществом [6], массовом отказе от участия в публичной политике, падении электоральной активности. Тезис об аполитичности российской молодежи соседствовал с данными опросов, свидетельствующих о неуклонном росте лояльности различных молодежных групп первому лицу государства (президенту В.В. Путину). Уже в конце 1990-х годов было понятно, что, заручившись поддержкой молодежного большинства, лидер обрекает себя на победу¹. Молодежь была нужна власти. Это никак не сказывалось на финансировании социальных программ, ориентированных на молодежь². Интерес к молодежи как электоральному ресурсу и потенциально опасной

¹ «Голосуй или проиграешь» – лозунг предвыборной кампании Бориса Ельцина во время президентских выборов в России 1996 г., в которой была сделана ставка на молодежь. Рейтинг Ельцина в начале 1996 г. составлял 3–6%. Опросы ВЦИОМ показали, что если привлечь молодежь на избирательные участки, то около 70% ее голосов будет отдано Ельцину. В ходе этой кампании Б. Ельцин лично участвовал в выездных шоу. Были записаны два музыкальных альбома «Ельцин – наш президент» и «Голосуй или проиграешь».

² Финансирование молодежной политики неуклонно снижалось вместе с определенной деградацией и самого института, постепенно превращавшегося в «бесплатное дополнение» к спорту, туризму и образованию.

массе проявлялся через широкомасштабные проекты молодежной мобилизации¹. В экономической сфере молодежь присутствовала как постепенно формирующийся потребительский сегмент с чертами глобального, что демонстрировали слегка адаптированные западные рекламы массовых молодежных товаров.

В нарицательных именах молодых поколений конца XX в. присутствовали знаки неизвестности – X, Y, Z. Затем, вслед бурному развитию и совершенствованию информационных каналов, молодым поколениям начали присваивать имена знаковых вех массовой коммуникации – Text, MTV, Screen, IT, iPod. Одним из последних, докризисных имен чисто российского происхождения, стало «поколение Пу»².

Интернет и социальные сети

Структура расходов молодежи значительно отличается от структуры расходов представителей старших поколений. У молодежи преобладают траты, связанные с проведением досуга и сферой демонстративного потребления. Последнее касается не только ребят из обеспеченных, но и из бедных семей, которые стремятся не отставать от сверстников. Исследования обнаруживают противоречивую ситуацию. С одной стороны, рост цен волнует молодых не меньше, чем взрослых, с другой – они не намерены снижать свои потребительские запросы. Молодежь, за исключением выходцев из самых бедных слоев, не очень заботит, насколько родителям бывает трудно обеспечить семью продуктами питания. Зато юношей и девушек тревожит то, сколько будет стоить сходить в ночной клуб и фитнес-центр, а также не повысят ли расценки за Интернет и мобильный телефон. Молодежь оказывается изобретательна на разные альтернативные потребительские практики вроде вечеринок по обмену вещами, интернет-барахолки, покупок вещей вскладчину и их дальнейшего использования по очереди [1]. Молодые не испытывают паники по поводу произошедшего кризиса. Они легче, чем их родители, относятся к потере работы, уменьше-

¹ «Идущие вместе» – первое российское прокремлевское молодежное движение. Создано в 2000 г. Возглавлялось Василием Якеменко. Явилось предшественником многих современных молодежных организаций, таких как «Наша», «Молодая гвардия» и др.

² Поколение Путина – сверххлояльное, с выраженными имперскими амбициями, высоким уровнем ксенофобии, высокими карьерными и образовательными притязаниями [5].

нию зарплаты и необходимости платить по кредитам. Экономические соображения, особенно для тех, у кого пока нет собственной семьи, не являются основополагающими. Самостоятельность даже работающей молодежи является весьма условной. Материальная помощь родителей продолжает служить для юношей и девушек главным подспорьем. К 25–30 годам молодые не перестают получать от родителей финансовые средства или другие блага, но их меньше заботит материальное положение самих родителей, о состоянии которого они часто бывают не осведомлены. Сами родители стремятся обезопасить молодежь от экономических трудностей, с которыми они столкнулись в нынешний кризис. Чем более тяжелые последствия кризиса приходится переживать семье, тем меньше родители посвящают детей в свои планы и проблемы. В свою очередь, это приводит к недооценке молодежью той реальной ситуации, в которой оказалась их семья, и возможностей родителей справиться с ней.

Герои социальных и культурных сетей конца первого десятилетия, контактные сообщества повлияли на формирование новых типов коммуникаций и потребительских практик. В этом пространстве формируется новая структура потребления, занятости, системы профессий. Вхождение в те или иные сети начинает определять жизненные приоритеты. Самоопределение в отношении включения или невключения в ту или иную группу, принятия или непринятия кого-то в друзья, рассылки сетевой рекламы и вирусов – эти практики коммуникации становятся более значимыми. Марк Цукерберг, особенно благодаря успеху фильма «Социальные сети», – новый культурный герой молодежи в глобальном измерении. На смену анонимности, характерной для начала века, приходят индивидуальность, необычность, популярность самопрезентаций, фото- и видеосессии, блоги. Сетевые разговоры отличаются замысловатостью, которая может компенсировать затрудненность или избегание разговора тет-а-тет. В сетевом пространстве все шире распространяются практики искренности, доверия и поддержки, гражданского участия, протестных и альтернативных рейтингов. Блогосфера, твиттер-коммуникации превращаются в мощные и оперативные каналы информации, опережая официальные СМИ не только по скорости, но и по качеству и достоверности информации. Мобильные телефоны все больше включаются в эти коммуникации, становясь частью сетевых сообществ. Телефон стал инструментом нового типа письма, а не только разговора. Внутри «мобильника» решаются жизненные вопросы; потеря свя-

зи, выпадение из мобильного трафика может восприниматься как реальная трагедия. Рекламные и PR-проекты переходят в Интернет, расширяются горизонтальные сообщества. Социальные сети существенно влияют на изменение рыночных отношений. В молодежной среде растет значимость немассовых, отличающихся продуктов, широкий доступ к которым стал возможным благодаря включению в солидарные сети. Социальные сети сегодня опережают моду, массовые бренды изменили потребительские профили и стали делать эксклюзив, а эксклюзив стал массовым. Растет популярность фри-маркетов, распространяются практики «отдам даром». Модным становится переработка – перешивание, переделывание, трансформации секонд хенда – хенд мейд и винтаж, распространяются обменные практики, непрофессиональные хобби – консультирование и экспертиза. Кризис усилил эти практики. Так, например, в сетях шире стали распространяться обмен или продажа «дорогих брендов». Рыночным ответом новым тенденциям становится создание новых рынков молодежного производства, где соединяются практики производства и потребления – просьюмеризм. Сети помогают распространению DIY-практик¹. Этот тренд можно назвать *потребительски ориентированным антикапитализмом*. Одним из ключевых агентов новых рынков и коммуникаций становятся *постпанки*². Время Интернета и сетевое время вторгается в обычный (привычный, традиционный) график жизни. Планирование жизни происходит в нескольких плоскостях. Компьютерная игра, сетевой контакт, общение по «аске» (ICQ) или скайпу включается в дневной график, становясь не менее значимыми для удовлетворения от прожитого дня, чем выполненное задание по работе или учебе. Новые статусы завоевываются благодаря количеству друзей в Контакте и Facebook²е, поддержание

¹ Do it yourself – не только молодежная практика. Однако именно в молодежной среде она наделяется чертами знаковости и принадлежности к специфически современному направлению активности. Смысл – в выходе из-под рыночного контроля, управляющего потребительскими потребностями и формирующего массовые вкусы.

² Постпанк – это условное имя. Здесь важно подчеркнуть проявление характерного для панк-идеологии анархизма, отказ от формально-официальных телесных дисциплинарных режимов, предписанных статусу социальным порядком, использование специфических форм выражения этих протестов, адекватных реальной экономической ситуации. Так, например, именно участники постпанк сцены практикуют в российских столицах бесплатную раздачу еды, кормят бомжей, создают гостиницы для бездомных животных и др.

которых столь же важно, как и получение морального поощрения от начальника. Трудовая дисциплина, контроль и ответственность начинают соотноситься с выполнением сетевых обязательств.

География

Глобальные измерения молодежных культур специфическим образом поменяли локальные ландшафты молодежных сцен и площадок российских городов. Интернет и включение в социальные сети позволяют преодолевать ограничения, предписанные территориальной «пропиской», при этом режим офлайн-жизни работает, а кризис только усиливает различия и углубляет противоречия. Молодежь конца десятилетия, пожалуй, не менее остро, чем в его начале, понимает, что «Москва – не Россия, Россия – не Москва». Региональное расслоение стало еще заметнее, общий культурный фон по-прежнему определяет локальные молодежные практики, доминирование тех или других активностей. Дело не только в различной скорости столичного и периферийного включения в модные тренды, но и в отличии классовых расстановок. Например, столичная молодежь среднего класса, которая до кризиса была и остается основным потребителем дорогой брендовой одежды, машин, поездок, после кризиса активней включилась в практики дауншифтинга. Представители этой группы чаще говорят о своем желании покинуть страну, стремятся использовать освободившееся от работы время для обучения и отдыха, бросая вызов карьере и биографии.

Кризис усилил расслоение молодежного потребительского рынка на видимых и невидимых участников. Условно их можно разделить на *вынужденных* и *добровольных «невидимок»*. *Вынужденные* по-прежнему остаются вне зоны интереса и внимания. Это молодые квалифицированные рабочие, молодые мамы, которым приходится сидеть дома с детьми и терять квалификацию, малоресурсные и исключенные группы – сельская молодежь, дети из семей с мигрантской историей, молодежь *трижды НЕ*: НЕ работающая, НЕ учащаяся и НЕ включенная в социальные программы. Среди *добровольных невидимок*, – их в результате кризиса стало заметно больше – геймеры и сетеманы, участники домашних тусовок (домашние вечеринки стали преобладать над посещением кафе, баров и клубов), аудитории домашних кино- и видеопросмотров, а также квартирников, популярность которых возросла с кризисом.

Мы назвали поколение «Р» поколением «адекватных» (Я+). В нем соединяются: самоуверенность и эгоизм, нежелание ничего делать – и конкретные прагматичные цели¹. Этот образ фиксирует эрозию монополии на символы и одежды (субкультурный беспредел, расширение буферных зон между андеграундом и попсой), эксплуатацию родительской вины и участия (две отдельные кассы семейной бухгалтерии), стремление к творчеству (эстетизация, театрализация повседневности), *размытый* патриотизм (от стихийного, обиженного – через прагматический, выгодный – до гордо пафосного, а также лояльность к власти, граничащая со стебом) и гражданскую апатию. Адекватные могут быть гражданскими активистами и геймерами, сетевиками и «диванными» фанатами, «продвинутыми ботаниками» и стритрейджерами. Ключевой стержень поколения рубежа десятилетий: *адекватность* / «настоящность» / «быть в теме» / разделять значимые смыслы со своими (своим кругом). Это могут быть как адекватные «пацаны», так и адекватные интеллектуалы.

Одним из основных вопросов, с которыми взрослые обращаются мысленно или вживую к детям – это вопрос мотива. Особую остроту эти вопросы приобретают в ситуации расширения пространства молодежных протестов на всей территории Европы, в наибольшей степени ощутившей на себе последствия глобального кризиса. Кто должен в первую очередь ответить на эти вызовы современности, и какие отметки получают взрослые, определяющие направленность развития и владеющие правом называть молодежь поколенческими именами? Смогут ли уроки, преподнесенные молодежи, чему-то научить, и сможем ли мы все избежать радикальных последствий молодежных протестов? Молодежь поколения «адекватных Я+» явочным порядком отстаивает свое право на *настоящее* (правду, искренность, доверие) и *удовольствие* (свое и понимаемое в контексте *своих*). Российская молодежь рубежа десятилетий отказывается учиться двоемыслию, она хочет перемен и правды.

¹ Наиболее привлекательным работодателем, согласно исследованиям, в современной России является Газпром, зарплаты служащих в котором остаются самыми высокими; получение работы в этой газовой монополии считается высшим карьерным достижением.

Список литературы

1. Ариф Э.М. «Хватит покупать! Всего и так навалом!»: Пространства свободные от коммерциализации в среде российской молодежи // Бюллетень «ЭСФорум». – М., 2011. – Т. 22, № 1. – С. 5–9.
2. Магун В., Энгватов М. Межпоколенная динамика жизненных притязаний молодежи и стратегий их ресурсного обеспечения: 1985–2001 гг. // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю.А. Левада, Т. Шанин. – М.: НЛЮ, 2005. – С. 261–327.
3. Нормальная молодежь: Пиво, тусовка, наркотики / Под ред. Е.Л. Омельченко. – Ульяновск: Изд-во УлГУ, 2005. – 314 с.
4. Омельченко Е.Л. Идентичности и культурные практики российской молодежи на грани XX–XXI вв.: Дисс. ... д-ра социол. наук / Ин-т социологии РАН. – М., 2005. – 366 с.
5. Омельченко Е.Л. Поколение ТЕХТ: Новые имена молодежной культуры // Рекламные идеи. – СПб, 2008. – № 2. – С. 106–111.
6. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. – М.: Наука, 2001. – 230 с.
7. Bennett A. Subcultures or neo-tribes? Rethinking the relationship between youth, style and musical taste // *Sociology*. – L., 1999. – Vol. 33, N 3. – P. 599–617.
8. Bourdieu P. Language and symbolic power. – Cambridge (MA): Harvard univ. press, 1991. – ix, 302 p.
9. Cohen Ph. Rethinking the youth question: Education, labour and cultural studies. – L.: Macmillan, 1997. – 414 p.
10. Edmunds J., Turner B.S. Generations, culture and society. – Buckingham; Philadelphia (PA): Open univ. press, 2002. – x, 141 p.
11. Mannheim K. The problem of generations // Mannheim K. *Essays on the sociology of knowledge*. – N.Y.: Oxford univ. press, 1952. – P. 276–322.
12. Muggleton B. Inside subculture: The postmodern meaning of style. – Oxford: Berg, 2002. – viii, 198 p.
13. Pilkington H., Jonson R. Periphery youth relations of identity and power in global / local context // *European j. of cultural studies*. – L., 2003. – Vol. 6, N 3. – P. 259–285.

А.М. Дружинин

ПРОТЕСТНЫЕ СООБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОМ РУНЕТЕ

В конце 2010 г. сначала журналисты, а затем и социологи заговорили о новом виде социального протеста и социального действия – киберреволюции. В этом хлестком определении схвачены две стороны сложного и многомерного явления: информационные потоки в Сети и их влияние на действия людей в периоды острых политических коллизий. Летом 2011 г. организаторы уличных беспорядков в Лондоне широко использовали Facebook, Twitter, а также систему мгновенного обмена сообщениями смартфона Blackberry как для призывов к погромам, так и для координации своих действий. Кстати, отслеживавшие социальные сети стражи порядка сумели предотвратить ряд хулиганских нападений. А еще раньше подобный обмен информацией между протестующими был опробован в ходе уличных акций в 2009 г. в Молдове и в Иране. Социальные сети и их мобильные приложения называли едва ли не основным оружием манифестантов во время «арабской весны», последствием которой стала смена политических режимов в Египте, Тунисе и Ливии. Позднее, извлекая уроки из всех этих событий, премьер-министр Великобритании Д. Камерон заявил о необходимости контроля над социальными сетями. Лидеры государств зачастую воспринимают информационные потоки Сети как вполне реальную угрозу политической стабильности. Поэтому актуальность изучения протестных сообществ в сети не вызывает никаких сомнений.

В настоящей статье будет дана характеристика элементов и взаимосвязей, в ряду которых появляются, исчезают и функционируют современные протестные онлайн-сообщества. Причем в качестве основных элементов предлагается рассматривать коллек-

тивные субъекты, объединенные в сообщества, индивидов, против которых протест направлен, и так называемые забытые группы, энергия которых используется протестными сообществами. «Забытые группы» – это такие общности людей, интересы которых остаются неучтенными, как вследствие нарушенных форм обратной связи, так и их неспособности лоббировать определенные идеи вне рамок сетевой коммуникации.

Далеко не всегда виртуальные протестные сообщества реализуют деструктивные задачи, как это было в случаях с организацией уличных беспорядков. Многие протестные онлайн-ресурсы создаются как вспомогательный инструмент по защите гражданских прав и свобод, а также для реализации конкретных планов их создателей и организаторов. Характерным примером являются виртуальные сообщества, в центре внимания которых находятся строительные конфликты. В основном эти сообщества состоят из индивидов, называющих себя обманутыми дольщиками (соинвесторами). Эти люди группируются в основном по территориальному признаку, имеют общие интересы и характеризуются схожими мировоззренческими позициями. С другой стороны, в противовес некоторым властным инициативам возникают сообщества с едва уловимыми межсубъектными связями, но при этом способные на скоординированный протест.

Важную роль в моделировании протестных сообществ играет метод когнитивного картирования, поскольку исследуемые сообщества относятся к числу сложных нелинейных динамических систем. Эти сообщества находятся в сложных взаимоотношениях с другими онлайн-сообществами; кроме того, они нередко замещают и / или дублируют различные социальные роли и функции других систем.

Социоинформационное пространство протеста

Приступая к изучению протестных сообществ, необходимо понимать, что их появление становится возможным не только вследствие взаимодействия специфических коллективных и индивидуальных субъектов. Протестные онлайн-сообщества возникают на фоне целого ряда сложнейших социальных процессов и явлений. Состав и условия их существования представлены на схеме 1. Они включают в себя:

- 1) субъектов:
 - лиц, принимающих решения;

- протестные онлайн-сообщества;
 - забытые группы.
- 2) социальные явления:
- нарушение или отсутствие обратных связей;
 - формирование социальных подсистем;
 - манипулятивные коммуникации.

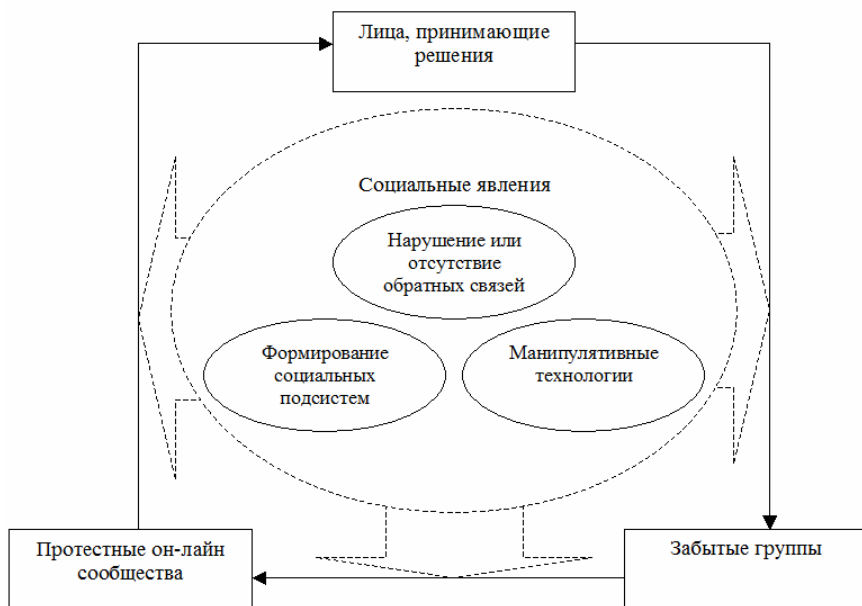

Схема 1

Специфика протестных сообществ состоит в том, что все без исключения факторы, определяющие их свойства и направленность, являются переменными, существующими в разных плоскостях современных социальных практик. Поэтому объем и содержание представленных понятий требуют дополнительного пояснения.

Лица, принимающие решения. Как известно, это понятие широко используется в контексте теории управления и теории принятия решений [6]. В рамках изучения протестных сообществ выделение этой группы акторов занимает одну из ключевых позиций, так как зачастую протест – это ответная реакция на то или иное управленческое действие. Важно понимать, что ошибочное или злонамеренное решение актора, наделенного соответствующими полномочиями, может приводить в конечном итоге к воз-

никновению протестных онлайн-сообществ при наличии в этих сообществах субъектов, способных к организационным действиям.

Забытые группы. Это понятие ввел Мансур Олсон. «Забытые группы» – это большие или латентные группы, которые не способны действовать в своих интересах, поскольку не обладают достаточным лоббистским ресурсом. На основе изучения западного общества Олсон приходит к выводу, что «забытые группы не могут организовать, если единственной причиной к организованному действию является превышение выгод над издержками в случае успеха» [4, с. 155]. Таким группам исследователь противопоставляет группы малые, которые способны предложить участникам социальных действий индивидуальные стимулы.

В условиях современного информационного общества у «забытых групп» впервые появился достаточно эффективный инструмент противодействия одностороннему давлению со стороны властных элит. Блогосфера и виртуальные экспертные сообщества теперь способны осуществлять ответные протестные коммуникации, позволяющие снизить персональный риск субъектов, критикующих предлагаемые решения.

Отсутствие (искажение) обратных связей. Так называемые каналы обратной связи в теории менеджмента считаются обязательным условием эффективного решения. Понимание ситуации, лежащее в основе верного решения, формируется благодаря столкновению различных мнений. Согласно П. Друкеру, соблюдение этого принципа является обязательным условием современной управленческой деятельности [3]. Более того, эффективное решение не вытекает из согласованности по фактам и не сводится к его легитимности. Поэтому нередко именно легитимное решение при отсутствии обратной связи в процессе принятия общезначимых решений без учета интересов «забытых групп» и приводит к формированию протестных сообществ.

Манипулятивные коммуникации. Глобальная иерархия, возникающая в результате дифференциации общества на управляющих и управляемых, создает возможность для образованного меньшинства манипулировать большинством, осуществлять свой властный произвол. Одна из черт манипуляции – активное внедрение в сферу нормативных правил социального взаимодействия. Самый тонкий произвол – это произвол, осуществляемый посредством законов и правил, регулирующих жизнь индивида. Манипуляции свойственно ассимилировать многие общественные явления: нормотворчество, законодательный процесс, информа-

ционную свободу, что позволяет говорить о существовании особой формы деструктивной коммуникации – манипулятивной управленческой технологии как одного из принципов общественного устройства.

Манипулятивные знания – это уникальный рациональный дискурс, лежащий в основе осуществления обманных деструктивных коммуникаций. Данный тип дискурса появляется в результате умышленной подмены силы закона властным произволом. Само манипулятивное знание является логически аргументированным знанием, которым обосновано право лишь некоторых субъектов на манипулятивный произвол. Для эффективной борьбы с иными властными притязаниями манипулятивный произвол стремится принять форму нормативных, а иногда и законодательных актов, стать безальтернативной, трансцендентной силой по отношению к каждому индивиду. Снижение риска попасть под воздействие субъекта-манипулятора становится возможным благодаря использованию методов принятия решений, основанных на методологии критического мышления.

Формирование новых социальных подсистем является целью протестных сообществ, которые, подозревая лиц, принимающих решения, в манипулятивных действиях, стремятся противопоставить власти новые структуры, называя их «комитетами», «институтами гражданского общества» и т.д. Такого рода новые социальные подсистемы, согласно Т. Парсонсу, порождают, сохраняют и транслируют свои нормы поведения, вырабатывают формы адаптации к внешней среде, обладают специфическими формами координации и интеграции и служат достижению поставленных целей [5]. При этом нельзя забывать, что протестным системам приходится конкурировать с традиционными формами социальной организации, обладающими теми же функциями.

Необходимо отметить, что протестные онлайн-сообщества возникают и взаимодействуют в условиях, характеризующихся наличием разнонаправленных векторов развития сети и борьбой за открытость информационного общества. Предмет такой борьбы – свобода распространения информации, когда различные, порой разрозненные группы стремятся к минимизации ограничений на передачу любых данных любому пользователю. В то же время различные субъекты власти в попытках упорядочить информационные потоки устанавливают правила, по которым преследуются авторы отдельных сообщений, например экстремистского или аморального характера.

Необходимо также отметить, что наиболее обобщенными критериями оценки тех или иных фактов интернет-общения группы индивидов является представление о созидательных и деструктивных коммуникациях. Суть этой оппозиции заключается в дифференциации всего массива интересубъективного взаимодействия пользователей Интернета в зависимости от целей инициатора этого взаимодействия [2].

Репрезентация строительных конфликтов в виртуальных сообществах

Исследование различных феноменов виртуального пространства проводилось, в частности, в рамках анализа так называемых строительных конфликтов. Последние относятся к числу городских конфликтов, особенностью которых является противостояние интересов (потребностей, целей, мотивов и т.п.) жителей города и городских властей, воплощающих проекты изменения урбанистической среды, а также реализующих эти проекты коммерческих структур. Позиция автора сводится к гипотезе, что к социальным конфликтам (и шире – протестам) в строительной сфере приводят ошибочные или непродуманные решения субъектов власти, в компетенцию которых входит определение места застройки, специфики реконструкции того или иного здания, прокладки коммуникаций.

Современная городская культура порой устанавливает непреодолимую дистанцию между индивидами. Проблема одиночества и незащитности перед экономическими и социально-психологическими угрозами играет существенную роль в интерпретациях социальных процессов в мегаполисах. Осознание одиночества стимулирует возникновение и укрепление социальных связей в формах групп солидарности и партнерства, а также территориальных сообществ. Распространение и освоение информационных технологий способствует трансформации этих образований в сетевые (виртуальные) сообщества.

Конкретные коммуникативные практики, сфокусированные на градостроительных конфликтах, нередко имеют черты одновременно нескольких типов сообществ. Однако основная их характеристика – общие взгляды, настроения и пристрастия индивидов, входящих в эти виртуальные сообщества [8]. Поэтому изучение интернет-контента при исследовании градостроительных конфликтов представляется важнейшим элементом в уточнении

типового портрета участника конфликта и формировании рекомендаций по специфике взаимодействия с ним.

Основным массивом «жизненного материала» строительных конфликтов являются интересы так называемых обманутых дольщиков или соинвесторов, пытающихся защитить свои права на оплаченное жилье. Эти люди четко осознают, что единственный путь к успеху – четкая и целенаправленная координация их усилий при взаимодействии с застройщиками, органами власти, СМИ, общественностью и прочими структурами, от которых зависит решение их проблем. Современные способы и средства коммуникации позволяют наладить подобное взаимодействие наиболее эффективно и оперативно.

Широкие возможности для взаимной коммуникации и планирования совместных действий дают участникам строительных конфликтов социальные сети. Один из самых популярных ресурсов – livejournal.com – обеспечивает круглосуточный доступ зарегистрированных и, что самое важное, сторонних пользователей к информации о предмете строительного конфликта. Нередко пользователи сети объединяются по географическому принципу. Так, например, пользователь [netkvartir](http://netkvartir.ru) ведет дневник под названием «Обманутые дольщики Лобни». В основном в этих сообщениях речь идет о замороженной стройке по адресу: г. Лобня, ул. Окружная, д. 13 (застройщик – «Коммунстройресурс»): спорный дом начали строить в 2004 г., на сегодняшний день компания-застройщик является банкротом, и несколько сотен соинвесторов остались без жилья. В этом блоге все заинтересованные лица получают оперативную информацию о ходе переговоров с властями города, сведения о судебных разбирательствах и т.д.

Удачный пример специально созданного ресурса – портал «Южное Тушино: Рабочая группа по застройке 11 мкр.»¹. С 2009 по сентябрь 2011 г. на нем зарегистрировались 559 человек, которые оставили на портале 4883 сообщений и создали 188 тем. Сайт располагает иллюстративным материалом, обилием ссылок на тематические статьи на других площадках Интернета.

Группа дольщиков, обманутых СК «Вант» из Ростовской области, координирует все свои действия при помощи сайта «Вант и его обманутые дольщики»². Создатели сайта уже на первой странице декларируют: «Наша цель – это собрать воедино всех обма-

¹ <http://www.utushino.ru>

² <http://geradro.narod.ru>

нутых дольщиков и сообща потребовать от “Ванта” наших квартир, а от региональных властей – помощи в скорейшем строительстве наших домов».

Инициативные группы обманутых соинвесторов и дольщиков с удовольствием используют бесплатные ресурсы сервиса «Народ.Ру». Подобные сервисы позволяют экономить ресурсы на хостинге и обеспечить так называемую «кликабельность» (посещаемость) своего ресурса, а значит, и широкое распространение информации о проблемах создателей ресурсов. Эти ресурсы обычно плохо оформлены, редко имеют удобный интерфейс. Однако судя по количеству комментариев и посетителей, такие разрозненные виртуальные площадки справляются со своими задачами не хуже дорогостоящих интернет-проектов.

Проблемы обманутых дольщиков зачастую воспринимаются пользователями сети как частное проявление коррупционных процессов в государстве в целом. Вот, например, типичный комментарий на сообщение об очередном митинге обманутых соинвесторов¹ (орфография и пунктуация сохранены): «А зачем мне ехать на север здоровье терять? Вон, не напрягаясь, обую пару лохов, меня и по телику покажут и пацан я крутой и весь в Чеколаде. Если чиновник имеет столько, что его ЗП за 100 лет не хватит это прикупить, а он за 3 года гос. службы упаковался. Значит государству это выгодно. Его можно держать на веревочке и грозить, будешь гавкать – посажу».

Тоска по «твердой руке» и утраченным ценностям советского прошлого очень часто формируют критерии оценки строительного конфликта, создают культурный, символический и социальный контекст в интернет-дискуссиях, касающихся проблем строительных конфликтов.

Репрезентации строительных конфликтов в сети обычно сопровождаются протестными высказываниями в отношении действующей государственной власти. Так, например, на сайте «ЖКХ – есть вопросы?» посетитель ресурса под псевдонимом «Управдом» пишет: «Мне кажется, для сегодняшней власти важнее иметь в министерствах и ведомствах не хороших специалистов, а надежных и лояльных подхалимов. Во всех сферах деятельности. Но в некоторых сферах деятельности такая формула просто недопусти-

¹ Обманутые дольщики Подмосковья требуют отставки Громова. – Режим доступа: <http://forum-msk.org/material/news/479286.html>

ма, поскольку очень опасна. (Космос, авиастроение, строительство, машиностроение, наука, электроника, и ЖКХ)»¹.

В то же время существуют и профессионально оформленные сайты, которые, на первый взгляд, должны отражать весь спектр мнений по поводу строительных конфликтов. Однако при детальном анализе оказывается, что они создают лишь иллюзию активного участия в обсуждении строительных конфликтов связанных с обманом соинвесторов. Например, поисковые системы в топ-категории выдают ссылку на сайт «Дольщики, долевое строительство, соинвесторы, вкладчики»². Обладая довольно низкой информативностью, ресурс, по всей видимости, служит задачам скрытого продвижения ряда строительных компаний. В черном списке представлены следующие компании: Чесма-инвест, РСУ «Фрунзенское», Копстройсервис, Жилстройинвест, ЗАО «РМК-строй». Но рядом существует и раздел «Застройщики» с перечнем организаций, которым, по всей видимости, есть смысл доверять. Упомянуты такие фирмы, как Группа Компаний «Прок», ООО «Компания “Град-Инвест”», ЗАО «ИВИ-93» и проч. Необходимо обратить внимание на то, что грехи организаций из «черного списка» не расшифрованы, зато все контактные данные «чистых» застройщиков приведены с максимальной точностью. Особенности контента этого ресурса позволяют предположить, что истинная задача портала – всего лишь скрытая реклама застройщиков, способных профинансировать размещение рекламы на данном ресурсе.

Первым в списке по Московскому региону поисковая система «Яндекс» выдает сайт некой общественной организации «Комитет помощи: Жилье. Земля. Люди»³. На первый взгляд, данный ресурс отличается переизбытком данных. Однако при внимательном просмотре оказывается, что большая часть информационных блоков – всего лишь перепечатки. Обилие «спамерских» тем на форуме ресурса, не относящихся к проблемам обманутых дольщиков, и минимальное количество специальных дискуссий показывают, что сообщества как такового в пространстве этого сайта не сложилось. Но судя по контактным телефонам и готовности сотрудников этой общественной организации представлять интересы дольщиков в судах, можно сделать вывод о том, что

¹ <http://19z5.zapd.co>

² <http://www.dolstroy.spb.ru>

³ <http://www.help.su>

само движение было создано профессиональными юристами или адвокатами для привлечения клиентов.

Два последних примера имеет смысл отнести к манипулятивным приемам продвижения в сети интересов субъектов, которые скрывают свои истинные цели, прикрываясь декларациями о защите прав обманутых соинвесторов. Очевидно, что ресурс «Дольщики, долевое строительство, соинвесторы, вкладчики», вероятнее всего, озабочен продажей рекламного пространства на своем портале. А сайт, принадлежащий «Комитету помощи: Жилье. Земля. Люди», используется для продвижения юридических услуг специалистов, ориентированных на предоставление платных консультаций. В обоих случаях задачи владельцев сайтов не заявлены напрямую. Подобные ресурсы практически не способны дать сколь-нибудь полезную информацию для исследователя градостроительных конфликтов.

Таким образом, последовательный контент-анализ результатов деятельности виртуальных сообществ, объединяющих вокруг проблем обманутых дольщиков, позволяет выделить ряд особенностей индивидов, участвующих в градостроительных конфликтах. Чаще всего подобные сообщества выступают носителями протестных настроений, а многие их участники испытывают сильную ностальгию по советскому прошлому. Многие из них демонстрируют завидную информированность в области законодательства.

Необходимо учитывать, что весь массив сетевых сообществ, отражающих интересы граждан, считающих себя пострадавшей стороной в градостроительных конфликтах, составляет значительную часть «забытых групп», которые в эпоху информационной революции уже не «страдают молча». И хотя они, как и в «доинформационную» эпоху, не имеют собственного лобби во властных структурах, информационные технологии дают им возможность объединяться в сообщества при минимальных финансовых, психологических и моральных затратах.

Роль протестных онлайн-сообществ в дискуссии о модернизации системы образования

Процесс принятия решений в области модернизации системы среднего и высшего образования следует рассматривать как сложный и противоречивый коммуникативный процесс, в котором формируется система обратных связей, способная оказывать мас-

сированное сопротивление государственным инициативам по реформированию системы подготовки и воспитания профессиональных кадров.

Один из последних примеров конфликта в данной области стало широкое обсуждение Проекта Федерального государственного общеобразовательного стандарта от 16 ноября 2010 г. Общественную критику вызвала дифференциация школьных предметов на «обязательные» и предметы «по выбору». Последние, согласно Проекту, относятся к шести образовательным областям, в рамках которых рассматриваются дисциплины, ранее привычно воспринимавшиеся людьми как основные. Вскоре текст документа получил резко отрицательные оценки журналистов, общественных деятелей и блогеров, среди которых встречаются и индивиды с радикальными взглядами.

Содержательный анализ доступного пользователям Интернета массива протестных сообщений показывает, что многие участники сетевых дискуссий рассматривают реформу российского образования как серьезную угрозу для подрастающего поколения. Реформа в этих сообщениях представляется в качестве процесса, который окажет разрушающее воздействие на социальные организации и структуры, трансформирует их элементы и в конечном счете нарушит их функционирование.

Наиболее емко весь комплекс подобных угроз изложен в опубликованной в Интернете Резолюции заседания Московского математического общества от 08.02.2011, на котором обсуждался проект Федерального государственного образовательного стандарта общего образования. Документ подписан академиком РАН В.А. Васильевым. Математики предупреждают, что предлагаемая в «Стандарте» для старших классов новая структура учебного плана разрушает традицию отечественной школы. Авторы резолюции предрекают резкое снижение уровня общей культуры, фактическое исчезновение многих предметов. В резюме документа содержится наиболее жесткая характеристика: «Этот план производит общее впечатление плана подготовки рабов, обслуживающих сырьевой придаток господствующих хозяев: этих рабов учат разве что основам языка хозяев, чтобы они могли понимать приказы» [1]. По сути дела, математики подозревают авторов образовательных реформ в манипулятивных амбициях. Предложенная ими альтернатива отличается выверенной логической системой аргументации в защиту традиционной системы образования.

Необходимо отметить, что большинство критиков предложенной реформы – индивиды, не объединенные в группы давления или лоббирования, и как правило, не имеющие прямого выхода на лиц, принимающих решения. Этих людей объединяет одно – обеспокоенность судьбой российской системы образования.

Тем не менее совокупный массив подобных выступлений довольно сложно оставить без внимания. Результатом системной, но несоординированной критики научным и педагогическим сообществом предложенных решений стали существенные редакционные изменения Проекта от 15 февраля 2011 г. По всей видимости, виртуальные протестные коммуникации профессионалов еще не раз окажут ощутимое влияние на модернизационные процессы в системе образования.

Таким образом, социо-информационное пространство протестных онлайн-сообществ характеризуется сложной ситуационной взаимосвязью внешних факторов и условий, способствующих выражению протестных настроений, выработке целей по преобразованию социальной действительности, адаптации субъектов протеста к неблагоприятным внешним условиям, трансляции поведенческих стандартов и координации действий. Вместе с тем как вовне, так и внутри протестных сообществ могут возникать манипулятивные коммуникации, искажающие смысл и предназначение каналов обратной связи. Протестные онлайн-сообщества презентуют в Сети собственную понятийную структуру, которая может быть раскрыта в результате применения когнитивного подхода.

Список литературы и источников

1. Васильев В.А. Резолюция заседания Московского математического общества по стандарту старшей школы. – Режим доступа: http://www.polit.ru/article/2011/02/14/mmo_resolution_080211
2. Дружинин А.М. Коммуникации: созидательные и деструктивные // Труды Института системного анализа РАН. – М.: УРСС, 2010. – Т. 55: Информатика сообществ: Системный анализ и инструменты / Под ред. В.И. Тищенко. – С. 172–183.
3. Друкер П. Эффективный управляющий. – М.: Корт, 1994. – 235 с.
4. Олсон М. Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп. – М.: ФЭИ, 1995. – 165 с.
5. Парсонс Т. Система современных обществ. – М.: Аспект-Пресс, 1997. – 270 с.

6. Сорина Г.В. Принятие решений как интеллектуальная деятельность. – М.: Гардарики, 2005. – 253 с.
7. старушка Ларина = starushkalarina. Открытое письмо // Livejournal. – 2011.01.28. – Режим доступа: <http://starushkalarina.livejournal.com/60329.html>
8. Тищенко В.И. Виртуальные сообщества в Рунете: Парадигма развития // Информатика сообществ и формирование сетей. Перспективы. Подходы. Инструменты. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – Ч. 2: Современное состояние и параллели развития в СНГ. – С. 140–171.
9. Токарева Е. Из всех искусств для нас важнейшим является образование. – Режим доступа: <http://www.stringer.ru/publication.mhtml?part=46&pubid=15586>

О.А. Усачева

ИНТЕРНЕТ КАК НОВАЯ ПЛОЩАДКА ДЛЯ ГРАЖДАНСКОЙ САМООРГАНИЗАЦИИ

Постановка проблемы

Сегодня социальная активность людей в самых разных сферах все более перемещается в виртуальное пространство, функционирующее с помощью современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Интернет стал необходимой площадкой для гражданской самоорганизации как в России, так и в странах Запада. В последнее десятилетие ИКТ активно используются общественными объединениями для мобилизации финансовых и человеческих ресурсов, создания коалиций, информирования населения, воздействия на политические институты и организации, для организации массовых кампаний в защиту природы. Ярким примером интернет-мобилизации в России стала массовая гражданская самоорганизация для борьбы с лесными пожарами и оказания помощи погорельцам летом 2010 г.

Тогда на территории 22 регионов РФ сильнейшие лесные пожары частично или полностью уничтожили около 150 населенных пунктов, погибло более 50 человек, был нанесен серьезный урон не менее чем 60 федеральным заповедникам и национальным паркам [2]. Примерно с середины лета началась мобилизация граждан «снизу» для противостояния стихии и помощи пострадавшим. Люди объединялись в виртуальные сообщества, обсуждая ситуацию в эпицентрах катастрофы, возможные варианты помощи пострадавшим, создание групп экстренного реагирования, а потом переносили свои виртуальные контакты в реальность, создавая группы для быстрой и адресной реализации обсужденных в сети планов. Чаще всего такие группы формировались вокруг какого-то

одного лидера – например, владельца личного блога, модератора форума на местном сайте – или же активистов экологических НКО, а позже создавались более многочисленные и разветвленные сети, внутри которых происходил рекрутинг добровольцев, поиск и сбор ресурсов, распространение информации и координация действий.

Методы исследования

В процессе выбора методики данного исследования были проанализированы работы западных и российских исследователей о структурно-функциональной и инструментальной динамике общественных движений, связанной с глобализацией, развитием ИКТ и активной сетевизацией [например: 4; 8; 9; 14; 15 и др.]. Опираясь на результаты обзора литературы, были выбраны следующие общесоциологические эмпирические методы: интервью с включенными в ситуацию акторами, контент-анализ прессы и интернет-сайтов. В ходе исследования был проведен ряд полуструктурированных интервью с сотрудниками экологических НКО, жителями, пострадавшими от пожаров летом 2010 г., представителями системы здравоохранения, лесного хозяйства, Министерства экологии и природных ресурсов РФ, обработан массив сообщений СМИ, проведен контент-анализ сайтов экологических НКО и блогов, посвященных экстренному реагированию на названные выше случаи конфликтов и катастроф, а также интернет-журналов и форумов (Лесной форум Гринпис России, форумы п. Белоомут Московской области и г. Выкса Нижегородской области и др.).

Сети гражданского общества

Много внимания процессу сетевого структурирования уделяют исследователи гражданского общества [8; 16; 14]. Гражданские сети они определяют как «относительно стабильные и длительные взаимоотношения, позволяющие мобилизовать и свести воедино рассеянные ресурсы с тем, чтобы организовать коллективные (или параллельные) действия, направленные на достижение общей цели...» [13, с. 36]. Организационно, их следует понимать как систему связей соучастия и взаимного членства между организациями, формально независимыми от государства, а также отдельными индивидами, действующими в пользу коллективных и

общественных интересов [9]. Подобные сети имеют несколько основных характеристик: 1) независимость членов; 2) множественность лидеров (в форме сетевых узлов); 3) наличие объединяющей цели; 4) добровольность связей; 5) множественность уровней взаимодействия [5]. Сети можно рассматривать не только как структуру, но и как источник основного ресурса гражданского общества – социального капитала, вырабатываемого внутри них. А основой отношений между членами сети являются взаимное доверие и ответственность.

Исследуя гражданские сети, итальянский социолог М. Диани и его коллеги [9; 10] отмечают, что связи между различными секторами гражданского общества могут принимать иерархическую (формальную), централизованную, или более горизонтальную (неформальную), полицентрическую форму. Иерархичная структура характеризуется наличием одного или нескольких центральных (индивидуальных или коллективных) акторов, связанных с множеством периферийных, изолированных друг от друга акторов. Установки и поведение центральных акторов (лидеров) внутри подобной структуры могут сильно влиять на результат коллективных усилий, повышая тем самым возможность масштабной мобилизации, что является безусловным плюсом. Но данная структура сетей подвержена влиянию внешних факторов: если удалить из них центральных акторов, которые в основном и обеспечивают связь, целостность сети разрушится. В полицентрической структуре, наоборот, наблюдается множество кластеров – взаимосвязанных центров, между которыми происходит интенсивный обмен, но мобилизация малого числа акторов не обязательно инициирует масштабные коллективные действия. Мобилизационный процесс в данном случае зависит от того, насколько распространено согласие между акторами, микровзаимодействия здесь основываются на взаимозависимости.

М. Грановеттер выделил два типа связей – сильные и слабые [12]. Сильные связи составляют основу солидарности и доверия внутри основной группы, дают ощущение защищенности в ситуации быстрых изменений и неопределенности, а слабые складываются между группами, способствуя циркуляции информации и ресурсов. По аналогии с предложенными М. Грановеттером типами связей, М. Диани выделяет два типа отношений между гражданскими акторами: транзакции и общественные соглашения. Данные типы отношений служат для достижения разных целей. Транзакции, или инструментальные связи, – это *слабые связи* в

форме альянсов, включающие преимущественно обмен информацией и ресурсами, которые необходимы для достижения некоторой, возможно, временной, коллективной цели. Общественные соглашения – *сильные связи*, основывающиеся на коллективной идентичности. Они отличаются более глубокими, лежащими в их основе мотивами, например созданием общего ресурсного фонда (если говорить о деятельности коллективных акторов) или наличием общих лидеров. В гражданских сетях нельзя вычленить однозначно только один из названных типов отношений – как правило, они переплетаются между собой, тем самым упрочняя структуру связей и делая ее более эффективной.

В последние годы процессу наращивания сетевых связей внутри гражданского общества все сильнее способствует развитие ИКТ. Именно ИКТ являются основным инструментом массовой мобилизации гражданских сетей в последние годы, и Интернет постепенно становится той публичной площадкой, на которой происходит объединение, рекрутирование сторонников, информирование, координация деятельности активистов, поиск ресурсов [3; 15].

В 2010 г. в России в связи с экологическими вызовами (загрязнение озера Байкал отходами производства Байкальского целлюлозно-бумажного комбината, лесные пожары, лишившие крова тысячи людей, а также вырубка Химкинского леса и строительство курортных объектов на территории Утришского заповедника) в стране снова возросла гражданская активность, и массовая мобилизация членов и сторонников общественных организаций обеспечивалась как раз за счет использования ИКТ.

Сетевая гражданская мобилизация в условиях экологической катастрофы

Пожары 2010 г. «вызвали беспрецедентную для современной России волну гражданской активности..., со столь массовой, независимой от государства, добровольной, благотворительной, гуманитарной деятельностью граждан Россия еще не сталкивалась» [1]. Сравнивая масштабы мобилизации, О.Н. Яницкий пишет, что российское общество «вернулось» в годы перестройки [6], но теперь «поднялись» не только убежденные демократы, эоактивисты, «закоренелые общественники», но и те, кто обычно не участвует в коллективных действиях. Люди включались в спасательные операции и оказывали благотворительную помощь независимо от их

социального статуса, места жительства, принадлежности к формальным организациям. Многие из «новичков-активистов» оказались активными пользователями Интернета – блогерами, участниками различных виртуальных сообществ, обладателями аккаунтов в социальных сетях. Произошло очевидное расширение традиционного состава активистов, добровольцев и благотворителей. Среди них были те, кто непосредственно участвовал в тушении пожаров и ликвидации их последствий (часть этих людей продолжила аналогичную деятельность и в 2011 г.), и те, кто распространял информацию, собирал денежные и вещевые пожертвования, проводил координацию действий. Среди последних наиболее активными оказались блогеры, на время перепрофилировавшие свои интернет-дневники (doctor_Liza, i_chersky, annabaskakova, gua_puip и др.), модераторы сайтов (например, форум на сайте г. Выкса в Нижегородской области «Виртуальная Выкса» и Лесной форум Гринпис России) и интернет-сообществ (pozar_ru, gr_russia и др.), лидеры экоНКО (Гринпис, «Дронт», «Точка Роста», Дружина охраны природы МГУ и др.). Кроме того, была выявлена большая группа людей, которых можно определить скорее как жертвователей, а не добровольцев. Узнав о масштабах катастрофы, население (жители крупных городов), которое непосредственно не было затронуто пожарами, живо отреагировало, начав собирать гуманитарную помощь и денежные пожертвования для оказания помощи пострадавшим. Это был *«достаточно активный поток. Народ-то действительно неравнодушен»* (из интервью с А.А. Каюмовым, лидером экоцентра «Дронт»).

Люди мобилизовались на двух площадках. Во-первых, в самих поселениях происходила координация местных сообществ для борьбы со стихией, включая помощь пострадавшим непосредственно на территориях выгоревших деревень и поселков (сюда же можно отнести информационные площадки, которые организовывали общественные организации в городах). Местные администрации не всегда оперативно реагировали на сигналы лесников и простых граждан об опасности – возникновении новых очагов пожаров. Вполне объяснимо, что и многие неподготовленные местные жители, находясь в состоянии паники, не могли отставать свои дома и постройки.

Тушение лесных пожаров формально находится вне полномочий МЧС (*«МЧСники в лес вообще не ездили, они все стояли только у населенных пунктов. В лесу тушили только одни лесники»*) (из интервью с А.В. Андреевым, охотоведом в п. Белоомут

Московской области)), и поэтому вся ответственность ложилась на плечи небольшого количества оставшихся у дел после реализации реформы лесного хозяйства лесников и других представителей лесных служб, которые без помощи добровольцев физически не могли бы справиться со стихией, тем более, что помимо отсутствия необходимого количества лесных работников, во многих лесничествах отсутствовала и необходимая техника. Справляться приходилось малыми силами. Так, близ поселка Белоомут тушением пожаров занимались восемь лесников, не имеющих специальной техники, охотовед, который привлек к этому охотников, мобилизовав свой, накопленный годами социальный капитал: *«У меня инициатива была чисто самостоятельная... охотники как всегда отзываются на мои просьбы»* (из интервью с А.В. Андреевым, охотоведом в п. Белоомут).

В период катастрофы стала проявляться интересная тенденция: добровольцы, объединившиеся для тушения пожаров в разных областях страны, почувствовали свою значимость и силу, поняли, что их действия приносят реальную пользу и от них многое зависит. Это чувство заставляло многих людей продолжить свою добровольческую деятельность и после летних событий: *«...люди, которые активно участвовали в тушении пожаров, в этих самоорганизационных процессах, по окончании они же никуда не делись! Они продолжают рваться в бой»* (из интервью с лидером экоНКО). В самый кризисный период добровольцы, закончив тушение пожаров в одном регионе, перемещались в другой; таким образом, по словам лидера одной из экоНКО, происходила межрегиональная координация.

Во-вторых, проявился огромный потенциал виртуальной мобилизационной площадки, где объединялись добровольцы, которых стихия непосредственно не затронула (чаще всего это были жители больших городов). Огромную роль в организации помощи пострадавшим и координации деятельности групп, тушивших пожары, сыграли виртуальные сетевые неформальные сообщества, которые за период пожаров приобрели корпоративные черты – свой кодекс, правила и нормы. В первую очередь речь идет о блогосфере, которая продемонстрировала очень высокий мобилизационный потенциал. Благодаря публичным виртуальным площадкам совокупная мобилизация оказалась более массовой; здесь находились соратники для тех людей, кто в одиночку, возможно, не собрался бы участвовать в тушении пожаров или в оказании помощи пострадавшим. На этих площадках «люди впервые за долгие годы

не просто знакомились и “общались” <...>, а сорганизовались для конкретной помощи конкретным людям» [6]. Кроме того, внутри виртуальных сетей информация распространялась намного быстрее, чем в традиционных СМИ и часто отличалась от той, которую выдавали официальные источники, так как это был запрос снизу, от самих пострадавших. Официальная информация существенно занижала масштаб катастрофы и, соответственно, ее последствий, во многом из-за того, что официальная статистическая информация, на основании которой принимаются решения, основывается на данных наземных наблюдений, а тех людей, кто мог бы на местах обнаруживать очаги пожаров, убрали из леса. Гражданские группы в свою очередь пользовались разными типами информации – данными местных жителей, а также результатами космического мониторинга пожаров. Таким образом, данные, полученные государственными службами и гражданскими группами, могут различаться самым существенным образом.

Люди объединялись в виртуальные сообщества, обсуждая ситуацию в эпицентрах катастрофы, возможные варианты помощи пострадавшим, создание групп экстренного реагирования, а потом переносили свои виртуальные контакты в реальность «оффлайна», создавая другие группы для быстрой и адресной реализации обсужденных в сети планов.

Интернет стал и необходимой информационной площадкой, и ресурсом гражданских сетей. Использование информационно-коммуникационных технологий ускорило информирование и коммуникацию, дало возможность оперативно, своевременно реагировать на экстренные вызовы, обеспечило массовость участия граждан в ликвидации пожаров и реабилитации пострадавших. Как сказал в интервью лидер крупной экоНКО: *«Сетевые технологии сыграли громадную роль, и это тот инструмент, который реально ... в ближайшие годы будет основным в самоорганизации <экологического> сообщества»*. Мобильная телефония сделала работу добровольцев, сотрудников государственных служб и заповедников более оперативной и эффективной. Так, например, спасая от пожара Керженский заповедник в Нижегородской области, его сотрудники использовали исключительно мобильную связь, так они постоянно перемещались от одного очага пожара к другому: *«...работали удивительно дружно. Отчеты в некоторых заповедниках писали по 30 штук, а мы, когда начали тушить, вообще у нас никаких не было бумаг, вся связь по сотовому телефону ... днем и ночью, в любое время суток (из интервью с директором*

Керженского заповедника в Нижегородской области Е.Н. Коршуновой). Также сотрудники заповедника постоянно пользовались Интернетом для просмотра обновляемых карт пожаров.

Интернет и другие современные ИКТ оказались эффективными инструментами для координации и консолидации в отличие от традиционных СМИ – телевидения, газет, радио.

Все описанные гражданские сообщества, группы добровольцев объединялись вокруг одного или нескольких лидеров, взявших на себя ответственность координировать деятельность сторонников и обладающих некоторыми ресурсами, например блогом, который читает множество пользователей Интернета, как информационной площадкой, своим статусом модератора сайта или форума, доступной информацией, личными качествами, присущими лидеру [11], актуализированным социальным капиталом, накопленным в прошлом. Большая роль должна быть отведена актуализированным связям, в том числе личным, экологических лидеров, причем не только в своем сообществе, но и с представителями государственных служб, чиновничества и бизнеса.

Большую роль в мобилизации граждан сыграли экоНКО. В условиях катастрофы они были вынуждены отчасти переориентировать направление своей деятельности и совмещать исследовательские и другие работы с организацией помощи пострадавшим и содействию тушения пожаров в заповедниках и других природных территориях. Так, например, каждый день сотрудников нижегородской экоНКО «Дронт» начинался с проверки международной карты пожаров MODIS, открытой на период пожаров в Интернете для общего доступа. Помимо мониторинга новых очагов пожаров, экоНКО также помогали добывать материальные ресурсы: различные средства для борьбы с пожарами – от бензопил до мотопомп. Для этого лидерам организаций приходилось мобилизовать свой, накопленный за годы работы с различными структурами (общественными организациями, бизнесом, властью), социальный капитал. Они обращались за помощью к представителям власти и бизнеса, координировали деятельность добровольцев, принимая звонки и объясняя, где и какая нужна помощь.

Интересны примеры образовательной и тренинговой деятельности экоНКО. Летом 2010 г. Гринпис России, Дружина охраны природы МГУ и некоторые другие организации проводили

курсы для добровольцев по тушению пожаров¹, вывешивали на своих сайтах рекомендации по защите населенных пунктов от пожаров²; Гринпис собирал пожертвования для закупки пожарного оборудования (ранцевых огнетушителей, пожарных рукавов, переносных мотопомп и т.д.) и экипировки для добровольцев. В ходе обучения проводилось патрулирование территорий заказников (например, заказника «Журавлиная роща» в Талдомском районе Московской области). Некоторые добровольческие группы, объединившиеся для борьбы с пожарами в 2010 г. продолжили свою работу и год спустя, но уже более организовано, технически и морально подготовлено³. Однако к этому времени государство начало регламентировать деятельность добровольных пожарных дружин: вступил в силу закон о добровольной пожарной охране (ФЗ от 06.05.2011 № 100 «О добровольной пожарной охране»), который, по мнению руководителя лесной программы Гринпис России А. Ярошенко, не способствует эффективной работе добровольцев, а скорее препятствует. Тем не менее созданные дружины проводили весенние и осенние противопожарные экспедиции в разных регионах России.

На Западе, в частности в США, существует институт так называемых «общественных пожарных». Но эти люди, в отличие от российских добровольцев, проходят обучение и получают деньги за эту свою деятельность. *«Они в жизни занимаются, кто чем: кто продавец, кто в банке, кто фермер, – но они являются членами вот этой общественной пожарной дружины»* (из интервью с директором Керженского заповедника в Нижегородской области Е.Н. Кориуновой).

Ликвидация последствий катастрофы имеет дополнительный позитивный эффект, связанный с взаимодействием гражданских организаций и государственных служб. Наученные печальным

¹ Нужны добровольцы для обучения тушению пожаров. – Режим доступа: http://www.greenpeace.org/russia/ru/news/4897470/?utm_source=SilverpopMailing&utm_medium=email&utm_campaign=pozhyr_12.08.10%20%281%29&utm_content

² Рекомендации по защите сельских населенных пунктов и дач от пожаров на прилегающих природных территориях. – Режим доступа: <http://www.forestforum.ru/viewtopic.php?f=9&t=7581&start=0>

³ См., например, Окский противопожарный семинар. – Режим доступа: <http://gp-russia.livejournal.com/1445272.html#cutid1>; Добровольцы передали эстафету МЧС. – Режим доступа: http://www.greenpeace.org/russia/ru/news/blogs/forests/blog/35693/?utm_source=SilverpopMailing&utm_medium=email&utm_campaign=&utm_content

прошлогодним опытом, экоНКО и государственные структуры перед летним сезоном в 2011 г. решили проводить совместные учения волонтеров¹.

Осенью 2010 г. Гринпис и другие экоНКО проводили акции по сбору желудей (например акция «Миллион желудей»²), чтобы часть из них посадить в государственных лесных питомниках, а часть – оставить до следующей весны, и, таким образом, хоть как-то компенсировать огромные экологические потери. ЭкоНКО также развернули информационную кампанию по привлечению внимания к виновникам катастрофы 2010 г. По их мнению, одной из главных причин пожаров такого огромного масштаба стала реформа лесного хозяйства, фактически уничтожившая лесную охрану. ЭкоНКО призывали население поддержать требование экологического сообщества внести изменения в лесной кодекс. Тогда их поддержали более 40 тысяч россиян, подписавших обращение к президенту РФ Д.А. Медведеву, которое было передано ему лично.

Причиной лесных и торфяных пожаров катастрофического масштаба, по мнению общественников, стало в первую очередь прекращение профилактической работы по их предупреждению и разрушение механизмов выявления и тушения пожаров на ранних стадиях, т.е. ликвидация государственной лесной охраны. Усугублялась ситуация еще и неопределенностью статуса многих территорий и зон ответственности различных ведомств и организаций за тушение пожаров [2].

Государственные службы не всегда справлялись с тушением пожаров и оказанием помощи погорельцам, отчасти из-за нехватки кадров, отчасти из-за несоответствия полученной информации и реальной ситуации. По мнению общественной комиссии, с весны Рослесхоз, МЧС и региональные власти занижали масштабы пожаров и возможные угрозы, поэтому и адекватно отреагировать на катастрофу они не могли. Минздравсоцразвитие и региональные власти также оказались неготовыми к оказанию помощи населению: наблюдалась нехватка медицинских препаратов, масок, кислородных подушек и баллонов, в условиях задымленности в больницах из-за отсутствия кондиционеров прекращались плано-

¹ МЧС и Гринпис будут вместе учить волонтеров тушить лесные пожары. – Режим доступа: <http://eco.ria.ru/nature/20110519/376882764.html>

² «Миллион желудей» нужно посадить! – Режим доступа: <http://www.greenpeace.org/russia/ru/news/24-04-2011-acorns>

вые операции и т.д. Эти трудности послужили дополнительным стимулом гражданской мобилизации.

Летняя мобилизация 2010 г. представляла собой гражданскую активность в интересах широкого круга лиц, не связанную с идеологическими установками и не направленную на коммерческую или иную выгоду, т.е. главным мотивом участия был альтруизм. По мнению исследователей Пермской гражданской палаты, были и другие причины участия, например наработка авторитета или социального капитала и даже азарт, так как для некоторых «бойцов» добровольческих команд участие в тушении пожаров было своего рода аналогом экстремального туризма [1]. Во многом отдельных активистов стимулировали к действию неудачные попытки властей справиться со стихией и ее последствиями на местах или даже замалчивание масштаба данной катастрофы. Работу государственной машины, не сумевшей быстро и эффективно отреагировать на катастрофу, на каком-то этапе начала выполнять другая система – эмерджентно самоорганизовавшиеся граждане, которые, казалось, были встроены в эту машину, но на деле оказались совершенно самостоятельными и независимыми. Роль добровольцев в тушении пожаров оказалась вполне сопоставимой с действиями государственных структур. По оценкам экспертов, только в профилактических мероприятиях, таких как вспашка противопожарных полос вокруг поселков, лесов и дорог, ночных дежурств в поселках и т.д., участвовало несколько миллионов человек [2]. Гражданские активисты оказались очень изобретательными, смелыми, открытыми к новациям, и, по сути, стали лидерами противопожарной кампании и оказания гуманитарной помощи. Их методы и формы деятельности зачастую оказывались более эффективными, чем деятельность государственных структур. Тем не менее государственные и гражданские акторы в определенный момент стали объединяться для достижения общей цели. Так, например, «в ходе тушения пожаров государственные и гражданские организации действительно взаимодействовали, однако лишь в узком спектре форм помощи и только по унифицированным инструкциям» [7, с. 11].

Пожары «преподали» серьезный урок российскому обществу: *«люди – очень большое число людей, – поняли, что... мы должны, и главное – можем организовать и налаживать свою жизнь» (из интервью с А.А. Каюмовым, лидером экоцентра «Дронт»).*

Проанализировав состояние сообществ, сформировавшихся летом 2010 г., можно утверждать, что эти сети гражданской солидарности претерпели некоторую трансформацию, но остались отобюрокраченными. Часть участников этих сетей снизили свою общественную активность, но многим роль активистов пришлось в пору, и они продолжили добровольческую деятельность и летом 2011 г., когда требовалась помощь в тушении лесов, заповедников и других особо охраняемых природных территорий.

Виртуальные сообщества по-прежнему продолжают функционировать, расширив поле своей деятельности и став в широком смысле сообществами экстренного реагирования (например, деятельность *rozag.ru* стала еще более широкой, и сегодня участниками сообщества являются 1200 человек, читают его материалы – более 1300 человек).

Рефлексия «новоиспеченных» активистов показывает, что их деятельность продиктована не только альтруистическими мотивами (хотя ими в первую очередь), но и значительной личной «выгодой», поскольку они получили огромный опыт, который невозможно было бы приобрести в других жизненных ситуациях за такой относительно короткий срок: *«...спорный вопрос, чего в этой деятельности больше – пользы для себя или для окружающего. Я вот не могу однозначно ответить на этот вопрос. Столько разного для себя лично я приобрела за эти годы добровольчества...»*¹.

Выводы

Активная самоорганизация граждан в 2010 г., возникшая как реакция на экологическую катастрофу, выявила возросший потенциал гражданских сетей. Скорость и эффективность функционирования этих сетей во многом зависят от использования современных ИКТ и сильного лидерского сообщества. Именно регулирование и координация, а не директивное управление в горизонтальных сетях взаимодействия граждан позволили быстро и эффективно отвечать на экологические и социальные вызовы, не прибегая к помощи государственных структур, или же становясь их партнерами в преодолении последствий стихии.

¹ Из комментариев в блоге одной из активисток. См.: Добровольцы. – Режим доступа: <http://annabaskakova.livejournal.com/390409.html>

Сетевая гражданская мобилизация все чаще происходит с использованием ИКТ, которые:

- 1) влияют на структуру гражданских сетей;
- 2) ускоряют коммуникацию между их членами;
- 3) вовлекают в нее большее количество людей;
- 4) расширяют охват территории, на которой осуществляется мобилизация добровольцев и ресурсов;
- 5) облегчают традиционные формы протеста, например сбор подписей;
- 6) делают более успешным процесс координации действий сформированных внутри сети сообществ.

При этом выявлена тенденция «трансформации» виртуальных сообществ в реальные. Внутри их сетей производится социальный капитал, который в будущем сможет использоваться для более эффективной и быстрой мобилизации гражданского общества, облегчения доступа к необходимым ресурсам и т.д. Кроме того, гражданские сети, создав платформу для распространения информации, проявили себя как более открытые, прозрачные и оперативно реагирующие на внешние вызовы структуры, чем государственные службы. Эмерджентно мобилизовавшиеся гражданские объединения оказались совершенно самостоятельны и независимы от государственной машины, которая не была готова быстро и эффективно отреагировать на катастрофу, и выступили для нее в качестве ресурса поддержки и равноправного партнера.

Список литературы

1. Аверкиев И., Бедерсон В., Першакова Е. Люди на пожарах: Общественное участие в борьбе с пожарами и их последствиями летом 2010 года: Гражданские смыслы и результаты / Пермская гражданская палата. – Режим доступа: <http://www.pgpalata.ru/actual/0023>
2. Заключение Общественной комиссии по расследованию причин и последствий природных пожаров в России в 2010 году. – Режим доступа: http://www.yabloko.ru/mneniya_i_publicatsii/2010/09/14
3. Мардарь И.Б. Виртуальное пространство гражданского общества // Досье на цензуру. – М., 2008. – № 29. – С. 52–59.
4. Рейнгольд Г. Умная толпа: Новая социальная революция / Пер. с англ. – М.: ФАИР–ПРЕСС, 2006. – 416 с.
5. Чучкевич М.М. Что такое сетевая организация? – М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1999. – 54 с.

6. Яницкий О.Н. Мобилизационная структура гражданского общества. – Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/Publication/Mobil_strukt_grazhd_obschest_Ynitsky.pdf
7. Яницкий О.Н. Пожары 2010 г. в России: Экосоциологический анализ // СоцИс. – М., 2011. – № 3. – С. 3–12.
8. Яницкий О.Н. Социальный капитал российского экологического движения // Социологический журнал. – М., 2009. – № 4. – С. 111–129.
9. Baldassarri D., Diani M. The integrative power of civic networks // American j. of sociology. – Chicago (IL), 2007. – Vol. 113, N 3. – P. 735–780.
10. Bison I., Diani M. Organizations, coalitions and movements // Theory a. society. – Dordrecht, 2004. – Vol. 33, N 3–4. – P. 281–309.
11. Davydova S. The social roles of a Russian environmental movement leader // Modernization in Russia: Challenges to research and education / Ed. by O.N. Yanitsky. – Moscow: IS RAS: RSUH, 2008. – P. 40–51.
12. Granovetter M. The strength of weak ties // American j. of sociology. – Chicago (IL), 1973. – Vol. 78, N 6. – P. 1360–1380.
13. Marin B., Mayntz R. Policy network: Empirical evidence and theoretical considerations. – Frankfurt a. M.: Campus, 1991. – 330 p.
14. Olesen T. Transnational publics: New space of social movement activism and the problem of global long-sightedness // Current sociology. – Beverly Hills (CA), 2005. – Vol. 53, N 3. – P. 419–440.
15. Social movements and ICTs: Introduction / Van de Donk W., Loader B.D., Nixon P.G., Rucht D. // Cyberprotest: New media, citizens and social movements / Ed. by W. van de Donk, B.D. Loader, P.G. Nixon, D. Rucht. – L.: Routledge, 2004. – P. 1–22.
16. Social movements and networks: Relational approaches to collective action / Ed. by M. Diani, D. McAdam. – Oxford: Oxford univ. press, 2003. – 368 p.

Е.Л. Виханская
**«ЧЕРКЕССКИЙ» ДИСКУРС В ИНТЕРНЕТЕ:
ПОИСКИ ПУТИ ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ**
(Аналитический обзор)

Российская часть Всемирной паутины не достигла еще и двадцатилетия: Рунет действует лишь с 1994 г. Тем не менее о ней можно говорить уже не только как об информационной технологии, но и как об основе новых коммуникативных практик, получивших широкое распространение в современном российском обществе. Высокая технологичность единого информационного пространства, позволяющая оперативно совмещать разнородные данные – от официальных заявлений до индивидуальных интерпретаций и оценок – делает его особенно репрезентативным для социально-антропологического анализа.

Хотя исследования такого рода пока немногочисленны, отечественные и зарубежные авторы уже обратились к этой актуальной проблематике, анализируя дискурсы российских этнических интернет-ресурсов и стоящие за ними социальные реалии [1; 2]. С этих дисциплинарных позиций в статье рассматриваются интернет-ресурсы, которые можно обозначить как «черкесские».

Судьба народа на протяжении двух последних столетий складывалась непросто, порой – трагически, что находит отражение даже в таком бесстрастном тексте, как научное заключение, подготовленное в мае 2010 г. в Институте этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН в ответ на запрос Международной черкесской ассоциации¹ (далее МЧА) «Об этнониме Черкес и топониме Черкесия»:

¹ Международная черкесская ассоциация была учреждена в 1991 г. на I Всемирном черкесском конгрессе в г. Нальчике. В состав МЧА входят предста-

«Этноним Черкес и топоним Черкесия как обозначения народа и его страны на Северо-Западном Кавказе появляются в армянских, грузинских, арабских, персидских, тюркских и др. исторических источниках с XIII в., вытеснив предшествующую этнонимическую номенклатуру – керкеты, зихи, джики, кашаги, касы, касоги, джаркасы и др. Этноним Черкес стал общеупотребительным в европейских и русских источниках XV–XIX вв.

В то же время местное население неизменно называло себя адыгэ, хотя значение имели, видимо, локальные наименования, с которыми идентифицировали себя отдельные этнополитические образования – натухай, абадзех, жанэ, кабардэй и др. Тем не менее несмотря на определенные различия социального, культурного, языкового характера, с историко-этнографической точки зрения, это **единый черкесский (адыгский) народ**.

Исторические коллизии XIX–XX вв., связанные с бедствиями Кавказской войны, насильственным выселением значительной части черкесов в Османскую империю, административные преобразования, осуществленные царским правительством, а затем органами советской власти РСФСР и СССР, привели к образованию в Российской Федерации четырех территориально разделенных массивов черкесского народа, за которыми закрепились различные этнографические обозначения – **шапсуги, адыгейцы, черкесы, кабардинцы**.

Сравнительно недавнее (по историческим меркам) территориальное разобщение не привело к утрате в народе исторической памяти о генетической и культурной общности между этими группами. Современные исследования показывают, что этническое самосознание и основной пласт традиционной культуры у шапсугов, адыгейцев, черкесов и кабардинцев являются общими. Это свидетельствует о том, что названные группы можно считать субэтносами одного – черкесского (адыгского) народа»¹.

Заключение было подготовлено заведующим отделом Кавказа ИЭА РАН, членом-корреспондентом РАН, д-ром ист.

вители абхазов и абазин. В МЧА приняты региональные организации «Адыгэ Хасэ» Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Шапсугии, Москвы, Краснодар, а также черкесские (адыгские) общества Турции, Иордании, Сирии, Израиля, США, Нидерландов, Германии. Ассоциация решает вопросы духовной, этнической, культурной, языковой консолидации абхазо-адыгского этноса.

¹ Заключение РАН об этнониме Черкес и топониме Черкесия. – Режим доступа: <http://aheku.org/page.php?id=2080>

наук С.А. Арутюновым, одним из ведущих и авторитетных российских этнологов.

В настоящее время по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. на территории Российской Федерации проживает 720 тыс. черкесов. В трех субъектах Российской Федерации – Кабардино-Балкарской Республике, Карачаево-Черкесии и Адыгее – черкесы являются представителями «титულных» наций. Около 4 тыс. черкесов (субэтническая группа шапсуги) проживает в Лазаревском и Туапсинском районах Краснодарского края. За последние годы сформировалась черкесская диаспора и в Москве¹.

Численность потомков переселенцев, покинувших историческую родину в XIX в., главным образом, в результате Кавказской войны, насчитывает по разным данным от 5 до 7 млн. человек. Большая часть их проживает в ближневосточных странах (Сирия, Иордания, Израиль), в Турции, Германии и США. Несмотря на то что зарубежные черкесы в большинстве своем сохраняют этническую идентичность, ассимиляционные процессы, неизбежные при столь длительном проживании вне исторической родины при полной потере связей с соотечественниками, привели к утрате языка значительной их частью.

Согласно данным современных исследований, из-за низкого статуса черкесского языка и узости сферы его употребления частично утратили язык и черкесы, проживающие на родине. Кроме того, в сознании территориально разделенных российских представителей черкесского этноса укоренились этнонимы, «закрепленные» за ними в советское время – «кабардинцы», «адыгейцы», «черкесы», «шапсуги», – и стали частью их идентичности.

В условиях дисперсного расселения черкесов как за рубежом, так и в пределах исторической родины глобальная сеть Интернет является очень важным, иногда и единственным каналом коммуникации для разъединенного этноса. Существенным преимуществом новых информационных технологий по сравнению с традиционными СМИ является не только возможность преодоления территориально-государственных границ, но и устранение языкового барьера: онлайн-переводчики позволяют пребывать в общем информационном поле турецким, арабским, российским, американским черкесам. Как и другие этнические группы, черкесы используют интернет-ресурсы для простого общения, обмена

¹ По данным Переписи 2010 г., численность адыгов, проживающих в Москве составляет 2500 человек

новостями, материалами по истории и культуре черкесов, для обсуждения насущных проблем. Через Интернет осуществляется синхронный мониторинг событий в диаспоре и на исторической родине.

Таким образом, новые коммуникативные возможности способствуют формированию ранее невозможных устойчивых связей между диаспорами и российскими черкесами. Очевидно, что в настоящее время Интернет, как важнейшая коммуникационная составляющая в жизни разъединенных черкесских сообществ является значимым фактором / инструментом их этнической консолидации. Анализируя содержательные характеристики черкесских интернет-ресурсов и совокупность дискурсивных практик, реализуемых с их помощью, можно выделить основные темы, на которых сконцентрированы внимание пользователей и проблемы, волнующие черкесское интернет-сообщество.

Новостной портал **natpress.net** предоставляет информацию о важных событиях, происходящих в черкесской среде и за ее пределами. Прочтение размещенных на сайте материалов возможно на четырех языках: черкесском, турецком, английском и русском. Подборка новостей носит политически нейтральный характер и посвящена различным сторонам жизни черкесов, в первую очередь проживающих на территории Республики Адыгея, о чем заявлено в разделе «Контакты»: «Информационное агентство НатПресс распространяет новости Республики Адыгея и южного региона. Также представляет информацию о диаспорах зарубежных стран»¹.

Это обычный информационный интернет-портал для освещения широкого круга вопросов и получения коммерческой прибыли, о чем свидетельствуют наличие раздела «Реклама», прямые ссылки на развлекательные и бизнес-ориентированные интернет-ресурсы, отсутствие форума и возможностей для пользователей комментировать размещенные на сайте материалы. Есть дочерние проекты: историко-аналитический портал **adygi.ru**, где в цифровом формате размещены научные статьи и литературные произведения, источники и материалы по черкесской истории и политике; майкопский городской портал **aiia.pro** и сайт, посвященный Дню черкесского флага. Новостные репортажи НатПресса регулярно воспроизводятся на других черкесских сайтах.

¹ Наша команда. – Режим доступа: http://natpress.net/index.php?do=cat&category=kontakts_rus

К новостным информационным ресурсам можно причислить и сайт Международной черкесской ассоциации **intercircass.org**. Здесь размещаются новости о деятельности МЧА, культурные и политические новости республик, в которых проживают черкесы, видео с представителями МЧА, публикуются официальные документы, ведется рейтинг новостей, создаются опросы. Есть форум, модерлируемый администраторами, но активность низкая, что, возможно, связано с низким уровнем информационной заполняемости форума, либо с его недавним созданием: сайт появился лишь в конце 2010 г.

В «топе» сайта размещена информация об истории создания МЧА, об исполкоме, а также широкий перечень контактов Ассоциации. На сайте преобладает информация на русском и адыгейском языках. Благодаря встроенному переводчику информацию сайта можно перевести на необходимый язык. На главной странице находятся гиперссылки на информационные рубрики: «Адыгэбзэ» (новости на адыгейском языке), «Видео» (деятельность МЧА и ее представителей), «Дiasпора» (Европа, Сирия, Израиль, США, Турция, Иордания), «Документы» (письма МЧА в различные инстанции и ответы на входящие обращения), «Черкесы» (исторические данные, публикации о черкесах, хроники).

Наполнение форума осуществляется по четырем основным направлениям (информация о форуме сайта по состоянию на 23.04.2012).

1. Черкесы (история, религия, политика, репатриация, родной язык).

2. Деятельность МЧА (события, мероприятия).

3. Диаспора за рубежом (новости, события, мероприятия, поиск родственников).

4. Общий раздел (работа сайта, новости в мире, информация для размышления и обсуждения).

www.eLot.ru – один из старейших и популярных черкесских сайтов. Сообщество пользователей объединено вокруг идеи возрождения Единой Черкесии. В разделе «Перепись 2010 г.» размещено заявление администрации сайта от 09.07.2010 г. (в приведенных далее цитатах сохранена орфография и пунктуация авторов. – *Прим. авт.*): «В соответствии: с Рекомендациями научно-практического форума “Мы адыги черкесы” (1991 года, г. Майкоп); с Постановлением Первого всеадыгского съезда (28 марта 1992 года, г. Нальчик); с Заключением Института этнологии и антропологии РАН (25 мая 2010 года, г. Москва) конста-

тируя, что “шапсуги”, “адыгейцы”, “черкесы”, “кабардинцы” являются единым народом: с единым самоназванием “адыгэ”; с единой историей; с единой культурой; с единым менталитетом; с единой исторической территорией, а также стремясь преодолеть дальнейшее разобщение народа, администрация Независимого Информационного Черкесского Портала eLot.ru заявляет: “Все новые публикации на русском языке, размещаемые на страницах нашего Интернет-ресурса, будут корректироваться на предмет приведения названия нашего народа и его производных к использованию единого, научно аргументированного, исторически обоснованного написания по принципу: черкесы, черкесский, черкес (мужской род), черкешенка (женский род). Данное правило будет применяться во всех материалах сайта, кроме случаев, когда субэтническая принадлежность имеет принципиальное значение для интерпретации текста. Администрация eLot.ru также призывает и своих посетителей в собственных сообщениях, комментариях, а также в повседневной жизни придерживаться этих правил”¹.

Раздел «Перепись 2010 г.» наполнен материалами, наглядно демонстрирующими большую организационную и агитационную работу, проведенную сообществом пользователей сайта, с призывом к этническим черкесам, включая кабардинцев, адыгейцев, шапсугов в ходе переписи для обозначения своей национальности настаивать на применении этнического наименования «черкес / черкешенка».

При этом сайт лишен какой бы то ни было экстремистской направленности. Приведем в качестве подтверждения правила форума: «Форум предназначен для высказывания личных мнений по обсуждаемым вопросам.

Запрещены:

1. Призывы к насильственным действиям со стороны любой группы (человека) в отношении любой группы (человека).
2. Утверждения о превосходстве какой-либо религии, нации, расы пола над другими.
3. Сообщения не по теме раздела.
4. Распространение заведомо ложных, провокационных слухов, мнений, теорий.

¹ Заявление администрации eLot.ru. – Режим доступа: http://www.elot.ru/main/index.php?option=com_content&task=view&id=1844&Itemid=87

5. Негативные высказывания о нациях адыго-абхазской языковой группы без железобетонных доказательств.

6. Язык форума: русский или адыгэбзэ. В национальных разделах можно писать на соответствующем языке.

7. Использование ненормативной лексики.

8. Систематическое чрезмерно агрессивное поведение.

Администрация форума оставляет за собой право удалять любое сообщение и блокировать любого пользователя без объяснения причин».

Один из основных призывов и администрации, и пользователей этого сайта, наряду с объединением всех этнических черкесов и воссозданием Великой Черкессии, заключается в необходимости добиваться признания геноцида черкесского народа. На сайте размещен перевод статьи с турецкоязычного сайта Cherkessia.net под названием «Нам к лицу победа, нам к лицу Черкесия!»¹. Статья носит программный характер и собрала значительное количество исключительно положительных комментариев.

В статье профессора КБГУ, д-ра филол. наук З.Х. Баковой «Все истреблять, что будет тебе противиться»², посвященной 147-летию со дня окончания Русско-Кавказской войны, виновником множественных перечисленных в статье бедствий черкесского народа названа царская Россия, которая вела колониальную политику. Для обозначения захватчиков используются словосочетания «царские войска», «царская армия», т.е. по сути виновником объявляется не Россия, как это принято у экстремистов, но царский режим. Эта статья собрала 22 комментария. Вот некоторые из них (здесь и далее орфография и пунктуация сохранены):

«Идущий 06.06.2011 08:07

Трогает! Ох, как нужны такие работы сейчас молодежи. Не для того, что бы вывести ее из равновесия, а для того, что бы появилось у всех одинаковое чувство гордости за Черкесский народ и желание вновь объединиться всем на исторической Родине! Лишь бы не предали власть имущие Черкесы, которые в большей части

¹ Нам к лицу победа, нам к лицу Черкесия! – Режим доступа: http://www.elot.ru/main/index.php?option=com_content&task=view&id=2407&Itemid=92

² Бакова З.Х. Все истреблять, что будет тебе противиться. – Режим доступа: http://www.elot.ru/main/index.php?option=com_content&task=view&id=2420&Itemid=92

трусливы и подхалимы. А они, как раз могут быть использованы во вред ОБЩЕМУ ДЕЛУ. Но радует то, что молодежь наша более активно стала изучать свою историю и стала через ИНТЕРНЕТ объединяться! Еще и еще раз спасибо ЧЕРКЕССКИМ САЙТАМ!!! Спасибо автору статьи!

Lek@ 08.06.2011 19:47

Спасибо за статью автору. Больно читать такое русскому человеку, каждому честному человеку в нашей стране. Прошло столько лет, а боль не утихает... Конечно, такой геноцид должен быть признан свершившимся фактом. Счастья и процветания Вашей Родине!

Идущий 09.06.2011 07:31

КАК ХОЧЕТСЯ ТАКОГО ПОНИМАНИЯ У ВЫСШЕГО РУКОВОДСТВА РОССИИ! СПАСИБО ВАМ!

Зулижан 09.06.2011 16:16

Спасибо каждому русскому человеку, способному подоброму, по-человечески понять... Наш народ действительно много ужасного повидал на своем веку и продолжает страдать до сих пор на чужбине... И пусть наконец справедливость восторжествует. Дай Бог!..

PimkinAA 14.06.2011 21:54

я русский православный и хочу сказать что черкес мне не враг. Не вините тех русских крепостных которых насильно гнали воевать с черкесами. Далеко не все они хотели той войны. Политика она всегда политика.

Зерэ 24.06.2011 06:11

Благодарю всех, кто прочитал, прокомментировал статью “Всё истреблять...”. Это страницы нашей истории – не только черкесской, но и российской. Их надо знать не для того, чтобы мстить, а просто для того, чтобы научиться жить. ...

Тимка 15.10.2011 15:06

печальный факт, который до сих пор официально не был признан, ГЕНОЦИД...»

В разделе «Хабзэ» размещено 44 материала, посвященных черкесским обычаям. 21 работа из 44 была просмотрена не менее 300 раз. Максимальное количество просмотров – 1088¹.

Интернет также используются как площадка для разработки культурно-просветительских и политических проектов. Примером подобного проекта может служить сайт «Адыгэ Хэку» **aheku.org**, значительная часть пользователей которого составляют, похоже, черкесы, проживающие в Москве. О портале на сайте размещена следующая информация: «“Адыгэ Хэку” – некоммерческий портал, созданный в результате слияния нескольких адыгских (черкесских) интернет-ресурсов и объединивший: Neku.ru, Zihia.ru, Adigam.com и Circassia.ru. Проект “Адыгэ Хэку” создан с целью формирования адыгского (черкесского) информационного пространства, пропаганды адыгской культуры, ознакомления посетителей с актуальной информацией, анонсирования тематических событий и простого общения. Мы рады всем посетителям нашего портала! Здесь вы сможете найти новых друзей и ближе познакомиться с черкесской культурой и традициями, поучаствовать в дискуссиях, заняться творчеством, разместить собственные статьи, новости, журналы и создать фотогалерею».

Значительная часть культурных мероприятий, анонсируемых на сайте, проходит в Москве. Хотя на сайте есть материалы на русском, английском и черкесском языках, все страницы сайта, входящие в рейтинг Топ-20, – на русском языке. На первом месте в указанном рейтинге находится проза Лермонтова о Кавказе. 14-е место среди популярных тем форума заняла тема «Москва: Ваш любимый район». В целом в разделе «города» на форуме фигурирует 11 городов. По количеству сообщений лидируют Нальчик (2958 сообщений) и Москва (2711 сообщений) с отрывом от остальных городов, включая Майкоп, Черкесск, Сочи, Краснодар и др., более чем на 1000 сообщений. В пользу столичных корней сайта говорит и отрывок из диалога между недовольным посетителем форума и представителем администрации сайта:

¹ Блягоз З.У. Черкесско-русский разговорник как источник знаний об «Адыгэ Хабзэ». – Режим доступа: http://www.elot.ru/main/index.php?option=com_content&task=view&id=111&Itemid=100

«#70 19.12.2011 11:55

Проблема в том, что основные админы на сайте – москвичи по рождению и ведут себя как обычные москвичи.

#71 19.12.2011 12:22

Ёёёё... Это уже крайняя степень наивности [стараюсь быть вежливым]. Что, адыгство присуще только провинции? Нужно самим творчески развиваться и также творчески развивать идейное содержание этого понятия, а не костенеть в своих (повторюсь – наивных) представлениях о нем. Еще раз, подробнее: если хотите внести свою лепту в формирование инет-хабзе, попробуйте создать свой сайт. Если будет креативненько, то люди и к вам потянутся»¹.

Судя по контенту, сообщество пользователей сайта можно охарактеризовать как людей преимущественно с высшим образованием, интересующихся историей и культурой, русскоязычных, аполитичных.

Некоторые темы форума, такие как: «Концерты в Москве», «Москва в фотографиях», «ИФТИ св. Фомы (Москва) Бесплатное вечернее высшее образование», «Собянин или Передел в Москве», «Курсы черкесского языка в Москве», «Глазычев о Лужкове & Со» и др. также свидетельствуют в пользу того, что участники форумчане, их обсуждающие, проживают в Москве.

Правила форума изначально отсекают излишне эмоциональных и / или неспособных формулировать свои мысли без использования ненормативной лексики пользователей. Запрещается публиковать сообщения с призывами, противоречащими законам РФ, и давать ссылки на сайты, содержащие материалы, противоречащие законодательству РФ. Запрещены оскорбления по отношению к личности, национальности, расовой или религиозной, политической принадлежности другого участника общения в форуме.

На сайте в свободном доступе есть достаточно подробная статистическая информация по его деятельности, из которой следует, что от общего количества сообщений на форуме (77 017) более 15% было оставлено самими администраторами: SAN – 5065 сообщений и Hedonist – 5035 сообщений.

¹ Почему на сайте форум «умер»? – Режим доступа: <http://www.aheku.org/forums.php?m=posts&q=2364&n=last#bottom>

Учитывая то, что за время работы сайта было удалено порядка 28,9% сообщений и 29,6% тем, необходимо констатировать, что модераторы сайта строго следят за соблюдением правил форума. На сайте ведется статистика самых популярных страниц и самых загружаемых файлов / ссылок, из которой следует, что наибольшей популярностью у пользователей сайта пользуются темы культурного и исторического характера.

Однако в последнее время активисты сообщества пользователей сайта перенесли свою активность в социальные сети (Facebook), организовав там закрытое сообщество «Western Caucasus». В описании сообщества, размещенного на его странице на английском и русском языках сказано следующее: «Западно-кавказская (абхазо-адыгская) группа “только для своих”. Общение на любые темы. Примечания:

– это светское коммьюнити, объединяющее приверженцев самых разных религиозных воззрений, а также не имеющих таковых;

– это закрытое коммьюнити для отпрысков двух братских народов, поэтому приглашаются только они;

– взаимная вежливость ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ условие ведения любой дискуссии;

– все участники группы общаются под реальными именами – ники запрещены»¹.

Учитывая изложенное, особенно последнее требование, можно предположить, что сообщество занято строительством общественно-политического движения / организации.

На сайте www.hekupsa.com «Адыгэ Хэкум и макъ. Голос Черкесии», основная часть текстов написана на русском, хотя есть тексты и сообщения на черкесском языке. Все новости и темы сайта посвящены событиям на Северном Кавказе и в Краснодарском крае, из чего можно сделать вывод о том, что и администрация сайта и его пользователи проживают в основном в указанных регионах. Красной нитью сквозь большую часть разделов сайта проходит установка на продвижение ряда активистов и лидеров черкесского национального движения. На сайте есть опрос относительно популярности общественных черкесских деятелей, а также приведена статистика ответов, из которой следу-

¹ Режим доступа: <http://www.facebook.com/pages/%D0%97%D0%B0%D0%BF%D0%B0%D0%B4%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D0%9A%D0%B0%D0%B2%D0%BA%D0%B0%D0%B7/161515507244844?rf=103765132995365>

ет, что с заметным отрывом лидирует наиболее часто упоминаемый на сайте Ибрагим Яганов – председатель общественного движения «Хасэ» Кабардино-Балкарии, известный своей правозащитной деятельностью. Администрация сайта пытается мягко играть на протестных настроениях черкесов трудоспособного возраста. В ряде разделов сайта можно встретить следующую любопытную запись:

«Уважаемые посетители сайта!

К сожалению, в российском законодательстве произошли изменения, направленные на мониторинг интернет ресурсов. Многие ресурсы даже отключили комменты. Наступает век цензуры и тотального контроля. Сайты, к которым будут предъявлены претензии внутренними и наружными органами – будут закрыты, а находящиеся сервера вне пределов этой страны – забанены провайдерами интернет-связи по приказу компетентных органов. Учитывая область нашей работы – наш сайт находится под пристальным наблюдением. Просьба оставлять только корректные комменты. Не подставляйте нас и наш сайт! Не корректные комменты будут удаляться. Проявляйте смекалку – как оставить оригинальный коммент, не нарушив законодательство этой страны»¹.

В соответствии с приведенной логикой игры в эзопов язык, администрация сайта размещает материалы провокационного характера, к примеру, «“Союз абхазских добровольцев” Кабардино-Балкарии осудил поездку Яганова в Грузию»². Однако эффект контекста, заключающийся в том, что рядом размещены материалы, позитивно освещающие фигуру Яганова, не оставляет сомнений в том, на чьей стороне симпатия администрации сайта. Учитывая, что, как было сказано выше, форум сайта беден, посетители сайта проявляют себя в основном посредством комментирования материалов.

На сайте размещено интервью с Ибрагимом Ягановым, в котором он комментирует свою поездку в Грузию³. В качестве интервьюера обозначено информационное агентство «Адыгэ Хэкум и макъ. Голос Черкесии». Один из вопросов сформулирован

¹ Режим доступа: <http://www.hekupsa.com/tamgi/blog>

² «Союз абхазских добровольцев» Кабардино-Балкарии осудил поездку Яганова в Грузию. – Режим доступа: <http://www.hekupsa.com/publikatsii/soiuz-abchazskich-dobrovoltsev-kabardino-balkarii-osudil-poezdku-yaganova-v-gruziiu>

³ У нас есть право изменить свое отношение к Грузии / Яганов И., Голос Черкесии. – Режим доступа: <http://www.hekupsa.com/interviu/ibragim-yaganov-u-nas-est-pravo-izmenit-svoe-otnoshenie-k-gruzii>

следующим образом: «Как вы оцениваете дальнейшие грузино-черкесские отношения?». Иначе говоря, не пропагандируя открыто создание независимой Черкессии, администрация сайта фактически обозначает черкесов (или Черкессию?) в качестве субъекта политической воли. Посетители сайта подхватывают игру: «Апсуа, согласно Конституции Грузии государственными языками Абхазии являются абхазский и грузинский, НО не русский, и в этом вся проблема наверно. Неужели, вы думаете, что уровень жизни здесь имеет ключевое значение??? Я надеюсь, что вы мыслите на своем языке, и надеюсь хватит сил и разума увидеть истинного врага. История, конечно, все поставит на свои места. Мы возродимся, мы черкесы, грузины, вайнахи, мы возродимся другими, на качественно новом уровне». Несложно догадаться, кто подразумевается под словами «истинный враг». Прочие комментарии к различным материалам, в целом, выдержаны в том же духе и стиле.

Учитывая прямолинейность молодежи, логично предположить, что возраст основной аудитории близок к 25–35 годам. Об этом свидетельствует и имитация плюрализма, т.е. разнообразие представляемых позиций по одному и тому же вопросу. Так, на сайте опубликована статья, содержащая резкую критику в адрес И. Яганова. Однако указанный материал предварен следующим комментарием: «Сегодня, 3 апреля 2012 г., Нальчикская проправительственная газетенка под названием “Кабардино-балкарская Правда” опубликовала опус против Ибрагима Яганова. Опус, который достоин желтой прессы. Автор этого позорного опуса – Рустам Хадакумов. Предлагаем Вашему вниманию эту статью»¹.

На сайте уделено внимание вопросам, волнующим «черкесский Интернет» в целом, таким как помощь сирийским черкесам, желающим вернуться в Россию, антикавказские настроения в России, проведение Олимпиады-2014 в Сочи. Сразу после утверждения Сочи 4 июля 2007 г. в качестве олимпийской столицы многие черкесские общественные организации, как зарубежные, так и российские, выступили против, организовав акции протеста: именно в Сочи состоялся парад победы русских войск 21 мая 1864 г. – дата, являющаяся официальной датой окончания Кавказской войны и отмечаемая всеми черкесским диаспорами как День памяти и скорби по погибшим. Среди черкесских активистов существуют

¹ «Кабардино-балкарская “правда”» – «Право на измену». – Режим доступа: <http://www.hekupsa.com/publikatsii/kabardino-balkarskaya-pravda-pravo-na-izmenu>

две позиции по поводу проведения Олимпийских игр в Сочи: первые категорично заявляют, что нельзя проводить Олимпиаду на том месте, где тысячи черкесов были убиты во время Кавказской войны, и что в 2014 г. как раз будет 150-летняя годовщина события, которое они называют «геноцидом черкесов». Другие хотят, чтобы в этих играх черкесам отвели более видную роль, как это было в случае с уроженцами Северной Америки и австралийцами на прошлых Олимпийских играх.

По комментариям посетителей сайта четко фиксируется сильный накал протестных настроений. Статья о том, что Совет Федерации сформирует предложения по оказанию помощи соотечественникам в Сирии, как и информация о пресс-конференции сенатора от КБР А. Кажарова по итогам визита российских законодателей в Сирию, не вызвала никаких комментариев. В то же время статья Аскера Сохта «Сирийский кризис и черкесский вопрос»¹, в которой автор призывает Россию «спасти бедствующий народ», собрала пять резких по отношению к автору и России комментариев разгневанных пользователей.

Кредо сообщества посетителей сайта можно идентифицировать через материал, собравший наибольшее количество положительных комментариев. В данном случае таким материалом является статья руководителя проекта Национального института региональных исследований и политических технологий «Экспертное сообщество», этнопсихолога, кандидата ист. наук А.И. Бройдо «Черкесский вопрос: Поиски ответа»², где автор анализирует истоки и последствия возникновения мифов вокруг комплекса проблем, обозначаемых как «черкесский вопрос» и предлагает ряд конструктивных мер по его урегулированию, включая «объединение черкесов в рамках одного Федерального Округа», демонтаж памятника адмиралу М.П. Лазареву и запрет на установление памятников «наиболее одиозным царским генералам времен Кавказской войны на территории СКФО», а также содействие в возвращении черкесов-репатриантов на историческую родину.

Стоит отметить отсутствие на сайте материалов на религиозную тему. При отсутствии материалов, посвященных религии и национальным обычаям «хабзе» (соответствующий раздел сайта

¹ Сохт А. Сирийский кризис и черкесский вопрос. – Режим доступа: <http://www.hekupsa.com/golos-cherkesii/asker-socht-siriyskiy-krizis-i-cherkesskiy-vopros>

² Бройдо А.И. Черкесский вопрос: Поиски ответа. – Режим доступа: <http://www.hekupsa.com/analitika/anna-broydo-cherkesskiy-vopros-poiski-otveta>

пуст), на сайте размещены материалы, направленные против главы Кабардино-Балкарии Арсена Канокова. Короткая статья Ибрагима Яганова о проблемах с медицинской помощью в некоем неназванном селе называется «Спасибо товарищу Канокову за счастливое детство»¹. На сайте в разделе «Публикации» размещен материал под говорящим за себя названием «“Война кланов” Арсена Канокова или “теневой бизнес” Арсена Канокова»². Нашлось на сайте и «доброе слово» в адрес главы республики Адыгея Асланчерея Тхакушинова. В статье «Адыгея – отчужденность власти» встречаем следующий пассаж: «Превращение дома правительства в лавку, торгующую местами депутатов и сенаторов от Адыгеи, где покупателями являются лица, не имеющие никакого отношения к Республике, но имеющие деловые и дружеские связи с ее руководством, было встречено попытками общественности организовать митинг с требованием отставки г-на Тхакушинова. Это протестное движение быстро захлебнулось, встретив сопротивление администрации. Данный скандал обнажил потребительское отношение республиканского руководства к собственной Родине и ее государственности. Трудно было представить более безобразное оскорбление в адрес народа Адыгеи»³.

Администрация сайта канализирует протестные настроения региональных пользователей в русло критики действующих властей национальных республик. Сайт является одним из самых популярных черкесских интернет-ресурсов. У группы пользователей сайта открыты страницы в социальной сети odnoklassniki.ru, где они проводят онлайн конференции с активистами черкесских организаций, а также в сетях ВКонтакте и Facebook⁴. При этом ряд других черкесских интернет-ресурсов оценивает работу сайта скорее положительно: «Нужно отметить работу создателей сайта. Новости и информация о проблемах адыгов открытым текстом,

¹ Яганов И. Спасибо товарищу Канокову за счастливое детство. – Режим доступа: <http://www.hekupsa.com/analitika/ibragim-yaganov-spasibo-tovarischukanokovu-za-schastlivoe-detstvo>

² «Война кланов» Арсена Канокова или «теневой бизнес» Арсена Канокова. – Режим доступа: <http://www.hekupsa.com/publikatsii/voyna-klanov-arsena-kanokova-ili-tenevoy-biznes-arsena-kanokova>

³ Адыгея – отчужденность власти. – Режим доступа: http://www.elot.ru/main/index.php?option=com_content&task=view&id=2818&Itemid=1

⁴ Адыгэ Хэкум и макъ. Голос Черкесии. – Режим доступа: <http://www.odnoklassniki.ru/#/group/51806834589797>; <http://vk.com/club34317105>; <http://www.facebook.com/groups/351047254906986/>

актуальные вопросы и взгляды на них без прикрас, а также быстро донести до пользователей главные новости мира черкесов – на это направлена их деятельность»¹.

Пожалуй, единственный черкесский сайт, ориентированный на проповедь ислама среди черкесов, – это Сайт **circassiaonline**. Вся информация на сайте можно прочитать на пяти языках: русском, английском, немецком, турецком и арабском, но не на черкесском (!). На сайте есть четыре раздела: главная, форум, коран, мультимедиа, а также четыре рубрики: новости, аналитика, ислам, культура. На форуме всего 11 сообщений, из которых 5 принадлежат администратору (информация дана по состоянию на 06.04.2012.). Судя по тому, что к материалам, размещенным на сайте, также немного комментариев, сайт не пользуется популярностью у пользователей.

В интервью и в аналитических статьях, размещенных на сайте, восхваляются ваххабиты и «лесные» как правоверные мусульмане, в позитивном контексте упоминаются такие деятели, как Шамиль Басаев и Хаттаб. Материалы подаются в формате нравоучений. Несколько статей на сайте посвящены теме противоречия ислама и черкесских обычаев «хабзэ»: «Ссорился ли ислам с хабзэ?», «Религия и национальные обычаи (адыгагэ)» и др. Некоторые из них в достаточно жесткой форме утверждают примат ислама над «хабзэ». Несмотря на отсутствие явно сепаратистских, ваххабитских призывов, соответствующей риторикой пронизаны почти все материалы, представленные на сайте. Названия некоторых материалов как, например «Кресты на мусульманской земле: Непреднамеренная провокация?»², говорят сами за себя.

Подводя итоги обзора материалов черкесских интернет-ресурсов, можно констатировать, что черкесы, как и представители других этнических сообществ, используют интернет-ресурсы для общения, обмена новостями, обсуждения насущных проблем, а активисты национального движения – как площадку для размещения этномобилизующей информации и патриотической агитации. Агитационной цели, по сути, служит практически весь контент черкесских сайтов – от подборки актуальных новостей до

¹ «Адыгэ Хэкум и макъ. Голос Черкесии». – Режим доступа: <http://www.circassiatimes.com/russian/297--adyge-hekum-i-mak.-golos-cherkesii.html/>

² Кресты на мусульманской земле: Непреднамеренная провокация? – Режим доступа: <http://circassiaonline.org/analytics/180-kresty-na-musulmanskoj-zemle-neprednamerennaya-provokaciya.html>

графики. Значительное место на всех сайтах занимают выложенные в цифровом формате литературные произведения и материалы по истории и культуре черкесов; популярны старые карты Кавказа с обозначением на них Черкессии, видео- и фотовыставки с ежегодных траурных мероприятий, посвященных жертвам Кавказской войны XIX в. – т.е. все, что воздействует на патриотические чувства. Так, например, приведенный в начале статьи академический «документ» был размещен практически на всех черкесских сайтах в рамках акции по восстановлению единого этнонима «черкес» для всех адыгских народов в преддверии переписи 2010 г.

Форумы и чаты, несмотря на внешнюю несерьезность и непритязательность, выполняют важную коммуникативную функцию среди черкесской молодежи, содействуя этнической консолидации и повышению этнического самосознания молодого поколения. Именно на форумах виртуальная реальность соприкасается с внешним миром. Реакция на внешние события, их интерпретация, обсуждения на форумах сплачивают и мобилизуют, играют объединяющую роль. По замечанию известной британской исследовательницы-антрополога К. Хамфри: «Было бы ошибкой рассматривать обычные политические акции в качестве “реальных”, а интернет-коммуникации – в качестве “виртуальных” или несущественных дополнений к первым. В настоящее время Интернет является важным средством политической активности» [2, с. 657].

При просмотре архивов видно, как постепенно политизируются участники форумов. При этом внешние факторы и события, обсуждаемые активно на форумах, такие как убийства и нападения на лидеров движения, события декабря 2010 г. на Манежной площади в Москве (Аслан Черкесов – из Нальчика), негативный дискурс о кавказцах, постоянно подпитывают внутреннюю мотивацию молодых активистов. Публикации о черкесском движении различных политологов и экспертов, на их взгляд, некорректно отображающих реальное положение дел, выкладываются регулярно на сайтах и являются предметом обсуждений / осуждений. На сайте «Адыгэ Хэкум и макъ: Голос Черкессии» есть специальная рубрика «Античеркесизм».

Три темы неизменно присутствуют в дискурсе всех участников черкесского движения. По сути дела, эти темы представляют собой основные направления информационной активности черкесских пользователей:

- а) признание последствий Кавказской войны XIX в. геноцидом черкесского народа со стороны Российской империи;
- б) репатриация соотечественников на историческую родину;
- в) воссоздание единой Черкессии или образование единого территориального субъекта в составе РФ.

Не только давнее историческое прошлое, но и негативно оцениваемые события наших дней оказываются так или иначе увязанными с этими темами, способствуя активизации националистических настроений. К примеру, установка на территории Краснодарского края памятников царским генералам и местным, отличившимся кровавыми акциями в отношении черкесов во время Кавказской войны, вызывает массу возмущения на форумах. Утверждение Сочи 4 июля 2007 г. в качестве олимпийской столицы сразу же актуализировало тему геноцида.

В последнее время события на Ближнем Востоке актуализировали тему репатриации соотечественников. Идет тщательное отслеживание всей информации. Примечательно, что в первый раз подключились и властные структуры, что с восторгом было откомментировано одним из негласных лидеров черкесского движения, администратором «Адыгэ Хэку» Zora Kabard: «Визит реально прорывной – еще никогда официальная российская делегация не ездила в иные страны по черкесским делам – это случилось впервые в истории!!! Вдумайтесь только в это и в то какой мы прошли путь за последние несколько лет. Результат уже есть: в проект новой сирийской Конституции черкесы были внесены как нацменьшинство (до этого о нашем брате опять «забыли») – это впервые такой прецедент за пределами России (другое дело – сколько эта Конституция протянет вместе с Асадом?). То что мы наблюдали 16–19 марта 12 г. – это историческое событие, давайте посмотрим в ретроспективе и осознаем данный факт»¹.

Немаловажен тот факт, что негативный дискурс о Кавказе и кавказцах, характерный обычно для националистической риторики отдельных фашистских группировок, но появляющийся и в материалах центральных СМИ, и даже в выступлениях некоторых политиков, чрезвычайно болезненно переживается черкесской интеллигенцией и не только ею. В начале года главный редактор газеты «Горянка» З. Канукова (г. Нальчик) с возмущением писала

¹ Делегация СовФеда встретилась с черкесской диаспорой в Сирии (17 марта 2012 г). – Режим доступа: <http://www.aheku.org/forums.php?m=posts&q=2424&n=last#bottom>

в своем ЖЖ-дневнике о том, как, подписавшись на «Литературную газету», надеялась, что «...хоть здесь, в ЛГ не будет такой политики по Кавказу... получаю первый номер ЛГ и на самом видном месте – третья полоса, верхняя часть – статья о том, что хватит терпеть Кавказ... Надо же, хоть бы во втором номере увидела, ан нет, сразу...». И далее резюмирует: «Даа, не осталось в России островков дружбы и мирного соседства, точнее, газет, журналов, не пишущих о неприязни друг к другу...»¹

В процессе общения в социальных сетях постепенно формируются группы единомышленников-активистов – сообщества, которые не нуждаются в официальном признании со стороны государственных структур. Стоит отметить, что в последнее время подобные виртуальные сообщества стали реальной политической силой, активно вытесняющей традиционные общественные организации с лидирующих позиций в черкесском национальном движении.

Традиционные общественные акторы, такие как МЧА, «Адыгэ Хасэ», несмотря на значительный политический вес, который они имеют благодаря связям с официальными структурами, будучи слабо представлены в Сети, стратегически проигрывают новым активистам и стремительно теряют популярность. Показательно в этом плане, как молодежное сообщество мгновенно отреагировало на события в Сирии: в Сети была оперативно составлена петиция президенту Д.А. Медведеву с просьбой предоставить возможность сирийским черкесам вернуться на Родину и организован сбор подписей. Если учесть бюрократическую структуру и громоздкость механизмов принятия решений традиционными общественными организациями – съезды, советы, обсуждения – становится очевидным их проигрышное положение по отношению к более мобильным интернет-сообществам. Можно прогнозировать, что «старая гвардия» вскоре окончательно сойдет с политической арены, будучи не в силах устоять перед мощным напором деятельных молодых активистов нового поколения.

¹ Пока я здесь. – Режим доступа: <http://zarinkanukova.livejournal.com/?skip=10/>

Список литературы

1. Аккиева С.И. Этническая идентичность молодежи Кабардино-Балкарии: Культура и пространство / Под ред. В.К. Мальковой, В.А. Тишкова. – М.: ИЭА РАН, 2010. – Кн. 2: Историко-культурные бренды территорий, регионов и мест. – 183 с.
2. Хамфри К. Политическая логика противостояния расизму: Дискурс бурятских интернет-форумов // Антропология социальных перемен / Под ред. Э. Гучинова, Г. Комарова. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 655–682.

Т.И. Жукова, В.И. Тищенко

СЕТЕВЫЕ НАУЧНЫЕ СООБЩЕСТВА В РУНЕТЕ: ТИПОЛОГИЯ И ПРАКТИКА¹

Сегодня ни у кого не вызывает сомнений, что создание и функционирование виртуальных сообществ, преодолевающих географические и межкультурные границы, востребовано различными социальными группами, которые остро ощущают потребность в расширении информационного поля для взаимодействия и творчества, целенаправленного времяпрепровождения и коммуникации. Эти тенденции неизбежно проявились и в социальных коммуникативных практиках специализированных профессиональных групп. В частности, «выход» ученых в виртуальное пространство предоставил им широкие возможности для публикации своих научных результатов непосредственно в Интернете, для развития взаимоотношений с коллегами вне зависимости от географических и временных барьеров, для практически безграничного обмена информационными ресурсами и новыми технологиями проведения исследований.

У ученых появилась возможность свободного научного взаимодействия с коллегами не только в рамках своей страны, но и в масштабах всего мира. В результате этого мы наблюдаем феномен возникновения глобальных профессиональных исследовательских сообществ нового типа – так называемых виртуальных, или сетевых, научных сообществ². Иными словами, единое виртуаль-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ по гранту № 11-06-00275-а «Становление сетевых научных сообществ в виртуальном пространстве: Факторы, механизмы, модели».

² Кстати, само существование подобных сообществ свидетельствует о появлении новой формы электронного взаимодействия – компьютерно-опосредо-

ное пространство способствует возникновению ранее неизвестных организационных форм науки, адекватных новым вызовам времени и коммуникативным технологиям.

В России история сетевых научных сообществ, начавшись в первой половине 1990-х годов с небольших групп, сформировавшихся на основе компьютерных коммуникационных технологий (позднее – Интернета), получает свое продолжение благодаря интенсивному развитию различных по форме и активности виртуальных образований [8]. При этом следует отметить, что формирование виртуальных сообществ специалистов в России происходило не только благодаря расширению интерактивных и познавательных возможностей информационных технологий, но также в связи с активизацией некоторых форм культурного и научного сотрудничества в 1990-х годах, среди которых можно назвать следующие:

- поддержка российских исследователей представительствами зарубежных фондов (фонды Сороса, Карнеги, Аденауэра, Эберта, Британский Совет, IREX и пр.);

- формирование выпускниками этих программ или бывшими соотечественниками внутривузовских международных центров, работа которых носила чаще всего бессистемный образовательный и / или исследовательский характер.

Так, благотворительный фонд Сороса (Soros Foundation) в период с 1987 по 2003 гг. оказал крупнейшую для негосударственных некоммерческих структур помощь, потратив на поддержку российских ученых 721 млн. долл. (соросовские гранты).

Анализ российского сетевого пространства показывает, что в настоящее время разброс масштабов этих виртуальных формирований научных коллективов, носящих название сетевых профессиональных сообществ, очень широк: начиная с грид-сетей (grid system), которые используются при реализации обширных физических или энергетических проектов, порождающих огромные массивы экспериментальных данных, и заканчивая небольшими научными сообществами, образующимися спонтанно в процессе обсуждения новейших публикаций. Однако для всех сетевых сообществ характерна тенденция к объединению территориально удаленных исследователей, разделяющих общие интересы. Такие

ванной коммуникации [3; 6; 13]. Эта форма социальной коммуникации дала толчок формированию новых направлений науки – социальной информатики и информатики сообществ [4; 10].

виртуальные научные формирования чаще всего являются независимыми по отношению к традиционным, которые исполняют роль «вынужденного» ограниченного институционального образования с характерным локальным социальным взаимодействием [7; 12].

Коммуникативные возможности информационных технологий, используемые для обмена сообщениями между специалистами, были оценены по достоинству уже пользователями первых компьютерных сетей (ARPANet, BitNet, UseNet, Fido, Minitel), поддерживаемых при помощи соответствующих сетевых сервисов (e-mail, mailing list, news groups, BBS, IRC, P2P). В результате начали возникать объединения по профессиональным, научным и личным интересам.

Многообразие этих виртуальных объединений побудило некоторых исследователей сделать вывод, что сетевые (виртуальные, онлайнные) сообщества являются альтернативой или даже преемниками традиционных сообществ; они формируются в связи с необходимостью преодоления сложных социальных ситуаций (например, территориальная удаленность, проблемы физического здоровья, социальные или политические барьеры) [11].

Важным преимуществом, которое предоставляют сетевые сообщества, как считают некоторые исследователи этого явления [5], является доступ к информации и ресурсам, возможность использования которых затруднена сложными социальными ситуациями. Другим преимуществом этих сообществ можно считать возникающие в результате использования информационных технологий возможности сотворчества, креативности. Технологическим основанием приобретения этих особенностей оказываются сервисы Интернета прежде всего такой его формы, как Web 2.0, – начиная с офлайнных / онлайнных технологий и заканчивая создаваемыми совместными усилиями интернет-ресурсами (блоги, вики, подкасты, P2P). Подобные коммуникативные возможности, по мнению исследователей [8; 9], являются предвестником киберкультуры нового, второго поколения пользователей Интернета.

Эти и многие другие результаты исследований, проведенных в различных странах мира, показывают преимущественно позитивное отношение пользователей к использованию Интернета в своей социальной и профессиональной деятельности и формированию различного типа сетевых сообществ [2; 12].

Адаптирование и развитие интернет-технологий для целей научной коммуникации, формирования систем поиска и «складирования» необходимой научной информации, повышение освеще-

домленности о последних научных достижениях являются немаловажными факторами интереса к информационным технологиям профессиональных сообществ.

В зависимости от используемых критериев выделяют разные типы сетевых сообществ, например по целям объединения: *сообщества свободного доступа в компьютерные сети* (FreeNets, Fido); *локальные сетевые сообщества* (community network); *сообщества пользователей MOO / MUD*; *сообщества поддержки* (support communities); *зрительские, создаваемые почитателями* (audience community); *медиа*, формируемые создателями веб-сайтов медиаиндустрии (*media communities*) и кольца веб-сайтов (*Web rings*), формируемые для облегчения поиска информации и обмена информационными ресурсами [6]. Необходимо также назвать сообщества *по интересам* (community of interest), члены которых обмениваются мнениями по поводу тех или иных событий, но не могут оказывать на эти события непосредственного влияния, и *сообщества обмена знаниями* (community of practice), члены которых вовлечены в совместную деятельность.

Эти формы организации научной деятельности получили быстрое распространение в США и наиболее развитых европейских странах, органически ассимилировавших сетевые информационно-коммуникационные технологии. Их анализу и обобщению опыта была посвящена отдельная работа [1], в которой подробно исследовалась эволюция форм и типов таких сообществ. Следует заметить, что изучение и обобщение такого рода практик чрезвычайно важно для распространения эффективного опыта в рамках научного сообщества: слишком дорого обходятся неудачи при осуществлении капиталоемких исследовательских проектов, поэтому целесообразно анализировать практические примеры, чтобы оптимизировать риски, подбирать лучшие образцы технологий и социальных моделей.

Для того чтобы описать и сравнить все многообразие научных интернет-сообществ была предпринята попытка разработки их классификации, причем целью данной классификации было не выделение самых часто встречающихся типов из исследуемой выборки, а описание всего многообразия успешных проектов. Как уже отмечалось, сетевые сообщества интересуют нас в плане продвижения в области создания коммуникационной инфраструктуры, позволяющей объединить распределенные усилия при решении общих научных проблем. Соответственно в качестве базовых

методологических оснований типологии сетевых сообществ были выбраны такие понятия, как *инструменты, данные и знания*.

Таблица 1

*Типы виртуальных научных сообществ по категориям:
Используемые ресурсы и тип деятельности*

	Инструменты	Информация (данные)	Знания (новые результаты, открытия)
Неформальное объединение (свободные связи, часто асинхрон- ные)	Сообщество с общедоступны- ми инструмента- ми	Сообщество с общедоступ- ными базами данных	Виртуальное образова- тельное сообщество, виртуальное сообщест- во практики
Совместная целенаправлен- ная деятельность (более тесные контак- ты, часто синхрон- ные)	Инфраструктур- ные проекты сообщества	Открытое сообщество исследователей	Распределенный исследовательский центр

Двухразмерная классификационная таблица (табл. 1) систематизирует многие из существенных различий между проектами. Каждый тип сообщества помещается в ячейку таблицы в соответствии с доминирующим *видом ресурсов* и *типов деятельности*, которые в нем используются. Первое измерение (вдоль горизонтальной оси) дифференцируется на основании типа ресурса, который будет совместно использован в проекте. В случае «сообщества с общедоступными инструментами» и «инфраструктурных проектов сообщества» такими ресурсами будут научное оборудование и инструменты, например телескопы или оборудование компьютерного центра. Другие категории по этому измерению – информация и знание. Совместное использование каждого из этих типов ресурсов требует различных технологий, методов и организационных структур, результатом чего становится создание различного типа сетевых сообществ.

Второе измерение (вдоль вертикальной оси) выделяет *тип деятельности*, которая объединяет участников каждого проекта: различие по этому основанию дифференцирует как проекты со слабой, часто асинхронной связью, так и проекты с сильной связью, в которых взаимодействие осуществляется в основном в режиме реального времени.

В общем случае движение от левой верхней к правой нижней ячейке отражает динамику форм сетевых сообществ, которыми становится все сложнее управлять и поддерживать в рабочем состоянии. Всегда труднее совместно использовать знание, чем данные или инструменты, а участие в творческом коллективном процессе исследования является гораздо более сложной задачей, чем простое агрегирование результатов исследований отдельных ученых или их групп.

Далее было проведено исследование российского интернет-пространства на предмет наличия в нем всех перечисленных выше типов научных сетевых сообществ, объединяющих исследователей, географически разделенных между собой, но решающих одни и те же исследовательские задачи.

1. Сообщество с общедоступными инструментами

Основная функция сетевых сообществ этого типа заключается в расширении доступа к научному инструментарию: они часто обеспечивают удаленный доступ к дорогим приборам для исследований, например к телескопам и другим приборам наблюдения, а также обеспечивают участников широко развитой коммуникационной инфраструктурой и многочисленными уникальными данными.

Проект «Российская виртуальная обсерватория»¹

К настоящему времени в мире созданы и функционируют 17 национальных и международных проектов Виртуальных обсерваторий. Их осуществление не лимитируется национальными границами. В проектах используются наблюдательные данные в широком диапазоне длин волн, полученные с космических и наземных инструментов, используемых международным астрономическим сообществом. Цель каждого проекта – вооружить астрономов мощными механизмами современного исследования наблюдательных данных, механизмами, которые могут быть также использованы и коллегами из смежных наук.

Национальные Виртуальные обсерватории начали создаваться в разных странах с 2000 г., и одной из первых была Российская виртуальная обсерватория (РВО). Инициаторами создания

¹ <http://www.inasan.ru/rus/rvo/>

РВО стали Центр астрономических данных Института астрономии РАН и Специальная астрофизическая обсерватория РАН. В настоящее время проект РВО осуществляется на основе соглашения, подписанного директорами Института астрономии РАН, Института проблем информатики РАН, Государственного астрономического института имени Штернберга МГУ и Специальной астрофизической виртуальной обсерватории. Конечной целью проекта является обеспечение российским астрономам доступа к источникам данных и метаданных, создаваемых в результате работы дорогостоящего оборудования в обсерваториях, размещенных в разных уголках нашей страны.

В России действует около 30 астрономических институтов и организаций, многие из которых располагают обширными архивами данных и сотрудничают в создании РВО. Одним из преимуществ российских астрономических данных является возможность создания объединенных с данными обсерваторий других стран продолжительных рядов наблюдений. Это обусловлено тем, что многие обсерватории в России, которая занимает 9 часовых поясов по долготе и простирается почти до сороковой параллели по широте, расположены на противоположной относительно большинства крупных мировых обсерваторий стороне земного шара.

Основными целями проекта РВО являются предоставление российскому астрономическому сообществу удобного и эффективного механизма доступа к зарубежным источникам данных и объединение российских астрономических информационных ресурсов как важного компонента для интеграции в Международную виртуальную обсерваторию.

Виртуальная обсерватория представляет собой реализацию концепции электронной науки в астрономии; это мощная виртуальная среда, предназначенная для увеличения возможностей астрономических исследований и научного выхода данных. Основная миссия «Виртуальной обсерватории» – продуцирование полученных с помощью дорогостоящих инструментов данных, готовых к научному использованию, предоставление сервисов доступа к ним и широкий набор соглашений для обеспечения прозрачности рутинных операций, что само по себе открывает новые возможности для эффективных научных исследований, обходящихся без рутинной низкоуровневой составляющей.

В технологическом аспекте сообщества этого типа дали мощный толчок развитию инструментов синхронной (в реальном времени) коммуникации и методов удаленного доступа. Кроме

того, безусловной заслугой проекта считается усовершенствование работы сети лабораторных компьютерных сетей, которые, обеспечивая доступ к работе из разных местоположений, автоматически сохраняли результаты исследований, обеспечивая при этом необходимый уровень безопасности.

Зачастую при организации проектов таких электронных лабораторий приходится решать неоднозначную проблему физического распределения удаленного доступа. От решения данной проблемы в значительной степени зависит оптимизация конечного эффекта, однако универсальной методики не существует хотя бы потому, что в значительной части конкретных случаев наибольший вес имеет мнение самого мощного финансового учредителя.

2. Сообщество с общедоступными базами данных

Пользователи общедоступных баз данных основывают свои исследования на использовании информационных ресурсов, которые созданы, поддержаны или усовершенствованы географически распределенным сообществом профессионалов. Обычно такие информационные ресурсы относятся к областям широкого интереса и являются практически полуобщественными; типовые образцы таких сообществ формируются на основе электронных или цифровых библиотек.

Ярким примером такого сообщества является клуб профессионалов Фонда «Общественное мнение», который успешно функционирует в Сети на протяжении нескольких лет.

Клуб Фонда «Общественное мнение», ФОМ-клуб¹

ФОМ-клуб организован как сообщество людей, профессионально заинтересованных в социологической информации и информации об обществе. Цель проекта – создать крупный информационный и дискуссионный ресурс социологической тематики, основанный на использовании уникальной базы данных, собранной Фондом «Общественное мнение».

Начиная с 1992 г. ФОМ проводит многочисленные, в том числе и еженедельные, общероссийские репрезентативные опросы городского и сельского населения, опираясь на постоянных партнеров и на разветвленную сеть своих отделений, расположенных

¹ <http://club.fom.ru/>

практически на всей территории России. Сегодня Фонд – это хорошо налаженная «фабрика опросов», которая обладает необходимыми ресурсами и уникальной командой профессионалов. Строгая система контроля и авторская методика выборки позволяет производить уникальные массивы данных, характеризующие основные направления развития России, особенно это касается инновационных проектов. Как сказано на сайте Фонда «Общественное мнение»¹, ФОМ работает в недельном цикле: «Проводятся еженедельные общероссийские опросы населения по репрезентативной выборке в 200 населенных пунктах 63 областей, краев и республик всех экономико-географических зон России. Интервью по месту жительства. Размер выборки – 3000 респондентов». Кроме этого проводятся электронные и «обычные» (дискуссионные) фокус-группы (ЭФГ и ДФГ), опросы экспертов. Идет и регулярный мегаопрос населения – Георейтинг. Его проводят в 69 субъектах Российской Федерации (93,4% взрослого населения России). В каждом субъекте РФ репрезентативная выборка – 500 респондентов. Результаты опросов публикуются на сайте ФОМа. Во многих разделах сайта новые материалы появляются каждый день, но основные данные Фонда – результаты опросов – обновляются раз в неделю.

Итогом этих исследований становится формирование и пополнение баз данных, содержащих результаты всероссийских и региональных опросов в виде таблиц, круговых диаграмм, графиков, данных фокус-групп и статей – коротких ознакомительных и обзорных аналитических. Для ориентации в многочисленных массивах информации на сайте ФОМа существует каталог базы данных².

Он двойной – структурный и тематический. Структурный каталог – это каталог проектов ФОМа. Там можно увидеть «доминанты» – результаты еженедельных опросов, найти специальные подборки по наиболее важным темам. Здесь также можно обнаружить сведения о проектах (в том числе уже завершенных), выпуски бюллетеня «ФОМ-Инфо», издаваемого в помощь журналистам, ознакомиться со списком авторов Фонда. Структурный каталог полезен для ориентации в изданиях и проектах ФОМа. Тематический каталог³ – наиболее универсальный инструмент поиска: в

¹ <http://fom.ru/>

² <http://bd.fom.ru>

³ <http://bd.fom.ru/cat/>

нем все имеющиеся на сайте документы выложены в иерархическую сеть категорий.

Расположенная на сайте Фонда база данных стала основой для объединения специалистов-исследователей, заинтересованных в такой информации, готовых делиться своими мыслями с профессиональным научным интернет-сообществом. Так был создан ФОМ-клуб, собравший под своей эгидой людей, стремящихся к познанию общества и повышению своего профессионального уровня. Общение, обмен мыслями и рождение идей – вот основные ценности в Клубе.

ФОМ-клуб – это некоммерческий проект. Все ресурсы сайта находятся в открытом доступе. Идея создать площадку для обсуждения самых различных вопросов, связанных с полученными в результате исследований ФОМа массивами данных, возникла в Фонде «Общественное мнение» довольно давно. Возникла она по очень простой и понятной причине: вокруг результатов, полученных в исследованиях Фонда, разворачивались всевозможные (подчас весьма горячие) споры и дискуссии. Кроме официальных результатов исследований, которые публиковались Фондом, высказывались мнения, идеи, которые хотелось еще как-то обсудить и проверить.

В настоящее время в клубе ФОМ насчитывается более 4300 зарегистрированных членов, которые могут вести свои записи; читать и комментировать записи других участников; налаживать контакты с другими членами Клуба, расширяя круг своих знакомых, единомышленников, коллег; участвовать в общих конференциях; организовывать обсуждения интересующих их вопросов; публиковать на сайте собственные материалы для обмена мнениями. За несколько лет существования сообщества на форумах ФОМ-клуба прошло более десятка крупных тем, таких как опросы общественного мнения в Америке, вопросы формализации структуры дискурса как математической теории, обсуждение языковых стилей, методологии классификации ответов на открытые вопросы. Тут же имеется большая **библиотека** – более 8 тыс. ссылок на социологические тексты (книги и статьи), а также – в разделе «Ссылки» – на сайты по социологии.

Библиотека включает несколько разделов. Три раздела посвящены персоналиям: «Известные зарубежные социологи», «Классики социологии» и «Современные отечественные социологи». В двух других крупных тематических разделах – «Общая социология» и «Социологические дисциплины» – материал лежит

«по наукам». Кроме того, есть разделы «Публикации членов ФОМ-клуба» и «Журнальный зал» – там выложены материалы нескольких отечественных и иностранных социологических журналов (European journal of social theory, Field methods, International sociology, Journal of classical sociology, Journal of sociology, Sociology, «Вестник общественного мнения», «Мир России», «Мониторинг общественного мнения», «СоцИс», «Социологический журнал», «Социология: Методология, методы, математические модели», «Социология: Теория, методы, маркетинг»).

Таким образом, электронные базы эмпирических данных и теоретических публикаций стали центром профессионального сообщества социологов и политологов, которое на протяжении нескольких лет откликается на самые актуальные вопросы современности, внося свой активный вклад в развитие социальной теории.

3. Открытое сообщество исследователей

Открытое сообщество пользователей или исследователей – это проект открытого научного сообщества, объединяющий усилия многих географически разделенных исследователей, работающих над общей научной проблемой. Вклад в общую работу осуществляется в форме научной деятельности, а не данных; возможность участия в проекте максимально облегчена – любой исследователь, независимо от его фактического местонахождения, может стать участником сообщества.

Проект MedPublika¹

В качестве примера можно привести социальную сеть для медиков в Рунете – профессиональное медицинское сообщество «Проект MedPublika». Его задача – повысить качество лечения пациентов на основе широкого обсуждения клинических случаев с коллегами по всей России. Социальная сеть призвана объединить российских врачей, фармацевтов-провизоров и студентов медицинских специальностей, предоставив удобную площадку для общения профессионалов: интерфейс сайта интуитивно понятен даже начинающему пользователю Интернета. В то же время сайт сообщества представляет собой полноценный информацион-

¹ <http://www.medpublika.ru>

ный ресурс – здесь можно ознакомиться с новостями медицины, актуальными научными статьями в удобном формате, посмотреть прямые предложения компаний по поиску медикаментов и оборудования.

Удобный интерфейс портала MedPublika.ru дает возможность ускоренной загрузки больших изображений с возможностью комментирования прямо на снимках. Специалисты выносят на суд коллег результаты МРТ, КТ, УЗИ или рентгенологических исследований и получают комментарии тысяч медицинских работников. Каждый участник социальной сети «Медпублика» имеет собственный профайл, он может добавлять других пользователей в друзья, вступать в тематические группы и принимать участие в обсуждениях.

Меню сайта сообщества включает в себя такие разделы, как информация о препаратах, клинические задачи, маркетинговые исследования, медицинские материалы. Раздел «Практика», например, включает в себя описание и обсуждение сложнейших клинических случаев, а также систему онлайн-консилиумов, в которой врачи могут загружать, искать и комментировать различные клинические случаи, с которыми сталкиваются их коллеги.

Команда MedPublika.ru собирает и публикует актуальные новости, достоверные исследования и прикладные статьи, анонсы отечественных и зарубежных фармацевтических новинок, сообщения о необычных методиках лечения и важных разработках. Редакция портала вместе с пользователями сервиса выдвигает гипотезы относительно сложных клинических задач, проводит маркетинговые исследования и социологические опросы, организует образовательные интернет-семинары.

4. Виртуальное сообщество практики

Сообщество практики, или сообщество обмена знаниями (community of practice), – термин, введенный Этьеном Венгером [14], – обозначает общественное образование, члены которого вовлечены в совместную деятельность, а онлайн-общение является необходимым условием их сотрудничества. Члены виртуального сообщества практики могут обмениваться новостями, представляющими для них профессиональный интерес, советами, методиками или интересными ссылками в Интернете. Важно одно – они не объединены формально членством в определенных совместных организационно оформленных проектах. По сути дела,

«виртуальное сообщество практики» – это клуб единомышленников, неофициальная сеть или форум, где группа профессионалов, неофициально связанных друг с другом посредством научной коммуникации по поводу общего класса проблем, непосредственно способствует аккумуляции знаний.

Существует различие между сообществом и организацией. В отличие от иерархических структур в сообществах обмена знаниями важна деятельность, а не формальные механизмы. Люди остаются в сообществах не потому, что должны, а потому что хотят получать знания и обмениваться знаниями. Сообщества существуют внутри формальных организаций, внутри таких образований, как семьи, церкви, различные общественные движения. Хотя сообщества могут действовать и внутри организаций и рабочих групп, но они создаются без приказов и указаний. Принадлежность к сообществу требует определенного уровня знаний по предмету, который объединяет членов сообщества. Общая компетентность в том или ином предмете выделяет членов данного сообщества из массы других людей и членов других сообществ.

Сетевое сообщество «Российская культурология»¹

Сетевое сообщество «Российская культурология» – интернет-проект Санкт-Петербургского отделения Российского института культурологии, виртуальная площадка для общения ученых-гуманитариев, работающих в сфере культурологии и смежных с ней областях. Проект призван способствовать объединению сил активно работающих ученых, предоставляя им следующие возможности:

- публикация информации о себе и получение информации о других ученых;
- расширенный поиск по базе данных с возможностью построения сложного запроса;
- профессиональное и личное общение, в том числе в реальном времени (форумы, чат);
- проведение интернет-конференций;
- публикация научных работ;
- обмен личными сообщениями (не электронная почта);
- организация интерактивных видеотрансляций научных мероприятий;

¹ <http://www.culturalnet.ru/>

- работа с интерактивной «культурологической картой»;
- подача электронных заявок на мероприятия Российского института культурологии по максимально упрощенной схеме.

Для организаций предусмотрена возможность адресной рассылки информации о готовящихся научных проектах или мероприятиях. Проект состоит из двух взаимосвязанных частей. Первая – это база данных культурологов России, состоящая из персональных страниц ученых, содержащих сведения об академических регалиях, приоритетных направлениях исследований, проектах и публикациях. База предоставляет возможность публикации полнотекстовых научных материалов и ссылок на другие академические ресурсы. Вторая – научный форум, позволяющий проводить интернет-конференции, публиковать интернет-доклады, обсуждать актуальные проблемы развития культурологического знания. Форум позволяет создавать собственные модерлируемые информационные и аналитические разделы. На форуме предусмотрены возможности общения в реальном времени (чат), проведения видеотрансляций и виртуальных коллоквиумов.

К концу 2011 г. в сообществе были зарегистрированы 1647 активных участников; на форумах представлены актуальные мнения сотен участников, помеченные самыми свежими датами. Возможно, успех сообщества обусловлен и тем, что на сайте представлены строгий регламент его существования и поддержания, а также прозрачные правила для вступления в его члены. Общее управление проектом осуществляют сотрудники Санкт-Петербургского отделения Российского института культурологии.

5. Виртуальное образовательное сообщество

Основная цель проектов данного типа – расширить, увеличить знание участников, но не обязательно путем осуществления своего собственного оригинального исследования. Такие виртуальные сообщества получили наибольшее распространение в сфере образования и демонстрируют огромный спектр разновидностей: от обычного дистанционного обучения до проведения онлайн-научных экспериментов и сеансов повышения профессиональной квалификации.

Новые технологии в сфере образования у нас в стране получили государственный статус, всячески поддерживаются различными официальными структурами. В широком смысле сформировалось виртуальное образовательное пространство, в котором

посредством цифровых коммуникаций взаимодействуют различные профессиональные сообщества. Основной единицей, генерирующей виртуальные образовательные сообщества, служат порталы, которые в отличие от традиционных сайтов, дают надежный доступ к интересующему пользователя содержанию, приложениям и службам, организованным как единое целое.

Создание образовательных порталов является логичным этапом организации виртуального образовательного пространства. Объемы литературы, посвященной опыту построения образовательных порталов, постоянно растут. При этом в мировой практике сосуществуют три типа образовательных порталов:

- организационно-ориентирующие порталы, посвященные помощи в выборе очного учебного заведения;
- порталы дистанционного образования, предлагающие платную альтернативу очному обучению;
- вспомогательные порталы, не отменяющие, а дополняющие имеющиеся базы данных очных учебных заведений.

Последний тип порталов опирается на стабильные институты в качестве основы своего развития – федеральные органы управления образованием, научно-методические центры или сообщества преподавателей. Во всех случаях залогом успешного развития портала является стабильность базовых институтов. В российском Интернете такими порталами являются федеральные образовательные порталы, среди которых: Российский образовательный правовой портал; портал «Социально-гуманитарное и политологическое образование»; Российский общеобразовательный портал и др. Перечисленные порталы отличаются удобством поиска и легкостью доступа ко всей необходимой информации по интересующему предмету. На них выложены учебные программы, глоссарий, статьи, книги (отсканированные для полнотекстового прочтения), информация о персоналиях, об аналитических и научно-методических центрах. Иначе говоря, их структура характеризуется интерактивной информативностью.

Федеральный портал «Единое окно доступа к образовательным ресурсам»¹

Целью создания федерального портала «Единое окно доступа к образовательным ресурсам» (ИС «Единое окно») является

¹ <http://window.edu.ru/>

обеспечение свободного доступа к интегральному каталогу образовательных интернет-ресурсов, к электронной библиотеке учебно-методических материалов для общего и профессионального образования и к ресурсам системы федеральных образовательных порталов. Информационная система «Единое окно доступа к образовательным ресурсам» создана по заказу Федерального агентства по образованию в 2005–2008 гг. Главной разработчик проекта – Федеральное государственное учреждение Государственный научно-исследовательский институт информационных технологий и телекоммуникаций (ФГУ ГНИИ ИТТ «Информика»)¹. ИС «Единое окно» является уникальным образовательным проектом в русскоязычном Интернете и объединяет в единое информационное пространство электронные ресурсы свободного доступа для всех уровней образования в России.

Основными разделами на портале являются библиотека, каталог, глоссарий и новостные ленты. В разделе «Библиотека» представлено более 27 тыс. учебно-методических материалов, разработанных и накопленных в системе федеральных образовательных порталов, а также изданных в университетах, вузах и школах России. Более половины учебно-методических материалов разработаны и переданы в «Библиотеку» ведущими университетами и вузами России, а также издательствами, отдельными преподавателями и авторами. Благодаря созданию «Библиотеки» удалось сохранить и сделать доступным для всех участников процесса обучения огромное количество учебных и методических материалов, в том числе ранее не оцифрованных. Материалы представлены в формате PDF, DJVU и HTML. Также на портале пользователям предложены компьютерные программы для просмотра представленных документов.

Все электронные копии учебно-методических материалов были размещены в «Библиотеке» с согласия университетов, издательств и авторов или перенесены с порталов и сайтов, владельцы которых не возражают против некоммерческого использования их ресурсов. Авторам учебников, методических пособий и разработок выдано более 5000 свидетельств о публикации в «Библиотеке».

В «Каталоге» хранится более 54 тыс. описаний образовательных интернет-ресурсов, систематизированных по дисциплинам профессионального и предметам общего образования, типам ресурсов, уровням образования и целевой аудитории.

¹ <http://www.informika.ru>

Расширенный поиск в «Каталоге» осуществляется по названию, автору, аннотации, ключевым словам с возможной фильтрацией по тематике, предмету, типу материала, уровню образования и аудитории. В ИС «Единое окно» предусмотрена единая система рубрикации, возможен как совместный, так и отдельный поиск по ресурсам «Каталога» и «Библиотеки».

Глоссарий терминов образования дает возможность просмотра перечня слов на заданную букву, поиска слова (фразы); имеется административный интерфейс для ввода новых слов. Система новостей ИС «Единое окно» предусматривает несколько новостных лент по образовательной тематике. Для взаимодействия авторам, поставщикам ресурсов и пользователям предоставлены возможности для коммуникаций в форме тематических форумов и раздела «Вопросы – ответы».

По приведенной статистике ежемесячная посещаемость вплоть до ноября 2011 г. составляла приблизительно 15 тыс. пользователей, что является свидетельством крайней востребованности ресурсов подобного типа.

6. Распределенный исследовательский центр

Данный тип общего рабочего пространства является характерным для работы университетского исследовательского центра, в котором сотрудники имеют географически различное местоположение и работают на расстоянии. По сути дела, это попытка объединить усилия, научный талант и ресурсы на уровне, превышающем возможности отдельных исследователей, объединенных общей областью исследования и совместными проектами в этой области. К сожалению, анализ российского сетевого пространства показал, что в сети такого рода сообщества не представлены, вероятно, по причине их организационной принадлежности спонсорским компаниям, ведущим определенные виды исследований, не нуждающихся в рекламе. Поэтому мы приведем пример такого сообщества из практики зарубежного сетевого пространства.

Сообщество медиков для травматологии¹

Электронная распределенная научная лаборатория в области травматологии представляет собой междисциплинарную программу исследований, поддержанную в 2001 г. и до сих пор ежегодно финансируемую Национальным институтом общемедицинской науки, структурным подразделением Национального института здоровья (США). Эта крупномасштабная совместная программа нацелена на изучение биологических причин, по которым у пациентов наблюдаются радикально различающиеся результаты лечения после получения травмирующего повреждения, на выяснение на молекулярном уровне процессов разрушения и восстановления органов после травмы. «Виртуальное сообщество для травматологии» является междисциплинарным сетевым сообществом исследователей из американских академических центров, в число которых входят стационары, проводящие клинические исследовательские испытания, академические научные центры, которые выполняют аналитические исследования крови и образцов ткани, и центры информатики и статистики, которые развивают и анализируют базы данных.

Программа объединяет семь основных групп, каждая из которых состоит из руководителя, участников-исследователей и других экспертов. Основной персонал состоит из очень успешных ученых в области идентификации и количественного моделирования событий, которые следуют за получением пациентами травмы, на молекулярном уровне. Кроме того, для обеспечения междисциплинарного характера исследований в проект включены эксперты, работающие в сопряженных областях науки: специалисты в области биологии, биоинженерии, биоинформатики и т.п. Финансирование гарантирует основные ресурсы, которые обеспечивают экспертизу, технологию и сложные реляционные базы данных; последние в конечном счете и определяют успех этой программы.

Распределенные исследовательские центры сталкиваются со всеми технологическими проблемами, упомянутыми при анализе других типов *e*-лабораторий, включая стандартизацию данных и обеспечение технической поддержки на дальние расстояния. Особенно это касается разработки процедур и методов научного сотрудничества, как двустороннего (между двумя географически

¹ Inflammation and the host response to injury: A multi-disciplinary research program. – Mode of access: <http://www.gluegrant.org/>

разделенными исследователями), так и многосторонних сеансов одновременной связи в реальном времени, обеспечивающих научные контакты целой группы заинтересованных специалистов.

Очевидно, что этот тип электронной лаборатории является самым амбициозным из числа вышеперечисленных. Однако именно по этой причине он сталкивается с дополнительными проблемами организационного характера. Речь идет не столько о поддержке научных контактов и создании стандартных протоколов передачи данных среди географически распределенных сотрудников, сколько о выработке единых унифицированных процедур процесса принятий решений и осуществлении удаленной административной поддержки. Одной из сложнейших проблем является урегулирование вопросов, связанных с установлением интеллектуальной собственности сотрудников, работающих вместе над одной исследовательской проблемой, но принадлежащих штату различных научных организаций – университеты являются наиболее жесткими защитниками внутренней интеллектуальной собственности и зачастую оспаривают многосторонние соглашения о совместном использовании.

Часто в рамках подобных проектов приходится сталкиваться и с кадровыми проблемами – проблемами успешности карьеры для младших сотрудников. Для них возникает дилемма, что лучше – фигурировать в качестве одного из нескольких авторов на одном или двух, пусть даже очень важных, документах, либо быть единоличным автором меньшей по значимости, но самостоятельной работы? Действительно ли участие в значительных глобальных проектах является хорошим карьерным решением для них, ведь значительное количество своего времени они тратят на решение организационных задач и встречи, а не на самостоятельный анализ и интерпретацию данных? Эти вопросы ставят реальную проблему привлечения и стимулирования молодых кадров, вовлеченных в виртуальные распределенные исследовательские центры.

7. Инфраструктурные проекты сообществ

Впечатляющие результаты демонстрируют «инфраструктурные проекты сообществ», изначально направленные именно на развитие инфраструктуры, которую можно и в дальнейшем использовать для работы в определенной области. Под инфраструктурой здесь понимаются общие ресурсы, способствующие продвижению науки, такие как элементы программного обеспечения,

стандартизированные протоколы передачи данных, новые типы приборов для исследований и образовательные технологии. Часто инфраструктурные проекты бывают междисциплинарными, объединяющими вместе известных ученых разных специальностей, представителей частного сектора, чиновников из организаций-учредителей и программистов.

Концепция Grid – географически распределенная вычислительная платформа, состоящая из множества машин разных типов, доступ к которым пользователи могут получать через единый интерфейс. Иными словами, Grid предлагает технологию доступа к общим ресурсам и службам в рамках распределенных виртуальных организаций, состоящих из предприятий и отдельных лиц, которые могут совместно использовать ресурсы. Работа Grid отличается от традиционных распределенных вычислений, поскольку она ориентирована на широкомасштабное совместное использование ресурсов, предлагает приложения новых типов и в ряде случаев позволяет формировать высокопроизводительные системы. Первоначально технологии Grid предназначались для научных и инженерных приложений. Однако теперь они становятся основой для координированного совместного использования ресурсов в динамических, охватывающих многие предприятия виртуальных организациях в промышленности и в бизнесе. Таким образом, сегодня Grid служит универсальной эффективной инфраструктурой для высокопроизводительных распределенных вычислений и обработки данных. К приложениям Grid относятся: сложное моделирование на удаленных суперкомпьютерах; совместная визуализация очень больших наборов научных данных; распределенная обработка в целях анализа данных; связывание научного инструментария с удаленными компьютерами и архивами данных.

За последние пять лет создано несколько вариантов инструментария и исполнительных сред для реализации Grid-приложений, в том числе Legion¹, Condor² и Unicore³. Одно из самых популярных программных решений, которое становится стандартом де-факто на реализацию систем Grid, – это Globus Toolkit⁴. Данный инструментарий охватывает вопросы защиты, обнаружения информации, управления данными и ресурсами, коммуника-

¹ www.legion.virginia.edu

² <http://research.cs.wisc.edu/condor/>

³ www.unicore.org

⁴ www.globus.org/toolkit

ции, выявления ошибок и переносимости. Соответствующие механизмы оформлены как службы, которые выполняют различные операции в Grid-приложениях. Сейчас Globus и подобные ему инструментальные средства применяются во многих проектах по всему миру. Пока большинство из них относится к научным и техническим вычислениям, однако число проектов Grid в образовании, промышленности и бизнесе быстро растет.

В организационном плане инфраструктурные проекты зачастую стоят перед проблемой выбора менеджеров из академической среды или из частного сектора. Этому было посвящено отдельное исследование [11], результатом которого стал вывод о том, что управленцы из частного сектора оказываются эффективнее на этапе завершения работ в запланированное время и в рамках выделенного финансирования. В то же время академические менеджеры функционируют в целях максимального удовлетворения специфических потребностей ученых, что создает предпосылки для максимального раскрытия их потенциала и, следовательно, для получения более содержательных результатов. Однако устанавливается этот баланс в каждом конкретном случае по-разному в зависимости от множества причин, на анализе которых мы останавливаться не будем.

Российский грид для интенсивных операций с данными (РДИГ / EGEE)

Консорциум *РДИГ* (Российский грид для интенсивных операций с данными) – Russian Data Intensive Grid, RDIG¹, представляет собой региональную федерацию в рамках проекта EGEE². Участниками РДИГ являются следующие российские исследовательские институты: НИИЯФ МГУ, ИТЭФ, ИФВЭ, ИМПБ РАН, ОИЯИ, ПИЯФ РАН, РНЦ КИ, ИПМ РАН.

¹ www.egee-rdig.ru

² Проект EGEE – Enabling Grids for E-sciencE – направлен на создание международной инфраструктуры, основанной на технологиях грид, для обеспечения электронной науки адекватными инструментами и технологиями. Финансируется Европейской комиссией. Проект выполняется консорциумом из 70 институтов в 27 странах, объединенных в региональные гриды. В результате будет построен самый крупный в мире грид с суммарной вычислительной мощностью 20 000 ЦПУ. Научно-исследовательское сообщество Европы получит в распоряжение общий рынок компьютеринга, обеспечивающий круглосуточный доступ к крупнейшим вычислительным ресурсам. Доступ не будет зависеть от месторасположения потребителей и будет основываться на научных сетях Geant и NRNs.

Участие России в проекте по созданию общеевропейского ГРИД имеет свою предысторию. На первом этапе участники РДИГ заложили базу для распространения концепции грид в нашей стране. Несколько институтов ядерной физики, участвуя (без финансирования) в проекте DataGrid, построили первый российский полигон грид, успешно справились с установкой программной составляющей инфраструктуры и принимали участие в экспериментальных расчетах. Был создан Российский сертификационный центр и прототип Операционного центра, в состав которого входят службы брокера заданий и мониторинга. С 1999 г. российские институты активно участвовали в компьютеринге по проекту LHC, в 2002 г. присоединились к проекту LCG, а в июле 2003 г. Российский региональный грид был включен в грид LCG.

В России ведутся научно-исследовательские и проектные работы в области грид. К примеру, ИПМ РАН разработал службу диспетчеризации заданий «грид-диспетчер», используя новые методы и алгоритмы для решения задачи планирования в постановке для грид. РИЦ «Курчатовский институт» является координатором российской части проекта Fusion Grid для задачи термоядерного синтеза.

В рамках проекта EGEE главная цель российской стороны – включение РДИГ в общую инфраструктуру EGEE и обеспечение постоянного функционирования как полноценной операционной и функциональной компоненты.

РДИГ составляется из Ресурсных центров (РЦ) организаций-участников и двух управляющих центров: Базового инфраструктурного центра (БИЦ) и Регионального операционного центра (РОЦ). На этой основе решаются следующие задачи.

- Создание и наращивание мощностей РЦ, установка и обновление версий программного обеспечения EGEE.
- Поддержка функционирования РЦ, БИЦ, РОЦ, включая обеспечение бесперебойной работы (создание резервных копий, протоколирование и учет, восстановление от сбоев).
- Управление функционированием инфраструктуры: регистрация пользователей, мониторинг.
- Развитие сетевой инфраструктуры РДИГ и включение ее в европейские сети EGEE GEANT и NRENs.
- Тестирование и поддержка новых версий программного обеспечения EGEE и приложений; адаптация программного обеспечения, оценка и выработка рекомендаций по развитию.
- Поддержка пользователей и виртуальных организаций.

Важная роль в проекте отводится второму направлению деятельности – пропаганде и распространению знаний о концепции грид и EGEE, а также обучению пользователей навыкам работы с системой. Задачи РДИГ в этом плане следующие.

- Распространение материалов EGEE в прессе, а также путем создания тематических web-сайтов.
- Организация конференций, лекций и презентаций.
- Перевод на русский язык основополагающих публикаций по грид, пресс-релизов и других материалов EGEE.
- Публикация аналитических статей и обзоров.
- Обучение специалистов навыкам работы в грид EGEE: разработка обучающих материалов, организация и проведение курсов.

В заключение следует отметить, что существуют два базовых фактора, оказывающих решающее воздействие на процессы создания и использования ресурсов Сети в науке и образовании.

Во-первых, интенсивное распространение информационных и телекоммуникационных технологий, появление электронных форм издательской деятельности, бурная экспансия наиболее распространенного вида сервиса глобальной сети Интернет – «Всемирной паутины» (World Wide Web, или WWW). Фактор технологического развития способствует экспоненциальному росту сетевых источников информации, в том числе и в области социальных наук.

Во-вторых, в результате социальной глобализации и интернационализации изменился характер самой научной деятельности, форм воспроизводства научного знания и коммуникации в сообществе. На базе Интернета в науке началось образование универсального информационного пространства, в рамках которого преодолеваются междисциплинарные разграничения внутри отдельных отраслей знания, складываются сетевые научные коллективы, протекает обмен диверсифицированной научной информацией в профессиональных «виртуальных сообществах».

Безусловно, примеры из российского сетевого пространства показали огромный вариативный разброс реальных объектов, носящих название сетевых профессиональных сообществ. Для российской науки большой интерес к таким сообществам пока, к сожалению, не характерен. Не углубляясь в специальный анализ причин этого явления, отметим, однако, быстрое распространение этой формы организации научных исследований в США и наибо-

лее развитых европейских странах, органически ассимилировавших сетевые информационно-коммуникационные технологии. Вследствие этого глубокое изучение и распространение опыта западных стран представляется весьма целесообразным, поскольку они предъявляют вполне успешные образцы новых организационных форм проведения научных исследований.

Список литературы

1. Жукова Т.И., Тищенко В.И., Попков Ю.С. От распределенных баз данных к созданию практических сообществ: Типология сотрудничества // Труды Института системного анализа РАН. – М.: УРСС, 2010. – Т. 55: Информатика сообществ: Системный анализ и инструменты / Под ред. В.И. Тищенко. – С. 139–154.
2. Патаракин Е.Д., Ярмахов Б.Б. Веб 2.0 – управление, изучение и копирование // Образовательные технологии и общество. – Казань, 2007. – Т. 10, № 2. – С. 245–258.
3. Розина И.Н. Педагогическая компьютерно-опосредованная коммуникация: Теория и практика. – М.: Логос, 2005. – 439 с.
4. Тищенко В.И. Информатика сообществ – методология реальности // Труды Института системного анализа РАН. – М.: УРСС, 2010. – Т. 55: Информатика сообществ: Системный анализ и инструменты / Под ред. В.И. Тищенко. – С. 6–11.
5. Bakardjieva M., Smith R. The Internet in everyday life // J. of new media a. society. – L., 2001. – Vol. 3, N 1. – P. 67–83.
6. Barnes S.B. Computer-mediated communication: Human to human communication across the Internet. – Boston (MA): Allyn & Bacon, 2003. – xv, 347 p.
7. Cerulo K. Reframing sociological concepts for a brave new (virtual?) world // Sociological inquiry. – Los Angeles (CA), 1997. – Vol. 67, N 1. – P. 48–58.
8. Gorny E. A creative history of the Russian Internet: PhD thesis / Univ. of London. – L., 2006. – ix, 378 p. – Mode of access: http://www.ruhr-uni-bochum.de/russ-cyb/library/texts/en/gorny_creative_history_runet.pdf
9. Gorny E. Dynamics of creativity in Russian cyberculture: Presentation at Oxford Internet institute. – Oxford, 7 August 2003. – Mode of access: http://www.zhurnal.ru/staff/gorny/english/dynamics_of_creativity-oi-2003.html
10. Gurstein M. What is community informatics (and why does it matter)? – Monza: Polimetrica, 2007. – 105 p.
11. Rheingold H. The virtual community // Making connections: Reading in relational communication / Ed. by K.M. Galvin, P. Cooper. – Los Angeles (CA): Roxbury, 1996. – P. 295–299.
12. Rice R.E., Katz J.E. Social consequences of Internet use: Access, involvement and interaction. – Cambridge (MA): MIT press, 2002. – xxiv, 460 p.
13. Thurlow C., Lengel L.B., Tomic A. Computer-mediated communication: Social interaction and the Internet. – L.: SAGE, 2004. – viii, 224 p.
14. Wenger E. Communities of practice: Learning as a social system // Systems thinker. – Waltham (MA), 1998. – Vol. 9, N 5. – P. 1–8.

В.И. Тищенко, Т.И. Жукова, Н.С. Смирнова

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ КОММУНИКАЦИИ В АКАДЕМИЧЕСКОМ НАУЧНОМ СООБЩЕСТВЕ¹

Одно из центральных мест в исследовании научной деятельности, казалась бы, должно принадлежать вопросам взаимодействия ученых, их профессиональному общению в процессе работы – научным коммуникациям. Однако это не так. Внимание к интенсивному общению ученых как институциональной форме организации специфической профессиональной деятельности начало формироваться лишь в середине XV–XVI вв. – в эпоху возникновения и становления первых научных академий и научных обществ².

Начиная с XVIII в. наличие коммуникаций ученых признавалось существенной характеристикой научной деятельности, однако объектом специального анализа коммуникация в науке стала сравнительно недавно. Практически первые шаги в этом направлении были, предприняты в конце 1950-х начале 1960-х годов, – отмечают Э.М. Мирский и В.Н. Садовский [12, с. 6].

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ по гранту № 11-06-00275-а «Становление сетевых научных сообществ в виртуальном пространстве: Факторы, механизмы, модели».

² В 1438 г. Козимо Медичи основал во Флоренции Платоновскую академию; в 1542 г. в Риме возникает Витрувианская академия, в 1603 г. – Академия дей Линчей, в 1607 г. – Академия дель Чименто и т.д. Важнейшую роль в формировании научных контактов как особой формы организации научного познания сыграли Лондонское королевское общество (1660) и Парижская академия наук (1666). Выдающаяся заслуга в создании последней принадлежит монаху-минориту М. Мерсенну, благодаря деятельности которого были установлены научные контакты между ведущими учеными того времени – Р. Декартом, Б. Паскалем, Г. Галилеем, Э. Торичелли, П. Ферма и многими другими [5; 13; 26].

На 60–70-е годы XX в. приходится первая волна углубленного исследовательского интереса к различным формам научных коммуникаций и социальных связей в науке [22]. Актуальность исследования специфики научного сообщества была обусловлена требованиями, процессами и задачами разработки крупномасштабных систем научно-технической информации с широким применением средств вычислительной техники. Этот процесс, осуществляемый как в национальных, так и в международных масштабах, сопровождался использованием и разработкой документированных средств научно-технической информации [24; 6].

Новый всплеск интереса к исследованиям научных коммуникаций наблюдается в настоящее время. Он связан с кардинальными преобразованиями коммуникационных процессов в современном обществе в результате развития интернет-технологий, особенно в форме Web 2.0, становлением глобального информационного общества [3].

Однако анализ исследований, предметом которых выступают коммуникационные аспекты научной деятельности [12; 1; 23; 46; 40], показывает, что и в середине прошлого века, и сейчас представления о научной коммуникации носят в основном эмпирический характер.

Трудности в теоретической интерпретации исследований научной коммуникации связаны в основном с тем, что выводы, на которых они могли бы основываться, оказываются не чем иным, как опирающимися на «чистую интуицию» обобщениями отдельных эмпирических фактов, представленных в виде классификаций или моделей коммуникаций [38]. Речь идет не только о различении формальной и неформальной коммуникации, межличностной и безличной, непосредственной и опосредованной и т.п. Исследователи строят множество различных моделей, интерпретирующих процесс общения ученых с разных точек зрения. Однако основания для определения и ранжирования существующих в социологии науки моделей функционирования системы научной коммуникации слабо связаны между собой теоретически. Совершенно очевидно, что различные трактовки коммуникационной системы науки в значительной степени связаны с профессиональной позицией отдельного исследователя. Это обусловлено тем, что эмпирическое исследование в соответствии со своей природой всегда проводится на некотором ограниченном сегменте изучаемой реальности. Типичность этого фрагмента, точнее, способ определения выбранного фрагмента как типичного для исследуемой сово-

купности (как по содержанию, так и в отношении его статистической репрезентативности), непосредственно зависит от используемых исследователем методов и степени разработки им вопросов о природе изучаемой системы в целом. Стремление преодолеть эмпиричность в рассмотрении коммуникационных научных систем характерно для этого направления социологии науки начиная с его первых шагов.

Как следует из анализа ряда работ по классической социологии науки [29; 47; 46; 45; 48], на первых порах развития исследований научных коммуникаций при определении изучаемого объекта как некоторой достаточно ограниченной и внутренне связанной единицы решающую роль играл выбор того или иного метода исследования. Традиционно для выделения и определения научных коллективов и коммуникаций в их среде использовались методы, которые основывались на анализе состава научной литературы. При этом в качестве объекта исследования рассматривались научные справочники, сети цитирования, группы соавторства, объединение вокруг выбранного научного журнала, научной дисциплины или проблемы [28; 36; 50]. Нередко использовались критерии, основанные на собственных оценках участниками их профессиональных контактов и социальных отношений [6; 4]. В отдельных случаях объектом выделения научных сообществ, а следовательно, и коммуникаций оказывались материальные основания (типы оборудования и аппаратуры) социального взаимодействия ученых. Последнее получило распространение в связи с появлением в научных лабораториях таких сверхсложных приборов или установок, как ускорители элементарных частиц, или грид-технологии [30; 39; 51].

Осознание ярко выраженной эмпирической направленности такого анализа процессов научного познания и научной коммуникации заставило социологию науки искать пути преодоления методологических трудностей интеграции данных, получаемых разными исследователями в результате применения несопоставимых методов идентификации научного сообщества. Для этого пришлось обратиться к определению эпистемологических оснований описания научного сообщества как институциональной основы системы научных коммуникаций.

Еще Томас Кун в первом издании своего труда «Структура научных революций» [44] предлагал отождествить два ключевых понятия новейшей концепции развития науки – «парадигма» и «научное сообщество». Парадигма – это то, что объединяет членов

научного сообщества, а научное сообщество состоит из людей, разделяющих парадигму. Очевидно, что в предпринятой попытке выделить теоретические основания сообщества и, соответственно, научных коммуникаций, Кун исходил прежде всего из эпистемологических и методологических соображений, рассматривая некоторое содержание знаний, вокруг которого в дальнейшем организуется исследовательская деятельность. В дальнейшем он отказался от этой точки зрения. Поскольку «научные сообщества могут и должны быть выделены как объект без обращения к парадигме; последняя может быть обнаружена затем путем тщательного изучения поведения членов данного сообщества» [17, с. 232].

На следующем этапе теоретических интерпретаций коммуникационных структур и оснований их идентификации исследователи формулируют требование об инвариантности выделения научных сообществ не только в отношении различных методик эмпирического исследования, но и относительно различных областей изучения науки. В качестве основания представления инвариантности научных коллективов или сообществ, они предлагают рассмотреть такие понятия, как «научная дисциплина», «специальность», «отрасль», «проблемная область», которые обычно используются для обозначения научных исследовательских коллективов и интеллектуальных группировок [2; 21; 27; 37].

Однако сами по себе эти понятия, хотя и могут выступить в качестве теоретических оснований выделения научного сообщества или коммуникаций в его среде как предмета исследования, тем не менее не способны обеспечить системность описания научных коммуникаций. Для этого необходимо обратиться к анализу множества процессов коммуникации, обмена информацией и контактов между учеными, которые формируют весьма сложную ткань социальных отношений, складывающихся в процессе создания и распространения научного знания. Становится целесообразным использовать термин «исследовательская сеть», характеризующий сравнительно интенсивную концентрацию связей по интересу [14; 15; 16; 25; 52]. Обращение социологии науки конца 1980–1990-х годов к представлению системы научных коммуникаций как формальных, так и неформальных, в качестве сети показывает, что вопрос о выборе методологически, теоретически и эмпирически обоснованных и приемлемых единиц анализа науки является далеко не простым и имеет особую важность для дальнейшего развития всего комплекса науковедческих исследований.

Сетевые подходы к описанию научного сообщества получают дальнейшее развитие благодаря использованию понятия «сетевое», или «виртуальное сообщество» [18; 49]. Именно включение работников науки в разнообразные формы коммуникативного взаимодействия на основе информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), привело к возникновению новой формы научного сообщества – «сетевого научного сообщества». Такое сообщество можно определить как социально-профессиональную общность людей, осуществляющих совместную исследовательскую деятельность и научно-профессиональные коммуникации посредством сетевых информационных технологий (через электронную почту, мобильную телефонную связь, форумы, чаты, социальные сети и другие сервисы Интернета).

Сегодня ни у кого не вызывает сомнений, что создание и функционирование виртуальных сообществ в процессе научного познания, которые преодолевают географические и межкультурные границы, востребовано различными группами ученых, остро ощущающими потребность в расширении информационного поля для взаимодействия и творчества, коммуникации и целенаправленного времяпрепровождения [20; 31]. В академической среде проникновение и освоение информационных технологий выводит исследователей в виртуальное пространство, где они получают широкие возможности для ознакомления аудитории со своими научными результатами, развития взаимоотношений с коллегами вне зависимости от географических и временных барьеров, практически безграничного обмена информационными ресурсами и новыми технологиями проведения исследований [19].

Тем самым на практике генерируются глобальные профессиональные и исследовательские сообщества нового типа [43]. Преимуществом этих сообществ можно считать открывающиеся возможности сотворчества и креативности. Указанные особенности виртуальных сообществ развиваются вместе с такими сервисами Интернета, как создаваемые совместными усилиями интернет-ресурсы (блоги, вики, подкасты, P2P). Подобные коммуникативные возможности являются предвестником появления киберкультуры нового, второго поколения пользователей Интернета [41; 42].

Исследование научного общения, осуществляемого с помощью современных информационных технологий, существенно отличается от анализа проблем и механизмов общения ученых в классической социологии науки. Изучение коммуникаций в Ин-

тернете, несмотря на визуализацию предмета исследования, оказывается изначально теоретически ориентированным. Дело в том, что ранее формы научного общения ученых разделялись на формальные и неформальные. Причем неформальные в отличие от формальных форм коммуникаций не имели своего эмпирического референта в виде массива научных документов. При исследовании научных коммуникаций необходимо учитывать, что новые способы компьютерно-опосредованного (computer-mediated) взаимодействия изначально являются межличностными, а затем становятся групповыми, или даже массовыми, как это происходит в социальных сетях. В связи с этим происходит изменение коммуникативной практики и культуры традиционного общения. Изменение парадигмы взаимодействия в обществе в целом обуславливает аналогичные изменения и в научном сообществе, у которого появляется технологическая возможность свободного взаимодействия и общения с коллегами не только в пределах своей страны, но и в масштабах всего мира. Таким образом, особенностью современных научных коммуникаций становится то, что пространством, в котором сосредоточены все коммуникационные события и процессы, оказывается открытая информационная среда – сетевое пространство Интернета.

Возникновение единого виртуального пространства влечет за собой и возникновение новых документарных форм научных коммуникаций (в том числе неформальных) в виде совокупности посланий электронной почты; соображений, выложенных на профессиональных форумах; высказываний представленных в блогах; текстовых посланий участников виртуальных групп и сообществ «френдов» в социальных сетях. Это означает, что все формы научного общения, независимо от оснований их выделения, могут быть представлены в виде массива текстовых документов. А ключевыми понятиями, которые описывают пространство этого сетевого (виртуального) взаимодействия (коммуникации), являются такие понятия, как «агент», «мнение» (в виде текста), «влияние / доверие», «репутация». Это, в свою очередь, открывает новые возможности для моделирования научных коммуникаций и управления ими [33; 34; 11].

Исчезновение границ между формальными и неформальными коммуникациями, которые имели принципиальное значение для исследования научных коммуникаций в классической социологии науки, вынуждает современных исследователей обращаться к поискам новых теоретико-методологических ориентиров. По

нашему мнению, одним из таких ориентиров является понятие «сетевое научное сообщество». Выделение виртуального научного сообщества в качестве объекта исследования позволяет говорить о его операциональной и категориальной значимости не только для изучения процессов научного познания в целом, но особенно для рассмотрения динамики форм и средств научного познания.

Исходя из описанных выше положений, представляется интересным рассмотреть ситуацию, сложившуюся с научными коммуникациями в российском научном сообществе в связи с распространением информационных технологий. Как известно, в последние годы отмечается весьма интенсивное проникновение информационных технологий в социальное пространство российского общества [35]. Российское научное сообщество в целом не является исключением. Как отмечает М.Е. Соколова, в Рунете выделяются различные типы исследовательских информационных сервисов Web 2.0 – социальные научные сети, блоги, поисковики, закладки и т.п. [32]. Имеется ряд исследований особенностей развития и становления виртуальных научных сообществ, в том числе среди российских ученых [9; 7; 23; 31]. В то же время нам не удалось обнаружить работ, исследующих особенности развития непосредственно в среде российских ученых такой формы научных коммуникаций, как виртуальные научные сообщества.

С целью идентификации виртуальных сообществ и уточнения ряда характеристик этого феномена нами было проведено анкетирование в среде академического (Российская академия наук) сообщества. Данное исследование проводилось в 2011 г. в качестве начального этапа проекта, поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований.

Для реализации исследования была разработана методика и осуществлено анкетирование, программный вопрос которого формулировался следующим образом: «В какой степени возникновение и распространение технологии Web 2.0 и новых технологических форм профессиональной коммуникации характерно для академического сообщества, и произошло ли в случае их использования изменение институционального характера системы научной коммуникации?» Уточняющий вопрос был таким: «Существуют ли в России профессиональные виртуальные сообщества в такой отдельной области академической науки как информационные технологии, и если да, то в каких формах и какова степень охвата членов научного сообщества этими “спонтанными” объединениями?»

Как нами ранее было показано, развитие Web 2.0 и таких информационных технологий совместной исследовательской работы как collaborative software, groupware, workgroup support systems, group support systems, предоставляет широкий спектр современных инструментов коммуникации и взаимодействия в профессиональных научных сообществах, а также становится полезным аналитическим инструментом в изучении поведенческих и организационных параметров этих сообществ [8; 10].

В соответствии с характером использования этих инструментов, или сервисов, нами ранее были выделены два типа систем научной коммуникаций.

1. В первом из них преобладает диалог, обсуждение – обмен информацией, основная цель которого заключается в выяснении позиций участников и установлении взаимоотношений. В рамках данной системы коммуникаций происходит свободный обмен информацией без каких-либо ограничений. Для ее поддержания вполне подходят обычные компьютерно опосредованные коммуникационные технологии, такие как мгновенные сообщения, электронная почта, веб-публикации; электронные конференции тоже способствуют обмену информацией, но в интерактивной форме: видео- (и аудио-) конференции – обмен видео и аудио с помощью компьютерных сетей, интернет-форумов, чатов.

2. Во втором типе систем научных коммуникаций взаимодействие или сотрудничество реализуются как более высокая степень взаимоотношений, на которой профессиональный коллектив объединяется (формально или неформально) для решения некоторых общих задач и с общими целями, причем члены такого коллектива могут быть удалены друг от друга на весьма значительное расстояние.

Именно особенности поведения ученых и организации профессиональных коммуникаций были использованы нами в качестве методологического основания программирования планируемого эмпирического исследования. В соответствии с общими задачами исследования и концептуальными гипотезами, заложенными в его основу, были выделены также несколько частных понятийных вопросов, ответы на которые позволят приблизиться к ответу на основной программный вопрос исследования. В частности, внимание было сфокусировано на таких характеристиках, как *готовность* и *склонность* членов научного сообщества вступать (формально или нет) в компьютерно опосредованные взаимоотношения с коллегами, работающими над общей научной проблемой, *цель*,

мотивы и содержание этой совместной работы. Предполагалось также выявить предпочитаемые виды коммуникационных сервисов, интенсивность электронной переписки и ее доминирующую тематику, географические приоритеты пользователей. Выбор научных сотрудников академических институтов в качестве объекта исследования является вполне обоснованным с учетом ограниченного объема выборки (575 анкет): для получения максимума информации мы предполагали иметь дело с учеными, активно пользующимися современными технологическими достижениями в области средств коммуникации. Это позволяет проанализировать те реальные проблемы и трудности, с которыми сталкивается в процессе своего становления и развития информатика сообществ.

В качестве объекта исследования на первом этапе были рассмотрены социальные группы – «носители» проверяемой концепции: научные сотрудники двух ведущих учреждений Отделения нанотехнологии и информационных технологий Российской академии наук. Для выяснения побудительных мотивов и степени готовности российских ученых к добровольному объединению в профессиональные виртуальные сообщества, предоставляющие широкие возможности для совместной работы над общей исследовательской проблемой, в этих институтах РАН было проведено сплошное анкетирование научных сотрудников. На следующем этапе был проведен углубленный опрос с помощью новой расширенной анкеты среди тех ученых, которые заявили о себе в ходе первоначального анкетирования как об участниках сетевых научных сообществ.

В качестве предмета исследования рассматривались системы отношений в конкретных социальных группах, выступающих объектом исследования. Определив с помощью анализа тот или иной тип социальных отношений, вычертив по нему круг людей – носителей данного типа социальных отношений, можно достаточно определенно говорить о поведении всей этой группы и каждого ее члена, с большей или меньшей степенью вероятности прогнозировать их поведение в будущем.

Все вопросы анкеты, предложенной на первом (расширенном) этапе исследования, группировались по следующим характеристикам, являющимся основой гипотезы о формировании и функционировании сетевых профессиональных сообществ в Интернете: содержание работы, общие характеристики работы, предмет, частота, регулярность, готовность, склонность, цели и мотивы, средства, постоянный круг общения, результаты исполь-

зования ИКТ, эффективность. После программирования анкеты было проведено анкетирование научных сотрудников. Данные анкетирования занесены в организованную базу данных и подвергнуты анализу, визуализации и интерпретации.

Несмотря на то что мы рассматриваем данное исследование лишь как предварительное, результаты, полученные нами, позволяют высказать некоторые соображения относительно становления виртуальных сообществ в российской науке.

Как следует из проведенного нами исследования, не менее 32,4% ученых из обследованных академических институтов Отделения нанотехнологии и информационных технологий РАН участвуют в онлайн-научных сообществах. При этом подавляющее число участников анкетирования, ответивших положительно на этот вопрос – 93,8% ученых – использует эти новые организационные единицы науки, адекватные вызовам времени и используемым технологиям, для получения профессиональной информации.

Рис. 1. Диаграмма распределения ответов участников анкетирования на вопрос о содержании интернет-общения

Этому же соответствует и число ученых, использующих современные интернет-технологии, так называемые социальные сервисы, или Web 2.0, для своей работы.

Доля этих ученых составляет 42,7% от общего числа всех использующих информационные технологии в своей профессиональной деятельности. На вопрос, какова же главная мотивация участия в виртуальном сообществе, большинство ученых – участников этих сообществ (83,8% от числа респондентов) ответили, что они вступают в сетевые сообщества для того, чтобы получить помощь в своей работе или найти единомышленников.

Практически две трети от общего количества респондентов (62,5%) стремятся обменяться опытом своей исследовательской деятельности. Более 25% опрошенных ученых желали увеличить сферу своего общения. И лишь 12% респондентов обращаются к интернет-общению для «личного удовлетворения».

В ходе исследования было выявлено (вопрос 15 анкеты), что большинство ученых (62,5% респондентов) рассматривает в качестве виртуального научного сообщества профессиональную общность ученых, которые не только регулярно общаются и обмениваются профессиональной информацией для обсуждения общих тем исследования, но и осуществляют взаимодействие, сотрудничество или совместную работу при решении общих задач.

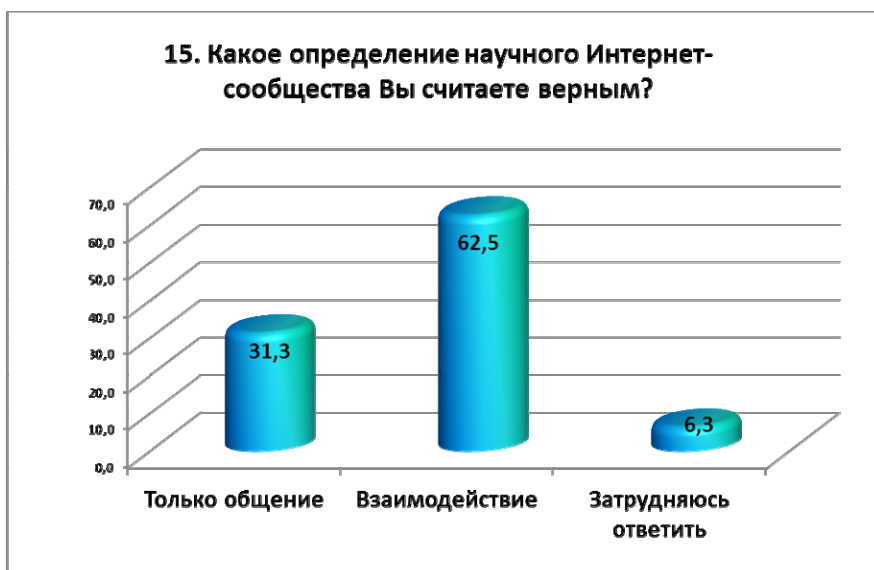

Рис. 2. Диаграмма распределения представлений участников анкетирования о природе виртуального научного сообщества

Другими словами, практически две трети участников сетевых научных сообществ используют технологическую платформу виртуального сообщества для организации совместной профессиональной деятельности. А участие в виртуальном научном сообществе становится одним из условий создания нового знания.

Таким образом, информационные и коммуникационные технологии перестают быть инновацией в российском академическом сообществе. Они становятся не только обязательным средством получения информации (34,1% всех респондентов) и средством общения (38,7% всех респондентов). Значительная доля ученых (91,9% респондентов-членов интернет-сообществ), использует «виртуальную площадку» для участия в семинарах, подготовке совместных (в том числе онлайн-овых) публикаций, организации исследований.

Рис.3. Диаграмма распределения ответов участников анкетирования о мотивации использования интернет-технологий

Приведенные результаты нашего исследования позволяют утверждать, что сетевое научное сообщество представляет собой особую форму научной коммуникации. Эта специфическая форма не отрицает такие модели научных коммуникации, которые были введены и описаны ранее классической социологией науки, прочно войдя в ее ткань и язык благодаря понятиям «невидимый колледж», «социальный круг», «дисциплинарное научное сообщество».

во», «научная школа», «научная группа», «научное направление» и «передний край науки».

Будучи новой организационной единицей науки, виртуальное научное сообщество одновременно выступает особой подсистемой развития и производства знания. Как показывает наше исследование, виртуальное научное сообщество существует на всех этапах познавательного цикла: «сбор информации – организация и проведение исследования – публикация и верификация научных результатов – получение новой информации». Операциональным критерием выделения виртуального сообщества из целостной системы создания нового знания является взаимодействие исследователей, которое может принимать различные формы на разных этапах познавательного процесса: общение для получения информации и обсуждение научных проблем, практическое сотрудничество в исследовании, подготовка публикаций и т.д.

Виртуальное научное сообщество рассматривается учеными не только в познавательном, в частности информационном, аспекте научной деятельности. В процессе взаимодействия в рамках виртуального сообщества ученые вступают в определенные социальные отношения. Речь идет о формах стратификации научного сообщества, оценках репутации его членов, механизмах влияния и управления сообществом.

Виртуальное сообщество предстает как перед его участниками, так и перед внешним исследователем как самоорганизующаяся система. Особенности поведения участников такого сообщества обусловлены их профессиональными интересами. Изменение этого интереса во времени, иногда случайное, а иногда вызванное взаимодействием с другими участниками профессионального сообщества приводит к трансформации структуры виртуальных сообществ и в ряде случаев к исчезновению некоторых сообществ. Формирование новых отношений между членами сообщества и исчезновение старых проявляется в виде новых тем обсуждения и утрате интереса к старым темам. Таким образом складываются новые группы интересов и, соответственно, новые объединения участников виртуального сообщества.

Следствием этих процессов становится рост или, напротив, снижение активного взаимодействия, а подчас и «умирание» виртуальных профессиональных сообществ. Мониторинг социальных сервисов в Рунете выявил множество профессиональных сообществ, как вновь возникающих, так и прекращающих свою активность. В качестве примеров можно привести социальную сеть

Российской академии естественных наук «Ученые России»¹ или «Глобальный инновационно-образовательный портал»², созданный при поддержке Министерства образования и науки РФ для объединения российских университетов, ректоров, преподавателей и студентов в единое сообщество. Следует отметить, что снижение или полное исчезновение активности участников научных сообществ не зависит от авторитетности создаваемой виртуальной площадки. Так, например, произошло с социальной сетью молодых ученых³, запущенной под патронажем президента России.

Безусловно, примеры из российского сетевого пространства показывают огромный разброс реальных объектов, носящих название сетевых профессиональных сообществ. Для российской науки в целом интерес к таким сообществам пока, к сожалению, не характерен. В то же время, как показал наш опрос ученых некоторых академических институтов, интерес и, главное, практическое использование современных информационных технологий на индивидуальном уровне очень велики. Можно предположить, что этот интерес и активность не определяются возрастными или даже технологическими особенностями развития российской науки. Отвечая на вопрос: «По каким причинам вы не являетесь участником научного интернет-сообщества?» – 17,6% всех опрошенных ученых сообщили, что они не знают о существовании таких сообществ. При этом практически каждый пятый ученый моложе 35 лет ответил, что он не знает о существовании таких сообществ. А 14,3% молодых ученых, заявили, что они не нуждаются в таких сообществах! Число же не нуждающихся в виртуальных научных сообществах от всех опрошенных ученых составляет 29,7%! Мы предполагаем, что основополагающими факторами включения в сетевые научные коммуникации могут служить содержательный аспект дисциплины, ее социальная структура и традиции общения в соответствующих дисциплинарных сообществах. Но эта гипотеза требует дальнейшего анализа.

¹ http://www.big-big.ru/854?link_url=http://russian-scientists.ru

² <http://www.giop.ru/>

³ <http://www.youngscience.ru/>

Список литературы

1. Арапов М.В., Шрейдер Ю.А. Научная информация за рубежом: Основные тенденции развития // Вестник РАН. – М., 1983. – № 11. – С. 95–107.
2. Бабосов Е.М. Социология науки // Социологический словарь. – Режим доступа: <http://www.soclexicon.ru/sociologiya-nauki>
3. Горбенко Я.О. Научные коммуникации в современном обществе: Состояния и пути развития научных коммуникаций на примере Украины. – Saarbrücken: Lambert academic publishing, 2010. – 196 S.
4. Гриффит Б.Ч., Маллинз Н.Ч. Социальные группировки в развитии науки // Коммуникации в современной науке: Сб. пер. с англ. / Под ред. Э.М. Мирского, В.Н. Садовского. – М.: Прогресс, 1976. – С. 131–154.
5. Девятова С.В., Купцов В.И. Возникновение первых академий наук в Европе // Вопросы философии. – М., 2011. – № 9. – С. 126–135.
6. Дюнтон Г.Г. Сети научных коммуникаций и организация фундаментальных исследований. – М.: Наука, 1987. – 105 с.
7. Жукова Т.И., Сазонов Б.В., Тищенко В.И. Подходы к созданию единой сетевой инфраструктуры научного сообщества // Труды Института системного анализа РАН. – М.: УРСС, 2008. – Т. 34: Инновации в общественной сфере / Под ред. Б.В. Сазонова. – С. 5–30.
8. Жукова Т.И., Тищенко В.И. Динамика сетевых форм коммуникации в условиях информационного общества // Труды Института системного анализа РАН. – М.: УРСС, 2010. – Т. 55: Информатика сообществ: Системный анализ и инструменты / Под ред. В.И. Тищенко. – С. 121–138.
9. Жукова Т.И., Тищенко В.И. Особенности формирования интегрированной системы научных коммуникаций в социальных науках // Труды Института системного анализа РАН. – М.: УРСС, 2008. – Т. 34: Инновации в общественной сфере / Под ред. Б.В. Сазонова. – С. 31–45.
10. Жукова Т.И., Тищенко В.И., Попков Ю.С. От распределенных баз данных к созданию практических сообществ: Типология сотрудничества // Труды Института системного анализа РАН. – М.: УРСС, 2008. – Т. 34: Инновации в общественной сфере / Под ред. Б.В. Сазонова. – С. 139–154.
11. Иванов С.А. Моделирование процессов коммуникации в научном сообществе: Устойчивые статистические распределения в коммуникационных системах. – М.: Либроком, 2010. – 120 с.
12. Коммуникации в современной науке: Сб. пер. с англ. / Под ред. Э.М. Мирского, В.Н. Садовского. – М.: Прогресс, 1976. – 438 с.
13. Копелевич Ю.Х. Возникновение научных академий: Середина XVII – середина XVIII в. – Ленинград: Наука, 1974. – 274 с.
14. Коул Дж. Схемы интеллектуального влияния // Коммуникации в современной науке: Сб. пер. с англ. / Под ред. Э.М. Мирского, В.Н. Садовского. – М.: Прогресс, 1976. – С. 390–420.
15. Крейн Д. Социальная структура группы ученых: Проверка гипотезы о «невидимом колледже» // Коммуникации в современной науке: Сб. пер. с англ. / Под ред. Э.М. Мирского, В.Н. Садовского. – М.: Прогресс, 1976. – С. 183–218.

16. Кроуфорд С. Неформальные коммуникации между специалистами в области исследования сна // Коммуникации в современной науке: Сб. пер. с англ. / Под ред. Э.М. Мирского, В.Н. Садовского. – М.: Прогресс, 1976. – С. 219–238.
17. Кун Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1975. – 228 с.
18. Лейбов Р. Экспертные сообщества в русском Интернете: Типология и история // Control + Shift: Публичное и личное в русском Интернете / Под ред. Н. Конрадовой, К. Тойбинер, Э. Шмидт. – М.: НЛЮ, 2007. – С. 133–149.
19. Мирская Е.З. Наука в информационном обществе: Новые возможности и проблемы // Информационное общество. – М., 2005. – № 5. – С. 4–7. – Режим доступа: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/694ddb0421af80efc32571e3003d16bb>
20. Мирская Е.З. Российские академические ученые в зеркале социологии науки // Отечественные записки. – М, 2002. – № 7. – С. 350–358. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/oz/2002/7/2002_07_40.html
21. Мирский Э.М. Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. – М.: Наука, 1980. – 340 с.
22. Мирский Э.М. Развитие мертоновской парадигмы в 60-е и 70-е годы // Современная западная социология науки: Критический анализ / Под ред. В.Ж. Келле, Е.З. Мирской. – М.: Наука, 1988. – С. 61–80.
23. Мирский Э.М., Барботько Л.М., Войтов В.А. Научная коммуникация: Традиционные структуры и новые средства // Труды Института системного анализа РАН. – М.: УРСС, 2010. – Т. 55: Информатика сообществ: Системный анализ и инструменты / Под ред. В.И. Тищенко. – С. 155–171.
24. Михайлов А.И., Черный А.И., Гиляревский Р.С. Научные коммуникации и информатика ВИНТИ. – М.: Наука, 1976. – 436 с.
25. Москалев И.Е. Сети научных коммуникаций: Междисциплинарный подход // Философия науки: Ежегодник. – М.: ИФ РАН, 2005. – Вып. 11: Этнос науки на рубеже веков. – С. 196–211.
26. Научное сообщество // Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. – Режим доступа: – http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/788/%D0%9D%D0%90%D0%A3%D0%A7%D0%9D%D0%9E%D0%95
27. Парсонс Т., Сторер Н. Научная дисциплина и дифференциация науки. – Режим доступа: <http://www.courier-edu.ru/pril/posobie/parst.htm>
28. Первичные формы научной коммуникации: Глава из отчета Комитета по научной и технической информации // Коммуникации в современной науке: Сб. пер. с англ. / Под ред. Э.М. Мирского и В.Н. Садовского. – М.: Прогресс, 1976. – С. 27–92.
29. Прайс Д. Дж. де С. Тенденции в развитии научной коммуникации – прошлое, настоящее, будущее // Коммуникации в современной науке: Сб. пер. с англ. / Под ред. Э.М. Мирского и В.Н. Садовского. – М.: Прогресс, 1976. – С. 93–109.
30. Реакторы и ускорители // Современная исследовательская инфраструктура Российской Федерации / Департамент приоритетных направлений науки и технологий Минобрнауки России; Российский научно-исследовательский институт экономики, политики и права в научно-технической сфере (РИЭПП). – Режим доступа: http://www.ckp-rf.ru/ckp/equipped/?SECTION_ID=473

31. Розина И.Н. Виртуальные исследовательские сообщества: От зарубежных моделей к отечественным примерам // Образовательные технологии и общество. – Казань, 2009. – Т. 12, № 2. – С. 389–408.
32. Соколова М.Е. Формирование сегмента научных сетей в Рунете // Труды Института системного анализа РАН. – М.: УРСС, 2012. – Т. 62, № 1: Общая теория систем. Динамические системы. Математические модели социально-экономических процессов / Под ред. С.В. Емельянова. – С. 44–54.
33. Степин В.С. Теоретическое знание: Структура, историческая эволюция. – М.: Прогресс-традиция, 2003. – 744 с.
34. Тарасов В.Б. От многоагентных систем к интеллектуальным организациям: Философия, психология, информатика. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 352 с.
35. Тищенко В.И. Особенности становления информационного общества в России // Системные исследования: Методологические проблемы – 2011/2012: Ежегодник. – М.: Едиториал УРСС, 2012. – В печати.
36. Уитли Р.Д. Деятельность научных журналов: Анализ двух случаев в британской социальной науке // Коммуникации в современной науке: Сб. пер. с англ. / Под ред. Э.М. Мирского, В.Н. Садовского. – М.: Прогресс, 1976. – С. 351–373.
37. Уолгар С. Идентификация и определение научных коллективов. – Режим доступа: <http://courier-edu.ru/pril/posobie/woolg1.htm>
38. Цибизова Т.Ю. Институциональные формы внутринаучной коммуникации: Социально-философский анализ: Дисс. ...канд. филос. наук / МГУ им. Н.Э. Баумана – М., 2004. – 175 с.
39. Björk В.-С. A model of scientific communication as a global distributed information system // Information research. – Sheffield, 2007. – Vol. 12, N 2. – Mode of access: <http://informationr.net/ir/12-2/paper307.html>
40. Fischbach K., Gloor P., Schoder D. Analysis of informal communication networks: A case study // Business a. information systems engineering. – Wiesbaden, 2009. – Vol. 1, N 2. – P. 140–149.
41. Hansen D.L. Knowledge sharing, maintenance and use in online support communities // CHI '06: Extended abstracts on human factors in computing systems. – N.Y.: Association for computing machinery, 2006. – P. 1751–1754.
42. Hurd J.M. The transformation of scientific communication: A model for 2020 // J. of the American society for information science. – N.Y., 2000. – Vol. 51, N 14. – P. 1279–1283.
43. Kondratova I., Goldfarb I. Knowledge portal as a new paradigm for scientific publishing and collaboration // ITcon: J. of information technology in construction. – Stockholm, 2004. – Vol. 9, Spec. iss: Digital media libraries. – P. 161–174. – Mode of access: http://www.itcon.org/data/works/att/2004_11.content.09000.pdf
44. Kuhn Th.S. The structure of scientific revolutions. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1962. – xv, 172 p.
45. Lancaster F.W., Smith L. Science, scholarship and the communication of knowledge // Library trends. – Urbana (IL), 1979. – Vol. 27, N 3. – P. 367–388.
46. Mulkay M.J. Sociology of science: A sociological pilgrimage. – Milton Keynes: Open univ. press, 1991. – xix, 227 p.

47. Mulkay M.J. Sociology of the scientific research community // Science, technology and society: A cross-disciplinary perspective / Ed. by I. Spiegel-Rosing, Price D.J. de S. – L.: SAGE, 1977. – P. 93–148.
48. Price D.J. de S. Little science, big science. – N.Y.: Columbia univ. press, 1963. – 119 p.
49. Rheingold H. The virtual community: Homesteading on the electronic frontier. – Cambridge (MA): MIT press, 2000. – xxxii, 447 p.
50. Statistical indicators of scientific and technical communication (1960–1980): A research report / King D.W., McDonald D.D., Roeckrer N.K., Wood B.L. – Rockville (MD): King research inc., 1976. – Vol. 2. – xxiv, 477 p.
51. Sundararaj A.I., Dinda P.A. Towards virtual networks for virtual machine grid computing // VM'04: Proceedings of the 3 rd conference on virtual machine research and technology symposium. – Berkeley (CA): USENIX association Berkeley, 2004. – P. 14.
52. West Ch.K., Hoerr W.A. Communication and work patterns among productive scholars in psycho-educational research: The invisible college hypothesis // Human relations. – L., 1985. – Vol. 38, N 2. – P. 127–137.

М.Е. Соколова

**МОБИЛЬНЫЕ ЛАНДШАФТЫ
НАУЧНО-СЕТЕВОГО РУНЕТА:
БЛИЖЕ К КОНЦУ «КОНЦА СВЕТА»**

Я ... стою на опушке этого фантастического леса и говорю, – боже мой, Юкстасе, как же красиво! Но я не знаю, где мое место в этом мире. ... Этот мир требует осмысления и единственное, что можно сейчас делать, – подражать его красоте. Юкстасе еще только создал новый мир и сказал, – плодитесь и размножайтесь! В нем не разделено добро и зло. Красота его вульгарна. В нем пока еще живут только демоны низшего порядка – юзеры, медузы и манипуляторы. В нем еще не было Адама и Евы¹.

1. Научно-сетевой Рунет и «сетевой» дискурс

Научно-сетевой Рунет – новое, пока неустоявшееся (и небесспорное) выражение, использование которого дает возможность рассмотреть особенности сетевых взаимодействий в научном сообществе российского Интернета. Этот термин позволяет сфокусировать внимание именно на сетевых аспектах научных коммуникаций и в то же время требует некоторых предварительных пояснений его смыслового наполнения. В конечном итоге последовательное раскрытие всех заложенных в нем смыслов проясняет его познавательный и прикладной потенциал.

Выбор такого термина в значительной мере связан с интенсивным развитием в Рунете интерактивной среды Web 2.0, со-

¹ Великанов А., Пластинин Ю. Интервью с Андреем Великановым о проблемах информационного общества // Артинфо: Ежедневные новости искусства. – Режим доступа: <http://www.artinfo.ru/ru/news/main/AVelikanov-interview.htm>

стоящей из социальных сетей, блогов и ряда других информационных сервисов. Если в конце 1990-х – первой половине 2000-х годов сетевая жизнь Рунета была прежде всего связана с дневниками – блогами и платформами блогов, то начиная с середины 2000-х годов в ее течение активно вторглись социальные сети («Одноклассники» (2006), «ВКонтакте» (2006), «МойКруг» (2005) и т.д.) и ряд других социальных сервисов.

В чем согласны между собой все исследователи сервисов Web 2.0 в Рунете, так это в констатации их непрерывного динамичного развития, постоянной изменчивости и мобильности. Быстроту изменений, происходящих в пространстве Web 2.0 российского сегмента Интернета, отмечают почти все, кто пишет о сетях, говоря о постоянном «брожении», в котором находится исследовательский «материал» [3, с. 101], или сравнивая попытку зафиксировать происходящие здесь изменения с разглядыванием быстро проносящегося ландшафта за окном поезда [11]. Наблюдатель, стремящийся описать, зафиксировать и объяснить происходящие изменения, невольно попадает в положение репортера, вынужденного постоянно писать репортажи в стремлении успеть за быстро меняющимся пейзажем и не претендующего на фундаментальные выводы или долгосрочные прогнозы. С одной стороны, такая стремительность изменений сетевого ландшафта быстро превращает многие исследовательские результаты в продукт вчерашнего дня, поскольку любое притязание на какую-либо абсолютность суждений наталкивается на необходимость уточнения в результате появления новых данных. С другой стороны, попытки более фундаментальной концептуализации изменений в сетевом пространстве становятся все более трудными.

Та же ситуация становления и мобильной трансформации характерна и для «сетевого» дискурса – многообразного концептуально-методологического арсенала, который используют исследователи сетевого Рунета. Появилось и постоянно выходит множество работ, посвященных самым разным аспектам сетевой жизни. Сети во всех их аспектах изучаются социологами, философами, представителями информатики, социальной информатики, теории управления, политологами, экономистами, маркетологами, математиками и т.д., чьими усилиями формируется обширная мультидисциплинарная исследовательская область с огромным эвристическим потенциалом, гетерогенная в методологическом и терминологическом отношении и объединяющая различные исследовательские традиции и подходы. Кажется бы, интенсивность

исследовательского интереса создает условия для всестороннего описания и изучения новой сетевой среды.

Однако одновременно с усилением исследовательской активности дает о себе знать и разъединяющий призрак Вавилонской башни. Наряду с осознанием необходимости междисциплинарных синтезов и координации разнообразных исследовательских стратегий, появились и первые признаки столь губительных для поисков научной истины противоречий и расхождений между различными исследовательскими «языками» и позициями. Различие исследовательских языков, организационных подходов и других практических обстоятельств возводит порой неожиданные препятствия на пути формирования научного сообщества в этой области.

В академическом секторе науки одним из препятствий для осуществления масштабных проектов по сетевой тематике является атомизация исследовательских коллективов вследствие общего кризиса старых форм организации научных исследований [5].

В отличие от столь популярных сейчас исследований политических и экономических коммуникаций в блогосфере и социальных сетях, для гораздо более малочисленных исследователей научно-сетевого Рунета трудность заключается еще и в отсутствии исчерпывающей фактографии и последовательной реконструкции событий, а также контактов на постоянной основе между ними и сообществом создателей сетевых сервисов.

Большой интерес события в сетевой жизни Рунета вызывают у зарубежных исследователей. Среди крупных проектов можно назвать исследование и картирование русскоязычной блогосферы и контента в Твиттере, проведенные в Беркмановском центре Гарвардского университета [13; 16]. Следует также упомянуть исследования Флорианы Фоссато [10; 14] и деятельность Центра исследований Интернета и общества при Российской экономической школе¹. Но и среди зарубежных проектов пока нет специализированных исследований научных сетевых коммуникаций в Рунете.

Все это дает основания предполагать, что даже при наличии интенсивного и всестороннего исследовательского интереса к сетевым процессам вряд ли в ближайшее время может сложиться интегрированное сплоченное междисциплинарное исследовательское сообщество и структурированный концептуальный аппарат сетевых исследований. Это, конечно, не означает снижения количества исследований и публикаций. Скорее, теоре-

¹ <http://www.newmediacenter.ru>

тическое знание о развитии сетевых коммуникаций будет строиться по эпистемологической модели гетерогенного и дискуссионного дискурсивного пространства, объединяющего в себе комплекс различных теоретических конструкций, методологий, техник, словарей и т.д. [18].

В результате образ сетевой среды сейчас предстает в виде конгломерата различных проблематик: исследований политической мобилизации, лидерства, манипулирования, новых медиа, виртуальных сетевых сообществ, социальных сетей и т.д. Многие термины носят дискуссионный, неопределенный характер, целые концептуальные области (достаточно давно сложившиеся) проверяют свои основы и уточняют предмет своего изучения. В частности, уточнению тематической области информатики и самого понятия информации посвящен созданный не так давно семинар «Методологические проблемы наук об информации», проводимый совместно ИНИОН и ИПИ РАН¹. Такая важная дисциплина как социальная информатика все еще находится в состоянии становления своего концептуального аппарата. Новым методологическим подходом, появившимся в течение последнего десятилетия в российских исследованиях сетей, стала информатика сообществ (2003), организационно связанная с Институтом системного анализа РАН², в задачи которой, помимо изучения процессов и механизмов становления коммуникационной среды и моделей коммуникации (сетевых сообществ), входит и системный анализ методов интеграции гетерогенной информации в научных сообществах.

Что касается виртуальной научной жизни в новой сетевой среде, то здесь выдвигаются на первый план такие темы, как изменения в научных коммуникациях, жизнь виртуальных научных групп и сообществ, эпистемологические и гносеологические особенности научного дискурса и т.д. Термин «научно-сетевой Рунет» дает возможность рассмотреть формирование сетевой научной среды как целостного пласта, прошедшего в своем становлении ряд этапов и вступающего в настоящее время в более тесное взаимодействие с реальной институциональной научной жизнью.

Однако выбор такого термина порождает ряд вопросов. Прежде всего, как определить границы самого Рунета? Что считать признаком принадлежности сервиса, предназначенного для исследовательских потребностей, к Рунету: русскоязычность ин-

¹ http://www.inion.ru/index.php?page_id=424

² <http://www.isa.ru>

тернет-сайта, принадлежность к национальному домену RU, наличие российских разработчиков, провайдеров?

По мнению многих экспертов, вопрос определения границ Рунета и «национальной» принадлежности сайтов вообще остается до сих пор открытым в связи с размыванием территориально-культурных границ в Интернете, поскольку часть процессов, связанных с их созданием и функционированием, может происходить в России, а часть – за рубежом («Сайт может быть русскоязычным, расположенным в Европе, а плата за него идет американскому провайдеру» [6, с. 11]). А. Себрант (директор по спецпроектам, Яндекс) в своем экспертном интервью отмечает, что проблема территориальной принадлежности возникает в тот момент, когда Интернет из сугубо технологического средства связи становится социальной средой, в которой начинает развиваться бизнес или возникает проблема юридической ответственности, при этом непонятно, кого и по законам какой страны привлекать к ответственности [6, с. 12].

В связи с этим вопрос о «национальной» принадлежности тех или иных технологических сервисов и информационных ресурсов может вызывать сложности, как это произошло, например, в памятной ситуации DDoS-атаки на LiveJournal в конце марта – начале апреля 2011 г., когда, несмотря на всеобщее внимание к происходящему, его владельцы далеко не сразу официально обратились в российские правоохранительные органы, в том числе и по причинам неясности юридического статуса блог-платформы¹.

Отчасти трудности с определением государственной принадлежности сайта могут быть преодолены, например, путем законодательного закрепления такого понятия, как сетевые СМИ в РФ и регистрации сайта в качестве СМИ (как это предусмотрено Законом РФ «О средствах массовой информации»).

Как отмечает Д.С. Баринава², вопрос о геолокализации любого сайта должен решаться с использованием таких пяти аспектов, как лексический элемент (нахождение контента сайта), аппаратное обеспечение (нахождение компьютера-сервера), место-

¹ В настоящее время проект ЖЖ контролируется SUP Media, международной медийной компанией, действующей в России через Закрытое акционерное общество «Суп Медиа», которое согласно регистрационным данным находится в собственности у иностранных юридических лиц. (СУП. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%A3%D0%9F>).

² См. статью, опубликованную в настоящем сборнике: Д.С. Баринава. Методологические аспекты исследования виртуального пространства Интернета.

нахождение автора / администратора сайта, производящих контент или управляющих сайтом, и юридического хозяина сайта, обладающего правом собственности, а также пользователей сайта. При этом каждый из этих параметров геолокализации измеряется с помощью целого ряда соответствующих инструментов и техник.

Наиболее четко вопрос о национальных цифровых географических пространствах поставлен в рамках кибергеографии – нового методологического направления, которое исследует интернет-географию как на уровне инфраструктуры Интернета, так и на социо-экономическом уровне. Опираясь на этот методологический подход, ряд исследователей подчеркивают ту роль, которую в дифференциации виртуального пространства играет система доменных имен Интернета, воспроизводящих сложившуюся в мировой политике систему государств. В соответствии с таким подходом к географической дифференциации Интернета ставятся и вопросы, связанные с управлением системой национальных доменных имен [1].

При попытке рассмотрения сервисов, обеспечивающих функционирование русскоязычной научно-сетевой среды, с точки зрения определения их национальной принадлежности, неизбежно возникают такие же проблемы. Например, созданная российскими разработчиками на их собственные средства в 2007 г. социальная научная сеть Scipeople по своему предназначению и замыслу своих создателей является транснациональной и включает участников из 9 стран (в том числе США и Индии). Сейчас здесь зарегистрировано 32 754 пользователей, 2668 групп и 84 176 публикаций.

Другой сетевой сайт, функционирующий с января 2009 г., – социальная научная сеть Scientific Social Community, находящийся в домене ORG, предназначен для ученых стран всего СНГ и прежде всего для ученых России и Украины, и создан при прямой поддержке украинского фонда Виктора Пинчука в рамках Стипендиальной программы Zavtra.UA.

Именно поэтому в данной работе речь идет прежде всего о разнообразии форм присутствия российских ученых в сетевой среде, а не об однозначном решении вопросов о национальном домене, хостинге, сервере, месте регистрации сайта и пр. как признаках принадлежности к Рунету.

1.0. Социально-сетевые сервисы Web 2.0 для ученых в Рунете

Вторая часть термина «научно-сетевой Рунет» – определение «сетевой» («сетевая среда», «сетевой Рунет») – также требует пояснений. Прежде всего, сетевой является сама по себе среда Интернета. Рассмотрение физической реальности телекоммуникационного информационного пространства также не может обойтись без «сетевой» терминологии. Думается все же, что широкое омонимическое использование термина «сетевой» не является препятствием его применению при рассмотрении нового этапа развития научного Рунета, связанного с появлением и широким распространением социальных медиа или социальных сервисов Web 2.0. Однако эти новые социально-сетевые сервисы оказали столь преобразующее влияние на все взаимодействия в Интернете, втянув их в орбиту своего влияния и способствуя формированию виртуального научного сетевого сообщества, что их нельзя рассматривать отдельно от их связей с несетевыми (точнее, не относящимися к Web 2.0) интернет-сервисами.

Какие же именно социальные сетевые сервисы, используемые учеными, можно найти сегодня в Рунете? К ним можно отнести:

– научные социальные сети (сети Scipeople¹, Scientific Social Community², социальная сеть «Ученые России» Российской академии естественных наук (РАЕН)³, научно-сетевой проект для специалистов в области экологической этики «Экологическая этика» (Центр прикладной и профессиональной этики, сектор этики Института философии РАН, кафедра философии для гуманитарных специальностей Мордовского госуниверситета им. Н.П. Огарева, Московское бюро ЮНЕСКО)⁴, исследовательская сеть для молодых ученых и студентов (ВИСМУС) на базе Казанского государственного финансово-экономического института)⁵;

¹ <http://www.scipeople.ru>

² <http://www.science-community.org/ru>

³ <http://russian-scientists.ru>

⁴ <http://www.econet.mrsu.ru>

⁵ <http://www.vismus.ru>

- научные сообщества в общедоступной профессиональной сети Профессионалы.ру¹;
- многочисленные научные и образовательные сообщества в социальной сети ВКонтакте²;
- сервисы «закладок» (БобрДобр³, МоёМесто⁴, Мемори.ru)⁵;
- сайты, занимающиеся организацией и проведением вебинаров (ИзДома.net)⁶ и онлайн-конференций, а также информационные сайты, аккумулирующие информацию о таких онлайн-событиях (например, каталоги вебинаров);
- фото и кинохостинги (эти сетевые сервисы Рунета – например видеохостинг RuTube⁷ – пока еще почти не востребованы исследователями для своей профессиональной деятельности в отличие от их транснационального аналога YouTube⁸);
- вики-сервисы, «Русская Википедия»⁹, в которой вики-сообщество функционирует как социальная сеть (лауреат премии за вклад в развитие Рунета в номинации «Лучший проект о науке и образовании» за 2009 г.).

Сюда же можно отнести и Национальную нанотехнологическую сеть RusNanoNet.ru¹⁰.

Необходимо также упомянуть и об экологических (природоохранных) сетях Рунета, в которых в настоящее время все более активно участвуют многие отечественные ученые-экологи, выступая в качестве экспертов, или так называемых «ученых-адвокатов», вовлеченных в процесс принятия решений и создание его научной базы, работу с населением и властью [4].

1.1. Блогосфера Рунета

Частью этой новой интерактивной сетевой среды науки в Рунете являются и многочисленные блоги, расположенные на различных блогерских платформах – как на общедоступных, таких

¹ <http://professional.ru>

² <http://vkontakte.ru>

³ <http://bobrdobr.ru>

⁴ <http://moemesto.ru>

⁵ <http://memori.ru>

⁶ <https://sites.google.com/site/izdomanet>

⁷ <http://rutube.ru>

⁸ <http://youtube.ru>

⁹ <http://ru.wikipedia.org>

¹⁰ <http://www.rusnanonet.ru>

как Livejournal, Yandex, так и на специализированных научных сайтах, например на поисковике для навигации среди научно-популярных сайтов «Элементы»¹.

Научные блоги российских исследователей и особенности научной коммуникации в блогосфере Рунета все чаще становятся предметом исследовательской рефлексии и саморефлексии (что особенно заметно в среде социологов и политологов), а также объектами попыток создать интегрирующие и поисковые сервисы. Такого рода попытки интеграции являются оперативным и мобильным откликом блогосферы Рунета на процессы в информационном пространстве Запада, где летом 2010 г. произошла реорганизация научно-блогерского сообщества².

К подобным попыткам интеграции можно отнести создание Игорем Топильским³ работающего в тестовом режиме модерируемого сайта CMass.ru⁴ – агрегатора блогов Рунета, авторы которых пишут о науке. В настоящее время агрегатор объединяет информацию о 75 блогах и включен в транснациональный мега-агрегатор научных блогов на сайте Scienceblogging.com⁵, где составляется лента научных блогов на всех языках планеты.

Об активности научной блогосферы свидетельствует и появление рейтингов научных блогов российского Интернета. Не так давно (2010 г.) составлением рейтинга на звание лучшего блога Рунета о науке на ежегодной основе занялось при поддержке Ми-

¹ <http://elementy.ru/runet>

² Вместо ScienceBlogs – наиболее известной единой научно-блогерской сети, откуда ушли многие блогеры, возникла новая разветвленная экосистема из множества блогерских сетей, что привело к трудностям в отслеживании новой информации. Таким образом, возникла необходимость объединить все эти сети в одну Web-страницу в качестве отправной точки для поиска среди научных и научно-популярных блогов. Результатом стало возникновение Web-страницы Scienceblogging.org (Scienceblogging.com), созданной Антоном Зайкером (Anton Zuiker), Бора Живковичем (Bora Zivkovic) и Дейвом Мангером (Dave Munger), где централизованно собирается информация о научных сетях и RSS-каналах из всех главных научных блогерских сетей, групповых блогов, агрегаторов и др. сервисов. Планируется, что дальше сайт будет развиваться, охватывая все новые онлайн-овые и офлайн-овые научные коммуникации, включая Твиттер, линки на основные научные журналы, ежегодные конференции ScienceOnline и ежегодную антологию лучших научных и медицинских блогов OpenLaboratory (<http://scienceblogging.com>).

³ <http://www.facebook.com/topilsky>

⁴ <http://sciencewriter.livejournal.com/82578.html>

⁵ <http://scienceblogging.com>

нистерства образования и науки РФ электронное издание «Наука и технологии РФ» (STRF.ru)¹. Результатом стали составленные в 2011–2012 гг. рейтинги русскоязычных научно-популярных блогов Рунета по номинациям: физика–астрономия–космология, химия–материалы–наночастицы, естественная история (описательная биология–палеонтология–геология–география и т.д.), молекулярная биология–генетика–медицина и т.д., гуманитарные науки (история, этнология и т.д.). В конкурсе участвовали онлайн-дневники людей, которые пишут о науке, научной деятельности, научных новостях. Список научных блогов для голосования был составлен редакцией STRF.ru и читателями издания. В 2010–2011 гг. на конкурс было представлено 82 блога².

В научных блогах их авторы размещают дневниковые записи личного характера, собственные научные публикации, данные и результаты научных наблюдений, аудиовидеозаписи, научные новости, научно-популярную и организационную информацию. Помимо отдельных авторов блог может быть создан научной или научно-популярной организацией, изданием или сообществом (например блоги в различных сетях Политехнического музея, STRF, Клуба научных журналистов) и содержать информацию обо всех связанных с таким коллективным «автором» событиях.

1.2. Научные сети

Еще одной концептуальной трудностью, с которой мы сталкиваемся, когда говорим о научно-сетевом Рунете, является ответ на вопрос, что именно называть научной сетью, и в соответствии с этим как датировать их появление в Рунете. Ведь термин «научная сеть» также не является однозначным.

Прежде всего, существует обширная тематика научно-образовательных сетей, которой посвящены ряд исследований и

¹Электронное издание «Наука и технологии России – STRF.ru» (<http://strf.ru>) создано в 2005 г. при поддержке Федерального агентства по науке и инновациям и Министерства образования и науки России (Госконтракт № 02.466.11.7001 от 29.03.2005 «Создание и поддержка системы информирования потенциальных инвесторов и общественности о перспективных технологиях, создаваемых и внедряемых в рамках Федеральной целевой научно-технической программы»).

² http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=222&d_no=35195

конференций¹. Она охватывает различные аспекты создания и обеспечения функционирования телекоммуникационных сетей, связывающих между собой научные и образовательные учреждения, и их вклада в развитие научного Интернета в России.

Российские разработчики социальных научных сетей на основе транснациональной модели Facebook придерживаются порой мнения, что именно их сервисы стали первыми подлинно научными сетями в Рунете [8]. Такие сервисы дают возможность исследователям выкладывать информацию о себе и свои научные публикации, совместно работать над новыми проектами, обсуждать различные темы в виртуальных группах по интересам, искать коллег, рецензентов или оппонентов, переписываться с ними, просматривать их фотографии, видео, организовывать встречи, вести тематические конференции, обсуждать научные тексты, вести блоги, писать объявления, публиковать резюме и вакансии. Здесь можно найти свежую информацию о научных новостях, конференциях, изданиях, грантах, аспирантурах, докторантурах и др. Создавать свои страницы здесь могут и различные научные организации, объединения, редакции журналов, конференции и т.д.

Если придерживаться такого понимания научных сетей, то в этом случае мы можем причислить к научным сетям Рунета только возникшие начиная с 2007 г. сервисы Web 2.0, смоделированные по образцу ряда глобальных транснациональных сетей.

Но научные сети существовали в Рунете и значительно раньше, причем первые их сервисы хотя и не были в такой степени интерактивны, как сейчас, но тем не менее предназначались для объединения своих участников (организаций или индивидов) и их профессионального общения. Если обратиться к истории Рунета (насыщенность событиями этого достаточно непродолжительного отрезка времени позволяет говорить об истории), то мы можем отыскать сети или сайты с сетевыми функциями, предназначенные для научного сообщества и научных организаций, хотя и не связанные организационно с институциональной наукой (например, Российская сеть информационного общества / Russian

¹ Например, эта тематика затрагивалась на таких крупных конференциях, как юбилейная научно-практическая конференция «Интернет и наука: 15 лет пути» (Москва, 10 ноября 2005 г.), состоявшаяся в Российском научном центре «Курчатовский институт», и на конференциях региональных пользователей научно-образовательных сетей, проводимых Ассоциацией научных и учебных организаций – пользователей сетей компьютерной передачи данных (RELARN) (<http://www.relearn.ru/index.html>).

Information Society Network, созданная 11 марта 1999 г.¹, и сеть Nature.web.ru²). Казалось бы, нельзя говорить ни о какой связи, общности технологических платформ или преемственности развития между сетями этого поколения и новыми социально-сетевыми сервисами Web 2.0. Но и здесь ничего нельзя утверждать однозначно. Существует такая научная сеть, как Соционет, созданная еще в конце 1990-х – начале 2000-х годов в духе информационной идеологии открытого доступа к научным публикациям и исследовательским материалам и информационных проектов и инициатив Института «Открытое общество». Но в то же время эта сеть является образцом быстрой адаптации к изменениям информационной среды. В последние годы был модернизирован технологический потенциал сети, появились новые функции, присущие новым социальным сетям (например, там появилась функция *share* – добавить в закладки и поделиться).

Как соотносятся между собой эти столь различающиеся между собой по технологическим особенностям и организационным моделям научные сети? Безусловно, в силу названных отличий нельзя говорить о прямой преемственности между ними, но в то же время налицо определенная этапность в развитии сетевой информационной среды науки.

1.3. Научно-сетевая среда

Если, однако, рассматривать сетевую среду науки в Рунете не только как совокупность определенных технологических сервисов, но также и в контексте нарастания интенсивности сетевых коммуникаций и формирования виртуального сообщества, следующего законам «сетевой» жизни, то нельзя забывать и о других видах научных и научно-популярных сайтов, посещение которых способствует интеграции и сплочению виртуального научно- сетевого сообщества. Сформировался целый круг сайтов, постоянными посетителями которых являются ученые, оставляющие на их форумах свои реплики и замечания. В него входят, например сетевой ресурс общенаучной направленности, междисциплинарный научный и научно-популярный сервер Scientific.ru³, разделы, касающиеся науки на сайте общественно-политической направлен-

¹ <http://www.isn.ru>

² <http://nature.web.ru>

³ <http://www.scientific.ru>

ности Polit.ru¹, сайты газет научного сообщества, таких как «Поиск»² и «Троицкий вариант»³, сайт московского Политехнического музея⁴ и др.

Внутри этого сообщества, сплоченного психологией сетевого существования, мотивация обеспечения открытого доступа к уже опубликованным научным текстам (как это было в середине-конце 1990-х годов) давно уже (по меркам интернет-хронологии) сменилась пафосом создания собственного научного и информационного контента, общения и обмена мнениями. Конечно, эта сетевая среда является только частью всего информационного пространства науки в Интернете, куда входят также научно-образовательные порталы, сайты исследовательских организаций, базы индексов цитирования, электронные научные библиотеки, каталоги диссертаций, самые разные сайты, связанные с наукой и т.д., но в силу новизны и активности именно она приковывает к себе особое внимание.

Характеризуя этап развития, на котором сейчас находится научно-сетевой Рунет, можно констатировать, что в течение последних нескольких лет здесь наблюдается общая тенденция к быстрому расширению, т.е. возникновению и росту социально-сетевых коммуникаций. Сложилась новая сетевая среда жизнедеятельности научного сообщества, активным центром которой стал пласт, состоящий из различных сервисов Web 2.0, функционально связанных между собой и предназначенных для обслуживания информационно-коммуникационных потребностей ученых. Эту среду можно рассматривать как систему связей между различными сайтами и сервисами, предназначенными для ученых, и еще только ожидающую своего картирования и масштабного изучения.

Но при высоком уровне технологической «насыщенности» новыми сервисами, это новое информационное пространство пока является лишь протосредой для «науки в сетях», в которой не хватает как самих активных участников сетевых взаимодействий, так и интенсивности этих взаимодействий. К тому же сами эти сервисы разрознены и мало известны пользователям.

¹ <http://www.polit.ru>

² <http://www.poisknews.ru>

³ <http://trv-science.ru>

⁴ <http://eng.polymus.ru/rv/?h=news>

2.0. Эволюция сетевой среды науки

Сложившаяся сетевая среда неоднородна, в ней уже проявились свои внутренние противоречия. Появление сервисов Web 2.0, безусловно, способствовало усилению конкуренции внутри этого информационного пространства. Невольно напрашивается аналогия между информационными процессами и биологическими формами эволюции и борьбы за существование. Сетевые сайты «ведут» себя как активные биоинформационные структуры, приспособляясь и адаптируясь к изменениям окружающей информационной среды, заимствуя друг у друга функции. Ведь в борьбе за выживание все средства хороши.

В поисках наиболее перспективных путей развития создатели социальных научных сетей спорят между собой о преимуществах бизнес-модели и модели открытого кода [17], а открытые научные сети заимствуют функции у социальных сетей нового поколения (выше приводился пример Соционета). Из режима полного онлайн сети переходят к «полуонлайну» (так, создатели Scireople, начав с полностью онлайн-интерфейса, перешли к «полу-онлайну», т.е. достигли договоренностей с представителями научных журналов о размещении информации об этих изданиях в своей сети). Таким образом, в процессе биоинформационной эволюции происходит сближение разных типов и моделей сетей за счет взаимной конкуренции и восприятия чужого опыта.

Быстро эволюционируя, научные сети Рунета начинают оказывать и обратное воздействие на свои прообразы – западные научные сети. Так, опыт сети Соционет, которая была создана по образцу американской экономической базы RePec¹ (при этом использовались отечественные разработки), подал мысль создателям RePec расширить ее интерфейс в сторону междисциплинарности. Хотя, конечно, нельзя судить о состоянии сетевой среды в целом, опираясь на опыт отдельных сетей.

Усиление активности сетей проявляется не только внутри самой сетевой среды, но и в ее отношениях с внешним институциональным миром. Постепенный переход сетей и блогосферы в целом к более тесному контакту с реальностью был продемонстрирован всплеском сетевой активности в последние несколько месяцев 2011 г. – в начале 2012 гг. в связи с предвыборной ситуацией в России. И если еще несколько лет назад исследователи

¹ <http://www.repec.org>

русской блогосферы с пессимизмом отмечали изолированность сетевого сообщества как альтернативного социуму виртуального мира [10], то сегодня нельзя не замечать, что эти две реальности начинают активно сближаться.

Многоликие и лианообразные, сети начинают «прорастать» в жизнь институциональных структур науки, позволяя создавать институциональные архивы [см.: 7], проникая в форме блогов или ссылок на сайты научных организаций (в том числе и институтов РАН – например блоги на сайте Института социологии РАН¹). Ссылки на блоги появляются и на визитках исследователей как часть той обязательной представительской информации, которую исследователь считает необходимым на них зафиксировать.

Научно-сетевой Рунет, подобно новому информационно-коммуникационному материка, возник быстро и независимо от официальной научной и научно-информационной институциональной среды. Однако, как мы можем наблюдать, начальный период формирования для него заканчивается. Как и всякий «конец света», серьезный системный кризис прежней информационной парадигмы, который Кастельс характеризует как исторический сдвиг от институциональной сферы к новому горизонтальному коммуникационному пространству [12]), не осуществляется моментно, а представляет собой постепенный многоэтапный процесс перехода к новой формации. Начальная стадия полностью автономного от остальной земной «тверди» существования нового информационного «материка» постепенно остается в прошлом. Разошедшиеся было после «тектонического» прорыва плиты институционального и альтернативного сетевого социумов снова начинают сближаться. Становится все более очевидным, что информационная среда науки будущего неизбежно будет строиться на взаимодействии этих двух способов создания и распространения научной информации.

3.0. Институциональные медиаторы между сетями и реальной наукой

Как сети неизбежно стремятся встроиться в жизнь реальных институциональных структур и связанных с ними виртуальных интернет-ресурсов, так и институциональные структуры неизбежно должны отказаться от позиции игнорирования «мира

¹ <http://www.isras.ru>

сетей», которой до сих пор придерживаются многие из них. Несмотря на технологическую полноту и активно реализуемый потенциал развития, новая сетевая информационно-коммуникационная среда науки представляет собой лишь технологизированную малообжитую протосреду. В этих условиях можно пытаться привести различные аргументы «за» и «против» сближения «сетевой» и институциональной науки, но все эти аргументы не могут отменить реальности самого идущего процесса. Становится очевидным, что первичный период становления и размежевания закончился и теперь важно постоянное отслеживание происходящих изменений.

С судьбой этой новой сетевой среды связаны два основных вопроса: во-первых, насколько быстро эти сервисы будут «обжиты», и, во-вторых, пойдет ли данный процесс спонтанно или же при помощи какого-либо направляющего вмешательства, импульс которого будет исходить из институциональной сферы? Соответственно, возникает необходимость проанализировать возможности и роли в этой области отечественных национальных научно-информационных центров.

В советский период такие научно-информационные центры, как ВИНТИ и ИНИОН, сыграли огромную роль в становлении информационной среды науки и системы научно-технической информации в СССР. Обязанные своим возникновением потребностям в обработке и упорядочивании огромного потока научно-технической информации, в 1990-е годы они столкнулись с новой децентрализованной информационной средой Интернета.

Эти годы стали для российских научно-информационных структур временем системного кризиса и серьезных потрясений, в ходе которых они оказались перед лицом новых социально-экономических, политико-идеологических и информационных реалий. На фоне прекращения полноценного финансирования, развала связей на международном и национальном уровнях, изменений в системе образования и подготовки научных кадров прежняя, созданная в советский период организационная структура и идеология информационного развития поначалу способствовали отторжению ими новых возможностей децентрализованной информационной среды. Кризис основ прежней парадигмы информационного развития, в рамках которой система информационного обеспечения науки существовала как обособленная от собственно научного труда подсистема специальной научно-информационной

деятельности, был воспринят профессиональным информационным сообществом как некий «конец света» – все более и более углубляющийся «конец эпохи» научной информации в ее прежнем понимании. Но постепенно пришло осознание того, что кризис прежнего информационного мира науки оказался лишь витком информационного развития и стал началом нового информационного миропорядка, в котором этим центрам необходимо найти свое место.

В этом новом мире в сфере информационного обеспечения науки все большее значение начинают приобретать сетевые и мобильные коммуникации ученых, осуществляемые посредством быстро развивающихся сетевых технологий. Ученый получает возможность не только искать и получать нужную информацию без официальных институциональных посредников, но и самостоятельно вводить в научный обиход информацию и знание. Новые формы профессиональных коммуникаций постепенно преобразуют эпистемологические и гносеологические особенности научного дискурса. Огромная часть информации становится «сетевой», а поиск и ориентацию в этой среде на ее теперешнем технологическом уровне обеспечивают интернет-поисковики, специализированные блогпоисковики, сервисы закладок, сайты, аккумулирующие информацию о сетях и составляющие их карты, и т.д.

Web 2.0 как сетевой способ создания, распространения и использования информации изменил стандарты информационного поведения и самих пользователей Интернета, и профессионального информационного и библиотечно-архивного сообщества. Многие традиционные информационные центры уже нашли в новых условиях свою «сетевую» нишу. Об этом говорит накопленный опыт работы многих научно-информационных и библиотечных организаций, для которых все более привычными становятся такие формы деятельности, как продвижение информации о своих ресурсах в сетевой среде и мобильном Интернете, создание цифровых репозиторий (digital repositories), мобильных технологических сервисов для доступа к их ресурсам, участие в создании национальной цифровой информационной инфраструктуры и т.д. Органической частью их работы и стратегии организационно-технологического развития становятся исследования новой сетевой информационной среды Web 2.0 и ее перспектив. Аккумули-

руя знания и информацию в этой области, они строят на этой основе свою дальнейшую деятельность¹.

Таким образом, хотя научно-информационные центры больше не могут по-прежнему быть единственными посредниками между учеными и потоками научно-технической информации, осуществляя полный охват и переработку всего информационного потока, они могут стать посредниками – медиаторами – между институциональной наукой и сетевой информационной средой. Собственно говоря, в роли такого медиатора может выступать любой (единичный или коллективный) актор, опосредующий использование сетевой информации учеными (т.е. собирающий, обрабатывающий и предлагающий ее участникам виртуального сообщества). Это может быть любая библиотека, информационная структура, автор научно-популярного блога, сетевое профессиональное сообщество, электронный архив социологических данных, дающий возможность создавать и использовать информацию. Но развернуть такую работу масштабно и профессионально, с изучением мирового опыта в этой области может лишь крупная научно-информационная организация, обладающая большим опытом научно-методологической и исследовательской работы.

Изучение процессов, происходящих в сетевой среде Web 2.0, позволяет понять, куда и как эволюционирует информационная среда науки, что будет для нее приоритетным на следующем этапе развития. Для определения перспектив ее развития нужен мониторинг, системные исследования, накопление информации и картирование блогосферы и сетевых сервисов Рунета и Интернета, используемых для научных коммуникаций.

Крупные российские научно-информационные центры нуждаются в аналогичном направлении работы. Они должны присутствовать в сетях, продвигать там себя и свою информацию, базы данных и электронные каталоги, создавать для этих целей мобильные сайты². Тем самым они получают возможность оказывать воздействие на становление этой новой информационной

¹В качестве примера можно привести деятельность Канадского института научно-технической информации (КИНТИ) (NRC – Canada Institute for scientific and technical information) (<http://cisti-icist.nrc-cnrc.gc.ca>) и крупнейшего канадского архивно-библиотечного объединения «Библиотека и архивы» (Library and archives) (<http://www.collectionscanada.gc.ca>).

²Например, мобильный сайт КИНТИ (NRC – CISTI mobile: <http://m.cisti.nrc.gc.ca/eng>).

среды, способствовать ее структурированию, стимулировать идущие в ней процессы.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы проблематизировать существующее положение вещей, подчеркнув мобильность новой сетевой среды. Едва ли в рамках одной статьи удастся дать какие-либо определенные ответы на связанные с этими процессами многочисленные вопросы. Такая проблематизация неизбежна и является частью активного исследовательского процесса и познания будущих форм проявления «сетевой» идеи в информационной среде науки. Происходящие в научной сетевой среде процессы начались слишком недавно, чтобы исследователи, чье пристальное внимание на них устремлено, могли с абсолютной уверенностью прогнозировать конкретные технологические направления их дальнейшего развития¹. Однако можно с полным основанием утверждать, что структурирование нового информационно-коммуникационного пространства науки неизбежно будет происходить на основе взаимодействия сетевого и институционального уровней.

Список литературы

1. Барина Д.С. Национальные домены: Символы государственных границ и безграничных возможностей. – Режим доступа: http://www.mgimo.ru/files2/y06_2010/155740/Varinova_domains.pdf
2. Великанов А., Пластинин Ю. Интервью с Андреем Великановым о проблемах информационного общества // Артинфо: Ежедневные новости искусства. – Режим доступа: <http://www.artinfo.ru/ru/news/main/AVelikanov--interview.htm>

¹ Во многом будущее сетей зависит от тех изменений, которые неизбежно ожидают Всемирную паутину в связи с разработками в области семантического Web. Возглавляемый одним из создателей Web 2.0 Бернерсом-Ли Международный консорциум Всемирной сети WWW (W3C) уже несколько лет активно работает над разработкой и распространением единых технологических стандартов данных и семантических технологий. В будущем достигнутый с помощью этих технологий новый уровень связности научных данных (речь идет, в том числе, и о проектах с открытым исходным кодом) станет основным трендом в развитии Web, что может существенно изменить соотношение институциональной и сетевой науки в пользу последней. (Похоже, компьютерный Бог Юкстас продолжает совершенствовать свое сетевое творение. Только теперь он принял имя ... сэр Тимоти Джон Бернерс-Ли).

3. Голынкин-Вольфсон Д. Социальные сети в несетевом социуме (о биополитике, историзме и мифологии русских социальных сетей) // Digital icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European new media. – Leeds, 2009. – Vol. 1, N 2. – P. 101–113. – Mode of access: <http://www.digitalicons.org/wp-content/uploads/2009/12/Dmitry-Golynko-DI-2.7.pdf>
4. Давыдова С.И., Усачева О.А. Сетевая организация экологических движений Европы и России // СоцИс. – М., 2009. – № 11. – С. 56–64. – Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/Socis/2009-11/Davydova_Usacheva.pdf
5. Жукова Т.И. Консолидированная информация по электронным архивам данных: Содержательные понятия, международные программы и организации, Интернет-навигатор. – Режим доступа: <http://lab1-3.narod.ru/gyknovig.htm>
6. Лебедев П. Проблемы и барьеры развития Рунета: Экспертные мнения // Социальная реальность. – М., 2008. – № 7. – С. 5–20.
7. Паринов С.И. Национальная онлайн-инфраструктура для науки и образования // Паринов С.И. Коллекция электронных публикаций. – Режим доступа: <http://www.socionet.ru/collection.xml?h=repec:rus:mqijxk>
8. Самохвалов М., Алексеева А. Науку – в массы: SciPeople.ru и Scholar.ru – флагманы научного Рунета // Частный корреспондент. – М., 2009. – 13 октября. – Режим доступа: http://www.chaskor.ru/article/nauku_-_v_massy_11265
9. Соколова М.Е. Информационное обеспечение научных исследований в Канаде: История и тенденции развития // Россия и Америка в XXI веке. – М., 2012. – № 3. – Режим доступа: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=298>
10. Фоссато Ф. Рунет как инструмент адаптации // Pro et Contra. – М., 2009. – № 2. – С. 91–99. – Режим доступа: http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/pec/2009/2/ProEtContra_2009_2_07.pdf
11. Aleksanyan K. Social networking on Runet: The view from a moving train // Digital icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European new media. – Leeds, 2009. – Vol. 1, N 2. – P. 1–12. – Mode of access: <http://www.digitalicons.org/wp-content/uploads/2009/11/Karina-Alexanyan-DI-2.1.pdf>
12. Castells M. Communication power and counter-power in the network society // International j. of communication. – Oxford, 2007. – Vol. 1, N 1. – P. 238–266.
13. Exploring Russian cyberspace: Digitally-mediated collective action and the networked public sphere // Alexanyan K., Barash V., Etling B., Faris R., Gasser U., Kelly J., Palfrey J., Roberts H. – Cambridge (MA): Berkman center for Internet and society, 2012. – 15 p.
14. Fossato F. Discussion: Is Runet the last adaptation tool? // Russian cyberspace. – Leeds, 2009. – Vol. 1, N. 1. – Mode of access: http://www.digitalicons.org/issue01/pdf/issue1/Web-as-an-Adaptation-Tool_N-Fossato.pdf
15. Machleder J., Asmolov G. Social change and the Russian network society: Redefining development priorities in new information environments. – Mode of access: http://www.internews.org/sites/default/files/resources/Internews_Research_Russia_NetworkSociety1.pdf
16. Mapping Russian Twitter // Alexanyan K., Barash V., Etling B., Faris R., Gasser U., Kelly J., Palfrey J., Roberts H. – Cambridge (MA): Berkman center for Internet and society, 2012. – 16 p.

17. Neylon C. Facebooks for scientists – they’re breeding like rabbits! – Mode of access: <http://blog.openwetware.org/scienceintheopen/2008/08/01/facebook-for-scientists-theyre-breeding-like-rabbit>
18. Scolari C.A. Mapping conversations about new media: The theoretical field of digital communication // *New media a. society.* – L., 2009. – Vol. 11, N 6. – P. 943–964.
19. Zook M. The geographies of the Internet // *Annual rev. of information science and technology (ARIST).* – Medford (NJ), 2006. – Vol. 40. – P. 53–78.

А.Л. Прочко

**ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ
НАУЧНЫХ ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВ**

Введение

Понятие «научное сообщество» является одним из основных терминов науковедения и социологии науки, который в настоящее время получил распространение также и в обыденном языке. Однако наряду с использованием его для характеристики макрообъекта социологии науки, уместно также его применение и на микроуровне, по отношению к отдельным группам людей, связанных с производством научного знания. К такого рода научным сообществам можно отнести небольшие группы сотрудников, работающих в определенном исследовательском институте, сами институты или организации, выполняющие сложные междисциплинарные задачи и проекты. После возникновения Web 2.0 логичным «продолжением» их эволюции стало появление научных интернет-сообществ. В немалой степени этому способствовало создание онлайн-хранилищ данных, которые позволяют ученым получать доступ к научным данным и публикациям, не отходя от компьютера [11]. Можно с уверенностью утверждать, что по мере дальнейшего развития Интернета будут возникать все новые стимулы участия людей науки в жизни интернет-сообществ [1]. Существует даже точка зрения, отстаивающая необходимость создания единой системы координации деятельности научного сообщества в Интернете [5].

Появление возможности совместно «создавать» контент (самым ярким примером является «Википедия» – электронный источник знаний, доступ к созданию и редактированию материалов которого имеют все посетители) способствовало вовлечению в

научную деятельность в Интернете многих ученых. Ряд исследований и опросов свидетельствуют об ожидаемом увеличении в дальнейшем количества представителей науки, которые будут заниматься созданием виртуального научного контента [12].

Общение на разных этапах развития интернет-сообществ протекало в различных формах – начиная от популярных и поныне чатов и форумов и заканчивая полной интеграцией в социальные сети. Кроме того, стали появляться «профессиональные» социальные сети, ориентированные на представителей различных специальностей.

Еще одним, возможно, не таким значимым для «научных достижений» фактором, влияющим на рост виртуального научного сообщества, является вклад Интернета в популяризацию научных знаний среди людей, напрямую с наукой не связанных [1]. Известны случаи, когда освещение нерешенной проблемы в Интернете позволяло ее решить благодаря общественному вниманию, которое было привлечено к этой проблеме. В настоящее время все большую популярность обретает точка зрения, согласно которой решение научных задач упрощается с помощью научных интернет-сообществ.

Формирование интернет-сообществ можно рассматривать с различных позиций. В данной работе на примере одного из сервисов Яндекса – Яндекс.Каталога будет представлено исследование взаимодействия в Интернете с «технической» точки зрения наличия на сайте ссылки на другой ресурс. Будем считать, что данная ссылка является добровольной и поставлена с целью бескорыстного предоставления пользователю информации о другом сайте. Таким образом, собрав данные обо всех ссылках с сайтов, мы получим таблицу ссылок между ними (по сути, граф). Используя сформированную таблицу, можно сделать различные выборки, с помощью которых рассмотреть взаимодействие между рубриками, сайтами из Яндекс.Каталога и сайтами, не входящими в него. Благодаря этому удастся выявить основные связи, формирующиеся при создании сообществ. Сообщество может состоять из одного сайта, но в конечном счете его функционирование будет невозможно без других сайтов (будь то просто технологические сервисы или же подобные сообщества).

Среди сайтов, на которые делаются ссылки, можно выделить несколько основных типов (причем, некоторые особо значимые сайты могут быть выделены в особый тип). Логично предположить, что основными акцепторами будут сайты, которые пре-

доставляют актуальную информацию: сайты-библиотеки, сайты крупных организаций, а также уникальные крупные сайты-сервисы, каждый из которых оказывает большое влияние на функционирование любых сообществ (поисковые системы, социальные сети, Твиттер, Википедия и пр.).

Основываясь на таких критериях, как способы формирования контента и цели создания сообщества, можно выделить следующие модели сообществ.

1. *Научные группы* – определенный вид сообществ, главными целями для которых являются обмен информацией и решение поставленных вопросов.

2. *Сообщества на сайтах, распространяющих информацию*. Это так называемые дискуссионные сообщества, у которых нет определенной задачи. С их помощью осуществляется обмен информацией и ее обсуждение.

3. *Сообщества, занимающиеся распространением и «созданием» информации* (самым ярким примером здесь, конечно, является Википедия).

4. *Научные организации*. Это вид сообществ, которые используют сайты как вид отчетности о результатах труда или для размещения анонсов новостей. К данному типу можно отнести сайты научных институтов и учебных организаций.

Рассмотрим интернет-сайты как инструменты, с помощью которых осуществляется обмен информацией в сообществах.

Одним из самых важных инструментов являются поисковые системы, позволяющие осуществлять поиск по огромным объемам информации. Далее значимым элементом «научного мира» Интернета являются электронные библиотеки, хранящие различные научные работы и публикации, что позволяет значительно упростить доступ к распространению информации. Речь идет в том числе и о научных работах в режиме prepublish, т.е. проходящих стадию рецензирования и еще не опубликованных в журналах. На более позднем этапе развития «научного» Интернета потребность в общении также породила новый тип сайтов – форумы, которые стали логичным продолжением чатов, так как в них появилась возможность выделять темы, разделы и в более удобной форме хранить истории сообщений вместе с датами.

Как уже отмечалось, в качестве отдельного вида рассматривается Wikipedia – шестой по популярности сайт в мире, где создавать и исправлять статьи может каждый. Этот ресурс обрел свою репутацию вследствие доступности предоставляемой информации

и ее «выверенности». По мере усилий всех участников, постоянно вносящих свою лепту в дополнение статей, материалы постепенно становятся максимально полными и актуальными. Во многом в этом состоит заслуга ученых, принимающих участие в составлении этой электронной энциклопедии, так как без их непосредственного участия многие статьи, где нужны профессиональные знания, были бы блеклыми и неинформативными.

Новые возможности для исследователей открыли появившиеся не так давно социальные сети LinkedIn, Facebook и ВКонтакте. Предлагаемый ими набор функций позволяет пользователям объединяться в группы по интересам, которые тесно связаны с повседневной жизнью. Так, LinkedIn, позиционирующая себя как деловая сеть, предоставляет пользователям возможность найти работу или проект, а Facebook и ВКонтакте, облегчают доступ к получению информации в удобной форме.

В отдельную секцию сайтов, не несущих текстовую информацию, необходимо выделить видеохостинги. Об их значении говорит тот факт, что на основе опыта YouTube, был создан видеохостинг SciVee, посвященный исключительно научным видео, что позволяет пользователям, заинтересованным в такой информации, получить доступ, не пересматривая список из некачественного и не относящегося к научной теме огромного количества видео.

Отдельно должен быть рассмотрен Twitter. Популярный сервис, который, казалось бы, трудно «привлечь» к науке, стал неплохим способом распространения и обмена полезной научной информацией, организации конференций и научных дискуссий.

Идеальным вариантом для активного научного сообщества является использование всех перечисленных типов сайтов, которые прекрасно дополняют друг друга, хотя некоторые из них дублируют друг друга по функциям. Все вместе они обеспечивают огромный функциональный потенциал, создающий все условия для формирования научных сообществ.

Теоретические и методические аспекты

Цель данной работы состоит в выяснении, какие именно сайты используются в процессе формирования сообществ. Это может быть как отношение «сообщество → сайт-инструмент», так и отношение «сообщество → сообщество». Данные, полученные в

результате анализа, покажут, насколько верно предположение об участии подобных сервисов в формировании сообществ.

Одна из основных задач поисковых систем – определение тематичности содержания страниц сайта, что необходимо для учета данного фактора при ответе на пользовательский запрос в процессе ранжирования документов. Чтобы действовать с максимальной точностью, поисковая система Яндекс создала свой собственный каталог, который позволяет четко определить тематику сайта (именно она и задается в рубриках Яндекс.Каталога). Данный сайт¹ представляет собой классификатор сайтов, основанный на ручном отборе качественных с точки зрения Яндекса ресурсов, который содержит в себе практически все основные сайты российской части Интернета. Отбор в данный каталог производится людьми – модераторами – с точки зрения полезности и уникальности сайта для конечного пользователя. При ранжировании и формировании выдачи по запросу присвоенная ими тематика дает возможность определять тематичность исходящей ссылки с такого сайта.

В настоящее время задача определения тематики решается как для всего сайта, так и для отдельных страниц [4], причем рассматривается не только текст на сайте или странице, но также и тексты ссылок, ведущих на этот сайт [10]. Для решения задач автоматической классификации должна использоваться обучающая выборка. Во многих работах именно Яндекс.Каталог используется как эталон для Рунета. Для разделения сайтов на группы в нашей работе, как уже было сказано ранее, будет использован именно Яндекс.Каталог (сокращенно «ЯК»), а точнее, сайты из рубрики «Учеба». Основные рубрики в ней:

- Высшее образование – 1600 сайтов.
- Науки – 3400 сайтов.
- Курсы – 1800 сайтов.
- Среднее образование – 2400 сайтов.
- Учебные материалы – 1000 сайтов.
- Универсальное – 200 сайтов.
- Прочее – 100 сайтов.

Каждая из рубрик содержит вложенные подрубрики до второго уровня «вложенности». Для понимания «картины научного мира» мы в дальнейшем (помимо стандартной рубрикации каталога) введем новые рубрики, являющиеся объединением тех, что

¹ Яндекс.Каталог. – Режим доступа: <http://yaca.yandex.ru>

представлены в каталоге. Так, например, рубрика «Негосударственные вузы» была распределена в аналогичные рубрики к государственным согласно специальности вуза. В конечном итоге это поможет сделать выводы о том, на какие сайты чаще всего ссылаются – сайты университетов, библиотек и т.д. Кроме того, были объединены рубрики «Универсальное» и «Прочее», так как в них находится небольшое количество сайтов, принципиально не отличающихся друг от друга.

Показатель тИЦ (тематический индекс цитируемости) демонстрирует значимость сайта относительно других в данной рубрике. Ранжирование сайтов при просмотре каталога происходит именно по тИЦ. Существует множество параметров, которые влияют на его величину, причем влияет не только количество, но и «качество» ссылки. На сайте Яндекса проводятся аналогии между трудами ученых и сайтов:

«Индекс цитирования (или ИЦ) – принятая в научном мире мера “значимости” трудов какого-либо ученого. Величина индекса определяется количеством ссылок на этот труд (или фамилию его автора) в других источниках. Однако для действительно точного определения значимости научных трудов важно не только количество ссылок на них, но и качество этих ссылок. Так, на работу может ссылаться авторитетное академическое издание, популярная брошюра или развлекательный журнал. Значимость у таких ссылок разная»¹.

Данный показатель цитируемости используется во всем Интернете, поэтому логично предположить, что данные для сайтов с высоким показателем тИЦ являются более актуальными и точными. Уместной здесь является ситуация с цитируемостью научных работ: «Выше определенного “порога заметности” существует небольшая элита, которой достается основная масса цитат, в то время как большая часть авторов цитируется мало и постепенно придается полному забвению» [2]. Так же складывается и ситуация с сайтами. Наиболее авторитетные сайты получают больше ссылок, чем неизвестные. Здесь срабатывает «эффект снежного кома» – заработав имя, следующие ссылки будут получены на волне авторитетности ресурса. Интернет отражает картину реального мира, в которой ученые ссылаются на «проверенные» научные работы с высокой репутацией.

¹ Solomono. – Режим доступа: <http://solomono.ru>

Всего в Яндекс.Каталоге более 110 тыс. сайтов, из них на рубрику «Учеба» приходится около 9 тыс. сайтов. Для получения наиболее показательных данных в работе исследованы взаимодействия между рубриками различного уровня. В работе А.А. Киселева «Экспериментальное исследование индексов поисковых машин на предмет покрытия результатов поиска тематическими каталогами» утверждается, что поисковая выдача популярных запросов покрывается Яндекс.Каталогом на 60% [3]. Иначе говоря, в нем собраны сайты, с помощью которых можно сформировать в целом объективную картину.

В конечном счете, нам необходимо получить набор данных – связей между сайтами, а на начальном этапе – список сайтов в выбранной нами рубрике в Яндекс.Каталоге. Для этого могут быть использованы несколько методов решения данной задачи.

1. Первый метод: сохранение списка сайтов обходом непосредственно Яндекс.Каталога, по всем вложенным категориям;

2. Второй метод: проверка каждого сайта запросом вида: <http://yasa.yandex.ru/yasa/cy/ch/site.ru>

В случае если сайт находится в каталоге, выдается его рубрика и ТИЦ. В ином случае появляется сообщение «сайт не описан в Яндекс.Каталоге».

3. Третий метод: проверка списка через XML-сервис Яндекса «Яндекс Бар» (Яндекс.XML), запросом вида <http://bar-navig.yandex.ru/u?ver=2&show=32&url=http://site.ru>

При помощи этого же способа возможно получить и тематику сайта и его ТИЦ.

В работе были использованы первый и третий методы. Первый метод позволяет собрать полную базу Яндекс.Каталога и выигрывает по сравнению с другими за счет того, что сайт может находиться в нескольких категориях. Второй способ имеет недостатки, связанные с необходимостью делать запрос на каждый сайт, а проверка таким методом (через каталог по одному сайту) приводит к излишней нагрузке на сервера Яндекса, и, соответственно, к блокировке нашего робота. XML реализован Яндексом как раз для массовых запросов, и при необходимости позволяет проверить весь список сайтов. Третий способ будет использован для проверки списка сайтов – получателей ссылок на наличие определенной тематики. Также это позволит получить данные о том, какая часть ссылок описывается Яндекс.Каталогом в целом.

Основная проблема сбора данных – получение списка всех ссылок с сайтов. Решение данного вопроса усугубляется достаточ-

но большим количеством сайтов в рубрике «Учеба». Было рассмотрено несколько источников данных.

1. Обход всех сайтов собственной программой. Это наиболее точный способ, но также и наиболее ресурсозатратный.

2. Данные поисковой системы Bing.com, позволяющей по запросу определенного типа получить все исходящие ссылки с сайта.

3. Использование специализированных сервисов, например: Solomono¹, Ahrefs², ориентированных на сбор подобной информации по ссылкам.

Наиболее предпочтительным вариантом является получение данных через специализированные сервисы, так как, по сути, это и есть полноценный обход роботом, осуществленный посредством использования мощностей этих сервисов. Для решения задач данной работы наиболее эффективен в использовании сервис, который наиболее полно отражает ситуацию по сайтам нашей выборки. Поскольку большинство сайтов русскоязычные, то выбор среди этих сайтов сделан в пользу бесплатного сервиса **Solomono.ru**. Он позволяет сделать файл-выгрузку со списком «доноров» – тех сайтов, на которые идут ссылки с проверяемого сайта. В итоге, имея список сайтов, можно получить весь необходимый для анализа набор данных.

Для хранения полученных данных удобно пользоваться SQL таблицами. Для этого создаются:

- таблица – список сайтов с присвоенными ID, с записью тематики сайта по Каталогу;
- таблица рубрик;
- таблица ссылок.

Создание данных таблиц позволяет делать нужные выборки, выполняя SQL запрос. Так, в конечном счете, будут сформированы следующие данные:

1) отношение ссылок внутри рубрики к сайтам вне ее, отношение количества ссылок на сайты из Яндекс.Каталога к общему их количеству, что позволит оценить покрытие Яндекс.Каталогом всей выборки исходящих ссылок;

2) сайты-акцепторы, на которые ставится больше всего ссылок, что даст возможность определить популярные сообщества

¹ <http://solomono.ru>

² <http://ahrefs.com>

или инструменты, являющиеся важными звеньями в формировании сообществ;

3) популярные рубрики Яндекс.Каталога, на которые ставятся ссылки, для указания типов сайтов, пользующихся наибольшей популярностью.

Эксперимент и его результаты

При подведении итогов теоретической части исследования нами была выбрана следующая схема.

1-й этап. Обходом рубрик из категории «Учеба» был сформирован список сайтов при сохранении иерархии и учете того, что сайт может находиться в нескольких рубриках. В результате мы получили список из более чем 9000 адресов сайтов в этой рубрике.

2-й этап. Были получены данные о массивах исходящих ссылок с этих сайтов (использовались данные сервиса Solomono). В силу ограниченной функциональности бесплатной версии сервиса, возможным было получение только 500 ссылок с каждого сайта, поэтому необходимо было оценить «потери». Из 10 000 сайтов более 500 исходящих ссылок имело менее 1000 сайтов, и в основном это были сайты и крупные порталы, что не оказало сильного влияния на результаты исследования. Тем не менее данное обстоятельство вносит в результаты погрешность примерно в 10–15%. На фоне неполных данных сервиса погрешность, по нашим оценкам, составляет около 25% (сравниваются данные с другими источниками).

3-й этап. Полученные данные были приведены в общий формат и осуществлено распределение полученных ссылок по рубрикам. Всего в работе было обработано около 1,5 млн. связей между сайтами.

4-й этап. На этом этапе были проведены анализ полученных массивов данных, вычисление процентных отношений из теоретической части и выявление основных закономерностей.

Для реализации данного плана работы был разработан небольшой программный комплекс, способный обрабатывать данные по нужным категориям. Он состоит из нескольких модулей, необходимых для решения задач каждого из этапов: модуль обхода каталога, проверки ссылок через Яндекс XML, конвертирование полученных данных из сервиса в удобный формат,

распределение их по категориям, обсчет количества ссылок по заданным критериям.

Пока не производилось деления на группы, была получена общая картина. Наиболее интересным стали результаты рассмотрения самых популярных сайтов, на которые ссылаются наиболее часто. Речь идет о 20 сайтах, на которых проставлено больше всего ссылок (числа означают количество сайтов, которые ссылаются на него из рубрики «Учеба»):

1700 yandex.ru	630 kp.ru
1460 ru.wikipedia.org	600 elibrary.ru
1390 youtube.com	600 lib.ru
1080 facebook.com	570 en.wikipedia.org
1000 twitter.com	560 ozon.ru
950 mon.gov.ru	540 gazeta.ru
840 rg.ru	530 msu.ru
820 edu.ru	530 lenta.ru
790 google.com	520 kommersant.ru
710 rian.ru	510 ege.edu.ru

Среди лидеров онлайн-сообществ: Wikipedia, крупнейшие поисковые системы, государственные сайты системы образования, группа сайтов edu.ru, библиотеки, крупные новостные порталы и сайты-социальные сети. Так же, как и остальные пользователи, исследователи стремятся поделиться информацией (новостные порталы, видеохостинги), обсудить ее (социальные сети) и воспользоваться уже полученной другими учеными информацией (онлайн-библиотеки).

Весь список сайтов-получателей был проверен на наличие на нем тематики по Яндексу. Здесь нужно сделать оговорку. Помимо «основной» части сайтов, входящих в Яндекс.Каталог, существует и другая часть – сайты, у которых через Яндекс.XML отдается «присвоенная» тематика. Ту часть сайтов, которую нельзя найти непосредственно в Каталоге, называют его «скрытой частью» или просто доменами «с присвоенной тематикой» (неофициальные названия). По данным представителей сервиса RDS¹, всего в Интернете около 200 тыс. сайтов с определенной тематикой по Яндексу. Сравнивая данное количество с сайтами в Каталоге (110 тыс.), можно предположить, что на каждый сайт в Каталоге приходится еще 1 сайт с присвоенной тематикой. Так как массово

¹RDS: Recipient donor service. – Mode of access: <http://www.recipdonor.com>

проверить большой объем сайтов на наличие в ЯК (а у нас более 1 млн. ссылок сайтов-акцепторов) в данной работе не представлялось возможным (при этом тематика определялась запросом через XML), то мы будем пользоваться вышеприведенной оценкой.

После проверки всех 1,3 млн. ссылок были сделаны следующие выводы. Прежде всего, установлено, что количество ссылок на сайты с присвоенной тематикой составляет порядка 600 тыс. В процентном отношении это ~ 45%. По нашей оценке, на долю сайтов, находящихся непосредственно в Яндекс.Каталоге приходится около 25% (исходя из предыдущих предположений). С учетом того что тематика (в том числе и для сайтов, не входящих в каталог) присваивается специалистами Яндекса при непосредственном анализе сайта, можно пользоваться и первой цифрой – 45%. Из этого следует, что сайты в Яндекс.Каталоге и сайты с присвоенной тематикой обеспечивают достаточно хорошее покрытие произвольного набора сайтов.

Важным представлялось исследование вопроса, какая часть из 1,3 млн. ссылок ведет на сайты в рубрике «Учеба». Оказалось, что порядка 260 тыс. сайтов. Таким образом, из всех оставленных ссылок с научных сайтов около 25% приходится на сайты с четко обозначенной тематикой «Наука». Получается, если мы ограничиваемся рассмотрением только ссылок на сайты с присвоенной тематикой (т.е., для которых тематика была опеределена модераторами при непосредственном анализе), то получаем следующие результаты: всего ссылок на такие сайты – 600 тыс., ссылок на сайты из рубрики «Учеба» Яндекс.Каталога – 260 тыс. Можно сделать вывод, что каждая вторая ссылка ведет на научный сайт. Данный факт свидетельствует о том, что в этой рубрике обмен информацией происходит строго по теме и дает возможность сформировать качественные сообщества.

Вот как распределены сайты-получатели по рубрикам:

Рубрика	Количество	%
Науки	88 000	34
Высшее образование	46 000	18
Среднее образование	43 000	17
Курсы	42 000	16
Учебные материалы	32 000	12
Универсальное	9000	3

Ниже приводится 15 самых популярных тематик, отдаваемых через Яндекс.Бар для сайтов получателей. Числа здесь означают количество ссылок.

Учеба	29 523
Университеты	16 673
Газеты	15 020
Технические вузы	13 269
Исполнительная власть	12 672
Журналы	10 695
Информационные агентства	10 174
Бизнес	9779
Гуманитарные вузы	8891
Научные библиотеки	8853
Социальные сети	7327
Науки	6936
Компьютеры	6267
СМИ	5148
Интернет	5086
Иностранные языки	5045
Поисковые системы	4875

Безусловным лидером здесь является рубрика «Учеба». Необходимо сделать поправку на то, что через XML для сайтов из внутренних подрубрик может отдаваться главная рубрика, что мы и видим в данном случае. Третье, пятое и седьмое места занимают ссылки на сайты-газеты и сайты-новостники, что подтверждает гипотезу о том, что ссылки в основном ставятся для того, чтобы поделиться или обсудить информацию. В «лидерах» находятся также сайты вузов и научных библиотек. Данные выводы полностью подтверждают предположения, сделанные в теоретической части.

Следующим этапом исследования стал анализ ссылок, относящихся к разным рубрикам. Оказалось, что в каждой рубрике 1-го порядка существуют ссылки на все 43 выделенные нами рубрики 2-го порядка. Это свидетельствует о том, что данные каждого из сайтов представляют научный интерес и активно используются пользователями.

Что касается итоговых выводов по ссылкам внутри Каталога, ниже приведена таблица, которая показывает общее количество ссылок «внутри» категории, а также отношение таких ссылок к общему количеству. Рассматриваются ссылки на сайты с присвоенной тематикой, так как у них была определена тематичность. Как видно из результатов, в четырех из шести рубрик практически каждая седьмая-восьмая ссылка «оставалась» внутри рубрики.

Название категории	Кол-во ссылок с тематикой	Внутри рубрики	%
Курсы	72 000	8000	12
Универсальное	9 900	220	2
Учебные материалы	51 000	2900	6
Среднее образование	95 000	12 700	13
Науки	262 000	43 000	16
Высшее образование	99 000	14 600	15

Следующим шагом был анализ данных, показывающих распределение ссылок на «соседние рубрики».

Курсы

Всего ссылок: 162 000
 На сайты с тематикой: 72 000
 8000 Курсы
 6500 Науки
 4400 Высшее образование
 3800 Среднее образование
 2800 Учебные материалы
 1000 Универсальное

Универсальное

Всего ссылок: 22 000
 На сайты с тематикой: 9900
 1400 Высшее образование
 1000 Среднее образование
 1000 Науки
 950 Курсы
 400 Учебные материалы
 220 Универсальное

Высшее образование

Всего ссылок: 241 000
 На сайты с тематикой: 99 000
 18 800 Науки
 14 600 Высшее образование
 9500 Курсы
 9300 Среднее образование
 7000 Учебные материалы
 2700 Универсальное

Науки

Всего ссылок: 570 000
 На сайты с тематикой: 262 000
 43 000 Науки
 14 400 Среднее образование
 14 300 Высшее образование
 14 000 Курсы
 13 500 Учебные материалы
 2800 Универсальное

Среднее образование

Всего ссылок: 225 000
 На сайты с тематикой: 95 000
 12 700 Среднее образование
 12 400 Науки
 8500 Высшее образование
 7400 Курсы
 4900 Учебные материалы
 2000 Универсальное

Учебные материалы

Всего ссылок: 113 000
 На сайты с тематикой: 51 000
 7300 Науки
 3000 Курсы
 2900 Высшее образование
 2900 Учебные материалы
 2700 Среднее образование
 550 Универсальное

Неудивительно, что лидирующие позиции здесь занимают сайты из категории «Наука», т.е. те сайты, которые предоставляют посетителям более «универсальную» информацию по заданной тематике. Также в каждой подрубрике много ссылок ставится на сайты из этой же подрубрики. Несмотря на то что, например, рубрика «Учебные материалы» занимает предпоследнее место во всех представленных

отчетах, ее подрубрика «Научные материалы» занимает пятое место среди всех подрубрик по количеству ссылок на нее.

Рубрика	количество	% от всех
Науки / Естественные науки	41 000	3,2
Науки / Гуманитарные науки	37 300	2,9
Науки / Учреждения управления и информации	27 900	2,1
Среднее образование / Школьные предметы	23 500	1,8
Учебные материалы / Научные публикации	22 300	1,7
Курсы / Иностранные языки	17 700	1,4
Науки / Научные библиотеки	16 400	1,3
Высшее образование / Гуманитарные вузы	15 900	1,2
Науки / Технические науки	14 800	1,1
Науки / Универсальное	14 100	1,1
Курсы / Бизнес-образование	13 100	1
Высшее образование / Абитуриентам	13 000	1
Высшее образование / Технические вузы	12 600	1
Высшее образование / Университеты	11 600	0,9
Курсы / Прочее	11 400	0,9
Среднее образование / Внешкольная работа	11 300	0,9
Курсы / Повышение квалификации	11 200	0,9
Среднее образование / Школы	11 100	0,9
Универсальное	9000	0,7
Среднее образование / Колледжи, техникумы	8700	0,7
Среднее образование / Учительская	8600	0,7
Науки / Научная периодика	8600	0,7
Высшее образование / Студенческая жизнь	8400	0,6
Среднее образование / Прочее	8100	0,6
Курсы / Компьютерные курсы	7700	0,6
Курсы / Обучение за рубежом	7400	0,6
Учебные материалы / Прочее	6800	0,5
Среднее образование / Школьные олимпиады	5900	0,5
Высшее образование / Прочее	5700	0,4
Учебные материалы / Рефераты	5600	0,4
Науки / Конференции и семинары	5600	0,4
Науки / Научно-популярные журналы	5600	0,4
Высшее образование / Универсальное	5100	0,4
Высшее образование / Медицинские вузы	4900	0,4
Среднее образование / Универсальное	4200	0,3
Курсы / Универсальное	4000	0,3
Учебные материалы / Универсальное	4000	0,3
Науки / Прочее	3400	0,3
Высшее образование / Педагогические вузы	3200	0,2
Среднее образование / ЕГЭ	2700	0,2
Высшее образование / Вузы культуры и искусств	2600	0,2
Высшее образование / Выпускники	2300	0,2
Высшее образование / Аграрные вузы	1900	0,1

Для понимания того, как формируются научные интернет-сообщества, было необходимо узнать, на какие из рубрик второго уровня вложенности чаще всего ссылаются. Ниже приведена таблица всех рубрик с количеством ссылок, получаемых сайтами из этой рубрики.

Как отмечалось ранее, самая популярная рубрика – «Науки», поэтому и в рейтинге подразбук она занимает самые высокие позиции (первую и вторую). На третьем месте находится рубрика «Науки / Учреждения управления и информации», в которой собраны сайты институтов РАН, фондов, государственных организаций. Большое количество ссылок на них связано с «авторитетностью» этих сайтов особенно крупных академических институтов. Также в лидерах находятся сайты из двух рубрик: «Учебные материалы / Научные публикации» и «Науки / Научные библиотеки» – соответственно, сайты-архивы научных работ и сайты библиотек, на которых также имеется возможность просмотреть текст работ / книг или по крайней мере ознакомиться с аннотацией к книге. В «лидерах» также сайты вузов из раздела «Высшее образование».

Показательно, что именно подразделы этого образования замыкают данный «рейтинг». Видимо, сказывается зависимость специализации вузов, их уровень и, конечно же, их количество в рубрике. Отдельно стоит выделить сайты, посвященные «школьной науке» (рубрики «Среднее образование / Школьные предметы» и «Высшее образование / Абитуриентам»). Данный вывод подтверждает то, что школьники являются активными пользователями Интернета, и нельзя недооценивать его значение для помощи в учебе, получения информации и популяризации науки в целом.

Заключение

В данной работе удалось выделить основные типы сайтов, на которые ставятся ссылки, что позволяет определить основные принципы формирования научных сообществ в Интернете. Анализируя полученные результаты, можно сделать несколько важных выводов.

Изучение Яндекс.Каталога является эффективным способом для определения тематики сайтов, поскольку при этом охватывается значительная часть сайтов выборки. Количество сайтов, на которые ведут ссылки, находящиеся в Каталоге, превосходит их количество за его пределами. Следовательно, использование Ян-

декс.Каталога для выбора сайтов с целью последующего анализа, а также их классификации следует признать успешным.

В целом полученные данные подтверждают основные идеи, представленные во введении и теоретической части статьи. Большая часть ссылок ставится для того, чтобы перевести обсуждение проблем и задач в другую плоскость – плоскость интернет-сообществ, способных решать серьезные задачи. Анализ полученных данных показывает, что диапазон сайтов, на которые ставятся ссылки, разнообразен и отвечает современным запросам. На них происходит обсуждение самых разнообразных проблем, о чем свидетельствуют ссылки на всех уровнях, начиная от «школьных» и заканчивая ссылками на серьезные исследовательские организации.

Также подтвердилась гипотеза о том, что большую роль в формировании сообществ играют сервисы, предоставляющие функции, которые можно использовать и на других сайтах. Именно такие инструменты позволяют быстро и удобно обмениваться информацией. Это один из уникальных плюсов Интернета, ускоривший решение многих вопросов.

По результатам исследования массива ссылок можно сделать вывод, что наибольшей популярностью пользуются сайты из категории «Наука», причем прежде всего те из них, которые содержат информацию, не привязанную к узкой тематике. Сюда же входят журналы и другая научная периодика, конференции и просто крупные профильные сайты. Большое количество ссылок ведет на сайты библиотек и архивов, что подчеркивает необходимость подобных сайтов как универсальных источников научных данных, доступных из любого места, где есть Интернет.

Наличие таких сайтов и связанных с ними сообществ, в которых обсуждается большой круг вопросов, способствует решению различных научных проблем и помогает заинтересовать и привлечь в эти сообщества новых пользователей.

Список литературы и источников

1. Горбунов-Посадов М.М. Интернет-активность как обязанность ученого // Информационные технологии и вычислительные системы. – М., 2007. – № 3. – С. 88–93. – Режим доступа: <http://keldysh.ru/gorbunov/duty.htm>
2. Дерябин А.А. Неформальные группы и сети коммуникации. – Режим доступа: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/colleges.htm>

3. Киселев А.А. Экспериментальное исследование индексов поисковых машин на предмет покрытия результатов поиска тематическими каталогами // Теория и практика системного анализа: Труды I Всероссийской научной конференции молодых ученых. – Рыбинск: РГАТА им. П.А. Соловьева, 2010. – Т. 2. – С. 121–126.
4. Маслов М.Ю., Пяллинг А.А., Трифонов С.И. Автоматическая классификация веб-сайтов // RCDL'2008: Труды 10-й Всероссийской научной конференции «Электронные библиотеки: Перспективные методы и технологии, электронные коллекции». – Дубна, 7–11 октября 2008. – С. 230–235. – Режим доступа: http://rcdl2008.jinr.ru/pdf/230_235_paper27.pdf
5. Тищенко В.И., Жукова Т.И., Сазонов Б.В. Подходы к созданию единой сетевой инфраструктуры научного сообщества // Труды Института системного анализа РАН. – М.: УРСС, 2008. – Т. 34: Инновации в общественной сфере / Под. ред. Б.В. Сазонова. – С. 5–30.
6. Что такое тИЦ. – Режим доступа: <http://help.yandex.ru/catalogue/?id=873431>
7. Яндекс.Каталог. – Режим доступа: <http://yaca.yandex.ru/>
8. Яндекс.XML. – Режим доступа: <http://xml.yandex.ru>
9. Ahrefs. – Mode of access: <http://ahrefs.com>
10. Combining link-based and content-based methods for web document classification / Calado P., Cristo M., Moura E., Ziviani N., Ribeiro-Neto B., Gonçalves M.A. // CIKM'03. – New Orleans (LA), 3–8 November 2003. – Mode of access: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:XmXcxtWJHUUJ:citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download%3Fdoi%3D10.1.1.118.3718%26rep%3Drep1%26type%3Dps+http://homepages.dcc.ufmg.br/~nivio/papers/cikm03&cd=7&hl=en&ct=clnk>
11. Gläser J. What Internet use does and does not change in scientific communities // Science studies. – Helsinki, 2003. – Vol. 16, N 1. – P. 38–51.
12. Ponte D., Simon J. Web 2.0 and scientific publishing: A survey. – Mode of access: <http://wikis.fu-berlin.de/download/attachments/59080767/Ponte-Simon-Paper.pdf>
13. RDS: Recipient donor service. – Mode of access: <http://www.recipdonor.com/>
14. Solomono. – Режим доступа: <http://solomono.ru>

А.В. Строганов, Г.С. Епифанова, Е.А. Никитина

ДОБРОВОЛЬНЫЕ РАСПРЕДЕЛЕННЫЕ ВЫЧИСЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В современных естественно-научных областях ставятся задачи, которые сегодня сложны, а вчера казались фантастикой, – предсказание форм белковых молекул, анализ гравитационных полей пульсаров, моделирование климата планеты и др. Расчеты для таких задач требуют огромных вычислительных мощностей. До недавнего времени они производились исключительно с помощью суперкомпьютеров, т.е. тысяч и десятков тысяч по сути обычных компьютеров, объединенных в сеть. Такие суперкомпьютеры, или, как их еще называют, «вычислительные кластеры», требуют огромных средств на свое содержание, что делает подобные технологии труднодоступными для небольших научных лабораторий. Примером подобного кластера может служить IBM Roadrunner, стоимость которого составляет около 133 млн. долл.; он занимает приблизительно 1100 м² и весит 226 тонн. Очевидно, что не каждая группа исследователей может себе позволить кластер такого масштаба.

Эlegantным и достаточно уникальным решением проблемы вычислительных возможностей по праву могут считаться добровольные распределенные вычисления (volunteer computing). Основная идея добровольных вычислений заключается в создании вычислительной сети для решения научных задач, объединяющей через Интернет обычные домашние компьютеры людей по всему миру. Оказывается, что в обычных, повсеместно используемых персональных компьютерах кроется еще больший вычислительный потенциал. При этом ресурсы современного персонального компьютера при работе (например в интернете или с текстовыми документами) используются менее чем на 10%, но физически про-

цессор занят всегда, следовательно, неиспользуемая энергия рассеивается в виде тепла.

Обычные пользователи персональных компьютеров, решившие поддержать те или иные научные исследования, скачивают и запускают специальную программу, которая затем позволяет исполнителям научных проектов через Интернет использовать незанятую часть вычислительной мощности соответствующего персонального компьютера. Таким образом, персональные компьютеры объединяются через Интернет в гигантские вычислительные кластеры. Программа периодически запрашивает данные для математических расчетов, производит эти расчеты на компьютере пользователя и отправляет результаты ученым. Вычисления ведутся во время работы компьютера в фоновом режиме, никак не мешая повседневной работе с ним, при этом поддержанный пользователями научный проект получает колоссальный прирост производительности в решении вычислительных задач, а пользователю начисляются очки, которые в сумме отражают вклад данного пользователя в выбранный проект.

На данный момент существуют сотни проектов распределенных вычислений, посвященных исследованиям в различных областях науки, таких как биология, медицина, математика, физика, астрономия и другие. Уже получен ряд важных достижений: открыты новые пульсары, выведены структуры неизвестных ранее белков, получены новые большие простые числа.

По статистике на 2011 г. в добровольных вычислениях задействовано около 1 млн. вычислительных устройств с суммарной производительностью более 12 петафлопс, что в полтора раза превосходит производительность самого современного вычислительного кластера K Computer института физико-химических исследований в г. Кобе в Японии и почти в пять раз превосходит его предшественника – китайский суперкомпьютер Tianhe-1A [2].

Среди наиболее известных проектов добровольных распределенных вычислений следует отметить проект Стэнфордского университета Folding@home, который направлен на моделирование процессов свертывания / разворачивания белков с целью изучения причин возникновения болезней, вызываемых дефектными белками, таких как болезнь Альцгеймера, болезнь Паркинсона, диабет типа II, болезнь Крейтцфельда–Якоба и склероз. Также в области биологии и медицины хорошо известен проект Malaria Control Project, направленный на поиск лекарства от малярии в Африке (Africa@home). Среди проектов в области астрономии

наиболее популярными являются Einstein@Home, в котором проверяется гипотеза Альберта Эйнштейна о гравитационных волнах с помощью анализа гравитационных полей пульсаров или нейтронных звезд, а также SETI@home, направленный на поиск внеземного разума посредством анализа радиосигналов из космоса. Большой интерес представляют проекты по моделированию климата Земли, в частности проект Climate Prediction, моделирующий изменение климата и предсказание его изменений на 50 лет вперед.

На сайтах этих проектов содержатся научно-популярные статьи, написанные на доступном языке, видеоматериалы по проекту и т.п., т.е. материалы, нацеленные на обеспечение коммуникации с неспециалистами. И это принципиально важно, так как обеспечение эффективной коммуникации с обществом – это не только одна из важных задач научного сообщества, но в данном случае фактор успешности научных проектов.

По сути дела, мы сталкиваемся с новым феноменом, новой сетевой формой взаимодействия науки, технологий и общества [1], требующей обсуждения не только технических проблем реализации данных проектов, но в гораздо большей степени – обсуждения социально-философских, коммуникативных, аксиологических, этических аспектов добровольных распределенных вычислений.

Действительно, на пути широкого применения добровольных распределенных вычислений существуют определенные проблемы, из-за которых люди сознательно отказываются от участия в проектах. Часто в качестве основной технической проблемы называется экономия электроэнергии. При работе с компьютером центральный процессор – основная логическая микросхема компьютера – находится в состоянии бесконечного цикла, выполняя либо полезную работу (задачи пользователя), либо бесполезную (пустые инструкции), но так или иначе процессор занят всегда. Поэтому в идеале добровольные вычисления можно рассматривать как замену «пустых» инструкций «полезными». Однако многие современные процессоры могут понижать свою производительность при отсутствии задач, что приводит к экономии электроэнергии. Расчеты показывают, что дополнительное потребление мощности при добровольных вычислениях может составить несколько десятков ватт, а в среднем – около 15, но едва ли это можно считать большой проблемой, ведь обычный компьютер потребляет более 200 ватт, а некоторые – до 500. Заметим,

что современные расчетные программы позволяют значительно уменьшить дополнительное потребление мощности.

Еще большая проблема распространения добровольных вычислений заключается в недостаточной информированности пользователей. О возможности сделать свой компьютер частью всемирного суперкомпьютера, внося вклад в развитие науки, сейчас известно лишь в достаточно узких кругах. При этом возможен отток пользователей, не успевших дождаться ярких научных результатов от выбранного проекта. Обычно неспециалисту ценность даже промежуточных результатов исследований оказывается непонятной. Постоянными волонтерами зачастую являются специалисты в области информационных технологий.

Ученым важно заинтересовать как можно больше людей исследовательской темой своего проекта, так как от количества пользователей напрямую зависит вычислительная мощность. Таким образом, возникает диалог ученых с неспециалистами (в данной области исследований): обсуждаются различные вопросы, связанные с проектом, и предлагаются новые идеи. В рамках одного исследовательского проекта создаются тематические сайты, чаты, форумы, участники объединяются в команды, создавая сторонние ресурсы узкой тематики, таблицы рейтингов и статистики о проделанной работе, периодически проводятся соревнования по количеству завершенных расчетов. Так образуется новое сообщество, имеющее свою структуру и систему ценностей, включающее ученых и энтузиастов, интересующихся темой исследований. При этом уровень информированности неспециалистов о сути и целях проекта существенно повышается: из «обывателя» он превращается в «хорошо информированного гражданина» (А. Шютц)¹. По сути, это механизм формирования коллективной информированной социальной ответственности ученых и общества.

Принципиальная новизна и важность данного феномена состоит в том, что *возникает новый тип взаимодействия ученых и неспециалистов, эффективный целевой диалог ученых и общества*. Ведь современная технаука, развивающаяся бурными темпами, уже давно стала слишком сложна для понимания обычными людьми, и необходимо искать новые формы просветительства и участия общества в развитии науки.

¹ Schutz A. The well-informed citizen: An essay on the social distribution of knowledge // Social research. – N.Y., 1946. – Vol. 13, N 4. – P. 463–478.

Вместе с тем развитие данного типа добровольной помощи научно-техническим исследованиям сталкивается с рядом философских, социально-психологических, этических проблем. Так, результаты исследований должны быть доступно описаны для пользователей на сайтах и форумах того или иного проекта, ученым следует критично относиться к собственным идеям, прислушиваться к мнению пользователей. Заслуги в научных достижениях должны разделяться между учеными и пользователями, поскольку идет совместная работа над решением задач проектов. Необходимо создавать и поддерживать атмосферу равноправного диалога между учеными и неспециалистами. Ведь участники проектов распределенных вычислений вносят свой вклад в исследования зачастую безвозмездно, осознавая, что косвенно они приносят пользу другим людям.

В настоящее время любой человек независимо от образования может принять участие в работе ученых по интересующей его проблеме. Но по самым различным причинам многие люди сознательно отказываются от участия в проектах распределенных вычислений. Среди причин отказа называются: нежелание разбираться в чем-то новом (в данном случае – в установке новой программы); неуверенность в том, что проект может получить результат; те или иные опасения или недоверие. Часто людям непонятно, зачем тратить время на то, что может не дать результат. Некоторые пользователи опасаются того, что вычислительные мощности проектов распределенных вычислений могут быть направлены во вред или что кто-то посторонний может получить доступ к персональным данным пользователя. Нередко эти опасения связаны с недостаточным пониманием принципов функционирования проектов распределенных вычислений. Однако проекты добровольных вычислений уже способствовали получению ценных научных результатов – например, было предсказано появление астероида над Суданом, смоделирован первый искусственный белок Тор 7, открыт пульсар с частотой 40,8 Гц на расстоянии 17 тыс. световых лет, компьютеры участников распределенных вычислений симулировали работу в общей сложности 700 млрд. нейронов¹. Есть и другие результаты. Польза проектов постепенно возрастает, что приводит к увеличению количества их участников.

¹ Predicted bolide in Northern Sudan. – Mode of access: <http://orbit.psi.edu/?q=node%2F21>; Ализар А. Создан первый в мире искусственный белок. – Режим доступа: <http://www.cnews.ru/reviews/index.shtml?2004/02/06/154773>;

Учитывая огромный вычислительный потенциал, кроющийся в домашних компьютерах, целесообразно было бы поддержать развитие добровольных вычислений на уровне государственных программ, например в форме субсидий для организаций, подключивших свои компьютеры к исследовательским проектам. Знакомство с добровольными вычислениями и подробное рассмотрение принципов функционирования проектов может быть включено в курс информационных технологий образовательных учреждений, что позволит составить более полное представление о стоящих перед наукой проблемах и будет способствовать всестороннему развитию личности. Интересной перспективой является подключение к проектам добровольных вычислений компьютеров образовательных учреждений, в частности школ. Поскольку многие расчетные программы показывают в деталях моделируемые или рассчитываемые ими объекты – трехмерные формы белков, созвездия, вид атмосферы Земли из космоса, дискретное преобразование Фурье и т.д., – такие программы могут использоваться в качестве демонстративных материалов на учебных занятиях.

Заметим, что добровольные распределенные вычисления имеют общие черты с набирающей популярность технологией «облачных вычислений». Обе эти технологии предоставляют некоторые услуги через Интернет. Однако на практике их следует различать. Облачные вычисления – это спектр услуг в сфере информационных технологий, предоставляемых удаленно. Различные программные и платформенные средства размещаются в специализированных вычислительных центрах и сдаются в аренду через Интернет. В сферу услуг облачных вычислений входят удаленное хранение данных, базы данных, ведение финансовой документации, вычисления и т.д. И хотя облачные вычисления только начинают развиваться, уже наметились серьезные проблемы с прозрачностью функционирования провайдеров. В частности, пользователю не гарантируется то, что его данные будут удалены после прекращения услуг; от пользователя скрыты детали серверного программного обеспечения, он не может сам гарантировать сохранность информации. Сохранность и конфиденциальность данных – один из основных критериев, предъявляемых к провай-

Pulsar discovery by global volunteer computing / Knispel B., Allen B., Cordes J.M., Deneva J.S., Anderson D., Aulbert C., Bhat N.D.R. et al. // Science. – Wash., 2010. – Vol. 329, N 5997. – P. 1305; A.I.S.: Взята планка в 700 миллиардов нейронов. – Режим доступа: <http://v1.distributed.ru/?main&newsday=23-Apr-2009>

дерам облачных сервисов. С другой стороны, добровольные распределенные вычисления используются в открытых научных проектах и используют удаленно лишь вычислительный ресурс компьютеров. Более того, данные численных экспериментов распределены по большому количеству независимых компьютеров, что делает их сбор весьма трудоемкой задачей, даже если бы она имела практический смысл. Добровольные распределенные вычисления не являются коммерческим ресурсом. Поэтому можно предположить, что, имея похожую техническую базу, добровольные распределенные вычисления и облачные вычисления в ближайшем времени будут развиваться независимо.

Добровольные распределенные вычисления представляют собой новое направление в киберкультуре, когда люди осознают, что они могут помочь в решении многих научных проблем, в частности медицинских. При этом изменяется понимание человеком своей роли в обществе, повышается социальная ответственность граждан. Когда личный компьютер становится частью всеобщей исследовательской машины, человек так или иначе сознает себя не пассивной частью общества, а его активной единицей, определяющей развитие науки. Поэтому можно ожидать дальнейшего развития сообщества пользователей добровольных вычислений и формирование присущей этому сообществу системы ценностей, многие проявления которой видны уже сейчас. Также в новой системе меняется и роль компьютера. Вместо персональной рабочей станции или центра развлечений он становится частью всемирной сети, так или иначе решающей проблемы качества жизни людей.

Вместе с тем существует проблема философской и социальной экспертизы научных проектов, привлекающих потенциал добровольных распределенных вычислений. Многие пользователи хотят принять участие в проектах, которые решают практические проблемы и могли бы принести пользу человечеству в обозримом будущем, но не всегда могут осознанно принять решение о том, к какому проекту присоединиться, так как количество различных проектов добровольных вычислений уже превышает несколько сотен. В связи с этим возникает вопрос о различных аспектах ценности того или иного направления научных исследований (социальная ценность и т.д.). Существует потребность в квалифицированной, многоаспектной философской экспертизе данного типа научно-технических проектов, которая могла бы стать ориентиром для добровольных помощников науки.

В будущем можно ожидать дальнейшего увеличения количества различных проектов распределенных вычислений и унификацию программных платформ для их организации. Так как это направление только зарождается, неизбежны некоторые технические, социальные, этические и др. проблемы, но если приложить усилия для их решения, то наука может получить непревзойденный по производительности вычислительный кластер и ощутимо продвинуться вперед.

Список литературы

1. Новые формы взаимодействия технонауки и общества / Никитина Е.А., Строганов А.В., Рыкова Г.М., Елифанова Г.С. // Вестник Российского философского общества. – М., 2011. – № 2. – С. 131–135.
2. Рейтинг пятисот самых мощных общественно известных компьютерных систем мира. – Режим доступа: <http://www.top500.org/>

М.В. Демин

**ФОРМИРОВАНИЕ ВИРТУАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА
В КОРПОРАЦИИ ПРИ СОЗДАНИИ СИСТЕМ
УПРАВЛЕНИЯ ЗНАНИЕМ**

В настоящее время вопросы создания и обеспечения нормального функционирования единого информационного пространства, а также управления знаниями и инновациями в крупных бизнес-организациях стоят очень остро. В силу соображений конкурентоспособности все участники рынка вынуждены искать способы их решения. Большинство компаний, стремящихся к прогрессивной организации работы, как правило, уже не применяют веб-платформы, основанные на технологиях Web 1.0. Однако полностью переход на новый качественный уровень – к Web 2.0 – пока не осуществлен. Различные компании работают в этом направлении с разной степенью успешности.

В современной литературе вопросы, связанные с созданием систем управления знаниями, освещены достаточно широко. Первые попытки изучить «обучающиеся организации» и способы их создания были предприняты в Японии и США в 1980–1990-х годах [7; 5; 1]; позднее такого рода исследования появились и европейских странах, включая Россию [8; 9].

Необходимо определить, что именно мы понимаем под корпоративной системой управления знаниями, при помощи которой обеспечивается создание и функционирование единого информационного пространства внутри организации. Согласно работам российских специалистов [например: 2; 3] система управления знаниями (СУЗ) представляет собой набор повторяемых на регулярной основе управленческих процедур, призванных повысить эффективность сбора, хранения, распространения и использования

ценной информации с точки зрения компании. В составе таких систем выделяют три основных компонента:

- человеческий (участники, сотрудники фирмы);
- технологический (инструменты, в частности, Web 2.0);
- организационный (элементы управления, процедуры, порядки взаимодействия) [4].

Рассмотрим основные подходы к решению проблемы создания СУЗ, использованные в ряде известных компаний. Прежде всего, необходимо выяснить, какие технологические инструменты, насколько эффективно и для решения каких задач при этом используются, а также в чем состоят плюсы и минусы того или иного подхода.

Опираясь на учет современных тенденций на рынке услуг по созданию системы управления знаниями и потребностей бизнес-организаций, можно выделить следующие основные направления деятельности по управлению знаниями:

1) увеличение синергетического эффекта совместной деятельности сотрудников, в том числе разбросанных географически; создание командного духа и благоприятных условий для работы в коллективе;

2) повышение уровня информированности сотрудников; создание единой «базы знаний»; организация простого, быстрого и полного доступа ко всей информации, имеющейся в компании;

3) свободное перемещение знаний, как внутри организации (между отделами или филиалами), так и вне ее (сотрудничество с внешними организациями, в том числе вузами, НИИ и пр.);

4) максимально эффективное и полное использование интеллектуального капитала сотрудников, создание больших возможностей для кросс-функционального функционирования;

5) разработка скрытых, неявных знаний, их развитие, формализация, хранение и передача;

6) генерация новых знаний, создание эффективной системы по управлению инновациями (создание спроса, отбор идей, мотивация и пр.);

7) общее улучшение качества используемых знаний в организации (за счет общественной экспертизы, совместного изучения и т.д.).

При создании полноценной платформы по управлению знаниями в компании руководство, как правило, преследует целый ряд целей. Идеальной является система, решающая все поставленные задачи с минимальными ресурсными и финансовыми затратами.

К современным технологическим средствам Web 2.0, взятым на вооружение многими компаниями на рынке, можно отнести:

1) Вики (wiki) – веб-сайт, структуру и содержание которого пользователи могут самостоятельно изменять с помощью инструментов, предоставляемых самим сайтом. Форматирование текста и вставка различных объектов в текст производятся с использованием вики-разметки.

2) Блоги – веб-сайты, основное содержание которых составляют регулярно добавляемые записи (посты) текстового характера, изображения или мультимедиа. Блоги обычно ведутся представителями высшего менеджмента компании, но иногда их могут поддерживать и другие сотрудники. Большое значение имеет возможность комментирования и оценивания блогов.

3) Социальная сеть – структура, позволяющая всем сотрудникам иметь собственный профиль (страницу) с информацией о себе, своих личных и профессиональных интересах и позициях. Такие сети включают инструменты для формирования сети контактов (функция добавления «в друзья»), рейтинги, комментарии на записи друг друга и личные сообщения.

4) Подкастинг – процесс создания и распространения звуковых или видеофайлов (подкастов) в стиле радио- и телепередач. Подкасты позволяют передавать важную часть бизнес-информации, которая не переводима в текстовый формат. Они могут быть размещены как на отдельных сайтах, так и внутри блогов или на странице в социальной сети.

5) Тегирование – использование ключевых слов для упрощенного поиска среди больших объемов информации.

6) RSS-семейство XML – форматов, предназначенных для описания лент новостей, анонсов статей, изменений в блогах и т.п. Использование этих форматов облегчает работу в информационном пространстве и процесс отслеживания интересующих изменений.

В рамках данной статьи не будут рассматриваться такие известные и популярные средства, как электронная почта, интранет, внутренний сайт компании с новостями, мгновенные сообщения, уже давно и успешно используемые в бизнесе. Основное внимание будет сосредоточено на трудностях, которые возникают в связи с появлением нового инструментария из арсенала Web 2.0. В этих целях необходимо проанализировать опыт некоторых компаний-первопроходцев, которые делают шаги на-

встречу новому, пробуя, используя и тестируя различные технологические средства.

Например, в корпорации IBM, одном из крупнейших в мире производителей и поставщиков аппаратного и программного обеспечения, вопрос межличностного общения сотрудников на профессиональные и личные темы с целью укрепления командного духа и повышения продуктивности деятельности решен с помощью использования аналога социальной сети, называемой «Корпоративные голубые страницы».

Интерфейс основной страницы, представляющий собой профиль сотрудника, содержащий основную информацию о нем (имя, должность и контактная информация, а также профессиональный и личный бекграунд) спроектирован максимально удобно. Здесь же представлена информация о «друзьях» – сети профессиональных контактов и сообществах, в которых состоит участник. Необходимый элемент личного присутствия добавляет персональный статус и доска сообщений.

Важной особенностью этой страницы является возможность «тегирования» – пометки самых главных слов и понятий, отражающих поле профессиональной деятельности, область научных, профессиональных или личных интересов.

Важную роль играют теги: во-первых, они облегчают поиск и навигацию в базе; во-вторых, в условиях дефицита времени у любого участника, случайно натолкнувшегося на страницу сотрудника, есть возможность быстро оценить области, в которых их интересы могут пересекаться, или, наоборот, убедиться в отсутствии общих интересов.

Одним из основных инструментов для организации непосредственного общения участников, обмена опытом, информацией или мнениями между ними в сети «Корпоративные голубые страницы» являются профессиональные сообщества.

Внутри каждого такого сообщества на форуме происходит обсуждение различных тем.

Применяются и такие инструменты, как персональные блоги с возможностью комментирования, Wiki-ресурсы знаний с возможностью добавления статей любым членом компании. Широко используется также «корпоративная библиотека» – собрание файлов с возможностью общего доступа и обновления контента. Такая библиотека служит основным ресурсом явных, задокументированных, формализованных знаний, уже полностью готовых к потреблению пользователями. Наиболее трудная и важная задача при

этом состоит в обеспечении удобного доступа и оптимальных инструментов для поиска и навигации в такой базе. Категоризация, четкая иерархия, отслеживание обновлений – все это должно быть налажено, что требует немало труда от администратора – модератора соответствующей базы. Стоит отметить, что в компании IBM организован даже видео-портал для обмена файлами (подобие YouTube).

В целом для системы организации информационного пространства в компании IBM характерна высокая развитость корпоративной социальной сети, которая дополнена удобным и привлекательным для пользователей интерфейсом, что обеспечивает повышение лояльности сотрудников и побуждает их активно принимать в ней участие. Таким образом, одна из основных проблем создания единой информационной платформы – малая вовлеченность сотрудников в обмен знаниями и информацией – находит свое практическое решение.

Однако есть и обратная сторона медали, которая состоит в том, что, стремясь максимально реализовать преимущества существующих социальных сетей, создатели корпоративной сети компании IBM слишком увлеклись подражанием, сместив акценты с профессиональной составляющей на развлекательную. Нельзя забывать, что целью создаваемого внутри компании информационного пространства является прежде всего налаживание бизнес- и управленческих процессов и решение актуальных трудовых задач. В то же время неограниченная возможность обмениваться файлами, видео, писать сообщения и обновлять статусы, вести и обсуждать блоги – все это может привести к неэффективному использованию рабочего времени и, как следствие, падению производительности труда. Кроме того, такая система мало нацелена на генерацию новых знаний.

Другим заслуживающим внимания примером может служить построение системы управления знаниями в крупной российской компании OZON.ru – известном онлайн-мегамаркете. В этой системе можно выделить два основных направления деятельности: развитие и разработка неявных знаний, а также формализация и подготовка к использованию уже имеющихся явных знаний.

Явные знания (лучшие практики) – то, что делалось, применялось, принесло результат, и, следовательно, может быть успешно использовано для решения аналогичных задач. Важными этапами становления этих знаний – общедоступными и привле-

кательными для пользователей – являются этапы связывания и интернализации.

Первый этап – **связывание** – предполагает участие руководства и общественности в одобрении обеспечения сотрудников информацией об имеющемся интеллектуальном капитале (публикациях, коммуникации), а также налаживание обучения использованию этого капитала и получение необходимых для этого навыков.

Под **интернализацией** имеется в виду создание базы знаний, осмысленных и дополненных на основе имеющихся внутренних кросс-функциональных практик, а также адаптированных внешних данных, касающихся этого вопроса (по всей видимости, для этих целей хорошо подходит ресурс Wiki).

В свою очередь, процесс развития неявных знаний состоит из таких этапов, как **социализация** и **экстернализация**. Первый из них предполагает широкое участие общественности в развитии и поддержании новых идей, проведение и обсуждение экспериментов, сбор и анализ данных о результатах (здесь могут быть использованы блоги, форумы, подкасты). Ко второму этапу относятся пробные запуски, пилотные проекты и обсуждение результатов, нацеленных на улучшение и доработку.

Предложенная схема демонстрирует, что в основе созданной в OZON.ru СУЗ лежит контент (знания, информация, практики), а не люди, которые ими обладают или их создали, что отличает ее от системы управления знаниями в IBM. Поэтому для ее реализации вовсе не обязательно (и даже не нужно) использовать подобие социальной сети. Достаточно ограничиться Wiki-ресурсом с хорошей модерацией, что создает широкие возможности для обсуждения по тематикам (форумы), и базой знаний с открытым доступом.

Еще один вариант архитектуры системы управления знаниями создан компанией «Форматта», реализующей такие проекты по заказу других компаний:

В целом он имеет много общего с предыдущими вариантами, однако появляются некоторые новые аспекты, о которых нельзя не сказать. Во-первых, это акцент на генерации новых знаний (идей) сотрудниками, поскольку, что касается молодых сотрудников, важен не столько их опыт, сколько потенциал к дальнейшему развитию, креативное и прогрессивное мышление, идеи и желание изменить мир вокруг себя в лучшую сторону.

Потенциал молодых сотрудников должен быть поддержан с целью дальнейшего развития процессов генерации новых знаний. Как мы видим, компания «Форматта» уделяет этому направлению особое внимание, чем выгодно отличается от рассмотренных ранее компаний. Наряду с этим в данной компании в отличие от рассмотренных выше корпораций большое внимание уделяется формированию спроса на знания, что может быть реализовано в виде базы электронных (или бумажных) заявок, посредством создания специальных разделов на форуме (например «нужен совет», «есть проблема, нет решения» и т.п.), тегирования. Еще одним важным направлением повышения эффективности СУЗ в данной корпорации является организация правильного взаимодействия с внешними агентами: НКО, вузами, НИИ, чьи представители могут быть в нее интегрированы с соответствующими правами доступа.

К достоинствам СУЗ, созданной в компании «Форматта», можно отнести прежде всего ее простоту и ясность. Чрезвычайно интересным является распределение ролей в системе управления знаниями, что реализовано посредством грамотной организации уровней доступа и выдачи прав пользователям. В результате происходит чет-

кое разграничение обязанностей различных агентов сети и обеспечение более продуктивного функционирования системы.

К таким агентам относятся:

– **поставщики знаний**: все сотрудники компании, от рабочих до топ-менеджеров;

– **менеджер проекта**: управляет средой (которую составляют в первую очередь ИТ-система, PR-программа, система мотивации), стимулирующей генерацию, сохранение и распространение знаний в компании;

– **модераторы**: отсеивают спам, оперативно управляют локальными сообществами сотрудников;

– **эксперты**: дают содержательную оценку идей и решений, фокусируют усилия сотрудников на наиболее актуальных для компании темах;

– **менеджмент**: принимает решение о реализации лучших идей, обеспечивает поддержку сверху.

Следует отметить, что разные компании решают различные проблемы при создании единой информационной среды (в зависимости от своих бизнес-задач), используя при этом всевозможные технические инструменты из числа рассматриваемых в данной статье или их комбинации. Ниже будет предпринята попытка формализовать одну из рассмотренных систем и построить описывающую ее математическую модель.

В первой части статьи были даны основные определения и предложена классификация СУЗ по двум признакам: решаемым задачам и используемым техническим инструментам. В соответствии с этой классификацией рассмотрены некоторые примеры уже существующих систем в различных организациях (международной и российской), а также общие принципы построения СУЗ, применяемые на рынке. В обзоре этих систем особое внимание уделялось соответствию предлагаемой классификации, оценке функционирования СУЗ и способам ее улучшения. Ниже будет предложена общая упрощенная математическая схема действия СУЗ и функционирования единого информационного пространства в организации.

Согласно предлагаемой модели участниками системы являются вовлеченные сотрудники (n). В общем случае, их количество меньше количества всех сотрудников организации ($n < N$). Количество вовлеченных сотрудников напрямую влияет на продуктивность работы всей системы (основополагающий принцип Web 2.0), поэтому компания заинтересована в увеличении n . В первую очередь это задача **менеджера проекта**.

Каждый участник использует один или более из инструментов, перечисленных в списке, данном в начале статьи. В зависимости от организации работы, использование каждого такого технического средства требует соблюдения определенного уровня качества, что, в свою очередь, влияет на эффективность работы этого инструмента с точки зрения выполнения поставленных задач.

Важно отметить значение взаимодействия между инструментами, когда эффективная работа одного из них влияет на качество другого. Например, использование RSS для внутренних блогов и Wiki, тегов в социальных сетях и подкастах, подкастов и блогов в социальных сетях улучшает функциональность использования того или иного инструмента за «чужой счет», не развивая напрямую саму улучшаемую технологию. Иногда такая интеграция требует гораздо меньше затрат, что будет показано позже.

Все перечисленные выше инструменты влияют на качество решения тех или иных задач, причем это влияние зависит как от качества развития самого инструмента, так и от специфики конкретных инструмента и задачи. Далее будет предложен метод количественной оценки этого влияния.

Рис. 1 схематично отображает эту трехуровневую систему. Стрелки на первом уровне означают участие агентов в «жизни» того или иного инструмента как его активных пользователей. На втором уровне с их помощью обозначено взаимодействие инструментов между собой, а на третьем – их влияние на решение поставленных задач.

Теперь введем численные характеристики вершин и ребер, используя некоторые упрощающие предположения и конкретную специфику нашей модели (рис. 2). При этом нет необходимости рассматривать всех участников системы (порой их количество достигает нескольких тысяч); достаточно ввести корневую вершину графа – «обобщенного пользователя» с характеристикой n . Из этой вершины есть ребра ко всем l (в данном случае 6) вершинам второго слоя – инструментам. Каждое ребро имеет две характеристики ki и qi , которые отображают количество использующих этот

инструмент агентов ($\sum_{i=1}^l k_i \geq n$, в общем случае) и качество развития этого инструмента в данной рассматриваемой организации соответственно. О методах количественной оценки qi разговор пойдет чуть позднее.

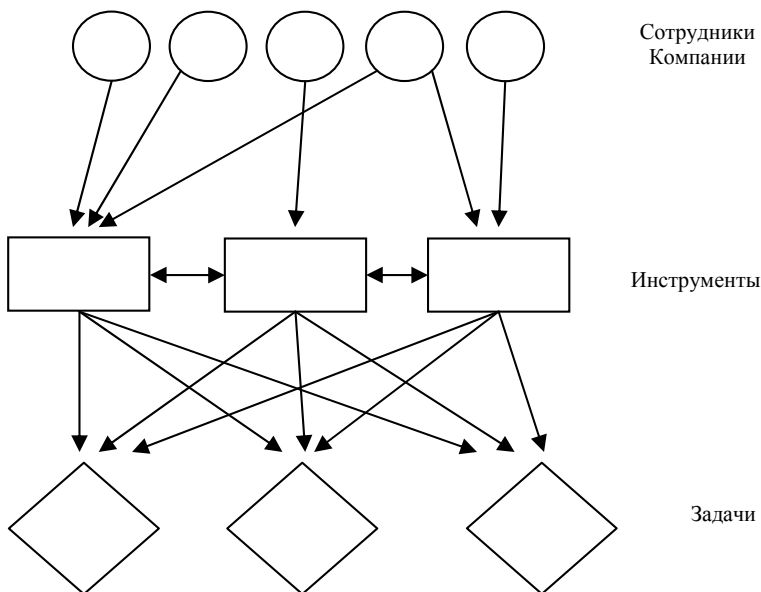

Рис. 1

Взаимодействие между различными инструментами предлагается рассмотреть, введя квадратную матрицу порядка $l \| i_{ij} \|$ влияния i -го элемента на j -ый. Пусть все ее элементы принимают дробные значения от 0 до 1, отражающие степень использования одного инструмента для развития другого, где, очевидно, 1 – полная интеграция одного инструмента в другой, 0 – отсутствие любого влияния. Ясно, что диагональные элементы – нулевые. Конкретные значения можно определить, пользуясь какой-либо нормированной шкалой, например:

0,3 – незначительное присутствие элементов одного инструмента в другом;

0,6 – важная, заметно улучшающая составляющая;

0,9 – необходимый для нормального функционирования элемент.

Шкалу можно уточнять, расширять и дополнять в каждом конкретном случае. Следует отметить, что величины i_{ij} (не диагональные) являются характеристикой конкретной системы. Причем они подлежат изменению (улучшению), требуя затрат

(например, человеко-часов). Эти параметры – одни из тех, по которым может проводиться максимизация целевой функции предприятия.

Для понимания того, что такое целевая функция предприятия, необходимо вспомнить классификацию наиболее распространенных задач, решаемых системой управления знаниями. В начале статьи были перечислены 7 основных пунктов. В общем случае, их может быть m .

Введем вектор важности $\bar{J} \in R^m$, где J_i – доля важности i -ой задачи для предприятия в его общей стратегии использования системы управления знаниями (определяется организацией, фиксируется). Понятно, что $\sum_{i=1}^l J_i = 1$. Целевая функция – скалярное произведение $\bar{J}^T \bar{Q}$, где \bar{Q} – вектор качества решения данной задачи инструментами Web 2.0 – будет введен ниже.

Напомним, что качество использования данного инструмента складывается из уровня развития самого инструмента и влияния на него других инструментов, т.е. можно ввести скорректированный вектор качества: $\tilde{q}_j = q_j + \sum_{i=1}^l i_{ij} \cdot q_j \forall i = \overline{1, l}$.

Обратимся теперь к количественной оценке qi . Предлагается также ввести нормировочную шкалу оценки качества имеющейся системы, возможно, в виде анкеты для всех участников (либо менеджеров проекта). Примерный граф процесса управления знаниями, в котором отражены все введенные характеристики и учтены все отмеченные аспекты, выглядит так:

Таким образом, вектор качества \bar{Q} конструируется следующим образом: $Q_j = \frac{k_j}{n} \cdot \sum_{i=1}^l a_{ji} \tilde{q}_i = \frac{k_j}{n} \cdot (AL\bar{q})_j, \forall j = \overline{1, m}$.

Ясно, что здесь качество напрямую зависит от всех вышеуказанных факторов, причем на вклад каждого инструмента также влияет и степень участия (заинтересованности) в нем сотрудников фирмы. Как было ранее отмечено, мы не рассматриваем задачу повышения вовлеченности в участие в системе управления знаниями или использования определенного инструмента – соответ-

ствующие данные берутся как статистические. Понятно, что даже при таком подходе увеличение числа участников влечет за собой увеличение целевой функции, что полностью согласуется с основополагающим принципом коллаборативных систем.

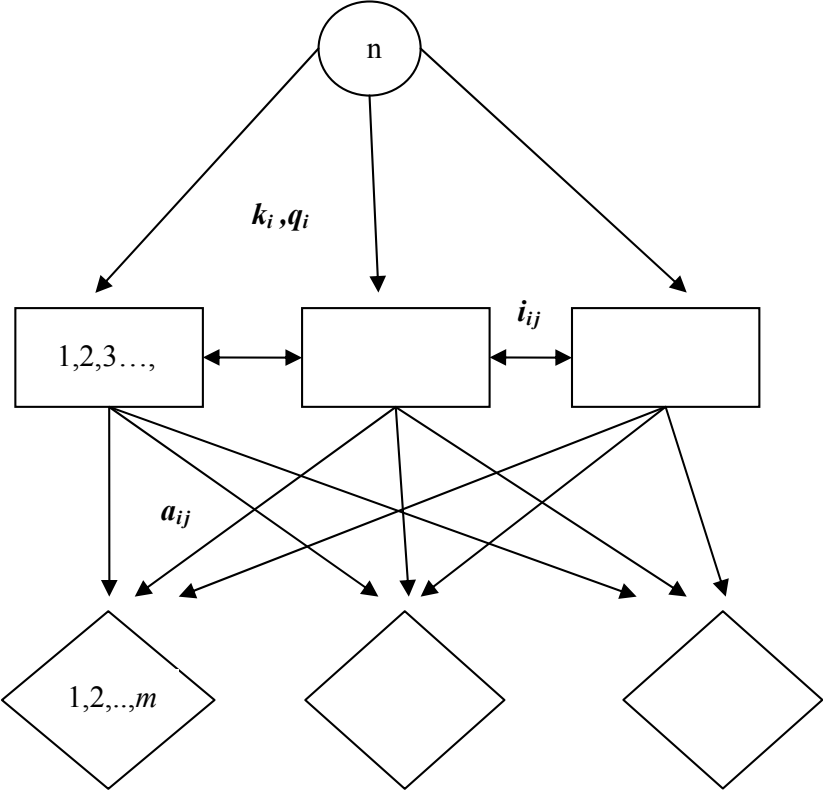

Рис. 2

Введенная выше целевая функция предприятия имеет следующий вид: $f = \bar{J}^T \bar{Q} = \sum_{j=1}^m J_j \cdot \frac{k_j}{n} \cdot (AL\bar{q})_j$, и подлежит максимизации по параметрам $i_{ij} (i \neq j)$, q_i , где $i, j = \overline{1, l}$. Всего, таким образом, l^2 параметров, а функционал является квадратичным относительно этих переменных. Необходимые ограничения в мак-

симизационной задаче возникают естественным образом, как ограничения бюджета на реализацию проекта по созданию СУЗ. В основном, затраты – это закупка необходимого программного обеспечения и оплата труда специалистов и менеджеров, поддерживающих и развивающих СУЗ.

Введем вектор затрат $\overline{p}_q \in R^l$, отражающий стоимость создания и поддержания развития технических инструментов Web 2.0 на определенном уровне. Также введем матрицу $C = \|c_{ij}\| \in R^{l \times l}$ затрат на поддержание связей между инструментами (в соответствии с матрицей L). Очевидно можно рассчитать, например, стоимость создания и поддержания связи на уровне 1 (полной возможной интеграции), а потом пропорционально уменьшать стоимость и определять на каком уровне можно обеспечить качество связи за эти средства. Таким вот, «обратным» образом можно вводить шкалу для i_{ij} .

Пусть есть бюджетное ограничение z (бюджет проекта). Тогда имеем оптимизационную задачу (I):

$$f = \overline{J}^T \overline{Q} = \sum_{k=1}^m J_k \cdot \frac{k_k}{n} \cdot (AL\overline{q})_k \rightarrow \max_{i_{ij}(i \neq j), q_j}$$

При ограничениях

$$q_i \leq 1, \forall i = \overline{1, l} \tag{1}$$

$$i_{ij} \leq 1, \forall i, j = \overline{1, l} \tag{2}$$

$$\sum_{i=1}^l \sum_{j=1}^l c_{ij} \cdot i_{ij} + \overline{p}_q^T \overline{q} \leq z \tag{3},$$

$$L = \|i_{ij}\|, \text{ где } i, j = \overline{1, l}, i_{ij} = 1 \text{ при } i = j$$

Решение такой квадратичной задачи на компакте всегда существует, стало быть оптимальное распределение затрат на использование технических инструментов также будет существовать. Для решения подобных задач применяются стандартные методы решения: аналитические (множителей Лагранжа и условий Каруша–Куна–Таккера) или итерационные численные.

Решение поставленной задачи является результатом анализа построенной математической модели и может служить основой

для выдачи рекомендаций по эффективному построению системы управления знаниями в организации для каждого конкретного предприятия.

Поскольку построенная математическая модель является упрощенной и не учитывает такую важную компоненту СУЗ, как человеческие ресурсы, в дальнейшем требуется ее развитие и усовершенствование, тем более что уже есть предпосылки создания определенных «надстроек» на поставленную оптимизационную задачу в виде распределения ролей сотрудников в процессе формирования и поддержания единого информационного пространства.

Список литературы

1. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе / Под ред. П.С. Гуревича. – М.: Прогресс, 1986. – С. 330–342.
2. Гапоненко А.Л., Орлова Т.М. Управление знаниями: Как превратить знания в капитал: Учеб. – М.: Эксмо, 2001. – 400 с.
3. Мариничева М.К. Управление знаниями на 100%: Путеводитель для практиков. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2008. – 316 с.
4. Мильнер Б.З. Управление знаниями: Эволюция и революция в организации. – М.: Гранд, 2003. – 176 с.
5. Нонака И., Такеучи Х. Компания – создатель знания: Зарождение и развитие инноваций в японских фирмах / Пер. с англ. – М.: Олимп-Бизнес, 2003. – 320 с.
6. Прусак Л., Давенпорт Т. Рабочее знание: Как организации управляют тем, что они знают / Пер. с англ. – М.: Олимп-Бизнес, 1998. – 560 с.
7. Сенге П. Пятая дисциплина: Искусство и практика самообучающейся организации / Пер. с англ. – М.: Олимп-Бизнес, 2011. – 448 с.
8. Тищенко В.И., Гиенко В.В. Анализ технологий создания информационных ресурсов в коммерческом секторе интернет-сообществ // Труды Института системного анализа РАН. – М.: УРСС, 2010. – Т. 55: Информатика сообществ: Системный анализ и инструменты / Под ред. В.И. Тищенко. – С. 208–218.
9. Шленов Ю.В., Кострыкин Д.С. Роль брокеров знаний в инновационной деятельности организаций // Инновации. – СПб., 2009. – № 10. – С. 112–117.
10. Teece D.J. Firm organization, industrial structure and technological innovation // J. of economic behavior a. organization. – Amsterdam, 1996. – Vol. 31, N 2. – P. 193–224.

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

В.И. Тищенко

Информатика сообществ: Противоречия становления

Рассматриваются противоречия в определении предметной области информатики сообществ как междисциплинарного направления исследования информационного общества. Анализируются технологические основы формирования различных видов сетевых сообществ. Сформулированы принципы выделения различных видов сообществ, формирующихся непосредственно в сети или на основе некоторых профессиональных объединений и структур.

Ключевые слова: информатика сообществ; виртуальные сетевые сообщества.

Д.С. Барина

Методологические аспекты исследования виртуального пространства Интернета

В работе изложен методологический аппарат новой цифровой географии Интернета (кибергеография Мэтью Зука). Рассматриваются вопросы использования методов картирования и визуализации виртуального пространства Интернета.

Ключевые слова: кибергеография; география Интернета; виртуальные сообщества.

Г.Б. Прончев, В.И. Муравьев
Эволюция WEB-технологий Интернета в контексте
перехода России к инновационному развитию

В работе с социологической точки зрения проанализированы история, текущее состояние и перспективы развития глобальной сети Интернет. Обсуждаются перспективы использования современных интернет-технологий при переходе России к инновационному развитию.

Ключевые слова: технологии Web 2.0; инновационное развитие; Россия.

Ю.Г. Мисников
Интернет-дискуссии в демократической теории и практике

Статья посвящена вопросам изучения интернет-дискуссий среди обычных граждан с точки зрения их значимости для развития демократических институтов. Рассматриваются различные методологические подходы к изучению таких дискурсов и оценки их качества с точки зрения диалогичности. На конкретном эмпирическом материале из российского Интернета раскрывается механизм изучения диалогической делиберативности публичных дискуссий с использованием теории этики дискурса Юргена Хабермаса. Утверждается, что в современную эпоху социальной фрагментации и нарастающих политических противоречий разговорный жанр интернет-дискуссий соответствует демократическим возможностям новой виртуальной публичной сферы, способствуя развитию публичного диалога, росту гражданской активности и укреплению социального доверия.

Ключевые слова: делиберативная демократия; интернет-дискуссии; диалогичность; Хабермас; теория этики дискурса; приязания на значимость; автомобилисты России.

В.Л. Римский
Коммуникация в социальных сетях
как рациональный ответ граждан на условия и ограничения
их гражданской и политической активности

Особенности интернет-коммуникации, определяемые современным социальным порядком, способствуют установлению в группах социальных сетей довольно высокого уровня взаимного

доверия и солидарности, которые могут быть использованы в политической деятельности. Но политики монополизировали сферу своей профессиональной деятельности и вытеснили из нее политические проекты участников социальных сетей. Продвижение к справедливому социальному порядку в нашей стране приостановилось на неопределенный период.

Ключевые слова: социальные сети; гражданская активность; солидарность.

В.И. Тищенко, А.М. Дружинин

Когнитивный анализ системы коммуникаций в виртуальных сообществах несистемной политической оппозиции

В целях исследования особенностей коммуникационных взаимодействий в виртуальных сообществах проведено когнитивное картирование некоторых существующих в настоящее время интернет-ресурсов, сформированных участниками несистемной политической оппозиции. Показано стремительное изменение представлений и ценностей участников этих сообществ. Картина основных понятий и идей, дискутируемых в этих виртуальных сообществах, характеризуется нелинейностью, слабой структурированностью, неустойчивостью стационарного состояния.

Ключевые слова: виртуальные сообщества; политические сетевые коммуникации.

О.Ч. Реут

Блогосферный дискурс легитимности в российском электоральном цикле 2011–2012 гг.

На основе концепта деполитизации анализируются причины и условия перетекания *политического* в интернет-пространство. Применительно к ситуации завершившегося электорального цикла с учетом мотивов *для* голосования и *при* голосовании обосновывается необходимость рассмотрения исключительно электоральной формы легитимности. Критически исследуются дискурсивные практики, сформировавшиеся в становящемся политически нейтральным российском сегменте блогосферы.

Ключевые слова: легитимность; блогосфера; Рунет.

А.В. Соколов, А.А. Дементьев
Киберактивизм: Проект «РосПил» как новая форма политической активности

В статье рассматриваются новые формы политической активности в киберпространстве на примере проекта Алексея Навального «РосПил». В статье выделяются причины создания проекта и принципы его работы. Приводятся результаты работы проекта «РосПил». Анализируется поддержка проекта обществом и освещение его работы в средствах массовой информации. Анализируются перспективы развития проекта «РосПил».

Ключевые слова: политическое участие; проект «РосПил»; Алексей Навальный; гражданская активность; Интернет.

Е.Л. Омельченко
Поведенческие практики и социально-сетевые предпочтения нового поколения российской молодежи в начале XXI века

В статье предложен анализ ключевых изменений в молодежных культурах и гражданских практиках современной России, произошедших за первое десятилетие XXI в. Рассмотрен ряд поведенческих интернет-практик и социально-сетевых предпочтений нового поколения российской молодежи.

Ключевые слова: молодежная культура; дискурсивные репрезентации молодежи; рецессия 2008 г.

А.М. Дружинин
Протестные сообщества в современном Рунете

В статье рассматривается проблематика современного социоинформационное пространство политического протеста. Показано, что с приходом в социальную реальность современных информационных технологий изменилась логика коллективных действий разрозненных индивидов. Эти процессы характеризуются широким применением манипулятивных коммуникаций как лицами, принимающими политические решения, так и отдельными носителями современного социального протеста. Для моделирования протестных сообществ применен метод когнитивного картирования.

Ключевые слова: движения политического протеста; манипулятивные информационные технологии; Рунет.

О.А. Усачева

Интернет как новая площадка гражданской самоорганизации

Интернет становится новой и необходимой площадкой для гражданской самоорганизации. В виртуальном пространстве формируются гражданские сети, способные при необходимости «трансформироваться» в реальные группы как для оказания экстренной помощи пострадавшим, посредством сбора и распределения адресной помощи, тушения пожаров, так и для оказания давления на органы власти посредством сбора подписей, организации массовых протестов и т.д.

Ключевые слова: гражданские сети; гражданская самоорганизация; добровольчество; информационно-коммуникационные технологии; лесные пожары; мобилизация; экологические некоммерческие организации; солидарность; экологическая катастрофа; Россия.

Е.Л. Виханская

«Черкесский» дискурс в Интернете: Поиски пути из прошлого в будущее (Аналитический обзор)

В обзоре по материалам интернет-ресурсов «черкесских» сайтов анализируется этносоциальная проблематика северокавказского региона. Рассматривается социальный состав участников обсуждений, соотношение их реальной и виртуальной деятельности, основные линии аргументации «черкесского дискурса».

Ключевые слова: черкесы; коренные народы Северного Кавказа; этнические диаспоры; этническая мобилизация; современные коммуникативные процессы.

Т.И. Жукова, В.И. Тищенко

Сетевые научные сообщества в Рунете: Типология и практика

На основе анализа обширного фактического материала выделена совокупность признаков, позволяющих описать многообразие форм сетевых научных интернет-сообществ и разработать их типологию. Предложенная методика применена в ходе анализа основных типов профессиональных научных сообществ в российском сетевом пространстве. Приведены примеры конкретных сетевых научных сообществ Рунета.

Ключевые слова: виртуальные сообщества; сетевые научные сообщества; Рунет.

В.И. Тищенко, Т.И. Жукова, Н.С. Смирнова
Исследование процессов коммуникации
в академическом научном сообществе

В статье представлены результаты разработки методики и проведения социологического исследования процессов формирования виртуальных сообществ в среде научных сотрудников ряда учреждений Российской академии наук. Проанализированы готовность членов научного сообщества вступать в компьютерно-опосредованные взаимоотношения с коллегами, работающими над общей научной проблемой, цели, мотивы и содержание этой совместной работы. Данные сплошного анкетирования были занесены в специально организованную базу данных, подвергнуты аналитической обработке, визуализации и интерпретации.

Ключевые слова: виртуальные сообщества; научные виртуальные сообщества; социологические исследования среди сотрудников РАН.

М.Е. Соколова
Мобильные ландшафты научно- сетевого Рунета:
Ближе к концу «конца света»

Термин «научно-сетевой Рунет», использованный в данной работе, дает возможность рассмотреть формирование быстро эволюционирующей научно-сетевой среды в Рунете, которая в настоящее время вступает в более тесное взаимодействие с реальной институциональной научной жизнью. Во второй части статьи говорится о роли российских научно-информационных центров в качестве медиаторов между сетевой и институциональной информационной средой науки.

Ключевые слова: научные социальные сети; национальные научно-информационные центры.

А.Л. Прочко
Принципы формирования научных интернет-сообществ

Рассматриваются принципы формирования научных интернет-сообществ с точки зрения наличия ссылок с научных сайтов на

сайты из смежных групп (деление производится согласно классификации Яндекс.Каталога). Описаны основные модели взаимодействия сайтов между собой, групп и подгрупп в целом. Рассматриваются вопросы о покрытии этих ссылок Яндекс.Каталогом и влияния тематики рубрики на тематику сайтов-акцепторов.

Ключевые слова: виртуальные сообщества; интернет-сообщества; Яндекс.Каталог.

А.В. Строганов, Г.С. Епифанова, Е.А. Никитина

В статье обсуждаются социально-философские, этические и технические проблемы добровольных распределенных вычислений как одной из новых сетевых форм взаимодействия науки, технологий и общества. Ставится вопрос о возникновении нового направления в киберкультуре, в котором меняется роль пользователя: вместо пассивного потребителя он становится активным информированным участником научных проектов. Рассматриваются перспективы добровольных вычислений.

Ключевые слова: добровольные распределенные вычисления; вычислительные кластеры.

М.В. Демин

Формирование виртуального сообщества в корпорации при создании систем управления знанием

Рассматриваются основные принципы построения единого информационного пространства в крупных (более 1000 сотрудников) компаниях с помощью создания системы управления знаниями (СУЗ) на основе сетевых инструментов Web 2.0. Во второй части статьи построена математическая модель, описывающая рассмотренные закономерности.

Ключевые слова: единое информационное пространство, система управления знаниями.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баринова Дарья Сергеевна – аспирант кафедры сравнительной политологии Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России.

Виханская Елена Леонидовна – студент Учебно-научного центра социальной антропологии Российского государственного гуманитарного университета.

Дементьев Андрей Александрович – студент Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

Демин Максим Викторович – студент Московского физико-технического Института, выпускник бакалавриата Института системного анализа РАН.

Дружинин Андрей Михайлович – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории «Информатика сообществ» Института системного анализа РАН.

Епифанова Галина Сергеевна – выпускница Государственного бюджетного образовательного учреждения (ГБОУ) Центр образования № 1434.

Жукова Татьяна Ивановна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории «Информатика сообществ» Института системного анализа РАН Российской академии наук.

Мисников Юрий Георгиевич – доктор философии (новые медиа и коммуникации, Университет г. Лидс, Великобритания), независимый эксперт, член наблюдательного совета Академии электронного управления (г. Таллинн, Эстония).

Муравьев Владислав Игоревич – аспирант социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Никитина Елена Александровна – доктор философских наук, доцент кафедры философии, социологии и политологии Мо-

сковского государственного технического университета радиотехники, электроники и автоматики.

Омельченко Елена Леонидовна – доктор социологических наук, директор Центра молодежных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург) и НИЦ «Регион» (Ульяновский государственный университет).

Прончев Геннадий Борисович – кандидат физико-математических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой информатики социальных процессов социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Прочко Алексей Львович – студент Московского физико-технического Института, выпускник бакалавриата Института системного анализа РАН.

Реут Олег Чеславович – кандидат технических наук, докторант, доцент кафедры истории стран Северной Европы Петрозаводского государственного университета (ПетрГУ).

Римский Владимир Львович – заведующий отделом социологии фонда ИНДЕМ.

Смирнова Наталья Сергеевна – инженер-исследователь лаборатории «Информатика сообществ» Института системного анализа РАН.

Соколов Александр Владимирович – кандидат политических наук, доцент кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

Соколова Марианна Евгеньевна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН.

Строганов Андрей Валентинович – ассистент кафедры высшей математики Московского государственного технического университета радиотехники, электроники и автоматики.

Тищенко Виктор Иванович – кандидат философских наук, заведующий лабораторией «Информатика сообществ» Института системного анализа РАН.

Усачева Ольга Александровна – младший научный сотрудник сектора социально-экологических исследований Института социологии РАН.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И ВИРТУАЛЬНЫЕ СЕТЕВЫЕ СООБЩЕСТВА

Сборник научных трудов

Оформление обложки И.А. Михеев
Компьютерная верстка Н.В. Афанасьева
Художественный редактор Т.П. Солдатова
Технический редактор Н.И. Романова
Корректор Т.Н. Анохина

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 12/ХІІ – 2012 г.
Формат 60х84/16 Бум. офсетная № 1.
Печать офсетная Свободная цена
Усл. печ. л.22,5 Уч.-изд. л. 18,5
Тираж 300 экз. Заказ № 214

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. / Факс: (499) 120-4514
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский проспект, д. 51/21
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9

